

Kum Xargen

TAC

Гас. Это история о Гасе. О том, как он потерял себя. И пытался найти вновь. Это история его исцеления. ... «но, честно признаться, я даже не знаю как жить дальше. Опти была не только моим лучшим другом; она была моей второй половинкой...половинкой разума, совести, чувства юмора, творческого «я», сердца. Как продолжать жить, когда твоя половинка навсегда ушла?»

Ким Холден «Гас»

Автор: Ким Холден

Серия: Оптимистка

Книга 2: Гас

Переводчик: Ирина Анатольевна

Редактор: Юлия Бубенко

Русификация обложек: Изабелла Мацевич

Оформление файла: Кристина Селиверстова и Изабелла Мацевич

Воскресенье, 22 января (Гас)

Каждый шаг дается все тяжелее. Я не понимаю, куда иду, но знаю одно: моя цель — больше алкоголя.

В тот момент, когда я сошел с кладбищенского газона на тротуар, то почувствовал, что боль потери сменилась злостью. Это продолжается уже несколько дней. Боль. Злость. Боль. Злость. Боль... Злость...

Не хочу больше ничего чувствовать. Я, черт возьми, устал от этого.

Последние дни пытаюсь упиться до смерти в убогом номере мотеля в сомнительном районе. Рядом находится вино-водочный магазин, в котором продается «Джек» и сигареты. Это все, что мне нужно.

Кстати говоря, у меня практически закончились сигареты. Сейчас я докуриваю последнюю. При мысли об этом слышу в голове ее голос, который произносит: «Ты должен бросить».

Я отвечаю: «Даже, черт возьми, не начинай, Опти»

Женщина, мимо которой я только что прошел, поспешила отойти подальше. Видимо, я сказал это вслух. Тру лицо, пытаюсь унять бред. Не помогает.

— Я должен поспать. — Да, я снова говорю сам собой. Нужно выпить.

На следующем повороте — бар. Выглядит мрачно и сомнительно — идеально.

Открываю дверь, и в нос ударяют запахи несвежего пива, пота и сигарет. Я дома. По крайней мере, на следующие несколько часов.

По пути к барной стойке замечаю, что около дюжины посетителей среднего возраста заинтересованно смотрят на меня. Вся атмосфера этого места кричит о том, что они постоянные клиенты. Здесь они ежедневно пропивают свои деньги на аренду и еду. Я тут

некстати. Оглядываю себя и понимаю, что моя одежда тоже никак не спасает положение. Расслабив узел, снимаю галстук и засовываю его в карман, а потом стаскиваю пиджак, расстегиваю несколько пуговиц на рубашке и сажусь на стул в конце стойки.

Бармен приветствует меня кивком головы и кладет салфетку, в то время как я закатываю рукава.

Достаю сигареты и делаю заказ.

— «Джек». Двойной. — Это привычка, пачка пуста. Я так и знал. — И «Кэмел».

Он показывает на торговый автомат в углу, а потом берет высокий стакан и бутылку виски. Я сползаю со стула и покупаю две пачки сигарет. Вернувшись к своему месту, обнаруживаю, что выпивка уже ждет меня.

Так же, как и женщина возраста моей мамы. Полагаю, она была привлекательной лет двадцать назад, но тяжелая жизнь и плохая компания изрядно помяли ее лицо. От нее пахнет дешевым парфюмом и еще более дешевым сексом. Беру свой стакан и собираюсь уйти, но она начинает говорить.

Я не хочу говорить.

— И что такой привлекательный мальчик делает в подобном месте?

Почему просто не спросить, не хочу ли я траха за полтинник или минета за двадцатку, и избавить меня от всей этой болтовни? Ничего не отвечаю и сажусь через три стула от нее.

Она передвигается на один ближе.

— Я чем-нибудь могу помочь тебе, милашка? — Ее руки трясутся, она ищет средства на следующую дозу. Я бы не стал дотрагиваться до нее даже десятифутовым кием, но какая-то часть меня хочет подкинуть ей денег, потому что я понимаю ее потребность уйти от реальности.

Мне жаль ее, но искреннего сочувствия у меня к ней нет. Обычно я не такой мудака, но сегодня все по-другому. Я поднимаю голову и смотрю ей в глаза.

— Ты можешь воскресить мертвеца? Мне бы это, черт возьми, очень помогло.

Уверен, ей еще никто такого не говорил. Она явно недоуменно хлопает глазами.

Я перевожу взгляд на стакан с янтарной жидкостью, который кручу в руке и сам отвечаю на вопрос:

— Не думаю.

Поднимаю его и опустошаю в два глотка. Потом ставлю вверх дном на барную стойку, жестом прошу бармена повторить и снова смотрю на нее.

— Оставь меня. — Это требование. Судя по натянутой улыбке, ей это говорили не один раз; вероятно, слишком часто для ее пристрастий.

Моя компания — одиночество. Мы отлично ладим, пока сидеть прямо становится невозможным. Не знаю, сколько времени прошло, но определенно недостаточно, чтобы залечить мое горе. После десяти или двенадцати двойных виски бармен отказывается обслуживать меня. Я хочу наорать на него и закатить самую настоящую гребаную истерику, но слишком устал для этого. Перед глазами все размыто и конечности шевелятся как-то беспорядочно. Каждое движение дается с трудом. Мне нужно поспать, поэтому я разрешаю парню вызвать такси.

Оно отвозит меня обратно в мотель. Медленно, неуклюже я поднимаюсь по лестнице. Не уверен, закрыл ли я за собой дверь перед тем, как упасть на кровать и зарыться лицом в грязное покрывало. От него воняет сыростью и плесенью: отвратительная мешанина

времени, грязи и бог знает чего еще. Комната начинает вращаться, затягивая меня в водоворот дурманящего облегчения. Не знаю, заснул ли я сам или тело просто отключилось, но в любом случае я рад этому.

Вторник, 24 января (Гас)

Вы когда-нибудь спали весь день? Засыпали, а проснувшись, обнаруживали, что прошли целые сутки, а вы не засвидетельствовали ни одной их минуты?

Это, черт возьми, прекрасно... целебно... болеутоляюще. У меня нет снов. Хотя, скорее всего, есть, просто я никогда их не помнил. И никогда не ценил этого дара так, как сегодня утром. Более двадцати часов небытия. Как я уже сказал... это прекрасно.

Помню, как мама Опти — Джанис, бывало несколько суток подряд пряталась в своей спальне и спала. Я всегда думал, что это так печально... столько упущенных возможностей. Теперь я ее понимаю. Последнее, чего я хочу — это встать с кровати, выйти из комнаты и встретиться с реальностью по другую сторону двери. Мне не стыдно признаться, что я прячусь. Я, *черт возьми*, прячусь.

Сходив в туалет, ищу пиджак и нахожу его бесцеремонно брошенным возле двери. Как же я ненавижу этот гребаный костюм. Ему меньше года, и я надевал его всего дважды — оба на похороны членов семьи Седжвик. Когда я его сниму, то сожгу.

Порывшись в карманах, достаю сигареты, зажигалку и телефон.

На секунду засомневавшись, бегло осматриваю комнату и прикуриваю.

Обычно я не пускаю дым в помещениях, но вся атмосфера деградации этого места просто умоляет об этом.

Включаю телефон. Я выключил его несколько дней назад, перед тем, как уйти из дома, потому что не хотел ни с кем разговаривать. Только узнал у мамы по поводу похорон через смс и на этом — все. Я чувствую раздражение еще до того, как вижу количество пропущенных звонков, сообщений и писем, потому что знаю, что их будет слишком много.

87 пропущенных звонков

72 смс

37 писем

— Чувак, — озлобленно, а может равнодушно или даже с отрицанием произношу я. Не могу решить, как именно, поэтому бросаю телефон на кровать и докуриваю сигарету, а потом другую... и еще одну. Пятнадцать минут вдыхания своей пагубной привычки. И ничего более... Я не могу перестать думать о ней. Ничего определенного, ничего, что бы я смог представить себе или вспомнить. Просто боль и пустота. Темнота. Света, *яркого света* больше нет. С каждой глубокой затяжкой я пытаюсь найти покой, чтобы рассеять эту темноту.

Но он так и не приходит.

Поэтому я снова беру в руки телефон и просматриваю пропущенные звонки: от мамы, группы: Франко, Робби и Джейми; нашего продюсера, МДИЖ (Мистера Долбаног Исполнителя Желаний, на самом деле он — Том, но ему нравится, когда я называю его МДИЖ) и тур-менеджера Гитлера (как вы понимаете, это не его настоящее имя, но оно ему подходит, такое же бесчувственное). Наше очередное турне пока отложено. В его мозгу гастроли и всемогущий доллар явно важнее того, что мы пытаемся пережить неизлечимую болезнь и смерть человеческого существа).

Единственного имени, которого я хочу видеть и на сознательном, и на бессознательном уровне, тут нет. И больше никогда не будет.

Вместо просмотра сообщений и писем, звоню маме. Она отвечает на втором гудке.

— Гас, милый, ты где? Ты в порядке?

Ненавижу, когда она переживает, и понимание того, что это вызвано моим бегством, только все усугубляет.

— Привет, Ма.

Она повторяет:

— Где ты? Твой пикап все еще возле церкви.

— Да, я знаю. Я был в мотеле. — В горле появляется ощущение сухости и какого-то зуда.

— Гас, ты должен вернуться домой. — Моя мама никогда не говорит мне, что делать. Намекнуть? Как же без этого! Но говорить, что делать? Это большая редкость.

Я молчу.

Она вздыхает.

— Милый, я знаю, это тяжело...

Я обрываю ее:

— *Тяжело?* Пожалуйста, скажи мне, что ты этого не говорила, Ма, потому что это "самое сдержанное высказывание века". — Мама хлопает носом, и я понимаю, что она начала плакать. Осознание своей причастности к этому, заставляет меня чувствовать себя полным дерьмом. — Мне жаль, Ма.

— Я знаю. — Боль, которая скрывается за этими двумя словами, напоминает мне о том, что это наше общее горе. Она тоже по ней скучает.

Накидываю пиджак, беру зажигалку, сигареты и запихиваю их в карман.

— Буду дома через полчаса. Люблю тебя.

— Люблю...

Я заканчиваю звонок, не дождавшись конца фразы.

К тому моменту, как я расплачиваюсь по счету в отеле, ловлю такси до церкви, чтобы забрать свой пикап, и приезжаю домой, проходит час. Время ланча.

Открыв входную дверь, улавливаю запах чеснока и карамелизированного лука.

Вегетарианские тако. Желудок сразу же начинает урчать. Я даже и не вспомню, когда ел последний раз.

Проходя мимо кухни, целую Ма в лоб.

— Мне нужно избавиться от этого костюма. Я скоро буду.

Вернувшись, мы молча сидим и едим. Ма очень похожа на Опти. А может, это Опти была очень похожа на Ма. Они обе понимали силу молчания. Некоторые люди угрожают этим или пытаются избежать, заполняя никому ненужным трепом.

Молчание — не враг. Оно дарует покой и ясность сознания. Оно напоминает о важности настоящего. К сожалению, это уже не имеет такого значения, как неделю назад.

Восемь тако и — желудок начинает просить пощады.

— Спасибо за тако по вторникам, Ма.

Она улыбается, но улыбка не затрагивает ее глаз.

— Не за что. — Ма выглядит уставшей. — Кстати, Франко каждый день заходит проведать тебя.

Это ее способ попросить меня позвонить ему.

— Да, я с ним свяжусь сразу же, как приму душ.

После двух телефонных разговоров (с Франко и гребаным Гитлером), я готов выбросить телефон из окна в океан, заползти в кровать, натянуть на голову одеяло и забыть обо всем. В четверг утром мы отправляемся в Европу.

Гитлер ждет не дождется, когда мы туда прибудем. Знаю, я неблагодарный и эгоистичный чувак, потому что не хочу ехать на гастроли, но, честно признаться, я даже не знаю, как жить дальше. Опти была не только моим лучшим другом; она была моей второй половинкой... половинкой разума, совести, чувства юмора, творческого «я», сердца. Как продолжать жить, когда половинка тебя навсегда ушла?

Среда, 25 января (Гас)

Сегодня мой день рождения. Мне исполняется двадцать два. Чувствую себя на все гребаные восемьдесят два.

Ма приготовила кексы. Двадцать два шоколадных кекса. Один из них со свечкой. Только со второй попытки мне удастся ее задуть.

Полагаю, мое желание не исполнится.

Но я это знал.

Это первый день рождения, который мне хотелось пропустить. Я мечтаю повернуть время вспять, в прошлый день рождения. На нем были и Опти, и Грейси. И я не имею в виду метафорически. Они присутствовали физически, в этой комнате, с нами. Веселились, смеялись и ели кексы, пока им не стало тошно.

Я улыбаюсь, думая о них, но внутри все сжимается.

Не хочу есть кексы без них.

Никаких больше дней рождения.

Никаких напоминаний.

Я, черт возьми, ненавижу напоминания.

Четверг, 26 января (Гас)

Знаю, я взял недостаточно вещей, но уже слишком поздно. В кухне в ожидании меня разговаривают мама и Франко. Звукозаписывающий лейбл прислал машину, чтобы отвезти нас в аэропорт. Самолет вылетает в Германию через два часа. Я хватаю еще несколько боксеров и носков и бросаю в сумку, где их уже ждут две пары джинсов, три футболки, дезодорант, зубная паста, щетка, ноутбук, кошелек, паспорт и телефон.

Перекидываю лямку через плечо и проверяю карманы на предмет наличия сигарет и зажигалки. Не могу выйти из спальни, не взглянув на ноутбук Опти, который вот уже больше недели стоит на комодe нетронутым. Она оставила его мне. В нем хранится вся музыка, которую она написала. Я чувствую себя польщенным, потому что именно мне выпала такая честь. Разум кричит вернуться и взять его, но сердце берет над ним верх и приказывает мне оставить ноутбук здесь, вместе с CD диском на нем. Она знала, что умирает. А я знаю, что это прощальное послание и пока, черт возьми, не готов его прослушать. Выключаю свет и спускаюсь на звук голоса Франко.

Он поднимает голову, как только замечает меня краем глаза.

— Как дела, головка от х...?

Я качаю головой.

— Не очень, мужгина[1].

Ма даже не моргнула. Мы с Франко всегда так разговариваем друг с другом. Это своего рода прозвища. Франко теперь единственный человек в моей жизни, который может сказать мне все, как есть. Не приукрашивая, прямо и честно. За это я его и люблю. К тому же, за фасадом крепкого парня с лысой головой и татуировками, скрывается мягкий человек и невероятно верный друг.

Он показывает на сумку.

— Это все, что ты с собой берешь, мужик? Мы уезжаем на два месяца.

Я пожимаю плечами.

— Еще мои гитары. Если будет нужно, я куплю все по дороге. Пошли уже, чувак.

Франко кивает, и я благодарен ему за то, что он не стал проводить сеанс психоанализа.

Он обнимает Ма.

— Спасибо за завтрак, миссис Х. — В руке Франко держит два больших маффина с черникой, завернутые в бумажное полотенце.

Мама в ответ тоже крепко обнимает его.

— Не за что. Повеселитесь там, Франко.

— Будет сделано.

Мне хочется разрыдаться, когда она прижимает меня к себе. В последний раз я так плакал, когда мне было восемь, и я сломал лодыжку. Но я сдерживаюсь. Мы сжимаем друг друга в объятиях немного дольше, чем обычно, не в силах их разжать.

— Не забудь каждый вечер проверять систему безопасности, пока меня не будет дома, — говорю я ей.

Уголки ее губ немного приподнимаются. Знаю, она пытается храбриться передо мной.

— Я всегда проверяю. Не волнуйся за меня. Езжай и посмотри мир, Гас. Я так горжусь тобой.

Я киваю головой. Compliments всегда смущают меня, как будто я их не достоин. Последние несколько недель я чувствую себя *недостойным ничего*.

— Спасибо, Ма. Я люблю тебя.

Она целует меня в щеку и вручает завернутые в бумажное полотенце маффины с черникой.

— Я тоже люблю тебя, милый. Береги себя.

В любое другое время, я бы ответил "Конечно", но не сейчас. Мне кажется, что это преждевременно, когда впереди ожидают два месяца неизвестности. Мне не хочется беречь себя. Ни капельки.

— Пока, Ма.

— Пока, Гас.

Пятница, 27 января (Гас)

Когда мы приземляемся в Берлине, уже наступила пятница. До этого я никогда не вылетал за пределы США, но быстро понял, почему жалуются люди — джетлаг — это такая сука.

У меня ноет задница с того момента, как мы вышли из самолета, прошли таможеню и до самой гостиницы. Сегодня время работает не на меня. Перед саундчеком нам предстоит несколько, одна за другой, встреч, а потом два интервью перед концертом.

Мне не удастся натянуть на себя деловое выражение лица. Да не особо, черт возьми, и хотелось. У меня в принципе с этим не очень. Поэтому я очень благодарен Гитлеру, который везде сопровождает нас. Чувак просто влюблен в свой голос, а я более чем счастлив, позволить ему распинаться на встречах за нас. Да и большинство тем все равно будут касаться того, в чем он разбирается лучше. А когда он инструктирует обоих журналистов, что не допускается никаких личных вопросов, я готов чуть ли не расцеловать его. Гитлер запретил расспрашивать о том, почему тур был отложен и почему мы пропали с радаров на целый месяц. Слава Богу, иначе я, скорее всего, снес бы кому-нибудь голову, если бы они упомянули ее имя. Я мысленно произношу про себя имя Опти миллион раз за день. Но услышать его в устах незнакомца, который никогда не знал ее? Увидеть в его глазах притворное огорчение и сочувствие? Да мне сразу же захочется заткнуть их кулаком.

Ужин начинается и заканчивается несколькими пинтами крепкого немецкого эля.

В моем организме достаточно алкоголя, чтобы, выйдя на сцену с гитарой в руках, почувствовать себя расслабленным. Толпа — всего лишь смутное движущееся пятно. Уже на грани отключки, я вспоминаю, что нужно сконцентрироваться на аккордах, которые играю и на словах, которые пою. После этого на целый час все остальное вылетает из моей головы. Кажется, я нашел средство справиться с болью: побольше алкоголя и выступлений. Это самое настоящее волшебство.

Пятница, 3 февраля (Гас)

Мы гастролируем уже неделю. Выпивка и выступления больше не помогают. Не думаю, что был трезв хоть один день с тех пор, как мы сюда прилетели. Первые несколько суток я не мог выспаться, а в последнее время — не хочу. Я просто сижу и думаю о ней: о ее о низком, но таком женственном смехе; о россыпи веснушек на ее носу, плечах и между лопатками; о том, как она любила наблюдать за закатом; о звуке ее голоса, когда она говорила: «*Я люблю тебя*»; о том, как прекрасно она играла на скрипке. Знаю, это не здорово, но я боюсь, что если перестану постоянно прокручивать воспоминания о ней, то все забуду.

Франко считает, что мне нужно сходить к врачу. Может, он выпишет снотворное или антидепрессанты.

А я считаю, что это для слабаков и не собираюсь глотать пилюли, чтобы справиться с горем. Алкоголь — мой единственный выход. Вы можете не согласиться и настаивать на том, что медикаменты — альтернатива получше, но мне не нравится идея давать доктору карт-бланш манипулировать собой с помощью рецептов. Если кто-то и будет манипулировать мной, то... это я сам.

Я пытаюсь не думать о той ночи с Опти. Пытаюсь не думать потому, что в сравнении с ней, все остальное бледнеет. Это была лучшая ночь в моей жизни. Я не знал, что так случится. Она не знала, что так случится. Но, черт возьми, это произошло.

Сейчас середина ночи и автобус катится по сельской местности где-то в Европе. Я лежу на койке и собираюсь воссоздать ту сцену в своей голове. Закрыв глаза, позволяю себе предаться воспоминаниям.

Я захожу в гостевую комнату как раз тогда, когда Опти выходит из смежной ванной.

Она чистит зубы. Она всегда делает что-нибудь еще, пока чистит зубы. Сейчас, например, роется в сумке на полу.

— Что ты ищешь? — спрашиваю я. Мне становится грустно, когда я вижу эту сцену. Опти уже собралась и готова к тому, чтобы отправиться в Миннесоту завтра утром. Я не знаю, когда увижу ее вновь. Мы никогда не расставались больше чем на день-два, да и это было редкостью.

Она передвигает зубную щетку в бок и пытается говорить с пеной во рту.

— Пижаму, — отвечает она. По крайней мере, я надеюсь, что это так. Но потом Опти разворачивается, бежит обратно в ванную, выплевывает пасту и возвращается с сияющей улыбкой на лице.

— Пижаму, — повторяет она. — Думаю, она в другой сумке, которая уже в машине.

— Дай мне ключи, я принесу ее, — предлагаю я.

Она качает головой.

— Не, все нормально. Обойдусь и без нее. Ты можешь выключить свет? — спрашивает она.

Я буду скучать по этому. По нашей дружбе. Она всегда была здесь. Со мной. Мы все делали вместе. С детства мы проводили ночи под этой крышей: либо в моей комнате, либо в гостиной на диване или, как в последние пару недель, здесь, в гостевой комнате. Всегда вместе. Черт, я не знаю, как после сегодняшней ночи буду засыпать, не ощущая ее тела в своих руках.

В ыключаю свет и снимаю шорты с футболкой. Я всегда сплю в плавках, но обычно жду темноты, чтобы снять их. Это довольно странно, потому что утром я выползу из кровати, и она все равно увидит меня. Хотя, с другой стороны, ночь — это всегда более сокровенное время. Темнота приносит с собой желание. Черт, я люблю эту девушку уже целую вечность. Но она не знает об этом.

З аползаю на левую сторону кровати, потому что она всегда спит на правой.

Сквозь жалюзи пробивается лунный свет, и я вижу ее силуэт, когда она стаскивает шорты вниз. Движения ее быстры, но для меня все происходит как в замедленной съемке. Когда они повисают на лодыжках, чувствую знакомое возбуждение. Мой взгляд скользит вслед за ее руками, которые исчезают за спиной, чтобы стянуть лямки бюстгалтера под майкой, и вот уже он волшебным образом появляется в ее руках. Опти бросает его вместе с шортами на сумку и идет к кровати. На ней маленькие розовые хлопковые трусики. Кто сказал, что они не сексуальны, просто никогда не видел в них Опти. Черт. У меня могут быть неприятности. Возбуждение начинает обретать формы и мне негде его спрятать. Потом я перевожу взгляд на ее бледно-желтую майку, выцветшую от частых стирок. Она у нее уже много лет. Ее соски, такие темные и прекрасные выпир ают сквозь поношенную ткань. З акрываю глаза и делаю несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоиться, а потом говорю сам себе: "Соберись, чувак. Это Опти. Ты видел ее в бикини миллион раз." Но, черт, возьми, это совсем другое, поэтому я добавляю: "Она не знает, что ты можешь видеть ее, извращенец. Прекрати глазеть на ее великолепное тело".

Как только Опти заползает под одеяло, то сразу же перебирается на мою сторону и прижимается в поисках тепла. Холодные простыни, как и всегда, вызывают у нее дрожь, она опускает руку на мою грудь, а голову на плечо. Я обнимаю Опти и кладу ладонь на ее бедро. И сразу же, все в этом мире становится так, как и должно быть.

Когда она начинает говорить, ее голос больше похож шепот. Он тихий, но все равно

разрывает тишину:

— Я буду скучать по тебе, чувак. Очень.

Целую ее в лоб и шепчу в ответ: "Я тоже е. Ты даже не представляешь как".

— Тебе придется купить одну из этих огромных подушек или надувную куклу, чтобы прижимать их, когда я уеду.

Конечно же, она шутит, поэтому я начинаю смеяться.

— Думаю, я даже смогу найти такую, которая будет разговаривать и пукать во сне. Своего рода реалистичную копию тебя.

Она хлопает меня по животу, но, тем не менее, смеется.

— Заткнись. Это не правда. Грейси бы мне сказала.

Логика ее отрицания вызывает у меня еще больший смех, и я признаюсь: "Это не правда. Я пошутил."

С довольной улыбкой она переворачивается на другой бок, и я следую ее примеру. Чудовище в штанах уж е немного успокоилось, поэтому притягиваю ее поближе к себе. Именно так мы всегда и спим. Как же приятно держать ее в руках. Клянусь, Бог создал Опти именно для меня. Прижимаюсь лбом к ее затылку, и на меня накатывает грусть. Она уезжает. Опти уезжает. У меня странное предчувствие, что это — все, финал, но сердце быстро задвигает его подальше.

— Я люблю тебя, Опти.

Она ласково гладит меня по прижатой к ее животу руке.

— Я тоже люблю тебя, Гас. — Опти всегда знает, как заставить людей чувствовать себя любимыми. У нее это чертовски хорошо получается.

Когда ее рука замирает, я понимаю, что майка немного задралась, и теперь мой мизинец и безымянный палец касаются ее обнаженной кожи чуть выше трусиков. Я дотрагивался до ее кожи миллион раз. Но не так, как сейчас.

И, черт, возбуждение в паху опять начинает быстро нарастать. Чтобы избежать неловкости, я сдвигаю бедра так, чтобы не прижиматься к ней. Но ничего не могу с собой поделать — моя рука начинает жить своей жизнью. Дерзкие, но нежные, эгоистичные, но щедрые поглаживания должны расслабить нас обоих. Пальцы скользят по этой тоненькой полоске кожи, наслаждаясь ей. Почувствовав, что Опти напряглась в моих руках, я замираю.

— Прости, — шепчу я. Но, когда я поднимаю руку, она берет ее и притягивает обратно, тем самым давая мне свое разрешение. Не думая ни секунду, я принимаю его. В этот раз я полностью просовываю руку под футболку так, чтобы и пальцы, и ладонь касались ее кожи. Теперь мы оба дышим чуть чаще. Она выглядит расслабленной в моих руках, но я чувствую каждый ее вдох — медленный и размеренный. Опти так делает лишь когда концентрируется на чем-нибудь.

Я снова медленно глажу ее по животу пальцем, очерчивая нижнюю часть груди. Ее дыхание становится прерывистым и мой член моментально твердеет. Я знаю, что она это чувствует. Напряженная головка больно упир ается в эластичную преграду. О тодвигаюсь, но она протягивает руку, хватая меня за бедро и вжимает в себя.

Я не могу сдержать хриплый стон, когда ее задница упирается в мой пах. Это одновременно и облегчение, и возбуждение. Чувствую ее вздох под моей рукой. Она со мной. А потом, прост о потому что это так приятно, несколько раз трусь об нее бедрами. Господи, я, должно быть, умер и попал в рай.

Не хочу его покидать. Никогда.

Ее рука скользит вниз, пока не натывается на ягодицу и сжимает ее. Мои бедра продолжают медленно вжиматься в ее. Когда она поднимает майку и направляет мою руку к своей груди, я ни секунды не сомневаясь, обхватываю ее и аккуратно сжимаю, а потом кручу сосок между указательным и большим пальцами.

Он твердеет под моими прикосновениями, и она стонет.

О, черт. Этот стон просто убивает меня. Она — самая сексуальная женщина на земле.

Я не могу больше сдерживаться, поэтому шепчу ей: "Мне нужно прикоснуться к тебе".

Опти кивает и это больше, чем разрешение, — это согласие.

Опускаю руку к трусикам и дразню ее пальцами, отчего вся нижняя часть ее тела приходит в движение. Я отвечаю на ее мольбу и спускаюсь ниже. Опти раздвигает ноги навстречу мне. Она такая мокрая. Несколько раз круговыми движениями поглаживаю клитор, а потом погружаю в нее пальцы. Каждое проникновение она встречает своими бедрами.

— Гас?

— Да? — Голос, погруженный в эмоции взаимного притяжения, звучит слабо и глухо.

— Я хочу, чтобы ты поцеловал меня. — И ни разу не слышал, чтобы ее голос был так пронизан страстью. Меня охватывает зависть к каждому, чьи уши слышали его до меня.

Никогда в жизни я не хотел ничего большего. Вытаскиваю из нее пальцы, сдвигаюсь, чтобы она могла перевернуться на спину. Подперев голову, скольжу взглядом по ее телу.

— Ты такая красивая. — Слова прозвучали так тихо, что я даже не уверен, слышала ли она их.

Но легкая улыбка на ее лице, говорит, что "да".

Черт, я мечтал об этом целую вечность. Целовать Опти. Пока она лежит на спине, я приподнимаюсь и ложусь сверху, беру ее лицо в свои руки и благодарю Бога за то, что вот-вот произойдет.

А потом закрываю глаза и опускаю свои губы на ее. Этот поцелуй не похож ни на один из тех, что были в моей жизни. Перед глазами самым настоящим образом взрываются фейерверки. Я люблю эту девушку. Люблю каждую ее клеточку. Но что я люблю больше всего сейчас, — это целовать ее. Как она встречает каждое движение моего языка своим. Как подхватывает темп и глубину, которые я задаю.

После нескольких минут поцелуев я так возбужден, что даже ничего не вижу перед собой. Все мое тело поет. Я хватаюсь за ворот майки и тяну ее вверх, спрашивая между лихорадочными поцелуями: "Снимаем?"

Она, практически не дыша, отвечает: "Да".

Как только майка становится историей, у меня возникает одно желание — почувствовать ее кожей своей. Скатившись с Опти, перетягиваю ее, и она опускается на меня всем своим весом, обхватывая коленями по бокам. Я еще больше возбуждаюсь от этой сцены, если это вообще возможно. Ее соски трутся о мою грудь, отчего каждый нерв во всем теле напрягается и кричит от бешеного наслаждения. Я притягиваю Опти и снова завладеваю ее ртом. Это глубокий и очень требовательный поцелуй. Она тоже этого хочет. Ее тело трется о мое, я просовываю руку и приспускаю боксеры, чтобы обнажился член. Еще один барьер уничтожен. Потом перемещаю руку на спину и ласкаю ее пальцами,

пытаясь мысленно заставить себя сбавить обороты. Последние несколько минут я был не в себе, а мне хочется помнить каждую секунду происходящего. Каждую деталь. У меня только один шанс. Я это знаю и хочу, чтобы все было идеально. Она осыпает поцелуями мою шею и спускается к груди, чередуя нежные, восхитительные движения губ жгучими, игривыми укусами и сексуальными, мучительно-дразнящими касаниями языка. В эйфории от ее действий, я скольжу рукой вниз по спине, опускаю на ее трусики, сдвигаю тонкую ткань в сторону и начинаю вводить в ее лоно средний палец. Больше не могу терпеть. Я должен снять эти чертовы вещи. Обоими руками хватаюсь за резинку ее трусиков, то же самое одновременно делает и она. Не зря говорят, что великие умы мыслят одинаково. Опти встает, чтобы их снять, и я твердо намерен последовать ее примеру пока... не замечаю, как она просовывает большие пальцы под ткань и танцующими, плавными движениями стягивает её вниз. Я полностью парализован видом обнаженной женщины, стоящей надо мной.

Она переступает через трусики, и я говорю: "Не двигайся".

— Что? — тихо спрашивает она.

— Я просто хочу посмотреть на тебя.

Внимательно изучаю ее тело в последний раз, а потом мы встречаемся взглядами, наполненными нуждой и желанием. Я сбрасываю боксеры, а она встает на колени и упирается руками по обе стороны от моей головы. Опти целует меня, и я понимаю, что мы оба готовы.

— Опти, если мы хотим это сделать, то мне нужно взять презерватив. — Она хочет. Я вижу это по ее лицу, но все же должен дать ей возможность одуматься.

Она берет меня в свою руку. Первый раз она дотрагивается до меня там.

— Черт, Опти. Только не убирай.

— Никогда? — с чертиками в глазах спрашивает она.

— Никогда-никогда, — отвечаю я.

— Я не могу забеременеть, Гас, помнишь об этом?

— Но... — Черт, если она предлагает то, о чем я думаю...

— А ты с кем-нибудь был без презерватива?

Она предлагает именно это. Я качаю головой.

— Нет. Никогда.

— И я тоже. Если ты хочешь с ним, то... — Ее голос замолкает, она просто смотрит на меня несколько секунд, а потом продолжает. — Но если ты не против...

— Я не против. — Я, черт возьми, совсем не против.

Она взглядом дает мне отмашку.

Я киваю, глядя на нее с умоляющим выражением лица.

Все еще держа меня в руке, она направляет член в свое истекающее соками лоно и опускается на него.

Я теряю разум, когда он проскальзывает внутрь, и она плотно обхватывает меня. Никогда не чувствовал ничего подобного. Никаких барьеров, просто ощущение влажной теплой кожи. Вот это близость. Теперь я это понимаю.

Обхватываю ее бедра руками и направляю их вверх и вниз, вперед и назад. Мы двигаемся в унисон, я не могу отвести глаз от ее тела, сидящего на мне. Двигающегося на мне. Она чертовски сексуальна.

Прижимая Опти ближе, переворачиваю нас, устраиваюсь между ее ног, кончиком

языка провожу по ложбинке между ее грудей, медленно поднимаюсь выше, нежно засасываю основание шеи и начинаю двигать бедрами. На каждый мой толчок она отвечает своим. Я знал, что Опти изящна и грациозна. Я наблюдал, как она катается на серфе. Я видел, как она танцует и играет на скрипке. Но ничего из этого не сравнится с тем, что она делает сейчас подо мной.

Что она делает со мной? Это завораживает. Я не могу отвести от нее глаз.

Мне хочется большего. Б еру ее колено и сгибаю его так, что бы можно было войти глубже. В ответ на это она вскрикивает.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

— Да, — довольно вздыхает она.

Черт. Мои толчки становятся быстрее, мы оба уже готовы. Я это чувствую. Она стонет, сжимаясь вокруг меня, а я добровольно, с жадностью, до последней капли отдаю ей каждую частичку своего желания и каждую унцию своей страсти.

Мои губы находят ее, и она отвечает так, как будто нас ждет конца света. Этот поцелуй — предвестник эйфорического взрыва.

А потом Опти сотрясает оргазм и это самое прекрасное, что я видел в своей жизни. Я извергаюсь вместе с ней.

— Люблю тебя, — задыхаясь, произношу я.

Опти тяжело дышит и улыбается, застенчиво закусив нижнюю губу. Она выглядит уставшей.

Я целую ее в кончик носа и скатываюсь на кровать. А потом мы долго пристально смотрим друг другу в глаза. И даже, когда проходит стеснение, не произноси м ни слова. Думаю, мы оба пытаемся осознать произошедшее. Я стараюсь зафиксировать в памяти каждую минуту, так как в глубине души знаю, что этого больше не произойдет. Мне просто преподнесли подарок. И я буду хранить его всю оставшуюся жизнь.

С кровати подо мной раздается кашель Франко и, открыв глаза, я снова оказываюсь в гробаном настоящем.

Воскресенье, 5 февраля (Гас)

Вчера вечером меня, судя по всему, вырубил после двух-трех банок легкого пива. Честно, я не помню ничего. Полагаю, концерт пришлось отменить из-за моей неожиданной "болезни". Его перенесут на конец тура. Все были раздражены, но мне было все равно. Как это, черт возьми, печально! Робби наорал на меня и приказал: "вытащить эгоистичную гробаную башку из задницы". За пять лет нашего знакомства я никогда не слышал, чтобы он кричал. Это должно было как-то повлиять на меня, но не повлияло.

Разумная часть меня понимает, что я подвожу их.

Остальным частям на это наплевать.

Вторник, 7 февраля (Гас)

В обед меня будит звук голоса Франко, раздающийся из передней части автобуса — он говорит с женщиной. Это интригует, потому что мы движемся, а значит еще не доехали до места назначения, что в свою очередь означает, что в этом транспортном средстве не должно быть никаких женщин. Прислушавшись, я узнаю, что Гитлеру пришлось уехать

домой по семейным обстоятельствам. Как это плохо для него и прекрасно для меня. Его постоянное снисходительное отношение действовало мне на и так уже вымотанные нервы. Гитлера замещает новый тур-менеджер. Я слышу, как она рассказывает Франко о себе. Судя по всему, дамочка сравнительно недавно в этом бизнесе, но знает, что делает или очень хорошо притворяется. Оба варианта вполне мне подходят. Она амбициозно заявляет что-то типа: "я сделаю все, чтобы мы преуспели" и "удержались на плаву". Я чуть не рассмеялся — удачи!

Скатившись с кровати, я, пошатываясь, иду на их голоса. Замена сидит за столом позади водителя. Ее юбка настолько коротка, что, кажется, и вовсе отсутствует. Худые, длинные ноги скрещены и выставлены на обозрение в проходе. Они — первое, что вижу. Потом я замечаю ее блузку. Она стратегически расстегнута так, чтобы выделить внушительное декольте. Ну и в последнюю очередь я обращаю внимание на... ни на что, потому что все еще рассматриваю ноги и грудь. Сейчас февраль, мы находимся в Швеции (я так думаю), на улице лежит снег и адски холодно — она определенно одета не по погоде.

Секс. Не буду обманывать, это все, о чем я думаю в данный момент. Секс с этим телом. Где-то на задворках своего разума я чувствую себя ублюдком, за то, что перехожу сразу к *этому*.

Раньше секс для меня подразумевал исследование женского тела, наслаждение происходящим, совершенствование техники и своего рода близость. Наблюдать за тем, как женщина сходит с ума от удовольствия и страсти благодаря моим прикосновениям и телу — невероятно захватывающе и сексуально. У меня никогда не было отношений, но было много женщин. Я потерял девственность в четырнадцать, с семнадцатилетней девушкой и с тех никогда не останавливался. Не сказать, что я такой уж красавчик, но вполне привлекательный и женщинам, кажется, нравится мое тело. Мой рост шесть футов семь дюймов, я много катался на серфе, поэтому нахожусь в хорошей форме. Я — большой парень. Мускулистый. Цыпочкам нравятся большие парни.

Все изменилось в тот день, в августе, с Опти. Мы знали друг друга всю свою жизнь. Она была моей соседкой, лучшим другом. Я безумно любил ее, но она об этом не знала. Опти была смешной, язвительной, талантливой и чертовски красивой. Самое идеальное божье создание. Та ночь была исследованием, наслаждением и близостью. Она была *эмоциональной*; лучшая гребаная ночь в моей жизни.

Каким может быть секс после такого? Ответ: никаким. Каждая женщина, с которой я был после — просто трах. Простой и обычный трах — быстрый и грязный. Эгоистично? Да. Чувствуешь ли себя при этом куском дерьма? Да. Удивительно, но, несмотря на все это, количество желающих забраться ко мне в штаны не уменьшается. Нескромные, готовые на все особи — никакого стыда... никакой гордости. Но знаете что? Следить за двадцатипятилетней женщиной не моя работа. Кто-то явно не справился с воспитанием в этом плане. Поэтому, да, я позволяю им обслуживать себя.

Возвращаюсь мыслями к замене и перевожу взгляд на ее лицо. Хорошенькая, в коммерческом плане: большие темные глаза, высокие скулы, полные губы и толстый слой макияжа. Обычно я предпочитаю естественную красоту, но сейчас могу и проигнорировать это. Судя по морщинам в уголках губ, ей должно быть за тридцать. Увидев меня, она прекращает говорить с Франко. Выражение ее лица, как открытая книга — легко читается.

Она извиняется перед ним, поднимается со своего места и протягивает мне руку.

— Вы должно быть Густов. — Разговаривает она с моей обнаженной грудью.

Я сжимаю ее ладонь.

— Должно быть, — отвечаю я ничуть не смущенный хотя бы тем фактом, что стою перед ней в одних плавках с явно выступающей эрекцией.

Краем глаза замечаю, как Франко с серьезным выражением лица медленно качает головой. Оно у него редко бывает таким. Всем своим видом он пытается сказать мне: "*Не делай этого*". У Франко есть какой-то сверхъестественный дар чувствовать дерьмо за милую.

Она все еще держит меня за руку и смотрит на живот.

Я следую ее примеру и перевожу взгляд на грудь. Не хочу смотреть на лицо.

Контакт глазами превращает все в чуть более личное. А этого явно не будет.

Она тянет меня в заднюю часть автобуса. Я повинуюсь и открываю дверь в ванную. Это приглашение, которое она принимает даже не задумываясь.

Расстегиваю оставшиеся пуговицы на ее блузке перед тем, как закрыть дверь.

К тому времени, как замене удастся закрыть замок в тесном помещении, у нее уже обнажены плечи, а лямки лифчика спущены до локтей, открывая взору огромные, судя по всему, силиконовые, сиськи. Еще раз повторяюсь, мне нравится все натуральное. Тем не менее, как только они оказываются в моих руках, во рту, мне становится все равно. Она неестественно стонет. Я просто не слушаю.

Когда она начинает ерзать, пытаюсь стянуть мини юбку и плавки, я останавливаю ее.

— Не стоит. У меня нет презерватива.

— Все нормально. Я на таблетках, — хриплым голосом шепчет она мне в ухо. В нем нет никакой сексуальности. Только потребность.

Теперь она пытается поцеловать меня.

Этого тоже не произойдет. Слишком интимно. Я никого не целовал после Опти.

— Нет, не нормально. В данном случае я вижу только один выход...

Даже не успеваю закончить свой ультиматум, как она уже на коленях, а мои плавки спущены.

Она берет меня в рот, и я не могу сдержать возглас, "О, черт, как хорошо."

Девушка агрессивна. Судя по всему, это не первое ее родео. Никакого поддразнивания кончиком языка, она заглатывает меня целиком. А я большой парень.

Замена хватает меня за задницу и крепко прижимает. Я начинаю переживать, что делаю ей больно и отстраняюсь. Но она самым натуральным образом молит меня о продолжении. Что ж, черт возьми, меня не нужно просить дважды. Вскоре я уже держу ее волосы в кулаке и во всю длину вбиваю свой член ей в рот.

Оргазм уже не тот, что был раньше. Это просто кратковременная вспышка удовлетворения, которое слишком быстро сменяет безрадостное настоящее.

Я натягиваю плавки, а она вытирает губы и подбородок тыльной стороной ладони. Ее зрачки расширены и это говорит мне о том, что, несмотря на то, что я кончил, она — нет.

— Кстати, меня зовут Клер.

Я безразлично киваю.

— Ты задержалась со знакомством.

Она гладит мою грудь кончиками пальцев.

— Как и ты. С нетерпением буду ожидать работы с тобой. — Ее взгляд явно говорит о том, что под "работой" она подразумевает "трах".

Я открываю замок на двери, говорю ей "увидимся" и оставляю наедине с самой собой в сортире.

Когда я появляюсь из ванной, Джейми с Франко сидят за столом и играют в покер. Джейми поднимает голову и приветствует меня. В последнее время мы не особо разговариваем. Франко качает головой. Я знаю, друг разочарован, ведь он предупреждал меня. Это странно, раньше я был тем, кто присматривает за группой. Я был лидером. А сейчас это Франко. Может, потому что так и должно быть; он самый старший, ему двадцать пять. А может, потому что это неизбежно, учитывая то, во что превратилась моя жизнь.

Четверг, 9 февраля (Гас)

Сегодня мне позвонил наш продюсер, МДИЖ. Он разговаривал со звукозаписывающим лейблом, они хотят выпустить наш альбом через несколько недель и включить в него бонусный трек. Бонусный трек — это песня "Finish me", которую "Rook" записал в прошлом декабре с Опти. Я сочинил ее через несколько дней после того, как на меня обрушилась новость, что у Опти последняя стадия рака.

Группа вылетела в Миннеаполис и записала эту композицию в студии за месяц до ее смерти. Опти написала и сыграла партию для скрипки, а также исполнила ее со мной. Эта песня — лучшее, что у нас есть на сегодняшний день, но она слишком личная. Слишком. Я не смогу исполнять ее в "живую", а именно этого от меня и будут ожидать после выпуска альбома. Черт, мы даже "Missing You" начали играть только на прошлой неделе, после того, как я придумал новую партию для гитары, и мы подобрали другой темп. Теперь это не грустная баллада, а тяжелый, наполненный яростью хард-рок. В последнее время это чувство и я *неразрывны*.

Я знаю, лейбл все равно сделает по-своему. Это только вопрос времени.

Суббота, 11 февраля (Гас)

Клер стала для меня приятным отвлечением. Постоянный секс — когда угодно и где угодно — превратился в рутину в перерывах между встречами, интервью и сглаживанием моих косяков. Мне, наверное, стоит начать закупать презервативы оптом. Она, кажется, не против наших "односторонних обменов". Знаю, я просто ублюдок и становлюсь им все больше и больше с каждым днем, но ей никто не заламывает руки. За исключением секса и перекуров все остальное время мы практически не общаемся и это, я бы сказал, идеально. Если мы разговариваем, то строго по делу, да и это сведено до минимума, потому что всеми вопросами сейчас занимается Франко.

Воскресенье, 12 февраля (Гас)

— Гас, я могу быть с тобой откровенным? — Франко смотрит на меня с серьезным выражением лица. Чую, будут неприятности. Раньше я терпеть не мог ссориться с Франко. Да и сейчас, думаю, тоже, но не настолько, чтобы изменить свою жизнь.

— Конечно. — На самом деле я не хочу этого слышать.

— Чувак, мы в дороге уже две недели. Мне, конечно, нравится неопрятная борода и пучок на голове, — я пытаюсь не засмеяться, но все равно издаю нечто похожее на фырканье. — Ну, серьезно, ты выглядишь как хипстер, пещерный человек, бездомный, — продолжает Франко. — Ты должен принимать душ. Каждый день. У нас маленький автобус,

мужик. Гигиена — приоритет номер один. От тебя воняет.

Я киваю.

— Понял, чувак.

У меня больше нет никаких приоритетов.

Суббота, 18 февраля (Гас)

Сегодня у нас самый большой концерт. Он пройдет в Лондоне, на арене «O2». Двадцать тысяч зрителей. *Двадцать гребанных тысяч.* Это уже не те двести, перед которым мы выступали в баре "У Джо" всего лишь два года назад.

Иногда мне хочется, чтобы мы так и продолжали там играть.

Я нервничаю. Обычно нет, но сегодня у меня весь саундчек трясутся руки. Может, нужно выпить? Да о чем тут думать? Мне *определенно* нужно выпить. У меня во рту не было ни капли алкоголя со вчерашнего вечера. В автобусе не оказалось ни одной банки пива. Подозреваю, это дело рук Франко.

До шоу осталось два часа, поэтому нужно перекусить. Я возвращаюсь в автобус, чтобы взять пачку сигарет, когда сзади меня догоняет Клер. Не знаю, как она умудряется бегать на шпильках. Клер тяжело дышит, но это не удивительно, она единственный человек, который курит больше меня.

— Густов, — с трудом выдыхает она.

Я чуть замедляюсь, но не останавливаюсь. Поворачиваю к ней голову, но недостаточно, чтобы встретиться взглядами. Я не могу смотреть ей в глаза. Каждый раз, когда я это делаю, мне мерещится разочарованная Опти. Она бы ненавидела Клер, они — полные противоположности.

— Клер.

— Я заметила, что ты был немного не в настроении во время саундчека.

Я даже не спорю. Это правда.

— Мне нужно выпить, — отвечаю я.

Она подходит поближе и прислоняется так, что ее рот оказывается напротив моего уха.

— У меня есть кое-что получше, чем алкоголь.

Я поворачиваюсь и смотрю на нее. Эта женщина ненасытна.

— Господи, мы трахались только час назад, Клер, — раздраженно говорю я. — Ближайшие несколько часов я — пас. Но, в любом случае, спасибо.

Она действует мне на нервы, и я даже не пытаюсь это скрыть.

Клер соблазнительно улыбается. Я отвожу взгляд. Она хихикает. Ее смех бесит меня по многим причинам: слишком высокий, особенно на контрасте с ее низким, хриплым голосом; часто беспричинный; и чертовски громкий.

— Нет, милый. Это, конечно, *потрясающая* идея, но я предлагаю кое-что другое.

В этот момент мы подходим к автобусу. Я поднимаюсь по ступенькам следом за ней и только после этого спрашиваю: "Ну и что это?"

Она засовывает руку в карман, вытаскивает маленький стеклянный пузырек с белым порошком и машет им у меня перед лицом.

Моя первая реакция — "*нет, черт возьми*". Но вслух я этого не говорю.

Клер хватает меня за запястье и тащит в маленькую спальню в конце автобуса, которую она заняла в тот же день, когда присоединилась к нам.

— Ну, давай же. Только одну дорожку. Это поможет тебе пережить выступление.

На этом месте мне стоило бы остановиться и громко сказать те самые "*нет, черт возьми*", но я как идиот продолжаю идти за ней.

Пока она высыпает порошок на лежащий на кровати "Vogue" и делает две маленькие дорожки, я, впервые за все время, внимательно изучаю ее лицо. Даже под толстым слоем макияжа видны темные круги под глазами и тонкая сеть морщин. Она выглядит измученной.

— Сколько тебе лет? — интересуюсь я.

Она в предвкушении втягивает носом, и поднимает на меня безумные глаза.

— Двадцать пять.

Как я и думал. Кокаин состарил ее. Она выглядит на десять лет старше. Я пристально изучаю две дорожки перед нами.

— Это ведь не в первый раз?

Она трет нос тыльной стороной руки. Ее движения какие-то дерганые. Это напоминает мне о проститутке, которая предлагала себя в баре в день похорон.

— Нет. Тебе понравится. Ты почувствуешь себя Суперменом.

Несмотря на то, что я вижу перед собой — а ее вид — уже худшая пропаганда наркотиков, — рот принимает решение за меня: "Хорошо".

Клер нюхает первой. Быстро. Профессионально. Интересно, сколько она уже этим занимается?

Я — следующий. Медленно. В несколько заходов. Как любитель. Нос сразу же начинает чесаться, а глаза слезиться.

Пока наркотик проникает в мозг и тело, я мысленно извиняюсь: "Прости, Опти. Это только один раз. Я не превращусь в Джанис". Мать Опти была кокаиновой наркоманкой.

Я пытаюсь отбросить от себя эту мысль. Иногда я курил травку и несколько раз принимал таблетки. Этот раз ничем не будет отличаться от прошлых.

Но он отличается.

Я иду в бар за углом, а Клер без приглашения следует за мной. Я ем, несмотря на то, что в данный момент не чувствую особого голода. Она курит. Клер никогда не ест. Это меня бесит.

К началу концерта я все еще под кайфом. Сегодня я не ощущаю себя вялым. Не могу сказать, что чувствую себя в порядке, потому что это определенно не так, но, тем не менее, какая-то сила рвется из меня наружу. Она усиливает мой гнев и выплескивает его в выступление. Удивительно, но зрителям нравится. Это самые странные ощущения в моей жизни. Я как будто наблюдаю за всем со стороны, но в тоже время как никогда раньше, чувствую происходящее внутри себя. Это что-то фантастическое.

Время превращается в абстрактное понятие. Но неожиданно мне говорят, что все, шоу закончено, пора уходить.

Возле автобуса я останавливаюсь покурить, и Франко остается со мной.

— Не уверен, что это было, — говорит он, — но зрителям очень понравилось.

Им понравилось. Как и мне.

— Это был новый Гас.

Прищурившись, он смотрит на меня так, как будто пытается разгадать загадку.

— Ты в порядке, засранец?

Я улыбаюсь ему. Да, впервые за долгое время я — *улыбаюсь*.

— У меня все супер-пупер-фантастически, чувак.

Вторник, 28 февраля (Гас)

Последние восемь шоу прошли как по маслу. Каждый вечер ко мне приходила Клер и заправляла Супермена горючим. Неожиданным стало то, что благодаря этому я перестал так много думать об Опти. Нет, я все еще думаю, но уже не как помешанный.

У меня все еще есть проблемы с гребаным сном. Вчера после шоу Клер дала мне несколько таблеток. Не знаю, что это, но я спал как младенец.

Понедельник, 6 марта — Вторник, 7 марта (Гас)

Сегодня мы не выступаем.

Выходной.

Просто какое-то чудо.

В последние дни я все больше и больше устаю. Алкоголь и кокаин днем и снотворное ночью сильно сказались на мне. Но пока я еще держусь, и каждый вечер выкладываюсь на сцене.

Сейчас мы находимся в Амстердаме, в городе квартала Красных фонарей и баров, где всегда можно купить травку. Я уговорил парней пойти на экскурсию. Они очень удивились, потому что за все-то время, что мы провели в Европе, я никуда с ними не выходил. Клер разозлилась на меня за то, что я не пригласил и ее. Да пошла она. То, что *в большинстве случаев* я сплю исключительно с ней, не значит, что я собираюсь с ней гулять. Мы не в отношениях. У нас договор. Это две разные вещи.

Пройдясь вдоль каналов и покормив голубей на площади Дам, мы заходим поужинать и заодно согреться. Все, кого встречаем, очень дружелюбны и говорят по-английски. Это, почему-то, удивляет меня. Насладившись едой, отправляемся на поиск всех тех вещей, что отличают Амстердам от других городов и заходим в первую же попавшуюся «кофейню». Мне даже не приходится уговаривать Франко, Джейми и Робби присоединиться, хотя обычно они редко когда соглашаются покурить марихуану.

Через тридцать минут мы уже вспоминаем, как образовалась наша группа и какими ужасными были первые выступления. Давно так не смеялся. Я расслабился, наслаждаясь моментом. Как раз то, что мне так необходимо.

Проходит несколько часов, прежде чем мы покидаем это заведение и двигаемся в сторону квартала Красных фонарей. Возле каждой витрины с пип-шоу, блаженно замираем. Я не смог склонить их к посещению борделя, поэтому мы отправляемся на «живое» секс-шоу. Это порно в реальном времени, в котором актеры занимаются сексом на сцене. Нам оно показалось чертовски смешным, мы не смогли смотреть на происходящее с серьезными лицами и смеялись как тринадцатилетние подростки, которые никогда до этого не видели сисек и писек.

Нас выгоняют задолго до кульминационного момента. Черт их побери.

Около полуночи мы возвращаемся в автобус и все еще смеемся, обсуждая, секс-шоу, когда из своей комнаты выходит Клер. Должно быть, мы разбудили ее. Со зверским выражением лица она отодвигает дверь и хмуро смотрит на нас.

— Я пытаюсь поспать.

Сверху на ней надета тонкая майка, а ближе к югу трусики «танга». Но ей наплевать,

что не нее оставились четыре пары глаз.

— У кого-то плохое настроение. — Я смеюсь, потому что даже она не сможет испортить сегодняшний вечер.

Клер прищуривается и злобно выдыхает: «Ну и как вам травка?»

Я улыбаюсь.

— Великолепно, черт возьми.

Я впервые улыбнулся ей.

Она это заметила. Неожиданно ее гнев куда-то испаряется, а губы раздвигаются в улыбке. Соблазнительной. Единственной, которая есть в ее арсенале. Проще сказать, что улыбка Клер— это ничто иное, как предложение.

— Великолепно, — мурлычет она, хватаясь за мою футболку и втягивая в свою комнату.

— Ты кого-нибудь трахал?

Я смеюсь.

— Что?

Она стягивает мою футболку через голову.

— Я сказала, ты кого-нибудь трахал? Проституток?

Чувствую себя немного заторможенным.

— А, нет. Мы только смотрели. Это считается?

Улыбка вновь возвращается на ее лицо, а глаза по-собственнически смотрят на меня.

— Хорошо. А теперь ты готов повеселиться?

Веселье всегда включает в себя наркотики и секс.

— Да, черт возьми.

Она роется в прикроватном столике, вытаскивает пластиковый пакет, наполненный разноцветными таблетками, и достает две одинаковые капсулы. Засунув одну в рот, она вручает вторую мне.

— Что это?

Обычно я ни о чем ее не спрашиваю.

— Разве это важно? — Игриво подначивает она меня.

— Наверное, нет, — отвечаю я. Это действительно неважно.

Она уже стянула майку и теперь переступает через трусики.

— Таблетка усилит твои ощущения от того, что будет происходить в этой постели.

Ты такого еще не испытывал.

Я запикиваю ее в рот и проглатываю.

— Звучит отлично, чувиха.

— Ты только что назвал меня чувиха? Я не чувиха. — Она смотрит на свою грудь. — Это же очевидно. — Клер оскорбилась, но недостаточно, чтобы перестать раздевать меня.

Я никогда не называл ее чувиха. Для меня это слово означает выражение привязанности. Обычно я прибегаю к нему для самых близких друзей. Она таковой не является, и я не испытываю к ней ни толики нежности. Как жаль, что невозможно взять свои слова обратно. У меня такое чувство, что я только что поделился с ней чем-то личным, сокровенным.

— Я не имел этого в виду.

— Так-то лучше. — Успокоилась она.

Если бы Клер только знала, что «я не имел этого в виду» это скорее оскорбление, чем извинение, то она бы разозлилась.

Наркотики начинают затуманивать мой разум. Мне становится наплевать на все, кроме нее и этой постели.

Секс с Клер всегда был жестким. Это единственный способ, который ей нравится. Она в каком-то роде гребаная мазохистка. Иногда, это классно, а иногда — нет. Но сегодня все по-другому. Как-то мягче и как будто в замедленной съемке. Эдакий «ванильный» секс по сравнению с тем, чем мы обычно занимаемся. Сегодня я не тороплюсь. Целую. Касаюсь. Делаю ей приятно. Как и она мне.

Когда все заканчивается, Клер не хочет, чтобы я уходил. И я остаюсь.

Тогда я еще не знал, что это было ошибкой. Кульминационный момент *множества* ошибок.

Спустя несколько часов просыпаюсь с таким звоном в голове, как будто внутри нее на полную громкость играет гребаный оркестр. Потягиваюсь, и это отзывается болью во всем теле. А потом я чувствую теплое тело рядом с собой.

Его не должно тут быть.

Пожалуйста, пусть это окажется какая-нибудь незнакомка. Но я знаю, что это не так. И знаю, что здорово облажался. Приоткрыв глаз, конечно же, вижу Клер.

— Черт. — Громко говорю я.

Ее глаза все еще закрыты.

— Что? — произносит она полусонным голосом.

— Ничего.

Я выползаю из кровати и ищу штаны, которые обнаруживаются возле двери.

Плавки найду позже, сейчас я хочу одного — убраться подальше отсюда.

Клер наблюдает за мной. Не могу понять, как она может улыбаться, если принимала то же дерьмо, что и я.

— Вчерашняя ночь была такой «горячей», — говорит она. — Ты можешь быть милым, если захочешь. Когда позволяешь себе опустить щиты.

Черт. *Черт.* Все становится только хуже. Пытаюсь прокрутить нечеткие воспоминания, но мое последнее — как мы ложимся в кровать. Они как будто не связаны ни с чем физическим и ощущаются больше как фантазия. Мои воспоминания никак не относятся к Клер. Они туманные и смутные, но в то же время теплые и наполнены нежностью. Как будто я был в месте, где чувствовал себя в безопасности. Там, откуда не хотел уходить. Там, где я любил и был любим.

Ее голос выводит меня из задумчивости.

— Со мной никто раньше не занимался любовью.

Она выглядит так, как будто выиграла приз. У меня скручивает живот, я знаю, что она права. Не могу этого объяснить, но я не трахал, а любил ее. Я запутался. Мне срочно нужно убраться отсюда.

Я уже отодвинул дверь и практически вышел, когда следующие слова объясняют все.

— Прошлой ночью ты называл меня Опти. Что это значит?

К горлу моментально подступает тошнота, а глаза режет от скапливающихся слез. Ее рот оскверняет это имя. Нет ничего хуже, чем слышать, как Клер произносит *ее* имя. Я моментально разворачиваюсь и нависаю над ней, тыча пальцем в лицо.

— *Никогда* не произноси этого имени снова! — кричу я.

Выражение триумфа сползает с ее лица, и она шокировано смотрит на меня.

Франко выпрыгивает из кровати, хватая меня за руку и вытаскивает из комнаты. Потом усаживает за стол возле водительского места и вручает сигарету и зажигалку.

— Эд, сделай, пожалуйста, остановку. Гасу нужно выйти и охладиться, — говорит он водителю.

У меня так трясутся руки, что едва получается прикурить. Эд останавливается на обочине, я натягиваю кеды и куртку и выхожу на заснеженную дорогу. Франко присоединяется, когда я уже практически докуриваю первую сигарету.

— Что случилось, тупица?

Он сосредоточенно смотрит на меня, нахмутив брови и сжав губы. Его обычное выражение, когда происходит что-нибудь плохое.

Яжимаю плечами и делаю еще одну затяжку. Но она не успокаивает меня. В голове продолжает пульсировать, сердце бьется как сумасшедшее, а тело трясется.

— Ты в курсе нашего утреннего разговора? — Стены настолько тонкие, что если он не спал, то, определенно слышал.

Франко кивает головой.

— И ночного тоже.

Я присаживаюсь на корточки и закрываю лицо руками. Я не смущен, нет. Я потерян. Тру глаза и ладони почему-то оказываются мокрыми. Прикуриваю еще одну сигарету. Я бы лучше отрезал себе руку, чем услышал ответ на этот вопрос, но все же заставляю себя задать его: «Что я такого сказал ей прошлой ночью?»

— Ты не помнишь? — Это даже не вопрос, он знает, что это так. Просто пытается увильнуть от ответа.

Я качаю головой.

Франко чешет лысую голову, не желая отвечать. Но я знаю, что, в конце концов, расскажет, потому что именно так поступают друзья. Они говорят все, даже если ты не хочешь этого слышать.

— Я не буду вдаваться в детали, но ... когда вы занимались сексом, ты называл ее Опти. Ты сказал, что любишь ее, чувак.

Я разворачиваюсь и кричу во все легкие. Такое ощущение, что голова расколосась надвое. Боль невыносимая, но от этого мне только больше и дольше хочется орать.

Выдохнувшись, я пытаюсь отдышаться, но неожиданно меня начинает рвать. Вся вчерашняя еда оказывается на снегу и кедах. Желудок быстро пустеет, но тело все равно пытается исторгнуть хоть что-то. Лишь когда это прекращается, я понимаю, что плачу, стоя на коленях в снегу и рвоте. Я плачу так же, как в момент ее смерти. Как будто наступил конец моего гребаного света. Франко опускается рядом и кладет руку мне на спину.

— Мне больно, чувак, — задыхаясь, говорю я. — Я скучаю по ней. Я так скучаю по ней.

— Я знаю. — В его словах нет осуждения.

Хорошо, что рядом находится именно Франко. Он знает, как разговаривать со мной. Больше никому я бы не смог сказать этих слов. Даже Ма.

— Я не знаю, как быть Гасом без нее, чувак. Я чувствую себя потеряннным.

— Знаю.

Я поднимаюсь с колен и смотрю на него.

Он колеблется, как будто хочет что-то сказать, но не уверен стоит ли это делать.

— Послушай, я осознаю, что это не мое дело, мужик. Если тебе нравится Клер...

— Нет. Не понимаю, что я вообще делаю с ней, — обрываю я его.

Франко вопросительно приподнимает брови.

— Ну ладно, знаю. Трахаю. Использую. Она — способ отвлечься. Ничего более.

— Не забывай, она помогла тебе с лекарствами.

Как-то не похоже на Франко.

— Это теперь так называется? Лекарства?

Он прищуривается?

— Да, — осторожно говорит он. — Несколько недель назад я, не вдаваясь в подробности, поговорил с ней о тебе и сказал, что, по-моему мнению, тебе нужно сходить на прием к врачу. Через пару дней она сообщила, что все организовала и, пока мы с ребятами ходили поужинать, приходил доктор и прописал тебе снотворное и антидепрессанты.

— Доктор? Не знал, что у Клер есть лицензия на медицинскую практику.

Мне не нравится то, что она обманывала Франко. Но, на самом деле, я делал тоже самое.

Выражение его лица меняется, вена на лбу начинает пульсировать, а глаза темнеют, в них появляется напряжение. Я знаю, что последует за этим.

— Что ты принимал?

— Кокаин, таблетки, все, что она мне давала.

В мгновение ока Франко оказывается на ногах и несется к автобусной двери. К моему удивлению, я бегу за ним и хватаю его за руку, пытаюсь не дать зайти в ее комнату. Когда он зол, то очень силен. Обычно, это происходит очень редко. За пять лет я видел его в таком состоянии всего дважды. В ярости он выглядит устрашающе. Я не смог удержать Франко. Клер стоит возле кровати, завернутая в легкое покрывало. Она бледна, но полна решимости. Франко орет на нее.

— Что ты с ним сделала?

Когда она не отвечает, а вместо этого вызывающе складывает руки на груди, он взрывается снова. В этот раз кричит еще громче. Она вздрагивает.

— Я сказал, что ты, черт возьми, с ним сделала?

На ее лице появляется ухмылка, и она переводит взгляд на меня.

— Ничего, чего бы он сам не хотел. Ведь так, милый?

Теперь я уже крепко держу его сзади за бицепсы. У Франко от ярости дико трясутся руки.

— Ты, черт возьми, обманула меня!

Не знаю, как это возможно, но он вопит еще громче.

Никакого ответа.

Франко показывает на нее пальцем.

— Держись от него подальше! Слышишь меня? Держись, черт возьми, от него подальше. Не давай ему ничего. Не разговаривай. Даже не смотри на него.

Она переводит взгляд на меня, и я понимаю, что за этим ледяным фасадом плещется страх. Клер знает, что за такие вещи можно пойти под суд.

— Густов — взрослый парень, Франко. Я его ни к чему не принуждала. Он сам хотел.

Мне никогда не нравилась Клер, но сейчас ее немного жаль. Она находится прямо в эпицентре урагана “Франко”, хотя на ее месте должен быть я.

— Клер права, чувак, — раздраженно произношу я. — Она никогда не заставляла меня. Если тебе нужно на кого-то выплеснуть злость, то пусть это буду я.

Франко поворачивается, скидывая держащие его руки, и пристально смотрит на меня. Я

знаю, что попал.

— Я в ярости, Гас. *В гребаной ярости.* О чем, черт возьми, ты думал? Послушай, — он бросает взгляд на Клер, как будто не хочет, чтобы она была в пределах слышимости, и продолжает, — Я знаю, ты сейчас дерьмово себя чувствуешь. *Я это знаю.* — Он понижает голос. — Мы все скучаем по ней, чувак. Но так нельзя. Ты знаешь, как бы она разочаровалась в тебе, если бы была здесь и наблюдала за твоим гребаным падением?

Ей бы это очень не понравилось. Я знаю.

— Но ее здесь нет. Разве не так? — Я не могу продолжать этот разговор. Не хочу напоминаний. — Она, черт возьми, мертва.

Больше я его не слушаю, просто ухожу в сторону мини-бара и достаю банку пива.

Франко поворачивается обратно к Клер и показывает на меня.

— Держись, черт возьми, подальше от него.

Потом он смотрит на меня и показывает на Клер.

— То же самое касается и тебя. Держись подальше от нее. Найди себе другую дырку.

Клер задвигает дверь в свою спальню. Мне становится легче от того, что она находится внутри и между нами есть хоть какая-то преграда.

Франко присаживается рядом со мной. Он выглядит уставшим, но в то же время успокоившимся.

— Прости, говнюк. Мне не стоило упоминать перед ней о Кейт.

Я отставляю полупустую банку и резко встаю.

— Кота уже выпустили из мешка, чувак. Я сам с этим прекрасно справился вчера ночью. — Пригладив пальцами волосы, собираю их в хвост. — Не могу поверить, что я это сделал.

Франко стучит костяшками пальцев по столу.

— Ты представлял человека, с которым находишься тем, с кем хотел бы быть на самом деле. У нас у всех есть фантазии. Не нужно этого стыдиться.

Я смотрю ему прямо в глаза.

— Но никто не фантазирует о мертвых.

— Ты был под кайфом. — Франко вздыхает и несколько секунд просто смотрит на меня, как будто умоляя быть честным с ним. — Ты любил ее, я это знаю. И не надо мне рассказывать о том, что она была твоим лучшим другом. Думаешь, я тебя обвиняю? Нет, *черт возьми.* Кейт была самой невероятной женщиной из всех, кого я встречал. Нам всем повезет, если мы встретим кого-то хоть наполовину такого же, как она.

Я киваю, сажусь обратно и заканчиваю свое пиво.

Франко не требует ответа.

Конец разговора.

Мне нравится.

Понедельник, 27 марта (Гас)

Как только самолет приземляется в Сан-Диего, я с облегчением делаю выход. Такое ощущение, что я сдерживал его два месяца. Знаю, думать, что географическое местоположение как-то повлияет на происходящее в моей голове неразумно, но и быть так далеко от дома и всего того, что знакомо тоже никак не помогает. Европейское турне завершилось вчера вечером в Париже. Я устал как черт и мечтаю проспать следующие три

недели, до начала американских гастролей.

Франко толкает меня локтем, когда в проходе появляется достаточно свободного места, чтобы втиснуться в толпу выходящих. Достав сумку с полки, я устало плетусь за ним в сторону выдачи багажа. Он молчит. За последние два месяца Франко вымотался так же, как и я.

Я не принимал никаких наркотиков после того дерьма с Клер. Тем не менее, все эти шестьдесят с чем-то дней был пьян. Признаюсь, это изрядно сказалось на мне. Я пытался спрятаться от жизни, а вместо этого чувствую себя похороненным заживо.

Клер оставалась с нами до конца турне. После того дня она со мной не разговаривала. Как и я с ней. За это время я понял, что, возможно, она чувствует себя потерянной даже больше, чем я. Не знаю, что сделало ее такой, но за подобным поведением явно что-то стоит. Думаю, ее ожидает падение. И очень сильное.

Вторник, 28 марта (Гас)

МДИЖ попросил придержать выход альбома до завтра.

Он знал, что я не смогу справиться с собой, услышав «Finish Me», а уж исполнять ее во время тура было вообще вопросом не обсуждаемым.

Мне нравится, что этот чувак стоит за нас горой.

Среда, 19 апреля (Гас)

Последние три недели я избегаю всего и всех и просто сплю целыми днями. Каждый вечер мы ужинаем с Ма, но дальше этого мои контакты с внешним миром не простираются. Единственное время суток, которого я жду, — именно это, с Ма, даже если мы и не особо разговариваем. В обществе друг друга мы просто находим утешение.

Четверг, 20 апреля (Гас)

Я держу в руках телефонную трубку и смотрю на нее так, как будто не знаю, что делать. А может, решаю, стоит ли звонить вообще. Я не общался с Келлером, парнем Опти, с дня похорон. Но последние несколько дней не могу перестать думать о нем и его дочери Стелле. Интересно, как у них дела. Он хороший парень и Опти безумно любила его. Надеюсь, что он справляется лучше, чем я.

Набираю его номер. Но еще до того, как раздаются гудки, сердце начинает так сильно биться, что, кажется, у меня случится сердечный приступ. Вешаю трубку.

Полагаю, я еще не готов к этому.

Пятница, 21 апреля (Гас)

Сегодня начинаются гастроли в Вегасе. На часах восемь утра, Франко разговаривает на кухне с Ма. Нам скоро выезжать, а я еще даже не собрался. Достаяю из шкафа сумку, расстегиваю ее и бросаю на кровать. А потом закидываю несколько футболок, джинсы, носки, трусы, ноутбук, зубную щетку, пасту и дезодорант.

Проверяю карманы на наличие кошелька, телефона, сигарет и зажигалки. Перекинув

ремень через плечо, оглядываюсь и смотрю на ноутбук Опти. Он так и стоит нетронутым на комод. *Черт*, мне очень хочется взять его, открыть и, погрузившись в мир Опти, пересмотреть все, что она оставила после себя. Хочется снова вернуть ее в свою жизнь. Но это так тяжело и интимно, что даже при мысли об этом мне хочется выть.

Поэтому я просто беру, стоящий в углу комнаты футляр с гитарой и закрываю за собой дверь.

Ма разговаривает с Франко. Но, как только я захожу в комнату, они мгновенно замолкают. Совпадение? Нет.

— Все нормально. Не обращайтесь внимания и продолжайте говорить обо мне.

Грубо? Да.

Есть ли мне до этого дело? Да, по отношению к Ма и Франко — есть.

Могу ли я прекратить вести себя как придурок? Нет.

Ма хмурится и обнимает меня.

Я в ответ делаю то же самое. Это своего рода извинение.

— Доброе утро, Ма.

— Доброе утро, Гас.

Она прощает меня.

И я безумно люблю ее за это.

Полет был недолгим, и мы очень быстро приземляемся. Такси высаживает нас перед каким-то чудовищным отелем. Сейчас одиннадцать часов. Я готов к тому, чтобы залить в себя пару стаканов чего-нибудь крепкого и поспать, но на входе нас встречает Гитлер и, не теряя времени, ведет через толпу к лифту.

И только когда мы оказываемся внутри него, начинает говорить:

— Джейми и Робби прибыли около получаса назад. У вас есть... — он отодвигает манжет рубашки и смотрит на свои щегольские "Ролекс", — двадцать минут до начала фотосессии.

Джейми и Робби устроили себе маленькие каникулы и находятся в Вегасе вот уже два дня.

Я смотрюсь в зеркальную стену перед собой. Одежда выглядит так, как будто я в ней спал. Хотя, если подумать, может, так оно и было. Немытые вот уже пару дней волосы стянуты в хвост. Слава богу, я в очках, потому что не хочу видеть уставшие, воспаленные глаза, укоризненно смотрящие на меня.

После этого наш тур-менеджер замолкает.

Как и мы.

Лифт останавливается на пятнадцатом этаже, и мы выходим следом за Гитлером. В Вегасе все слишком роскошно и чрезмерно. Я всегда ненавидел показуху и фальшь. Гитлер останавливается и открывает дверь в номер люкс, этакую квартиру внутри гостиницы. Вся мебель в нем сдвинута к стене, а какие-то люди устанавливают декорации, освещение и камеры.

Мы бросаем сумки, и Франко направляется к одному из многочисленных кожаных диванов, где уже сидят Робби и Джейми. Я подхожу к бару и наливаю стакан виски. Три глотка, и он пуст. Снова наполняю его и иду к парням.

Должно быть, я заснул, потому что через несколько минут меня будит очаровательная блондинка в узких джинсах и черном топике.

— Пошли со мной, Густов.

Ее голос гипнотизирует меня. А может, это задница. Или маленькая, но совершенная грудь.

— С радостью, — отвечаю я.

Она закрывает за нами дверь и начинает стягивать с меня одежду.

— У нас совсем немного времени, — говорит она.

Чертовски верно.

Блондинка вручает мне черные джинсы.

— Надень их.

Я в растерянности.

— Подожди. Ты хочешь, чтобы я надел это?

Она моргает, глядя на меня своими оленьими глазами.

— Именно это я и сказала. Поторопись, нам еще нужно что — то сделать с твоими волосами, пока не пришли визажисты.

Черт. Она и в самом деле хочет, чтобы я оделся. Как замечательно! Стою перед ней в одних плавках, с эрекцией, а она собирается что-то делать с волосами.

Я не пропускаю взгляд, который она бросает на мое полное внимания достоинство перед тем, как отвернуться и начать рыться в куче рубашек на кровати.

Натягиваю джинсы. Несмотря на выпуклость, они хорошо сели.

— Кстати, меня зовут Линдси, — говорит она, снова разворачиваясь, и, прежде чем вручить рубашку, пожимает мне руку.

Теперь я чувствую себя идиотом, потому что она, кажется, классная девушка.

— Кстати, меня зовут придурок.

Она смеется над моим признанием.

— Прости.

Обычно я не извиняюсь за такие вещи, да и Линдси не выглядит оскорбленной, но она просто кажется такой... милой. К тому же позже, мы, возможно, познакомимся поближе.

— Ничего страшного. Я занимаюсь этим уже десять лет, так что, можно сказать, слышала и видела все.

Линдси выглядит старше меня, но я никогда бы не подумал, что она выполняет эту работу столько лет.

Теперь смеюсь уже я. Такое ощущение, как будто у меня с плеч упала гора.

— Сядь, пожалуйста, вот сюда, — говорит она, показывая на стул. Стянув с волос резинку, она расчесывает пальцами спутавшиеся пряди.

— Хм.

Я оглядываюсь на нее поверх плеча.

— Прости, у меня на голове воронье гнездо. Не знал, что у нас сегодня съемка. — Я снова извиняюсь. Мне неудобно, что я усложняю ей работу.

Она дружелюбно улыбается. И во мне, неожиданно, поднимается желание навсегда остаться в этой комнате.

— Никогда не сомневайся во мне, — говорит она. — У меня для всего найдется решение. Даже для этого.

Через пять минут мои волосы впервые за последние месяцы выглядят хорошо.

Полагаю, мне и правда, не стоило сомневаться в ней.

Линдси сворачивает джинсы и вешает рубашки, оставшиеся не у дел, в то время как кто-

то наносит мне макияж. Обычно я терпеть не могу, когда они мажут меня этим дерьмом, но сегодня все мое внимание на Линдси.

Когда визажист (не знаю, женщина это была или мужчина) уходит, у меня вырывается: "А ты придешь сегодня на выступление?"

Она снова смеется. Это как музыка для моих ушей.

— Нет. Но я слышала несколько твоих песен по радио. Ты отлично поешь.

— Ты должна прийти. Я могу провести тебя. — Звучит нелепо. И отчаянно. Конечно же, я могу провести ее. Я — участник группы.

— Не могу. Вечером улетаю в Сиэтл. Но, в любом случае, спасибо за приглашение, Густов.

— А как насчет ужина? Перед отлетом? — Черт, мне почти стыдно за свою настойчивость. И дело даже не в сексе. А просто... в ней.

Линдси моргает несколько раз, и я понимаю, что она собирается меня отшить.

— Густов, я польщена. Честно. — Она улыбается, чтобы смягчить отказ. — И ты совсем не придурок, — быстро добавляет она. — Но у меня есть парень.

Я киваю. Понятно. За это начинаю уважать ее еще больше. К тому же, я не разбиваю пары. Конец истории.

Позади нас кто-то откашливается. Я поворачиваюсь и вижу в дверном проеме девушку. Ее поза говорит о том, что она хотела бы оказаться где-нибудь, но не здесь. Мне видно только левую напряженную половину лица. Интересно, сколько она уже тут стоит. Судя по всему, довольно давно. В руках она крепко стискивает блокнот. Весь ее вид говорит о нетерпении. Как будто она ест, спит и даже дышит нетерпеливо. Как будто ее второе имя — Нетерпюха. Эта девушка уже мне не нравится.

— Густов, если ты закончил... — Ее голос спокоен. Не поворачивая головы, она бросает на нас быстрый взгляд. Он говорит мне о том, что она все слышала. И осуждает меня. — Ждут только тебя. — В ее голосе чувствуется раздражение.

Не сводя глаз с Линдси, я поднимаю палец в направлении Нетерпюхи, прося дать нам минутку. Она разворачивается и быстро исчезает.

Подхожу к Линдси поближе и протягиваю ей руку. Я нервничаю. Ненавижу это чувство.

Она пожимает ее. Она безмятежна. Через рукопожатие ее спокойствие передается и мне. Я благодарно принимаю его.

Встретившись с ней взглядами, я говорю: "Он счастливчик, Линдси". Я и правда так думаю.

С улыбкой на лице она кивает и подмигивает мне.

— Спасибо, Густов. И так, для информации, если бы я не была безумно влюблена, то, определенно, согласилась бы с тобой поужинать.

Я расплываюсь в улыбке, как школьница, а потом отпускаю ее руку и выхожу за дверь.

Фотосессия, ненавистное мне мероприятие, оказалась не такой жалкой, как ожидалось. А ведь я даже не пьян. Фотограф, Джек, не похож на тех, с кем мы работали раньше. Обычно они воспринимают себя слишком серьезно и гордо носят звание "художник", как будто это каким-то образом возносит их до небес. Джек оказался скромным парнем, не обделенным чувством юмора. Отличное сочетание. Одно из моих любимых. Он помогает нам расслабиться, и мы начинаем вести себя естественно. Черт, я уже не знаю, что такое естественность, но у меня все же получается с этим справиться.

Когда я закончил принимать душ и переоделся, Линдси уже ушла. Мне хотелось увидеть

ее еще раз, хотя это и попахивало бы сталкерством. Просто так приятно чувствовать притяжение к кому-то нормальному. К сожалению, она занята и значит, мне нужно выкинуть ее из головы.

В настоящее меня возвращает рывкающий из гостиной голос Гитлера.

— Густов, иди к нам. Нужно обсудить несколько вещей до начала саундчека.

Он так говорит, как будто сам каким-то образом *участвует* в нем. Я бы удивился, если бы узнал, что он хоть раз в жизни дотрагивался до музыкального инструмента. Подхожу к бару, наливаю себе виски и только после этого устраиваюсь на диване возле Франко. Едва коснувшись его ягодицами, понимаю, что не смогу слушать Гитлера трезвым, поэтому быстро поднимаюсь со своего места, хватаю из бара бутылку, ставлю ее перед собой на кофейный столик и сажусь обратно.

Он бросает на меня взгляд из серии "мне не так много платят, чтобы я терпел это дерьмо".

— Может тебе нужно что-то еще или мы уже начнем? — Какой сарказм!

Я, конечно же, не могу промолчать на это.

— Ланч и стриптизершу? Мы ведь все-таки в Вегасе.

Гитлер с отвращением качает головой. Я его так раздражаю, что это уже даже не смешно.

Пожав плечами, делаю большой глоток виски.

— Но попробовать-то стоило.

Франко бросает на меня предупреждающий взгляд, хотя я вижу, как он пытается сдержать улыбку. И она, все же побеждает.

Гитлер оставляет мой остроумный ответ без внимания и прочищает горло.

— Как вы знаете, я буду находиться рядом с вами в течение всего тура. Европейские гастроли прошли успешно, несмотря на то, что нам пришлось перенести несколько выступлений. Прошлогодний американский тур был весьма удачным, но сейчас на кону стоит очень многое. Ваш альбом набирает популярность, "Finish me" находится в десятке лучших песен чарта альтернативной и современной рок-музыки на этой неделе. Вы не можете позволить себе совершать ошибки. — Он смотрит на меня, как будто ожидает ответа на вопрос, который даже не задал. Я ничего не отвечаю, и он продолжает: — У руководства есть несколько просьб.

"Просьбы" означает "требования". Я осушаю стакан до дна.

— Во-первых, вы *будете* исполнять "Finish me" на каждом шоу.

Франко, Робби и Джейми переводят взгляды на меня. Судя по выражениям их лиц, они тоже в первый раз слышат об этом. Я качаю головой и раздраженно отвечаю: "Этого не будет"

Гитлер прочищает горло еще раз. Он знает, что его ожидает битва.

— Густов, это не обсуждается.

Я протягиваю руку к бутылке и делаю большой глоток. К черту стакан.

— Да ну. Это же Америка, здесь все обсуждается. — Пробую шутить, потому что уже очень близок к тому, чтобы выйти из себя и бросить эту гребаную бутылку виски через всю комнату.

Он агрессивно улыбается.

— Как я уже сказал, вы *будете* исполнять "Finish me" на каждом шоу.

— Мы это еще посмотрим, убудодок. — Говорю я про себя и делаю еще один глоток.

Франко услышал меня. Он берет бутылку из моих рук, отпивает сам, а потом передает Робби и Джейми, которые делают то же самое. Я был так погружен в свое дерьмо, что уже и забыл, что значит солидарность. Обожаю этих парней за то, что они поддерживают меня. Вот почему мы — группа.

Гитлер молчит. Я воспринимаю это как намек и встаю.

— Мне нужно покурить.

Но, судя по всему, он еще не закончил с ультиматумами.

— Мы не договорили.

Вздыхаю и сажусь. Я не побежден. Я раздражен. И он это знает.

— Эти гастроли будут сложнее, чем предыдущие. Выступления будут проходить практически каждый вечер, вам придется перемещаться с одного конца страны в другой. Поэтому, Густов, мы посчитали, что в интересах турне и альбома, на протяжении всего этого времени у тебя будет ЛП.

Прищурившись, я смотрю на парней. Они явно не в курсе, поэтому я перевожу взгляд на Гитлера.

— Надеюсь ЛП это не то, что я думаю. — Сейчас мне совсем не до шуток.

— К нашей команде присоединяется Скаут Маккензи. Она будет твоей личной помощницей по всем вопросам касательно тура. Ее основной задачей будет расписание и связи с общественностью. Относиться к ней нужно с *уважением*.

То, как Гитлер выделил последнее слово, говорит о том, что он кастрирует меня, если я трону эту женщину. Несмотря на раздражение, мне становится любопытно.

— Скаут, — громко кричит он поверх плеча.

В комнату заходит Нетерпюха.

— О черт, нет, — говорю я, вставая и шагая в направлении балкона. Сигарета уже торчит у меня между губ.

— Это не обсуждается, Густов, — раздается сзади пышущий злобой голос Гитлера.

Я прикуриваю, затягиваюсь и тычу в него зажатой между пальцами сигаретой.

— Мне не нужна гребаная нянька.

Резко отодвинув балконную дверь, выхожу на свежий воздух.

— Боюсь, что после твоего поведения в Европе, она тебе определенно нужна, — практически кричит Гитлер.

В ответ на это я закрываю дверь и устраиваюсь в шезлонге.

Франко присоединяется ко мне, когда я прикуриваю вторую сигарету. Он открывает рот, чтобы заговорить, но я опережаю его.

— Они не могут так поступить, — горько говорю я и поднимаю на него взгляд. — *Или могут?*

Он пожимает плечами.

— Я не знаю, чувак.

— Следующие несколько месяцев будут кошмаром. Эта помощница будет обо всем докладывать Гитлеру.

Франко согласно кивает.

— Я ничего не могу с этим поделать. — Он хихикает, судя по всему чему-то радуясь. — И она определенно не твоя новая сексуальная партнерша. Он явно намекнул на это. Только бизнес и ничего больше, мужик.

Кипя от злости, я пристально смотрю перед собой, но его смех вырывает меня из

задумчивости.

— Ты уже говорил с ней, чувак? Она же сурова, как скала.

Он смеется еще громче.

— Да. Нас представили после того, как ты ушел. Расслабься, думаю, она просто стесняется. И, возможно, немного озлоблена, — добавляет он.

— *Немного?* Да она с таким отвращением посмотрела на меня, когда услышала, как я клеюсь к стилисту. — Глядя на него, я тоже не могу сдержать смех. — Это будет кошмаром.

— Добро пожаловать в ад, придурок.

Девять недель ада.

Девять недель и я дома.

Еще девять недель.

Дом.

Суббота, 22 апреля (Гас)

Сегодня было наше лучшее выступление за последний год, несмотря на то, что я был трезв. Зрители были в восторге, их энергия заряжала и нас.

Мы не стали исполнять "Finish me". Гитлер был в ярости. Мне начинает нравиться наблюдать за тем, как пульсирует вена у него на лбу.

Как только мы добрались до автобуса, я пошел отдохнуть и проснулся лишь на следующий день в обед. Никогда еще так крепко не спал в дороге. Чувствую себя почти человеком.

Перед тем, как отодвинуть шторку на кровати, я надеваю футболку. Уверен, в этот раз не стоит переходить рамки приличия. Последнее, что мне нужно, это Нетерпюха, обвиняющая меня в сексуальном домогательстве.

Только в ванной комнате до меня доходит, что автобус стоит. И я в нем один.

Надев джинсы, носки и туфли, хватаю все самое необходимое и выхожу на свежий воздух. Мы в Фениксе, поэтому на улице жарко. Ничего не имею против. Этой зимой мне хватило холода на всю оставшуюся жизнь.

Прикуривая сигарету, внимательно осматриваю окрестности. Мы остановились позади здания, в котором будет проходить концерт. Через улицу продают тако, и при виде этого у меня начинает урчать в животе.

Внутри закусочная оказывается маленькой и, судя по всему, чистота не в списке приоритетов этого заведения, но мне сойдет. Увидев в меню вегетарианские тако, начинаю чувствовать себя как дома. Заказываю шесть порций и бутылку воды и занимаю место за столиком возле окна. Еда на вкус очень отличается от маминой, но все равно чертовски хороша.

Закончив, понимаю, что не хочу уходить. За окном проходят люди, немного, но все же. Мне нравится наблюдать за ними. Я мог бы сидеть здесь весь день и угадывать их истории. Или придумывать их в своей голове. Это весело. Поэтому устраиваюсь поудобнее и смотрю. Жалюзи закрыты, но одна из планок поднята. Чувствую себя шпионом, подглядывая через нее.

Через пять минут я замечаю высокую худую брюнетку в красной безразмерной толстовке и шортах. Не сказать, что они неприлично короткие, но все же достаточно открывают ее великолепные, длинные и стройные ноги. Она разговаривает по телефону.

Некоторые люди, особенно если их что-то отвлекает, не обращают внимания на то, что происходит вокруг. Но, несмотря на натянутый капюшон, по ее каким-то вкрадчивым движениям, я понимаю, что она замечает все. Эта девушка стала бы бесценной свидетельницей преступления. Готов поспорить, от нее не ускользает ничего.

В какой-то момент девушка останавливается и прислоняется к стене. Она кажется напряженной и сосредоточенной. Ее свободная рука засунута в передний карман. Несмотря на то, что она стоит, не шевелясь, в ней ощущается какая-то нервозность. А может, это нетерпеливость. Мне жаль ее. Спокойствие сложная штука. Я скучаю по нему.

Неожиданно она отталкивается от стены, переходит дорогу и направляется прямо в мою сторону. Чем ближе она подходит, тем больше мне хочется смотреть на нее. Не знаю, может это из-за ног или естественной грации, с которой эта девушка двигается. Она как человеческая версия газели.

И вдруг я понимаю... это Нетерпюха. Я моментально отвожу взгляд, но он самопроизвольно возвращается к ней.

Я не должен на нее пялиться. Особенно, когда она не может видеть меня через жалюзи. Но все же я это делаю. Не потому, что невоспитанный. Просто мне любопытно.

Несмотря на волосы, обрамляющие ее лицо, я замечаю шрам на правой щеке.

Выглядит так, как будто на этом месте был сильный ожог. Он начинается чуть ниже глаза, тянется вдоль щеки, шеи и исчезает под футболкой. Интересно где он заканчивается, потому что ноги у нее выглядят безупречно. Как я раньше этого не увидел? Мы работаем вместе уже два дня. Обычно, я более наблюдателен. Судя по всему, я просто игнорировал и ее, и работу, которую она делала.

Она заходит в закусную. К счастью, меня скрывает от нее какое-то растение. Я не вижу, но слышу Нетерпюху. В ее тихом голосе нет ни капли мягкости, в нем чувствуется сила. А еще легкий акцент, на который я не обратил внимания вчера. Восточное побережье? Решаю прислушаться.

— Да, девять недель. Мне очень нужны эти деньги... Я не особо разговаривала с ним, но, кажется, он обычная "рок-звезда". — Ее голос звучит немного резко. — Это так и выпирает из него. Сначала выходит оно, и только потом он. Честно сказать, парень кажется полным придурком... Послушай, Джейн мне нужно что-нибудь перекусить, пока не настал день номер два. Прогуляйся. Подыши свежим воздухом. Хорошо. Созвонимся. Пока.

Как неудачно. Я надеялся подружиться с ней, или, по крайней мере, примириться с идеей о личном помощнике. Мне не нужны проблемы. Но, полагаю, она не открыта для приятельских отношений, хотя и права в одном — я был полным придурком. Однако, на мой взгляд, она переборщила со своим "обычная рок-звезда". Я всегда гордился тем, что не подхожу под это клише.

Услышав от нее столь нелестную характеристику, решаю, что лучше всего будет потихоньку выскользнуть из заведения, пока она делает заказ.

В следующий раз я вижу Нетерпюху только в обед. Я сижу на кровати, когда она подходит. Знаю, это так по-детски, но я немного обиделся на то, что она сказала раньше и теперь пытаюсь переварить это. А может, немного зол на себя за то, в кого превратился. Не хочу быть клише. Как бы то ни было, когда она начинает говорить, я даже не поднимаю взгляд. Грубо, но ничего не могу с собой поделать. Нетерпюха отвечает мне тем же и во время разговора смотрит куда-то вдаль, лишь иногда, краем глаза, косясь на меня. Туше.

Наше общение проходит в таком стиле:

Скаут: "Ты должен бла бла бла. И когда ты закончишь с этим, то должен бла бла бла. "

Я: Игнорирую, но периодически киваю, делая вид, что слушаю.

Скаут: Молчит. Моя грубость вызывает у нее раздражение. Она злится и даже не пытается это скрыть. Ну, хорошо хоть не унижается и не целует мне задницу. Я ей определенно не нравлюсь.

С каждым днем я понимаю все больше и больше, что в этом бизнесе у людей нет гордости. Они готовы переступить через мораль, этику, ад и своих собственных матерей, если это приблизит их к успеху. Все вокруг — фальшь. Каждый хочет быть твоим другом. Каждый хочет оторвать от тебя кусочек. Это вызывает у меня отвращение и искажает мое видение настоящего.

Поэтому я практически счастлив от того, что эта девушка так явно недолюбливает меня. Это воскрешает во мне веру в человечество.

Воскресенье, 23 апреля (Скаут)

Может, у меня и немного друзей, но я стараюсь дать шанс каждому, несмотря на сомнения. Наверное, потому что никто никогда по-настоящему не давал его мне.

Однако за последние несколько месяцев моему терпению пришел конец. Теперь я опираюсь на свое первое впечатление. А оно обычно негативное. Я нахожусь рядом с Густовом Хоторном немного более сорока восьми часов. Он — придурок. Впервые я увидела его, когда он пытался охмурить стилиста. Лживое очарование лилось из него, заманивая в свои сети новую жертву. Мужчины такие свиньи. А Густов, наверное, их предводитель. Еще стоит упомянуть о том, что трезвость явно не в его планах на следующие два месяца. Он собирается прожить их как "рок-звезда" даже, если это убьет его. А что, вполне возможно.

Я нахожусь здесь потому, что мне нужны деньги. Это единственная причина. У меня есть работа и я буду ее делать, даже если сдохну, потому что не могу вернуться домой. Не могу. Ладно, на самом деле я здесь по двум причинам: деньги и бегство.

Даже, наверное, больше бегство. В следующем месяце я заканчиваю онлайн-обучение и получу степень. Она в совокупности с деньгами даст мне возможность исчезнуть навсегда. Знаю, я бегу от проблем. Я это знаю. *И ненавижу себя за это.* Но дом напоминает мне о нем. И от этого я чувствую себя уродиной. Исползованной. Неудачницей. А я терпеть не могу неудачи.

Поэтому, когда мне в последнюю минуту предложили работу, я ухватилась за нее, несмотря на то, что ее трудно назвать идеальной. Но из двух зол выбирают меньшее. По крайней мере, это зло обеспечит мне побег от другого.

Мы не слишком часто общаемся с Густовом. Большинство ежедневных дел обходится без него. А если нам все же приходится разговаривать, то я занимаю пассивную позицию. По-другому с ним, похоже, никак. Подобное поведение мне удается особенно хорошо; именно так я провела большую часть своей жизни. Люди лучше реагируют на меня, когда я пассивна. Как бы то ни было, не думаю, что я нравлюсь Густову. И это замечательно. Пусть лучше так. Он — просто работа. Я — буфер между ним и руководством, потому что он не хочет иметь с ними ничего общего. Честно признаться, не могу винить его за это. Я тоже этого не хочу, но приходится.

Мне приходится.

Девять гребанных недель.

Боже.

Черт возьми.

Помоги.

Мне.

Среда, 26 апреля (Гас)

Скаут фанатка стикеров.

И мисс «Само Остроумие».

Мне приходится вернуться в автобус, потому что я забыл телефон. Он лежит на кровати с приклеенным к нему стикером: *Ты забыл свой телефон. Снова. Он сдох. Я его зарядила. Рада была помочь.*

Не могу понять, нравится мне это или нет.

Наверное, все же нет. Поэтому я прибегаю к такому же методу. Пусть это будет игра в оба ворота.

Переворачиваю стикер и пишу на обратной стороне: *Я его не забыл. Он становится засранцем, если ему не удастся полежать на моей кровати. И да, он не сдох, а просто прикорнул.*

Перед тем как уйти, бросаю стикер на ее кровать.

Четверг, 27 апреля (Скаут)

Прошла неделя.

Я обнаружила, что Густов много пьет.

Весь день.

Я думала, что это часть имиджа рок-звезды, но теперь у меня такое чувство, что он просто пытается пережить день, как будто ему нужна помощь, чтобы справиться с реальностью. Сначала он мне не понравился. Сейчас мне его немного жаль. Большую часть времени я стараюсь избегать Густова. Если это не удастся, то приходится терпеть его. Хотя, надо признать, его ответные записочки довольно остроумные. И это хорошо, потому что остроумие — мой второй язык.

Остальные парни: Франко, Джейми и Робби, кажутся нормальными. Хотя я не слишком много с ними общаюсь. В этом нет ничего нового. Я всегда была одиночкой.

Я стараюсь не особо рассказывать о себе, а они слишком воспитанные, чтобы выпытывать. И большую часть времени трезвые, что тоже является большим плюсом.

Я не видела ни одного их шоу. И не планирую. Как правило, во время выступления я сижу на автобусе и читаю, а когда начинается весь хаос после, спускаюсь и наблюдаю за порядком. Обычно ничего не происходит. Единственный, на кого я постоянно натываюсь, — это Гас, которого тянут за собой восторженные фанатки. Каждую ночь он исчезает с ними в темных уголках.

Осталось восемь недель.

Я справлюсь.

Пятница, 29 апреля (Скаут)

Мы в Канзас-Сити, Миссури. Никогда не была на западе. Тут все спокойно и стабильно. Не могу этого объяснить. Как будто люди здесь постигли смысл бытия.

Никто никуда не торопится. Жаль, что я не могу так жить. Мой мозг постоянно в работе. Вот что происходит, если ты вырос в Нью-Йорке, городе, который никогда не спит. Иногда мне так хочется отключиться от всего, но я не могу. Это просто глупо и нереально. Жизнь — это борьба. И я в ней — борец. У меня хорошо получается защищать себя в случае необходимости.

Телефон начинает звонить, когда я стою на улице возле автобуса.

— Привет, Джейн, — с облегчением говорю я. В последний раз мы разговаривали несколько дней назад, и я начала беспокоиться. Мне нужно знать, что у нее все в порядке.

— Привет, Скаут. — Судя по голосу, она счастлива. Меня это радует, потому что я редко слышу искреннюю радость в ее голосе.

— Как дела? Есть что-нибудь интересное на повестке дня? — спрашиваю я. Мы всегда начинаем наши разговоры с этой фразы. Даже если я и не хочу обратно домой, все равно должна знать, что там происходит. И что с Джейн все хорошо. Мы общаемся раз в несколько дней. Я скучаю, но не по дому, а по чувству дома; по безопасности, или иллюзии безопасности. Я — человек привычек. И скучаю по своей обычной жизни.

— Пакстон дома в эти выходные. Через час мы собираемся на ланч. Я встречаюсь с ним возле кафе "У Паскуаля". — Она нервничает. Наверное, даже немного напугана. Пакстон — ее сын и у них чрезвычайно натянутые отношения. Ему семнадцать, он мой двоюродный брат и мы выросли вместе. Даже, несмотря на шестилетнюю разницу в возрасте, мы очень близки. Он мой лучший друг. Пакстон учится в интернате в Бостоне и ненавидит это место: саму школу, испорченных детишек, которые его окружают, изоляцию. Оно душит его, и я не виню его в этом. Это место изменило его, он стал более замкнутым. Если коротко, то школа — это альтернатива родительскому воспитанию. Школа воспитывает детей, поэтому родителям не нужно быть, ну вы знаете, родителями. Потому что, честно признаться, на данном этапе своей жизни Джейн не может этого делать. И Пакстон не хочет, чтобы она имела к этому какое-то отношение. Мне не нравится быть между двух огней. Я пытаюсь выступать в роли миротворца, но обычно проваливаюсь на этом поприще.

Я держу трубку возле уха и не знаю, что сказать. Мне не хочется давать ей ложную надежду, потому что я знаю Пакстона. Не думаю, что он появится на ланче, но не могу заставить себя сказать это.

— Передавай ему от меня привет. И пусть позвонит. — Мы общаемся с ним каждый день, но я не хочу, чтобы она это знала.

Джейн вздыхает, и я слышу, что она сомневается даже по телефону. Ей не хочется сомневаться. Она хочет быть оптимисткой. Она мечтает об этом, как маленькие девочки мечтают быть принцессами и жить долго и счастливо. Но в реальности, Джейн вынужденная фаталистка. Ее судьбой управляет болезнь. И это причина, по которой Пакстон отказывается находиться рядом с ней.

— Передам, — наконец, говорит она. Джейн пытается улыбнуться, но ей не удается. Я слышу это по колебаниям в ее голосе.

Пытаясь приободрить ее, я добавляю:

— О, и по дороге домой не забудь остановиться в "Свит Тритс" и съесть за меня кусочек морковного чизкейка. — Джейн любит морковный чизкейк, он всегда поднимает ей

настроение. И мне тоже. Хотя бы раз в месяц мы посещали "Свит Тритс" и заедали все плохое чизкейком. Это лекарство практически от всего. Ненадолго, но все же.

Она сразу же веселеет.

— Так и сделаю. Знаешь, я не ходила туда с тех пор, как ты уехала. Думаю, настало время это исправить.

Я согласно киваю головой, хотя она меня и не видит.

— Определенно.

— А как у тебя дела? — меняет тему разговора Джейн.

Я пожимаю плечами.

— Также. Еще восемь недель. Я справлюсь. — Я должна.

— Ты можешь справиться с чем угодно, Скаут. — Она всегда ободряет меня... и только меня. А сама живет по-другому, как будто расплачиваясь за все свои неправильные поступки и за те вещи, которые она ненавидит в себе. Мне всегда казалось, что Джейн из тех людей, которые не понимают, что у них есть потенциал, или сила, чтобы пробудить его. Она просто *плывет* по течению жизни, не участвуя в ней.

— Спасибо, Джейн. Тебе, наверное, пора на ланч. — Мне не хочется произносить следующие слова, потому что если Пакстон не появится, то она будет раздавлена этим. Тем не менее, я говорю: — Позвони и дай мне знать, как дела у Пакстона.

— Хорошо. — В ее голосе уже чувствуется разочарование и сомнение. Мне бы так хотелось помочь ей.

Через четыре часа приходит сообщение от Джейн.

«Пакстон не появился».

Я не хочу ей ничего отвечать. Не хочу признавать ее боль, потому что в таком случае она станет реальной. Но все же отправляю смс с единственными словами, которые кажутся мне искренними.

«Мне жаль».

Джейн никак не реагирует на это. Да и что она может сказать?

Суббота, 29 апреля (Скаут)

Вчера Пакстон так и не позвонил мне. Я знаю, что он зависает с друзьями, раз уж оказался дома на все выходные. Он не так часто приезжает, так что я понимаю, что он занят. Тем не менее мне нужно быть уверенной, что с ним все в порядке.

«В НЙ в эти выходные?»

Ответ приходит практически незамедлительно.

«Завтра вечером возвращаюсь в тюрьму»

«Веселишься?»

Господи, надеюсь, что это так.

«Тусуюсь сегодня с Киско»

Значит, да. Киско — один из его ближайших друзей. Они знают друг друга с пяти лет.

«Отлично. Дай мне знать, когда вернешься»

«Конечно»

Четверг, 4 мая (Скаут)

Единственное, что мне нравится в Густове — его любовь к матери. Он разговаривает с ней по телефону каждый день после обеда. До вчерашнего дня я и не знала, что он звонит именно ей.

Каждый день.

После обеда.

И теперь меня так и тянет подслушать. Зачем рок-звезда звонит матери каждый день? Это делает его человечнее.

Не поймите меня неправильно, Густов все так же мне не нравится. Просто теперь я рассматриваю его как кого-то более реального. Вот и все.

Осталось еще пять недель, и я свободна.

Еще.

Пять.

Недель.

Пятница, 5 мая (Гас)

Вернувшись в автобус после сауны, я обнаруживаю стопку чистого, свернутого белья на кровати. Мои простыни. И одежда. Все. Чистое. Чистое настолько, что хочется зарыться лицом и вдыхать запах следующие несколько часов, потому что оно пахнет хорошей погодой. Я не стирал белье с тех пор, как мы отправились в турне. А если учесть, что сменных комплектов было немного...

Нетерпюха выходит из ванной и ловит меня за тем, как я нюхаю пару носков.

Именно в этот момент я складываю "два и два".

— Ты постирала мою одежду?

Она пожимает плечами и отводит от меня взгляд. Как и всегда.

— Она воняла так, как будто здесь кто-то сдох. Давно было пора. Как минимум, две недели назад.

Неожиданно я замечаю стикер рядом с бельем.

Когда твои джинсы начинают стоять колом, значит пришло время их стирать. Рада была помочь.

Я киваю и возвращаюсь к прерванному занятию с носками. От них нереально хорошо пахнет.

— Знаю, это не твоя работа, но все равно спасибо.

Осмотрев стопку, я замечаю, что в ней в два раза больше нижнего белья и носков, чем у меня было.

— Эй, либо мои носки и трусы размножаются в прачечной как кролики, либо кто-то купил их мне. — Поворачиваюсь и вопросительно смотрю на нее.

Нетерпюха хватается с кровати свою сумку и быстро направляется к двери.

— Ты не можешь носить белье каждый день и не стирать его. Это отвратительно, — резко отвечает она. Не сказать, что у нее мягкий, женственный голос, но звучит он как-то соблазнительно, даже безмятежно. Мне нравится слушать ее.

Она купила мне носки и трусы?

Она купила мне носки и трусы.

— А кто сказал, что я их ношу? В последнюю неделю я придерживаюсь стиля

"коммандос".

На ее лице мелькает отвращение, и она качает головой.

Я знаю, что переступил черту.

— Прости. Слишком много информации. Но спасибо, подруга.

— Мне было несложно. Правда. Я в любом случае собиралась стирать свою одежду. А носки и трусы из "Уолмарт", так что ничего особенного. Я воспользовалась кредиткой компании. — С этими словами она исчезает за дверью.

Может, для нее это ничего не значило. Может, она сделала это потому, что не могла больше терпеть вонь. *Скорее всего, она сделала это, потому что не могла больше терпеть вонь.* Какой бы ни была причина, но она сделала это безвозмездно, не ожидая ничего взамен. Нетерпюха просто была милой.

Я, черт возьми, люблю милых людей.

Два очка в пользу Скаут.

Среда, 10 мая (Скаут)

Сегодня выступлений нет. Мы едем по Техасу и, несмотря на все тот же автобус, это хоть как-то разнообразит наш обычный распорядок дня. Парни занимаются своими делами: читают, слушают музыку или копаются в ноутбуках. Каждый ушел в свой собственный маленький мирок.

Последний час я переписываюсь с Пакстоном. Мы почему-то начали цитировать наши любимые высказывания из фильмов, в основном смешные. Все началось с обычного обсуждения, а в итоге превратилось в странный разговор с использованием одних цитат. У нас хорошо получается. Пакстон — умный парень с отличной реакцией, а значит, мне приходится быть начеку и старательно копаться в памяти. Это весело. Но вскоре он уходит на лекцию, поэтому я начинаю читать новую книгу, которую купила утром на стоянке для дальнобойщиков. Это криминальный роман "*Зов кукушки*". Захватывающее произведение, хотя обычно я таким не интересуюсь. Может, стоит чаще почитать новые жанры.

Густов слезает с кровати и уходит. А потом возвращается через несколько минут и забирается на нее снова. Этого недостаточно, чтобы отвлечь меня от книги, тем не менее, я чувствую как он двигается.

Тишину в автобусе нарушает звук разрываемой пластиковой упаковки, за которым следует то, что может быть только открыванием банки. Неожиданно в нос ударяет запах арахисового масла. Я *обожаю* его. И теперь, когда уловила, мне безумно хочется есть. Я бы убила за сэндвич с арахисовым маслом.

Судя по всему, я не единственная, кого привлек этот запах.

— Эй, передай и мне немного, засранец. — раздается голос Франко.

Краем глаза замечаю движение — обмен едой. Все, что касается арахисового масла, раздражает мои вкусовые рецепторы. Я бы все отдала за ложечку этого лакомства.

И, как будто он может читать мои мысли, рука Густова тянется ко мне через проход.

— Хочешь?

На его ладони лежит сэндвич — два соленых крекера и между ними арахисовое масло. Я приподнимаюсь с кровати, чтобы лучше видеть.

— Хочешь один?

Какое аппетитное зрелище. Не знаю почему, но я сомневаюсь. Он пытается быть

милым, я же отвечаю ему подозрительностью. Это рефлекторная реакция. Мне бы хотелось ответить добротой на доброту, поэтому делаю попытку: "Что это?". Нет, я знаю, что это, но никогда не видела, чтобы кто-нибудь ел соленые крекеры и арахисовое масло вместе.

— Самая вкусная еда в мире. Ты должна попробовать. Seriously. Возьми.

Я так и делаю, на какое-то время задвинув свою подозрительность подальше.

— Спасибо.

Откусив, я понимаю, что он прав. Не успев доест этот сэндвич, мне уже хочется другой. Даже несмотря на крошки, падающие на кровать.

— Ты не сможешь остановиться на одном, — говорит Густов. Снова появляется его рука, в которой в этот раз лежат две божественные вкусняшки.

Я улыбаюсь, хотя он и не видит мое лицо, и беру их.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста. У меня целая пачка крекеров. Так что дай знать, когда будешь готова к следующей порции. Ах, да, у меня есть виноградный сок, если тебе нужно запить. С крекерами и AM[2] лучше всего идет виноградный сок.

Я, улыбаясь, качаю головой.

— Тебе что, пять лет?

С кровати Франко раздается смех.

— Типа того. Во всяком случае, в душе. — Густов не выглядит обиженным. В его голосе чувствуется искренность.

Мой язвительный комментарий превратился в комплимент, который он принял.

Это немного смягчает мое отношение к нему.

— Нет, спасибо. У меня есть вода.

— Как хочешь. — Он вручает мне еще два крекера.

Пока я жую, мне приходит в голову мысль: крекеры с арахисовым маслом — как оливковая ветвь, которую он протянул мне, даже не осознавая этого.

Суббота, 13 мая (Скаут)

Сегодня я проснулась рано. Мы в Теннесси. Я уже сходила на пробежку, приняла душ и теперь, пока все спят, собираюсь в прачечную. Стянув с кровати простыни, потихоньку складываю их и свою одежду в сумку и, когда кто-то хлопает меня по плечу, испуганно подпрыгиваю на месте.

Повернувшись, вижу Густова, высовывающегося со своего места. У него шевелятся губы, но, наверное, он шепчет, потому что мне его не слышно. Поэтому я поднимаю вверх палец, давая понять, чтобы он замолчал.

— Подожди. — Лезу в сумку и достаю из нее коробку со слуховым аппаратом. Вставив его в левое ухо, говорю:

— Прости, что ты сказал?

Около минуты он растерянно смотрит на меня.

— А в правом ухе ты его не носишь? — спрашивает Густов.

Совершенно невинный вопрос, но я краснею.

— Оно совсем не слышит, — отвечаю я.

Я думала, что он забросает меня вопросами или будет шокирован сказанным, но парень даже не моргнул.

— Ты собираешься стирать одежду?

Густов больше не шепчет, несмотря на то, что все остальные спят.

Я киваю и продолжаю собирать сумку.

— Не возражаешь, если я пойду с тобой. Пора приучаться стирать каждую неделю.

Я пожимаю плечами, потому что знаю, что он пойдет в независимости от моих слов.

— Я могу взять и твои вещи. Это не проблема. Тебе не обязательно идти.

По правде сказать, мне не хочется, чтобы он шел со мной. Предпочитаю быть сама по себе. К тому же, я немного смущена тем, что он теперь знает о моем слуховом аппарате. А что, если его узнают? Ненавижу привлекать к себе внимание. Ненавижу. Это вызывает у меня чувство неловкости. Разговаривать с ним в автобусе — одно, а делать это вне его — другое.

Как бы то ни было, он идет со мной. Хорошая новость — Густов абсолютно трезв.

Прачечная находится недалеко, поэтому мы принимаем решение добираться до нее на своих двоих. По пути мы заглядываем в булочную в датском стиле, чтобы выпить кофе. Густов завязывает разговор с дружелюбной женщиной за стойкой. Мне становится завидно насколько просто это для него — общаться с незнакомым человеком, как со старым другом. Он оплачивает оба кофе и оставляет ей на чай десять долларов. Женщина вручает нам по слоеному пирожному, которое она называет "Письмо из Дании" и желает хорошего дня.

К тому моменту, как мы выходим на улицу, Густов уже практически прикончил пирожное и теперь с большими, как у ребенка глазами, доедает последний кусок.

— Черт возьми, "Письма из Дании" — это вещь. Нужно остановиться по дороге обратно и купить еще. Все, что есть у Дебби.

Я обратила внимание на имя женщины на бейджике, потому что повернута на деталях, но не думала, что это заметит Густов. Я удивлена. И соглашусь, что пирожные были восхитительны.

— Да, нужно, наверное, купить на всех.

— Кто сказал обо всех? Следующие несколько дней я собираюсь в одиночку наслаждаться этими сладкими маленькими ореховыми кусочками рая. — Густов подмигивает, и я понимаю, что он шутит. Вроде как. Не сомневаюсь, что он запросто может слопать хоть дюжину.

В прачечной, Густов сразу же засовывает все содержимое своей сумки в одну стиральную машинку, забивая ее под завязку. Я стою рядом, сортируя одежду и раскладывая ее на столике. Но увидев, что он сделал, останавливаюсь и несколько раз удивленно перевожу взгляд с машинки на него и обратно.

Он чувствует мое явное смятение.

Я опять смотрю на загруженную машинку, а потом на него, целясь при этом в бороду, потому что просто не могу встретиться с ним взглядом. В большинстве случаев я неловко чувствую себя при контакте глазами на таком близком расстоянии. Не знаю, как объяснить это, но мне не хочется увидеть, как он изучающе рассматривает меня. Я не хочу увидеть, как он пялится на мои шрамы. Чаще всего люди разговаривают с ними, а не с глазами. В принципе, я привыкла, насколько это вообще возможно, хотя и не хочу быть "девушкой со шрамами" ни для него... ни для других.

Что такое, подруга? — спрашивает Густов, подняв руки ладонями вверх.

— А ты когда-нибудь занимался стиркой? — качая головой, интересуюсь я.

— Конечно, — кивая, отвечает он.

Сомневаюсь в этом.

— А что-нибудь слышал о сортировке? — Не знаю, почему это так раздражает меня. Наверное, потому, что я все анализирую и от этого в голове полный кавардак. Почему я не могу просто нормально поговорить?

— Это слишком долго. Оно же в любом случае постирается, — защищаясь, произносит он.

Я начинаю доставать его одежду из машинки.

— Ты сломаешь ее, если загрузишь слишком много белья. — Достав все, я раскладываю его на кучки. Густов стоит сзади, сложив руки на груди, не делая никаких попыток остановить меня. Я также замечаю, что он ухмыляется.

Разложив одежду в три стиральные машины, я сажусь и открываю книгу, пока он бежит в булочную. В прачечной стоит нехарактерная для этих мест тишина. Обычно в них полно народа, грязно и шумно. В этой же совсем не так. Густов возвращается с тремя коробками пирожных к тому моменту, когда заканчивается цикл "полоскание".

Мы перекидываем белье в три свободные сушильные машины, после чего он вытаскивает из сумки маленькую картонную упаковку.

— Сыграем? — спрашивает Густов, доставая из нее деревянную коробку.

Мне становится любопытно.

— Ты хочешь сыграть в игру?

Он пожимает плечами.

— Конечно. У нас куча времени, а делать нечего. — Густов оглядывается и смотрит на сушку. — Сорок семь минут, если быть точным. Этого более чем достаточно, чтобы сыграть в «Манкалу»[3].

— Манкалу?

— Ага, — отвечает он, вопросительно глядя на меня. — Только не говори, что никогда в нее не играла. Если так, то нам срочно нужно это исправить.

— Даже никогда не слышала о ней.

Он открывает деревянную коробку, которая оказывается складным игровым полем, и начинает раскладывать равное количество плоских камушков в круглые лунки по обе стороны коробки.

— Мы раньше постоянно играли в нее с друзьями, — объясняет он. — Я увидел ее вчера на стоянке для дальнобойщиков и купил. Прошло уже несколько лет, поэтому сейчас у меня Манкала-ломка.

Когда я была моложе, мы постоянно играли с Пакстоном в настольные игры. Но это было так давно. Не успев отговорить себя от того, чтобы сказать "да", я соглашаюсь. Что, черт возьми, в меня вселилось?

Густов объясняет правила, и мы начинаем ходить. Игра довольно проста, нужно просто передвигаться по полю и пытаться захватить как можно больше шариков противника. Я проигрываю. Мы начинаем еще один раунд. Я снова проигрываю. Густов смеется надо мной. Мы играем снова и в этот раз победа за мной. Не стесняясь, я тоже ехидно насмехаюсь над ним. У меня такое чувство, будто мы играем с Пакстоном. Несмотря на то, что я предпочитаю одиночество, это утро оказалось самым странным, неожиданным и незапланированным образом идеальным. Обычно я чересчур организована, но сегодня все

прошло спонтанно и... мило.

И мне понравилась Манкала. Кто бы мог подумать?

Но я знаю, что этого больше не повторится. Это был момент слабости. Я не могу доверять этому парню. Последний человек, которому я доверилась, сломал меня.

(Гас)

Утро прошло замечательно. Черт, я практически почувствовал себя *нормальным*. Не думал, что это может произойти в дороге. Да я вообще не думал, что это когда-нибудь произойдет снова. Я также раскрыл тайну, почему Нетерпюха иногда не отвечает мне, когда я что-нибудь шепчу ей. Я всегда считал, что она просто игнорирует меня. Не знал, что у нее проблемы со слухом. Это заставляет меня воспринимать ее не столь враждебно. Не поймите неправильно, она все так же холодна и спокойна. Но теперь я думаю, что это больше связано с ней самой, чем со мной.

Суббота, 20 мая (Гас)

Судя по всему, я был не прав. Холодность и спокойствие все же связаны со мной.

Сегодня утром я предложил Нетерпюхе сходить со мной в прачечную, но она, полагаю, сделала это вчера. В этом не было бы ничего страшного, но на этой неделе она отклонила все мои попытки быть милым. Она избегает меня. Избегает намеренно и явно. Не знаю, что я сделал не так. Я думал, что на прошлой неделе мы повернули наши отношения в сторону дружбы, но видимо ошибся.

Вычеркните ту часть, где я думал, что мы можем быть друзьями.

Мы снова вернулись к стикерам.

Черт.

Я устал.

Пусть делает, что хочет.

Среда, 24 мая (Скаут)

Я опять всех сторонюсь. Так лучше. Удобнее. Каждый день я разговариваю с Пакстоном; он — моя ниточка к настоящему за пределами странного мира рок-звезд, в котором я застряла в данный момент. Он задает много вопросов о группе, потому что она ему нравится. В большинстве случаев у меня нет на них ответов, потому что я не слушаю их музыку и определенно не собираюсь обсуждать с ним парней — эту черту я не пересеку.

К тому же, они просто люди.

Пакстон идеализирует их.

А я живу с ними... и хотела бы, чтобы это было не так.

Два совершенно разных взгляда, которым не удастся примириться в моей голове.

Пятница, 26 мая (Гас)

Мы в дороге уже более месяца. Даже несмотря на то, что каждый вечер мы оказываемся в новом городе, мои дни однообразны: сон, еда, выпивка, звонок Ма, выпивка, еда, выступление и выпивка *одновременно*, сон. А потом все начинается заново. Алкоголь вновь

стал моим любимым спутником. Потому что в данный момент я просто не понимаю людей.

Как я уже сказал, дни проходят однообразно, но я не особо об этом думаю. Так проще. Я отдалился от женщин. Нет, я не испытываю нехватки в предложениях, но даже секс уже не помогает. Видеть то, как они рвутся доставить мне удовольствие, кажется таким фальшивым. Они хотят быть с Густовом. Не с Гасом. Не то, чтобы я вел себя как два разных человека; я — *просто я*. Но они не знают меня такого, какой я есть на самом деле. А я знаю. В этом-то и вся разница.

Лучше буду проводить свое свободное время в автобусе. Представляете, как все запущено?

Еще четыре недели и я дома.

Четыре недели.

Черт побери мою гребаную жизнь. Еще четыре недели.

Нетерпюха? Она еще одна загадка, которую я не могу понять. Я ей не нравлюсь. Последние две недели она избегает общения со мной. Как будто тех нескольких дней, когда мы разговаривали и вели себя как друзьям, никогда и не было. Как будто то был просто фантастический сон. Мне бы хотелось, чтобы их и правда никогда не было, тогда бы я не скучал по ним. Мне бы хотелось, чтобы это не беспокоило меня, но я переживаю. Вокруг столько людей, которые каждый день сами бросаются ко мне, желая урвать хоть кусочек Густова. Мне нравится то, что она этого не делает. Но это также означает и то, что она не хочет иметь со мной ничего общего. Черт, в последние дни я слишком много пью, чтобы что-то анализировать.

Она снова вернулась к стикерам с напоминаниями и инструкциями; единственный источник нашего общения. Не знаю, что произошло между нами, но я зол. Или одинок. Черт, не знаю. Я перестал отвечать на ее записки. Мне хочется разговаривать, а не писать. Несмотря на мой отказ от сотрудничества, она тем не менее справляется со своей работой, к которой относится очень серьезно. Как бы я не сопротивлялся наличию личного помощника, это, все-таки, было правильным решением.

Нетерпюха исключительно основательная и расторопная девушка и, должен признать, если даже я ей не нравлюсь, она присматривает за мной, изо всех сил стараясь выполнить свои обязанности.

Мне начинает не нравиться быть обязанностью. Даже если это все, что я для нее есть.

На часах пять тридцать и мы только что закончили саундчек. В месте, где мы сегодня будем выступать, продают пиццу, так что я беру ее, пару банок пива и возвращаюсь в автобус, чтобы спокойно поесть, пока парни ужинают в стейк-хаусе.

Вегетарианцы и мясо не совместимы, поэтому мой ужин — это три куска вегетарианской и три куска сырной пиццы.

В автобусе тихо и спокойно. Я захожу и усаживаюсь за столом. Тишина — это редкость, когда тебе приходится делить транспортное средство с большим количеством людей. У меня такое ощущение, что это единственно время, когда я могу отключиться и просто расслабиться. Покончив с пиццей, пытаюсь достать из кармана телефон. Но его там нет. Я проверяю другой карман. Тоже нет. Мне охватывает ужас и паника, когда я понимаю, что потерял что-то важное. Чуть успокоившись, решаю проверить кровать. Надеюсь, я не потерял его снова. За несколько месяцев я сменил уже четыре телефона.

Откидываю одеяло, снимаю простыни, поднимаю подушку, проверяю под ноутбуком и

роюсь в бумагах, которые оставила мне на подпись Нетерпюха. Ничего.

— Черт. Где он? — громко говорю я, как будто эта гребаная шуковина таким образом высунется из своего потайного местечка.

— Он заряжается.

Испуганно вздрогнув, я поворачиваюсь и вижу Нетерпюху, сидящую на своей кровати через проход от меня.

Первые слова, которые она сказала мне за всю неделю. Она пытается подавить смех, но все равно видно, что ей весело.

Это мгновенно поднимает мне настроение.

— *Господи гребаный Иисусе*, — говорю я. — Ты напугала меня до чертиков. Все это время я думал, что один. Тебя, наверное, наняли наемным убийцей.

Она снова возвращается к книге, которую читала до этого. Любой намек на то, что у этого человека есть чувство юмора — исчез.

— На столе, возле тостера, — произносит Нетерпюха, даже не глядя на меня.

Прохожу туда, куда она сказала и, конечно же, обнаруживаю воткнутый в розетку телефон. Именно там, где я его и оставил.

Отсоединяю его и, отодвинув в сторону весь бардак, забираюсь на кровать. Просматривая пропущенные сообщения и почту, я постоянно кошусь на ее постель. С этого угла мне не видно ничего, кроме книги, лежащей на бедре и длинных ног, скрещенных в районе щиколоток. Эти чертовы ноги. Я был прав в том, что она бегунья. Каждый день, как только автобус доезжает до места назначения, она уходит на пробежку.

Не знаю зачем, но я должен поговорить с ней. Не хочу терять эту возможность.

— Как ты узнала, что я ищу телефон?

— В это время ты всегда звонишь маме.

Так оно и есть. Как я и говорил, она замечает все.

— А что ты читаешь.

Она отодвигается подальше от края кровати, но все-таки отвечает.

— Это биография одной женщины из Афганистана. Она возглавляет борьбу за равные права женщин на Среднем Востоке.

Нетерпюха всегда прячется, даже если разговаривает с кем-то лицом к лицу. Сначала я думал, что это черты ее характера — нетерпеливость и раздражительность. Так было до того, как я по-настоящему увидел ее и понаблюдал за тем, как она ведет себя людьми. Тогда я понял, что она прячется. Скрывает правую сторону лица. Я, конечно, не специалист, но полагаю, что шрамы у нее уже довольно давно. Она живет, постоянно прячась. Жаль, что Нетерпюха это делает, но я не в том положении, чтобы судить ее. Я сам прячусь от самого себя уже несколько месяцев.

— Звучит смешно. — Я всего лишь шучу, частично потому, что немного нервничаю. Но мои слова выходят грубыми и равнодушными.

И именно так она их и воспринимает.

— Некоторые люди ценят женщин не только за наличие вагины, — отстраненно говорит Нетерпюха.

У меня перехватывает дыхание. Она сурова. Хотя, думаю, мне уже стоило к этому привыкнуть.

— Так вот что ты обо мне думаешь?

— Ой, только не нужно удивляться. Это твой образ жизни. Я наблюдаю за ним каждый

вечер после выступлений.

Не зная, что ответить на это, я пытаюсь перевести все в шутку, несмотря на провалившуюся жалкую попытку сделать это всего лишь несколько секунд назад.

— Ревнуешь?

Почему я это сказал? Я, конечно, выпил сегодня несколько банок пива, но это не может быть оправданием. Мне нужно заткнуться.

— Мечтай, Густов. — Нетерпюха раздражена, даже тихий голос не смягчает ее гнев. — Никогда, даже если бы ты был последним мужчиной на земле. — Она выглядывает с кровати и смотрит на меня:

— Ты и правда настолько самовлюблен, что даже не можешь принять тот факт, что есть женщины, которые не имеют никакого желания спать с тобой?

Пожимаю плечами, чувствуя себя при этом полным дерьмом. Когда я успел превратиться в *такого парня? Я не такой.*

Нетерпюха качает головой, отбрасывает книгу, сползает с кровати и уходит.

Я, не мигая, смотрю на ее постель, отчаянно желая, чтобы время повернулось на пять минут вспять. Этого, конечно, не происходит и я звоню маме, потому что благодаря ей, на время покидаю сумасшедший мир, в котором живу, и восстанавливаю душевное равновесие. Слушая телефонные гудки, я повторяю про себя: "Еще один месяц и я дома. Еще один месяц и я дома."

— Привет, милый. — Уютно, вот как звучит ее голос.

— Привет, Ма. Что делает мой любимый человечек?

— Обедает в офисе с Михайлой.

Мы находимся на восточном побережье, поэтому разница во времени составляет три часа.

— Как дела у Михайлы?

Ма вздыхает. Это счастливый вздох, но с ноткой грусти.

— Она продала дом. Договор будет подписан в следующем месяце. Она, в конце концов, покидает меня и уходит на пенсию.

Михайла была помощницей мамы с самого первого дня, как она открыла свою рекламную фирму двадцать лет назад. Они близкие друзья и я знаю, что Ма будет чувствовать себя потерянной без нее.

— Хорошо для Михайлы. Хреново для тебя.

— Это правда, но она заслуживает этого. Я просто немного эгоистична.

— Понимаю, что ты знала о том, что этот день когда-нибудь настанет, но от этого не становится легче. Что собираешься делать? Михайла — это Супервумен.

Это правда. Ма очень хороша в том, чем занимается. Но Михайла была ее заместителем целую вечность. Второй парой глаз и ушей, которые всегда были в курсе всего. Они так долго работают вместе, что могут разговаривать без слов. Клянусь, большую часть времени они общаются телепатически.

Ма смеется.

— Да, Михайла — это Супервумен. Не знаю, что я буду без нее делать. Даже не хочу думать о том, чтобы проводить интервью и принимать на работу кого-то нового. Ответственность Михайлы и ее способности организатора просто незаменимы.

Как только она произносит эти слова, мой взгляд падает на пустую кровать Нетерпюхи. Ответственность. Способность к организации. Я не успеваю даже подумать, как мой рот сам

по себе произносит:

— Я, возможно, знаю кое-кого.

— Ты, возможно, знаешь кое-кого?

Интересно, почему она так удивлена?

— Да, эта девушка сейчас с нами на гастролях. Ее имя Скаут, но я зову ее Нетерпюха.

Она моя нянька.

Ма хихикает над последней фразой, но я знаю, что ей легче от того, что за мной присматривает кто-то еще помимо Франко.

— Не думаю, что у нее будет работа после того, как закончится тур. Я подслушал, как она разговаривала об этом с кем-то по телефону.

В начале недели Нетерпюха общалась с Джейн (я до сих пор не выяснил, кто она — член семьи или подруга) и сказала, что начала рассылать резюме. Это звучало немного отчаянно.

— Гас, ты не должен подслушивать, — прерывает меня Ма.

— Ма, она живет в трех футах от меня. Это выходит произвольно. Как бы то ни было, я могу попросить ее позвонить или написать тебе?

— Конечно. Ничего не случится, если я поговорю с ней.

— Спасибо. Сделай одолжение и не говори ей, что мы знаем друг друга.

— Почему?

— Она ненавидит меня. — Все просто.

— Уверена, что это не так. — Мама не верит в такие вещи. В то, что кто-то может не любить ее ребенка.

— Это определено так.

— Как ты собираешься убедить ее позвонить мне, если не нравишься ей?

— Я попрошу Франко поговорить с ней.

— Ладно. — Судя по голосу, она сомневается.

— Спасибо Ма. Можешь продолжать обедать с Микайлой. Передай ей от меня "привет" и обними.

— Так и сделаю, милый. Удачи сегодня вечером. — Она говорит так каждый день. Всегда.

Я отвечаю тоже, что и обычно.

— Мне не нужна удача; у меня есть Франко, Джейми и Робби.

— Люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя Ма.

— Пока, милый.

— Пока.

Когда Франко возвращается с ужина, я кратко описываю ему ситуацию и прошу поговорить утром с Нетерпюхой. Сначала мне кажется, что он не слышит ничего из того, что я говорю, потому что смотрит на меня так, как будто я, в конце концов, сошел с ума. Но к тому моменту, как мой рассказ подходит к концу, у него появляется идея. Я знаю Франко, а это значит, что он воспримет все как игру. Нет, ему не нравится обманывать, просто он обожает, когда ему бросают вызов. Думаю, он хочет посмотреть, как далеко все это может зайти. Франко хороший парень и знает, что если выиграет он, то одержит победу и она.

Игра начинается.

Суббота, 27 мая (Гас)

Раннее утро. Автобус миля за милей пересекает северную часть Нью-Йорка. Я проснулся уже давно, и до сих пор не слышал, чтобы зашевелился кто-нибудь еще. Поэтому просто сижу на кровати и читаю книгу, которую загрузил в ноутбук. Я не очень часто это делаю, потому что легко отвлекаюсь и не могу сконцентрироваться. Это очень сложно, признаюсь я вам. Опти постоянно читала все подряд: книги, газеты, журналы. Это одна из причин того, что она была чертовски умной.

Как только я вспоминаю об Опти, то слышу, как отодвигается чья-то шторка, а потом шаркающие шаги в сторону ванной. Каждый звук, издаваемый этими движениями, намеренно глухой и тихий. Несмотря на то, что моя собственная шторка закрыта, я знаю, что это Нетерпюха. Только она двигается по автобусу как привидение. Как будто не хочет, чтобы ее заметили. Как будто хочет, чтобы мы думали, что ее здесь нет.

Подо мной, прямо напротив кровати Нетерпюхи зашевелился Франко. Звук открываемой им шторки поглощает скрип двери в ванной, а следом следует шум от столкновения в проходе.

— Черт. Прости Скаут. Я тебя не видел. Ты в порядке?

Ее голос звучит хрипло, как и всегда, когда она только что проснулась.

— Я в порядке. А ты не увидел меня потому, что у тебя закрыты глаза, Франко.

Я практически слышу улыбку в ее голосе. У Франко есть способность вызывать у людей смех и улыбки. Это его дар.

Он ухмыляется.

— Я стараюсь не открывать их до десяти утра, наловчившись вставать с кровати, идти в туалет и возвращаться обратно вслепую. Я просто представляю себе, что все еще сплю.

— Пожалуйста, только не надо об этом. У нас общая ванная. — Она больше не улыбается, тем не менее, ее слова не звучат грубо.

— Мне нужно отлить, а потом, до того, как ты снова заползешь на свою кровать, я хочу поговорить с тобой. Обещаю, в этот раз я буду писать с открытыми глазами.

— Хорошо.

Франко заканчивает свои дела в ванной комнате, и я слышу, как он быстро переходит к предложению о работе и вручает ей записку с телефоном и электронным адресом Ма. Я специально не указал фамилию, чтобы это ее не насторожило.

Судя по всему, она в восторге. В первый раз за долгое время у меня на сердце становится легче. Как будто я вернул крохотную частичку самого себя и теперь, возможно, могу задвинуть в угол того придурка, за личиной которого прятался столько месяцев.

Суббота, 3 июня (Скаут)

Теперь я официально выпускница университета. Нет, самого диплома у меня пока нет, потому что я не смогла присутствовать сегодня на церемонии вручения. Но ничего. Я в любом случае горжусь собой. Пакстон и Джейн позвонили мне, чтобы поздравить. Их похвалы были своего рода объятиями, которые я почувствовала даже через телефон. Обычно я равнодушна к таким вещам, но сегодня, не буду этого отрицать, мне было очень приятно. Душой они были здесь, со мной. Торжество удалось.

Понедельник, 5 июня (Гас)

Утром я позвонил Ма из маленькой кофейни в квартале от того места, где мы сегодня выступаем. Я хотел без лишних ушей расспросить ее о Нетерпюхе. Ма, странным образом, вела себя очень сдержанно, что совсем на нее не похоже. Обычно она рассказывает мне обо всем. Не знаю, может это потому, что она чувствует, что между нами вражда и таким образом защищает меня, как мама-медведица, а может, не хочет распространять конфиденциальную информацию, потому, что между мной и Скаут существуют рабочие отношения и она не желает рисковать потенциальным работником. Мне удалось выпытать лишь то, что Нетерпюха позвонила утром и отправила ей свое резюме.

Это все.

Больше ничего.

Вторник, 6 июня (Гас)

Сегодня утром на меня снизошло озарение.

Я толстею.

И мое тело становится рыхлым.

Как будто его наполнили сливочным сыром.

Моя ленивая задница за последний месяц набрала футов двадцать. Я всегда был спортивным парнем, у меня никогда раньше не было проблем с весом, потому что я занимался серфингом практически каждый день. Но вести активный образ жизни на гастролях невозможно. Ладно, не невозможно. Нетерпюха бегаёт каждый день, и могу сказать, она в отличной форме. Но активность требует усилий. А последние несколько месяцев усилия были не в моей сфере интересов. Я пытался выжить в собственном саморазрушении. И немного накосячил в этом. Выживание и саморазрушение не должны сосуществовать. Хотя для меня они стали нормой.

Европейский тур был приправлен выпивкой, наркотиками и небольшим количеством еды, что объясняет, почему тогда у меня не было проблем с весом.

Американский же проходит под знаком выпивки и фастфуда, потому что ко мне вернулся аппетит. Именно поэтому я решил, что нужно изменить жизнь и добавить в свое расписание физическую активность.

Сегодня в обед я попытался бегать. Катастрофический провал. Легкие заядлого курильщика смеялись надо мной всю четверть мили, которую мне удалось одолеть.

Казалось, откуда-то в районе груди раздавался громкий хохот, за которым следовало: "Гас, что, черт возьми, ты делаешь?" Уверен, ядовитые насмешки издавали мои легкие и ноги, договорившиеся действовать против меня. Короткая пробежка закончилась долгой прогулкой по улицам Мадисона, что в Висконсине. Нет, город классный, но мне не понравилось чувствовать себя рыхлым мужиком среднего возраста. Я не собираюсь с этим мириться. Угадайте, кто собирается восстановить форму? Эта толстая задница, вот кто.

Еще три недели и я дома. Снова буду кататься на серфе.

Каждый

Чертов

День.

А пока буду просто наслаждаться долгими прогулками.

Суббота, 10 июня (Скаут)

Сегодня утром я опять разговаривала с Одри. Я бы слукавила, если бы сказала, что не хочу эту работу. Нет, я хочу ее больше чем что-либо еще в жизни. Это мечта, а не работа. К тому же она еще и находится далеко от дома. Как раз то, что нужно.

Я знаю, что не стоит ни на чем заикливаться, поэтому стараюсь не слишком уж часто думать о ней. Но Одри такая милая и доброжелательная. Я чувствую, что мы с ней поладим. А это случается со мной не так уж и часто.

Я также знаю, что Одри — мама Густова. После нашего первого разговора я покопалась в интернете и когда увидела ее фотографию на сайте компании, то сразу поняла, что фамилия Хоторн — это не совпадение.

А это значит, что Густов как-то поспособствовал в том, чтобы у меня появилась такая возможность. Анонимная услуга. Именно такие мне и нравятся. Когда кто-то делает одолжение, не трезвоня об этом на весь свет, то ты понимаешь, что оно исходит от чистого сердца, ведь таких людей, по большей части, нельзя найти и поблагодарить. Плюс в его пользу.

Я все еще чувствую необходимость сохранять дистанцию между нами. Мне не хочется принадлежать его миру. Хотя мое первое впечатление о нем, как о самой обычной рок-звезде, претерпело изменения. В автобусе он большую часть времени продолжает вести себя замкнуто. Я так и не могу понять, чем он живет, хотя нахожусь рядом с ним вот уже несколько недель. К нему тянутся люди, а от меня стараются держаться подальше. Мы противоположности. Я знаю, что если у меня ничего не выйдет с работой у Одри, то мы никогда больше не увидимся. Так зачем тогда пытаться построить хоть какие-то отношения?

В общем, мы с Густовым до сих пор не разговариваем, но помимо стикеров, я заметила, что пытаюсь общаться с ним и другими способами. Это похоже на хитрые шарады, с которыми он отлично справляется.

У Густова самые выразительные глаза, которые я когда-либо видела. Даже просто взгляд рассказывает целую историю. Каждое подмигивание, прищур, вздернутая вверх бровь что-нибудь означает. И я постоянно на них реагирую; это внутренний отклик, который я обычно прячу. Странная связь, которой у меня никогда и ни с кем не было.

Вторник, 27 июня (Гас)

Неожиданно я чувствую боль в ребрах. С обеих сторон. Франко пихает меня с левой стороны, а Джейми с правой.

— Вставай, придурок, — практически орет мне в ухо Франко.

— Мы приземлились, Гас. — В этот раз говорит Джейми.

После сна у меня на глазах появляются какие-то липкие выделения; заложен нос и трещит голова. Горло болит так, как будто я наглотался лезвий для бритв. Я простыл. Симптомы появились прошлым вечером перед последним в этом туре выступлением, но после нескольких часов отдыха в самолете, у меня такое чувство, что за это время микробы провели конкретную атаку на мою иммунную систему. Летняя простуда — это такая хрень. Пока я откашливаюсь и открываю глаза, Франко пихает меня еще раз. Это больно.

Я поднимаю руку, чтобы отразить, если потребуется, следующий удар.

— Прекрати. Я уже проснулся, черт возьми, и встаю. — Голос звучит хрипло и сухо.

Пока мы ждем, когда пассажиры с передних рядов покинут самолет, Джейми встает и достает нашу ручную кладь. Робби, сидящий через проход, делает тоже самое.

Когда, наконец, наступает наш черед выходить, мое тело начинает неистово сопротивляться любым движениям. Это определенно не простуда, а грипп. Уныло плетусь за Франко, Робби и Джейми, выслушивая их упреки в том, как я медленно иду, всю дорогу до места выдачи багажа. Не могу сказать, что это меня волнует.

За последние несколько недель отношения с парнями вновь стали нормальными.

Раздражение и напряжение между нами ушли.

Забрав сумки, мы направляемся в сторону такси. Франко, Робби и Джейми едут вместе. Джейми и Робби снимают квартиру с парочкой парней в Карлсбаде, но сегодня они остаются ночевать в Сан-Диего у Франко. Завтра все трое улетают отдохнуть на недельку на Гавайи. Будут все время кататься на серфах. Ну а я... я просто рад вернуться домой, к Ма. Мне не нужны каникулы. Мне нужен дом.

Поездка длится около тридцати минут, но, несмотря на то, что мне очень хочется спать, я не могу выкинуть из гудящей головы мысли о Нетерпюхе. Она уехала в воскресенье после обеда, мы в то время были в Далласе. Я слышал приглушенный разговор в автобусе между ней и Гитлером, как раз перед тем, как мы должны были отправиться на саундчек. Когда мы вернулись после ужина, ее уже не было. Она, черт возьми, просто исчезла. Как будто ее никогда и не было. Я был в шоке. Не знаю, может это потому, что я понял, что снова остался один, даже если и всего на два дня. Но больше всего меня беспокоило то, что она не сказала «прощай». Хотя это, конечно, глупо, учитывая то, что я ей не нравился. Мы никогда не разговаривали, за исключением того утра в прачечной в Теннесси. Но с другой стороны, у нас наладилось «молчаливое» общение с помощью стикеров, а в последние три недели к ним добавились жесты и гримасы. То, что начиналось с равнодушия, превратилось в *хорошо знакомое* равнодушие.

Когда ты не разговариваешь с человеком вслух, то начинаешь пристально изучать его манеры и язык тела. Ты узнаешь его на совершенно ином уровне. Как мы с Опти знали друг друга. Мы могли общаться, не произнося ни слова.

К тому моменту, когда мы, наконец, подъехали к дому Ма и я оплатил поездку, мысли о Нетерпюхе уступили место изнеможению. Мне с трудом удастся переставлять ноги, чтобы подняться по ступенькам. Я думаю лишь о том, как просплю весь день пока Ма на работе.

Открываю глаза, но они мгновенно начинают чесаться. За окном садится солнце, но для меня все как будто подернуто дымкой. Я моргаю несколько раз, пытаюсь избавиться от нее, но ничего не получается; вместо этого закат превращается в расплывшееся ярко-оранжевое пятно. Неожиданно, меня охватывает печаль. Я опять моргаю и только тогда понимаю, что мои глаза полны слез. Закаты всегда напоминают мне об Опти. Они с сестрой Грейси любили наблюдать за ними каждый вечер и называли это «время шоу». Видеть сейчас, как солнце погружается в океан и сладостно, и горько одновременно, потому что эта картинка приносит с собой мысли о ней и о том, что я больше никогда, ни с одной из них, не смогу насладиться закатами. Боль в груди становится все сильнее и сильнее, и, в конце концов, превращается в рыдания. Когда я, наконец, успокаиваюсь, то понимаю, что весь потный. Тело кажется чем-то чужеродным, а сознание как будто плавает где-то вдалеке от меня. С большим усилием я встаю с кровати и стягиваю влажную футболку и штаны, а потом достаю

из кучи грязного белья на полу шорты и натягиваю их. Мне не хочется идти на кухню, но я должен попить и принять аспирин. У меня раскалывается голова.

Возле кухни до меня доносится голос Ма, которая с кем-то разговаривает. Когда она видит меня, то мгновенно прекращает свою беседу.

— Гас, милый, что случилось? — Ма быстро прижимает тыльную сторону ладони к моему лбу. — У тебя жар.

— Грипп, — подтверждаю я. — Лучше держись от меня подальше, Ма. И, кстати, привет. Я скучал по тебе.

— Привет, Гас. О, я тоже скучала по тебе.

Она обнимает меня, несмотря на предупреждение, и я благодарен ей за это. Крепко прижимаю ее к себе, от чего мои мышцы начинают просто вопить от боли, но я игнорирую это. Открыв глаза, я замечаю человека, который режет лук, грибы и красный перец в другом конце кухни. То, что я вижу ее, убеждает меня в том, что на смену лихорадке пришел бред.

Это Нетерпюха.

Какого черта?

Ее поза, как и всегда, демонстрирует вызов, но в этот раз она также выглядит застенчивой. Или испуганной. Не могу сказать точно. Обе эмоции едва ли характерны для нее. Нетерпюха кивает головой. В автобусе это означало *«доброе утро»* или *«привет»*, или *«добрый ночи»*. Я настолько сбит с толку, что не уверен, о чем говорит ее кивок сейчас.

Разжав объятия, вопросительно смотрю на Ма. Она знает, что мне нужны ответы.

— Думаю, мне не стоит представлять вас двоих, — прочистив горло, говорит Ма. — Я взяла Скаут на должность новой помощницы. — Ее слова звучат нерешительно. Она явно старается не вдаваться в детали, пытаюсь представить все так, как будто ничего особенного не произошло.

Но теперь, зная, что на кухне стоит именно Нетерпюха, я понимаю, что это «ничего особенного» очень даже и произошло.

Я качаю головой, отчего гул в ушах только усиливается. Несколько часов назад мой мозг, странным образом, сожалел о том, что ее нет рядом, а теперь, когда я снова нахожусь с ней в одной комнате, мне хочется лишь одного — уйти и забраться обратно в постель. Может, виной тому плохое самочувствие, но мне хочется, чтобы, проснувшись, ее здесь уже не было, потому что дом кажется чем-то не тем, когда в нем находится Нетерпюха. Может, это просто гребаный сон.

Я разворачиваюсь и ухожу, но на выходе из кухни меня останавливает голоса Ма.

— Сегодня вторник, а по вторникам у нас тако, Гас. Ты разве не хочешь есть?

— Нет, спасибо Ма. Я не голоден.

Еле волоча ноги, добираюсь до своей комнаты и, упав на кровать, мгновенно отключаюсь.

Среда, 28 июня (Гас)

Ближе к вечеру я, наконец, просыпаюсь. Невольно потянувшись, обращаю внимание на то, что тело чувствует себя нормально, хотя гланды все так же раз в десять больше, чем обычно. Пробую сглотнуть, но это действие вызывает ощущение, что я пытаюсь просунуть грейпфрут через трубочку для питья.

Кашляю, и по телу сразу же пробегает сильное, неподконтрольное мне желание.

Сигареты. Схватив с прикроватного столика пачку и зажигалку, я выхожу на веранду.

Каждая затяжка потихоньку утоляет жажду и, одновременно, раздражает чудовище, которое взяло мои гланды в заложники.

С трудом — и это не преувеличение — мне удастся выкурить две сигареты. Такое чувство, что легкие вот-вот восстанут против меня.

Приняв душ, звоню Ма на работу.

Она отвечает на втором гудке.

— Здравствуй, милый. Как ты себя чувствуешь?

— С добрым утром, Ма. Превосходно. — Хриплый голос явно противоречит моим словам. — Прости за вчерашнее. Я не хотел срываться на тебе. Мне просто нужно было проспать.

— Не переживай. Если ты голоден, то остатки тако лежат в холодильнике.

— Это хорошо. Спасибо. Я должен кое-куда съездить по делам. Тебе нужно что-нибудь купить, пока я мотаюсь? — Я болтаю о пустяках, ожидая, когда она изъявит желание прояснить ситуацию с Нетерпюхой. Например, почему она ничего не сказала мне о ней раньше. Не понимаю, зачем было делать из этого секрет.

— Это очень мило с твоей стороны, но мне ничего не нужно. Спасибо. — Она знает, что мы ходим вокруг да около, поэтому ее голос звучит слегка нерешительно.

— Хорошо. Увидимся, когда ты вернешься домой.

— Буду где-то в пять сорок пять. И не забудь о прощальной вечеринке Микайлы в «Делдаго». Она начинается в семь.

— Ни за что не пропущу, — отвечаю я. Это так. Я приду. Неважно, болен я или нет.

Ма входит ровно в пять сорок пять. Она всегда очень пунктуальна. Никогда не появляется рано или позже, только точно. А я постоянно опаздываю. Судя по всему, своевременность не передается по наследству.

Она оставляет дверь после себя открытой, и я боюсь спросить почему. Неожиданно входит Нетерпюха. Черт возьми. Если вчерашний вечер был сюрпризом для меня, то сегодняшний явно переплюнул его в этом.

На ней черное довольно скромное платье, если не считать того, что оно заканчивается примерно на середине бедра. Ее ноги выглядят просто фантастически, особенно на каблуках. Волосы, слегка завитые на концах, каким-то образом смягчают ее жесткие черты. Я привык к Скаут с гладкими волосами, в шортах или растянутых футболках с длинными рукавами. Обычно она выглядит такой простой. Не то, чтобы это было плохо. Нет. Мне нравится естественность. Сейчас она тоже выглядит естественной. Никакого макияжа; я рад, что она не пытается скрыть им свои шрамы. Он ей не нужен. Ее ореховые глаза — это странное сочетание зеленого и золотого, даже без намека на коричневый. Окаймленные длинными густыми ресницами, они смотрятся поразительно.

Но сейчас ее простота и естественность завернуты в это платье. Подобранное со вкусом, деловое, но... *чертовски*... сексуальное платье. Несмотря на отвлекающий внимание новый наряд Нетерпюхи, мне становится любопытно, зачем она ходит за Ма, как тень. Я понимаю, что они работают вместе, но почему она была здесь вчера вечером? Почему она и сегодня здесь?

— Привет, Ма. — И снова я ищу ответы, обнимая ее.

Она крепко прижимает меня к себе, а потом произносит:

— Привет, Гас. Как ты себя чувствуешь? — Ее ладонь уже на моем лбу, проверяя, нет ли у меня жара.

— Я в порядке, Ма, — кашляя, отвечаю я. Боль в горле после обеда превратилась в мучительный кашель. Ну, что тут скажешь, я — счастливчик.

— Мне так не кажется, — качает головой она.

— Я в порядке, — заверяю я ее.

Платье проходит мимо меня, не сказав ни слова, только коротко кивнув головой. Я снова растерян и не понимаю, что это значит. Кивок. Здесь, на моей территории. Это: «Привет», «Как дела» или «Пошел на хрен»?

Разворачиваюсь и смотрю, как Нетерпюха идет по коридору. Куда, черт возьми, она направляется? А потом я произношу эту фразу вслух:

— Куда, черт возьми, она направляется?

Ма начинает перебирать почту на краю стола. Это отвлекающий маневр, чтобы не смотреть на меня, когда она будет говорить то, что я не хочу слышать.

— В свою комнату.

— Что? В свою комнату? — взрываясь, кричу я.

Ма продолжает рьяно изучать стопку рекламных буклетов. Там нет ничего стоящего — я знаю, потому что порылся в ней, когда вытащил из почтового ящика после обеда. Она тянет время.

— Что значит в «ее комнату»? — повторяю я.

Ма вздыхает и расправляет плечи.

— Скаут остановилась в комнате для гостей, пока не накопит на аренду собственного жилья.

Я качаю головой, чувствуя, как внутри меня нарастает ярость. Всю жизнь меня было очень сложно разозлить. Но в последние девять месяцев это происходит моментально. Знаю, то, что я чувствую сейчас — это гнев, лишенный здравого смысла, результат ситуации, которая раздражает меня. В этом нет вины Ма, но я не могу сдержаться. Тыча пальцем в сторону коридора, я хриплым голосом говорю: «Это комната Опти».

Ма пристально смотрит на меня с блестящими от слез глазами и дрожащим подбородком. Она никогда не скрывает своих эмоций, но очень редко плачет. Первая слеза, скатившаяся по ее щеке, мгновенно остужает мой гнев. Она кивает; Ма согласна со мной, это комната Опти. Так было и будет всегда.

Я делаю шаг вперед и обнимаю ее. Она цепляется за меня так, как будто только сейчас пытается выплакать месяцы горя на моем плече.

— Ей больше некуда было пойти, Гас. Она никого тут не знает. Она пытается начать жизнь заново.

Я позволяю ей выплакаться. И выговориться. Просто молчу и слушаю. Ненавижу, когда Ма плохо. Это убивает меня. Она всегда такая сильная.

— Я тоже скучаю по Кейт. Ты же знаешь. Никто не заменит эту девочку в моем сердце. Она была мне как дочь. Они обе. Но Скаут нужна помощь. Она такая умненькая и я вижу в ней столько хорошего, такой потенциал. Ей нужно на время где-то остановиться, но кроме этого, ей нужна поддержка, Гас. И я намерена предоставить ей и то, и другое.

Когда она начинает хлюпать носом, я ее отпускаю. Она слабо улыбается и вытирает большим пальцем разводы от туши под глазами.

— Пойду, приведу себя в порядок, а потом мы можем ехать на вечеринку к Михайле.

Я киваю и целую ее в лоб.

— Я готов.

Ма исчезает в своей комнате, а я решаю покурить. Я стою на подъездной дорожке с цветами в руках и приканчиваю уже вторую сигарету, когда слышу, как открывается и закрывается позади меня входная дверь. Это сигнал к тому, чтобы пора тушить ее в пепельнице в гараже.

— Хочешь, я поведу?

Я всегда ее об этом спрашиваю.

Она всегда отказывается. Ма крайне самостоятельна.

— Нет, я сама.

Я расслабляюсь, потому что теперь мне можно выпить. Нет, я не собираюсь нажираться, просто успокоиться.

Я смотрю на Нетерпюху.

— Хочешь сидеть рядом с водителем?

Она качает головой, избегая смотреть мне в глаза. Отлично. Я просто пытаюсь быть милым. Да пошла она.

— Какая у тебя любимая цифра? — улыбаясь, спрашивает Ма, пока я пристегиваюсь.

Я улыбаюсь в ответ. Эта женщина знает меня. Она знает, что я думал об этом.

— Девять, — отвечаю я.

Ма удивленно поднимает брови.

— А разве не пять? Первая попытка — это всегда пять. Девять — слишком рискованно.

— Рискованно. Что тут сказать, вот такой я рискованный парень.

Она смеется и у меня теплеет на сердце.

— Сегодня это цифра восемь. Так что ты выиграл.

Мы с Опти всегда спорили о том, кто будет сидеть рядом с водителем. Всегда. Это соперничество началось еще в детстве. Поэтому Ма стала загадывать цифру от одного до десяти, и кто оказывался ближе всего к ней, тот и ехал впереди на пассажирском сиденье. Думаю, Ма отслеживала в уме наши выигрыши и равномерно распределяла их, чтобы никому не было обидно.

— Цветы восхитительны. Лилии. Любимые цветы Михайлы, — говорит Ма, не отрывая глаз от дороги. Она очень осторожный водитель.

Я всегда дарил Михайле на день рождения лилии. Она как член семьи, моя любимая «псевдо»-тетушка.

— Для Михайлы только самое лучшее.

На лице Ма появляется улыбка.

— Они ей понравятся.

Ма зарезервировала большой зал с высокими потолками и белыми льняными скатертями в любимом рыбном ресторане Михайлы. На прощальной вечеринке присутствуют двадцать работников из офиса, которые пришли со своими женами или подругами. Это хорошо, я рад. Михайла заслуживает приличных проводов.

Михайла, ожидаемо, приходит в восторг при виде меня.

— О Боже, кто этот прекрасный незнакомец?

Протянув руку, она взъерошивает мои волосы, которые отросли уже до середины спины, — когда она видела меня в последний раз, они доставали до талии — и притягивает

меня к себе.

Я смеюсь над ее комплиментом, а потом кладу цветы на стол, крепко сжимаю в объятиях эту маленькую женщину и отрываю ее от пола.

— Как поживает моя любимая Микайла?

Она хихикает, как и всегда, когда я так делаю. Это одна из моих самых любимых черт в ней. Ей шестьдесят пять, но она хихикает, как ребенок. Ее смех чист, как слеза, без малейшей примеси цинизма, который так свойственен взрослым. Это довольно удивительно, если принимать во внимание ее серьезный характер. Она очень умная, профессионал своего дела и именно поэтому они с Ма всегда так хорошо ладили. Они слеплены из одного материала. Но когда Микайла смеется, она отпускает всю свою серьезность. Мне всегда это нравилось.

Опустив ее, я протягиваю руку назад, чтобы взять букет.

— О, Гас, они прекрасны. Спасибо, милый, восклицает она при виде цветов.

Я киваю и подмигиваю.

— Рад, что угодил, секси.

Мы болтаем несколько минут, а потом я извиняюсь и направляюсь в бар, чтобы заказать виски со льдом. Все хотят пообщаться с Микайлой, поэтому я и поспешил ретироваться.

Когда я возвращаюсь, то все уже сидят на своих местах. Я устраиваюсь на стуле в конце стола, рядом с Тедом, парнем, который разбирает почту. Он заменил меня после того, как мы отправились на гастроли прошлой осенью. Тед — спокойный малый, только уж очень расслабленный. Думаю, это все травка, которую он курит.

Ужин поражает воображение. Ма хорошо постаралась. Тут вам и лобстер для любителей моллюсков, и паста для меня, которую я называю «*крышесносящей гребаной фантазией*». И вино. Много вина.

Ужин плавно переходит к десерту и... попробуйте догадаться... еще большому количеству вина. Даже несмотря на то, что мое горло раздражает непрекращающийся кашель, я наслаждаюсь происходящим. Это нетрудно, после одной-двух бутылок спиртного.

Быстро облегчив мочевой пузырь в туалете, я выхожу на улицу, чтобы покурить. Тед уже там. Закончив смолить сигарету, он объявляет: «Мне нужно поссать, братишка» и уходит. Я поворачиваюсь и, сделав последнюю затяжку, выбрасываю бычок на асфальт.

Развернувшись обратно, врезаюсь напрямик в Нетерпюху.

— Ой, привет, — говорю я. А потом добавляю: «Прости», потому что сбил ее с ног.

Она кивает, пытаясь восстановить равновесие.

— Тебя ищет Одри. Они собираются резать торт.

Я глажу себя по животу. В нем всегда есть место для сладкого.

Неожиданно из моего кармана раздается гудок поезда. Это сообщение от Франко. Я направляюсь обратно в ресторан и одновременно читаю смс. «*Приехал пять минут назад и уже потрахался!*» Тут же приложена и фотография, на которой Франко, Джейми и Робби стоят на входе в отель с яркими цветочными леями[4] вокруг шей. Судя по всему, они уже добрались до Гавайев.

Я смеюсь и пишу в ответ: *Наслаждайся, лузер. Это, единственное, чем твоя жалкая задница будет заниматься всю неделю.*

Отправив смс, поднимаю голову и вижу, что Нетерпюха вопросительно смотрит на меня. Она пытается скрыть это, но я вижу, что ей любопытно.

Продолжая улыбаться, я пожимаю плечами.

— Что?

Она качает головой, но потом все же спрашивает: «Франко?»

Я киваю.

— Откуда ты знаешь?

— Ты улыбаешься. Он — единственный человек, который может вызвать на твоём лице такую улыбку.

Она заходит в ресторан до того, как я успеваю задать ей свой вопрос. Поэтому я на секунду задумываюсь. Она права. С недавних пор этот говнюк — единственная ниточка к хоть какому-то подобию счастья.

Суббота, 1 июля (Гас)

В голове раздаётся непрекращающийся голос, умоляющий меня снова позвонить Келлеру. Он очень настойчив, а на этой неделе особенно. Сегодня утром он просто перекрыл все мысли в моей голове.

Ещё очень рано, поэтому я беру сигареты, зажигалку, телефон и выхожу на балкон. Покурив, нахожу номер Келлера на мобильном. Я собирался написать ему сообщение, но пальцы трясутся так, что я не могу печатать, поэтому решаю позвонить. Я боюсь услышать его голос, потому что он откроет рану по имени "Опти". Келлер был её парнем. Когда рак забрал её у нас, он сидел здесь, держа её за одну руку, а я — за другую. Он хороший парень, но я не могу воспринимать его отдельно от Опти. Не могу думать о нём как об отдельной личности. Келлер безумно любил её. Именно поэтому я должен позвонить ему. Он — единственный человек, который связан с моим горем, моей болью. В трубке раздаются телефонные гудки. И снова гудки. Без ответа. Живот невыносимо скручивает. Я не хочу снова проходить через это, поэтому, когда раздаётся предложение оставить голосовое сообщение, начинаю говорить:

— Келлер. Чувак, это Гас. Давненько не общались. — Я замолкаю, к горлу подступает тошнота. — Да... в общем... я просто хотел узнать, как вы поживаете с мисс Стеллой? Позвони мне как-нибудь, чтобы я знал, что... в Миннесоте все в порядке. Ну, знаешь... что у вас, ребята все хорошо. Ладно. Созвонимся.

Нажимаю красную кнопку на экране, чтобы отключиться. Мне хочется размахнуться и бросить телефон так далеко, как только смогу, но вместо этого я крепко сжимаю его в ладони, а потом швыряю на деревянную столешницу.

Прикуриваю ещё одну сигарету. Звонок был плохой идеей. Мое сердце не вынесет этого. Закончив курить, решаю, что настало время позавтракать.

Нетерпюха уже на кухне. На ней шорты для бега и растянутая футболка с длинными рукавами. На покрасневшем лице видны капельки пота. Она пьёт воду. Интересно, насколько обезображены шрамами её руки. Я никогда не видел её в чём-нибудь с короткими рукавами. А на улице чертовски жарко.

— Привет, — говорю я. Это наше обычное приветствие, если только мы не решаем заменить его безмолвным кивком. Именно так мы и общаемся. Полагаю, именно это помогает нам терпеть друг друга.

— Привет, — отвечает она с таким же безразличием.

Достаю из холодильника упаковку с яйцами, масло и молоко.

— Сколько миль? — спрашиваю я.

— Что? — поворачивается она, удивленно глядя на меня.

Я показываю на ее кроссовки.

— Сколько миль ты пробежала сегодня?

Она переводит взгляд на свои ноги, как будто ей нужна зрительная подсказка, чтобы осознать вопрос.

— А, восемь.

Я удивлен.

— Ты пробежала восемь чертовых миль? — С недавних пор я стал бегать, но пара миль — уже поразительное достижение для меня. И то, половину из них я иду.

— Я зарегистрировалась для участия в марафоне, который будет проходить через пару недель.

Разбив в чашку пять яиц, я добавляю немного молока.

— А до этого ты когда-нибудь пробегала марафон?

— Нет. Это первый раз, — качает головой она.

Поставив сковороду на печку, я спрашиваю ее:

— Будешь яйца?

Она отказывается. Ничего другого я и не ожидал. Нетерпюха никогда и ничего не принимает от меня, но внезапно она замирает.

— А на двоих хватит?

Я открываю упаковку и показываю ей четыре оставшихся яйца.

— Тогда да. Я ничего не ела со вчерашнего вечера.

Я готовлю яйца. Она продолжает пить воду. Мы молча едим, когда из кармана раздается звонок телефона. Я достаю его и сразу же замечаю треснутый экран. Должно быть, я разбил его, когда бросил телефон на стол.

— Черт, — бормочу я. А потом обращаю внимание на имя звонящего и замираю. — Черт.

Нетерпюха вопросительно смотрит на меня.

Мне хочется, чтобы она спросила в порядке ли я. *Просто, черт возьми, спроси.* Мне нужно хоть кому-то сказать, что я — не в порядке. Даже близко. Проигнорировав вызов, кладу телефон на стол. Имя Келлера еще несколько секунд виднеется на экране, а потом срабатывает голосовая почта, и оно исчезает.

Спроси меня, кто это был! Хочется выкрикнуть мне. Спроси, почему мое сердце просто не вынесет этого разговора. Спроси, почему я не могу перестать думать о ней. Спроси, почему моя лучшая подруга умерла. О нет, лучше скажи мне, почему моя лучшая подруга умерла. Скажи мне. Пожалуйста. Объясни. Я хочу знать. Я должен знать почему остаток жизни я проживу, не имея возможности разговаривать с ней. Обнимать ее. Слышать ее смех. Наблюдать с ней за закатом. Смотреть, как она играет на скрипке. Целовать ее в лоб. Говорить, что я люблю ее. Слышать, как она отвечает мне тем же. Почему?! Почему?!

Я тру лицо руками, пытаюсь справиться с нарастающей истерикой, а потом отодвигаю стул и ухожу, оставляя яичницу недоеденной.

Выйдя на свежий воздух, закуриваю сигарету.

Это не помогает, но я все равно продолжаю затягиваться.

Воскресенье, 2 июля (Гас)

Открыв дверь в свою спальню, я замечаю на ней записку.

«Твой новый телефон лежит на кухонной столешнице»

Когда мы были на гастролях, я несколько раз терял телефон, и Нетерпюха всегда занималась его заменой. После того, как она помогла мне в первый раз, я внес ее имя в список доверенных лиц, имеющих доступ к моему телефонному счету, чтобы она могла со всем разбираться без моего участия.

Полагаю, она все еще продолжает это делать.

Даже не знаю, злиться или радоваться.

Решаю, что будет достаточно и того, и другого понемножку.

Среда, 5 июля (Гас)

Моя простуда или что бы, это, черт возьми, это ни было, бесследно прошла. Ма накачивала меня витамином С во всех возможных формах, так что у нее просто не было другого выбора, кроме как перекинуться на кого-то другого.

Парни вернулись с Гавайев. Сегодня утром мы все вместе покатались на серфах, а потом пошли перекусить. Первые пару часов были наполнены рассказами об Оаху[5], а потом мы переключились на музыку. В частности, на нашу музыку. На следующий альбом. Тот, который согласно контракту, мы должны были записать к концу января. А уже июль. Мы бы так не затянули, если бы был новый материал. А его нет. И виноват в этом я. Я пишу музыку. Пишу слова. Но с прошлой осени, после "Finish Me, не написал ничего.

Не могу заставить себя сделать это. У меня стоит блок. Не знаю, может это бессознательный выбор, который делает мой мозг, а может, бессознательный выбор, который делает сердце. Вот такие вот дела. Музыка всегда была частью меня, продолжением моих чувств, моей жизни, моего опыта. Но с тех пор, как умерла Опти, моя творческое "я" замерло. Замолчало. Если она не помогала мне в написании, то всегда была первым человеком, с которым я делился новой композицией. У нее был потрясающий музыкальный слух. И мне нравилось получать ее одобрение. Я жаждал его. Оно было той силой, что вызывала во мне желание творить, ради того, чтобы я снова мог увидеть, как загораются ее глаза, когда я проигрываю ей что-то новое. Я бы все отдал, чтобы снова увидеть этот блеск, потому что без него и без нее, я — пуст. Моя жизнь потеряла смысл, а вместе с ней пропала способность творить.

Как мне сказать об этом остальным членам группы? МГИЖ? Лейблу? Нашему тур-менеджеру? *Знаете, был бы рад помочь вашей карьере и заработку, но я, черт возьми, пуст. Абсолютно.* Это будет равносильно "ложке дегтя в бочке меда". Они зависят от меня, а я ничего не могу им дать. И от этого мне так паршиво.

Поэтому, я просто уклоняюсь от ответа. Снова.

— Парни, я сейчас работаю над несколькими новыми песнями, но пока не готов поделиться ими с вами. Дайте мне еще пару недель.

Но и через месяц мой корабль будет все так же тонуть. И мне жаль пассажиров, потому что на борту этого сукиного сына нет ни одного спасательного круга.

Франко сегодня на высоте. Он ужинает со мной, Ма и Нетерпюхой. Приятное разнообразие. Чувствую себя расслабленным и спокойным. Я смеюсь. Ма смеется. Даже

Нетерпюха смеется, чего я никогда не слышал. И мне это нравится. В этом весь Франко. Его все любят. У него есть харизма, против которой невозможно устоять.

Поев, Франко направляется на веранду.

— Ну же, Скаут. Давай перенесем нашу вечеринку на улицу, чтобы это идиот мог курить.

— Для вас Мистер Идиот, — ехидно замечаю я.

Хорошо, когда он рядом, а все, что относится к музыке — далеко. И никакого давления. Нетерпюха замирает возле балконной двери. Я знаю, она не хочет идти с нами. Она никогда не выходит сюда даже, чтобы просто постоять. У нее всегда есть отговорка. И это нормально; я бы тоже не захотел проводить время с собой.

Поэтому, я очень удивлен, когда она, наконец, переступает порог балкона. Нетерпюха подходит к перилам и перегибается через них, чтобы насладиться окружающим видом. Я знаю, что мы с Франко не закончим вечер трезвыми, поэтому иду в свою комнату за бутылкой виски. Вернувшись, обнаруживаю ее сидящей за столом напротив Франко. Она, как всегда, подогнув ноги, устроилась в левом углу кресла. Это идеальная позиция, позволяющая ей продемонстрировать только левую половину лица, пряча шрамы на правой. Интересно, это привычка или она все делает сознательно?

Открыв бутылку и сделав большой глоток, я ставлю ее перед ней.

Нетерпюха качает головой. Это безмолвный отказ, поэтому я не могу сказать, если ли в нем хоть толика осуждения. Иногда ее сложно понять.

— Я не пью, Густов.

Закатив глаза, хватаю бутылку и делаю еще один глоток.

Франко забирает ее у меня и выливает немного виски в стакан, который он принес с собой. Я знаю, что ему этого хотелось. Мы уже довольно давно не выпивали вместе. Сейчас, когда "Rook" набирает популярность, мы больше не ходим по клубам. Нас всегда узнают, и я начинаю чувствовать себя неловко. Смысл понятия "фанат" до сих пор кажется мне странным. Я осознаю, что им нравится музыка. Черт, да я и сам фанатею от нее. Но в этом-то и есть различие. Я ценю то, что создается. Люди — это просто люди. Да, они классные, по крайней мере, некоторые из них, но они все равно просто люди. И мне кажется извращением, когда начинают кого-то идеализировать. Когда забывают о том, что ты — личность, когда ты превращаешься в имя и становишься отражением своей известности. Когда ты перестаешь быть просто собой.

— Ну, давай же, пара стаканов с друзьями не убьет тебя.

Ее глаза вспыхивают и, мне кажется, что в этом виноват ярлык "друга". Разве это так? Разве мы друзья?

Я протягиваю ей бутылку.

— До дна, милая.

— Я не пью, — повторяет она. А потом ее глаза вспыхивают вновь. — Как насчет игры в Манкалу? — Нетерпюха едва сдерживает улыбку, бросая нам вызов.

— Да, черт возьми, — широко улыбаясь, отвечаю я. — Мы всегда за Манкалу, обожаем постебаться.

Не знаю, почему, но я чувствую себя исключительно счастливым.

Пятница, 14 июля (Гас)

На этой неделе я разбираю почту в рекламной компании Ма. Тед ушел в отпуск, и Ма собиралась временно взять кого-нибудь на его место. Я работал пару лет на этой должности, так что знаю все "от и до". В ней нет ничего сложного. Поэтому я вызвался помочь. Ма не знает, что на самом деле, именно она помогает мне. Каждое утро, вот уже на протяжении двух недель я катаюсь на серфе, а потом весь день сижу дома наедине с собой. Не могу больше выносить этого. Одиночество не делает меня счастливее. По крайней мере, не сейчас.

Не то, чтобы мне хотелось компании людей, скорее — чем-то заняться. И мне не нужно думать о работе. Я могу просто ее делать.

Это куда лучше, чем мой обычный род занятий. Музыка. Слишком много мыслей.

Понедельник, 17 июля (Гас)

Тед так и не вернулся из отпуска. Я сказал Ма, что буду помогать ей, пока она не найдет кого-то другого. Надеюсь, что это займет пару месяцев.

Пятница, 21 июля (Гас)

Ма нашла работника. Он выходит в понедельник.

Это означает, что в понедельник я возвращаюсь к реальной жизни.

Не хочу возвращаться к реальной жизни.

Воскресенье, 23 июля (Гас)

Уже середина дня, а я все никак не могу утомиться. В воде слишком людно, чтобы кататься на серфе. По телевизору нет ничего интересного. Ма на «бэби шауэр[б]». На балконе слишком тихо. Я провел на нем последние несколько часов, выкурив пачку сигарет и пропустив пару стаканчиков. Теперь я чувствую себя каким-то дерганым. Не могу сидеть спокойно. Не могу отключить свой мозг.

Я не хочу быть снаружи.

Я не хочу быть внутри.

Я просто... ничего не хочу.

Вернувшись в комнату за новой пачкой сигарет, я слышу голос Нетерпюхи. Сначала я его игнорирую, но потом понимаю, что он звучит так, как будто ей больно. Несусь в ее комнату. Дверь оказывается открытой и это очень странно. Она лежит на покрывале в спортивных шортах и растянутой футболке. И крепко спит. Если бы посреди комнаты приземлился метеорит, то и тогда она вряд ли бы проснулась. Моим первым порывом было разбудить Нетерпюху, потому что ей снится кошмар, но чем дольше я стою и смотрю на нее, тем больше меня сбивает с толку то, что происходит.

— Майкл, — повторяет она снова и снова. Каждый раз, когда Нетерпюха произносит это имя, на ее лице сменяется гамма эмоций: от боли до удовольствия, от душераздирающей грусти до неистового восторга. А потом она начинает стонать. Во сне. Знаю, я придурок и выпил больше обычного, но... черт возьми. Это так сексуально. Она стонет, снова и снова, повторяя это имя срывающимся голосом.

Я должен уйти. Без сомнения, здесь и сейчас она занимается крышесносящим сексом.

Во сне. Чувствую себя вуайеристом. Эрегирует не только пьяный мозг, мое пьяное тело явно опережает его в этом на пару шагов. Я возбужден донельзя.

Вот она причина, чтобы уйти. Но как только я отступаю от двери и начинаю приходить в себя, глубина и сила ее голоса начинают увеличиваться. Все негативные эмоции в ней рассеиваются и остается только чистое желание. Чувственное желание. И больше ничего. Каким-то образом, оно охватывает и меня. *Желание.*

Сейчас я в своей комнате. Дверь открыта. Глаза закрыты. Рука в шортах. Мастурбирует.
Черт возьми.

Это ненормально.

Мне нужно принять холодный душ.

И забыть о случившемся.

Понедельник, 31 июля (Гас)

Вчера вечером у меня был долгий разговор с Ма. Она переживает обо мне. О моей жизни. Здоровье. Эмоциональном состоянии. Работе. Будущем.

Ма записала меня на прием к нашему семейному доктору. Сейчас я нахожусь у него. Ненавижу кабинеты врачей. Они напоминают мне об Опти. О той Опти, какой она была в конце.

Доктор Доннелли озвучивает мне и так понятные вещи. Я должен лучше питаться, бросить курить и сдерживать желание выпить. А в остальном я в полном порядке. Ей понравилось, что я ежедневно катаюсь на серфе и бегаю.

Я не стал делиться с ней своим эмоциональным состоянием.

С этим я и сам справлюсь.

Я исцелюсь. Сам.

Когда-нибудь.

Воскресенье, 6 августа (Гас)

Ма не будет в городе все выходные. Она поехала в Сан-Франциско на машине. Это хорошо, Ма много работает и заслуживает отдыха. После таких выходных она всегда возвращается домой более спокойной и расслабленной.

В доме очень тихо. Знаю, мне стоило бы воспользоваться этим, чтобы писать, но блок все еще удерживает меня от этого. Если хотите знать правду, то сейчас он придавил меня со всей силы. Все, о чем я могу думать, это о том, что я не могу думать. В плане творчества у меня полный застой. Сначала это вызывало раздражение. Но спустя месяц, благодаря давлению всех, кто хоть как-то связан с группой — агентов, менеджеров, продюсеров, звукозаписывающего лейбла — я стал чувствовать себя заключенным. Музыка стала наполнять меня страхом. Раньше, она просто наполняла меня. Думаю, вот что происходит, когда на тебе висит груз денег, контрактов и сроков. Это такой отстой.

Поэтому я пью.

Много.

В понедельник утром я буду удивляться, а были ли вообще выходные. Может, это просто галлюцинации? До такой степени я собираюсь напиться.

Сбежав в вино-водочный за «Джеком» и сигаретами, я удобно устраиваюсь в шезлонге на веранде.

Час спустя, уже ополовинил первую бутылку и иду в туалет. По дороге обнаруживаю в гостиной Нетерпюху.

Она хмурится. Судя по всему, ее недовольство направлено на меня.

Я не в настроении терпеть это сегодня. Обычно мы общаемся вполне цивилизованно, не обязательно по-дружески, но цивилизованно. Но не сегодня. Я раздражен и, к сожалению, ей придется стать объектом моей злости.

— Знаешь в чем твоя проблема? — ворчу я. — Тебе просто нужно трахнуть. — Если бы не алкоголь, я бы никогда не сказал этого.

Она отшатнулась, как будто я ударил ее.

— Что?

Я пьян настолько, что воспринимаю это как развлечение, которое намереваюсь продолжить.

— Трахнуть, — медленно произношу я и показываю на нее пальцем. — Тебе. Ты слишком напряжена. Нужно трахнуть. Все слишком запущено, чувиха.

В голове проносится воспоминание об ее сне двухнедельной давности и о том, какие звуки она издавала, занимаясь сексом.

Она фыркает. Нетерпюхе это явно не нравится, но я и не ожидал от нее другого.

— Не все на свете крутится вокруг секса, — говорит она.

Я согласно киваю. Сто лет уже ни с кем не спал. Она права. Но тут я вспоминаю о том, что весь день был раздражен и снова впадаю в агрессию.

— Только целка могла сказать такое. Это так? Неудивительно, что ты такая фригидная.

Не знаю, почему я разговариваю с ней в подобном тоне, но не могу остановиться. И ненавижу себя за это. Зная ее всего несколько месяцев, я понял, что она скорее застенчивая, чем что-то еще. Сосредоточенность на самой себе — это всего лишь защитный механизм. А став невольным свидетелем ее сна, я уверен, что она никоим образом не может быть девственницей.

Нетерпюха краснеет. Она зла так, что готова "схватить лампу и бросить ее через всю комнату".

— Пошел на хрен, Густов. Ты ничего не знаешь обо мне.

Черт. Она никогда не посылала меня. Я смотрю на ее обнаженные ноги. Мысли в голове перемешиваются, и я не могу сконцентрироваться ни на чем, кроме того, что мы спорим друг с другом по поводу секса.

— Когда ты занималась сексом в последний раз? Я хочу услышать это. — А еще мне хочется деталей, потому что я, судя по всему, больной на всю голову ублюдок.

Она пристально смотрит на меня, прожигая карими глазами дыру во лбу.

Знаю, я должен прекратить это, но мы так давно уже не общались, да и сейчас ругаемся. Я не хочу останавливаться. На каком-то странном, иррациональном уровне я нуждаюсь в этом. Поэтому, я давлю на нее.

— Когда?

Она опускает взгляд, а вместе с ним и свои щиты. Это продолжается всего несколько секунд, но я успеваю обратить внимание на ее ранимость, или сожаление. Чувства, которые я не ожидал увидеть.

— В канун Нового Года, — шепчет Нетерпюха. А потом, так же быстро поднимает свои

щиты обратно и переводит на меня взгляд. Она моргает, ее глаза наполняются слезами, и щиты снова падают. — Он придурок.

— Парень? — интересуюсь я. Сердце стучит как сумасшедшее. Мне не по себе, когда кому-то больно, даже, несмотря на то, что я сам довел ее до этого. И теперь, когда она расклеилась, я чувствую себя ужасно.

Мои чувства постоянно скачут, в одну секунду — вверх, а в другую — вниз.

Алкоголь не помогает. Мне и правда, стоит бросить пить.

По ее щеке катится слеза; она быстро стирает ее тыльной стороной ладони и, презрительно усмехнувшись, недовольно смотрит на меня.

— Вы все одинаковые, понятно! У вас все сводится к сексу. Может быть, поэтому ты никогда не любил.

Одно простое предложение вызывает у меня внутри огненную бурю. Перед глазами мелькает лицо Опти. Она улыбается. Ее зеленые глаза озорно блестят. Опти нет уже полгода, а я все также продолжаю ее любить. Настал мой черед. И я возвращаю ей ее собственные слова:

— Пошла на хрен. Ты ничего не знаешь обо мне.

— О, я все о тебе знаю. Каждый день, пока мы были в туре, я наблюдала за тем, как ты приводишь к себе разных девок. Это не любовь.

Я делаю шаг вперед. Я стою так близко, что могу видеть зеленую каемку вокруг ее зрачков.

— А может, я не ищу любви. — С этими словами я внимательно осматриваю ее с головы до ног. Черт, эти длинные ноги. Они снова отвлекают меня. И я мгновенно захожусь.

Нетерпюха упрямо поднимает подбородок вверх, и мы скрещиваемся взглядами. Она редко смотрит мне в глаза.

— Судя по всему, так оно и есть. — Голос Нетерпюхи звучит насмешливо и язвительно, но эмоции, которые она показывает — настоящие. Она полностью опустила свои щиты. Нетерпюха ранимая, но в то же время сильная. И когда ее "бьют", она только выше поднимает голову.

— Судя по всему, так оно и есть, — вторю ей я, переместив взгляд на ее полные губы.

Нетерпюха делает шаг вперед. Теперь мы стоим практически вплотную друг к другу. Не знаю, когда наша злость переросла в вожделение. Думаю, они находятся на одной частоте — бешенство просто выкипает до страсти.

Я опять перевожу взгляд на ее глаза. Нетерпюха пристально смотрит на мой рот расширившимися зрачками. Ее дыхание учащается, и она краснеет. Я знаю этот взгляд. Я видел его сотни раз. Я чувствую сексуальное напряжение, исходящее от ее тела.

Обычно, в такой ситуации я думаю о сексе, просто сексе; акте, который может удовлетворить мое желание. Но глядя на Нетерпюху, такую открытую и ранимую, все чего я хочу — это поцеловать ее.

Опускаю голову и упираюсь своим лбом в ее. Она не отталкивает меня, только слегка склоняет голову вправо. Она пытается спрятаться, хотя наши лбы так и продолжают касаться друг друга.

— Эй, — мягко уговариваю я ее. Мои чувства сделали кульбит на триста шестьдесят градусов: от враждебности к сексуальному желанию и покровительству.

Она вздрагивает и отворачивается, делая контакт глазами невозможным.

Упираясь лбом в ее висок, я понимаю, что должен уйти. Если поцелую ее, то не захочу

остановиться, да и она, судя по выражению ее лица, не станет останавливать меня.

— Ты была слишком хороша для него, — говорю я. — И ты достойна того, чтобы найти свою любовь. Вот почему я должен уйти. Ты и для меня слишком хороша.

Это правда. Нетерпюха умная и целеустремленная. Она много работает и сама обеспечивает себя. Она красивая. А самое главное, ранимая. Не хочу быть еще одним придурком, который ломает ее. Как можно нежнее целую ее в висок. Это своего рода извинение.

— Прости за все, что я говорил раньше, — тихо произношу я и ухожу к своей бутылке «Джека».

(Скаут)

Черт.

Возьми.

Сердце стучит так быстро, что я начинаю беспокоиться, что его разорвет на мелкие кусочки. Даже и не знаю, откуда все это взялось. Спор. Мое признание. Влечение. Они возникли из ниоткуда и даже, несмотря на то, что Густов ушел, я все еще дрожу. Все еще чувствую жар его тела напротив моего. Вижу страсть в его глазах. Ощущаю, как желание будоражит мое тело. Никогда не чувствовала ничего подобного. Это была явная, противоречащая здравому смыслу, страсть.

Нужно побегать и освежить голову.

Пятница, 11 августа (Гас)

Проснувшись, обнаруживаю на двери стикер.

«Марафон завтра. Мы с Одри уходим в семь утра. Если хочешь пойти с нами, будь готов к этому времени»

Неожиданно. Ей, наверное, пришлось стиснуть зубы, чтобы написать ее, особенно после нашей ссоры в прошлые выходные.

Если уж она желает пригласить меня, то я не буду отказываться.

Все равно мне нужно выбраться куда-нибудь из дома.

Суббота, 12 августа (Скаут)

Сегодня я пробежала свой первый марафон. Я не была в числе первых, кто пересек финишную прямую, но меня все равно переполняет невиданное ранее чувство победы. Я очень много тренировалась, чтобы добиться этого. Вначале, занятия бегом были способом справиться со всем, что навалилось на меня прошлой весной. Они были спасением, отвлечением, возможностью забыть о реалиях жизни. Но, в конце концов, превратились в шанс доказать себе, что я сильная.

Я сильная. Физически, я сильная.

Эмоционально... Ну, это уже другая история.

Каждый раз, когда мне было тяжело и я была готова сдаться, на маршруте появлялись Одри с Густовом и подбадривали меня. Никто и никогда не делал этого для меня с таким энтузиазмом. Не ожидая ничего взамен. Именно в такой эмоциональной подпитке я нуждалась для того, чтобы справиться с физической частью марафона.

Не знаю, будет ли в моей жизни еще один. У меня такое чувство, что сегодня я открыла для себя очень многое. Я никогда не перестану бегать, но моя цель была достигнута. Теперь я могу делать это для себя. Просто для себя. Чтобы напомнить, что я сильная и с каждым разом становлюсь еще сильнее.

Перед тем, как отправиться спать, я поблагодарила Одри.

Я пыталась зайти к Гасу, но дверь в его спальню была закрыта. Знаю, что он был внутри, потому что слышала музыку — блюз, очень грустный и эмоциональный. Мне не хотелось стучать, поэтому я оставила ему записку.

«Спасибо за то, что приш ли. Не думаю, что справилась бы без вашей поддержки».

Я чувствую, как стена между нами начинает медленно рушиться. Даже когда мы не общаемся, у меня всегда есть чему у него поучиться. Внутри каждого из нас идет борьба, но после сегодняшнего дня, все кажется немного радужнее. Сегодня он улыбался больше, чем за все время, что я его знаю. Это маленький шаг, но главное, что он был.

Суббота, 19 августа (Гас)

Кто-то вот уже несколько минут звонит в дверь. Господи, неужели никто не может ее открыть? Я устал и у меня похмелье. Не хочу вылезать из кровати. Смотрю на часы на прикроватной тумбочке. Девять пятьдесят. Думаю, пора вставать. Как будто для того, чтобы поторопить меня, снова раздается звонок.

Натянув шорты, я направляюсь к входной двери. Шторы все еще задернуты, поэтому весь дом погружен в темноту. Потирая сонные глаза тыльной стороной руки, я открываю ее. Меня сразу же ослепляют лучи солнца. Слишком яркие, для моего состояния. Прикрыв глаза рукой, моргаю, пытаюсь привыкнуть к свету. Неожиданно я понимаю, что тот, кто стоит передо мной, до сих пор не проронил ни слова. Медленно убираю от лица ладонь и вижу мужчину. Прищурившись, я осматриваю его с головы до ног. Дорогой костюм, гармонирующий с ним галстук, лакированные туфли, идеальные волосы и блестящие белые зубы, как в рекламе зубной пасты. Сильно смахивает на богатенького придурка. Он до сих не произнес ни слова, но его эго говорит само за себя. Он проецирует его передо мной как некое предупреждение. Мне хочется закрыть перед его носом дверь. Но, вместо, этого, добавив в голос яду, я спрашиваю:

— Чем могу помочь, *приятель*?

Мужчина откашливается и важным голосом, присущим всем самоуверенным придуркам говорит:

— Я ищу Скаут Маккензи.

Нахмурившись, я пристально смотрю на него. Не знаю, кто это, но он мне не нравится.

— Чего тебе нужно от нее?

Он ухмыляется и моя неприязнь становится сильнее.

— Мы со Скаут старые друзья. Я хотел увидеть ее, пока не уехал из города.

Меня снова тянет захлопнуть перед ним дверь, но вместо этого я задаю ему вопрос:

— А она знает, что ты здесь?

Он качает головой, а ухмылку на его лице сменяет волчий оскал.

— Нет, я хотел устроить ей сюрприз.

Мне не нравится этот парень, и я не хочу, чтобы он искал Нетерпюху. Я не хочу, чтобы

она хотела, чтобы *он* искал ее. Мне нужно вернуться в кровать и начать день заново.

— Подожди. Не знаю дома ли она. Пойду, проверю, — вздохнув, говорю я. А закрыв дверь, заканчиваю: — *Придурок*.

Именно в этот момент в комнату заходит Нетерпюха. Она одета для пробежки.

— Там к тебе, — показав через плечо на дверь, довожу я до ее сведения.

— Ко мне? — нахмутив брови, спрашивает она.

Киваю и отступаю в сторону, чтобы она могла проверить мои слова. Но не уйду из комнаты. Знаю, мне следует оставить их наедине, но этот парень вызывает у меня неприятные ощущения. Поэтому встаю так, чтобы меня не было видно, и подслушиваю.

Открыв дверь, она вскрикивает. Не от страха. От шока.

— Майкл?

Гребаный Майкл. Бывший парень, чье имя она выкрикивала на пике оргазма.

— Привет, ангел, — как-то вкрадчиво и слишком спокойно приветствует он ее.

Она ведь на это не купится?

— Привет, — без особого энтузиазма отвечает Нетерпюха.

Очко в пользу Скаут. Ноль очков в пользу *гребаного Майкла*.

— Как ты меня нашел?

Я инстинктивно делаю шаг вперед. Мне совсем не нравится происходящее.

— Я разговаривал с Джейн. Она дала мне твой новый адрес. Мне нужно было снова тебя увидеть. Я скучал, ангел.

Он лжет. Я не вижу лица Майкла, но слышу лицемерие в его голосе. Он точно знает, что ей сказать, только позабыл вложить в свои слова немного искренности.

Мне и Нетерпюху не видно, но я чувствую, что внутри нее идет борьба. Она не напугана, но опасается.

— Майкл, — ласково и в тоже время нерешительно произносит она. — Думаю, тебе стоит уйти. — Нетерпюха говорит одно, но в голосе чувствуется совершенно другое.

Тлеющие угольки любви, которые все еще живут в ее сердце.

— Ну же, ангел. Позволь мне пригласить тебя на завтрак. Я расстался с Мелиссой. Нам нужно поговорить о нас.

У меня такое чувство, что он дотрагивается до нее, отчего мои ладони сжимаются в кулаки.

— Пожалуйста, уходи Майкл, — вяло молит она его. Даже и не знал, что ее голос может так звучать. Не думаю, что она и правда хочет того, что говорит.

— Слышал, что сказала дама? Тебе пора уходить.

Делаю шаг вперед и открываю нараспашку дверь, чтобы посмотреть на него с высоты своего роста. Я выше его на три-четыре фута, а он на пятнадцать-двадцать лет старше. Обычно мне не нравится запугивать людей, но сейчас я изо всех сил стараюсь сделать это.

Он смотрит на Нетерпюху. В его взгляде явно читается чувство собственности и... раздражение.

— Кто это?

Она вздыхает так, как будто ей хотелось бы оказаться подальше отсюда.

— Майкл, — с той же самой нежностью и нерешительностью говорит она ему. — Это Густов Хоторн. Я работаю на его мать. Она разрешила мне пожить здесь несколько месяцев, пока я не накоплю достаточно денег, чтобы снять собственное жилье.

На его лице снова появляется ухмылка. Мне хочется протянуть руку и стереть ее с

чертового лица. К нему возвращается чувство собственной значимости. И вместе с ним, я вижу, как сдает свои позиции Нетерпюха. Она становится податливой в его умелых руках. Он знает, какие струны затронуть в ее душе и играет с ней, как с марионеткой. Майкл тоже это замечает.

— Иди и возьми кофту, Скаут. Мы идем завтракать, — командует он.

Мне хочется, чтобы она выкрикнула "нет" и сказала ему убираться к чертовой матери, но Нетерпюха, опустив плечи, повинуется ему, как ребенок.

— Подожди минутку. Я скоро вернусь.

Она уходит в свою комнату и возвращается в свитере, надетом поверх футболки с длинными рукавами.

Они исчезают за дверью. А внутри меня начинается происходить что-то странное: грудь сжимается, а в горле образуется ком. Это ревность. И стремление защитить. Желание. И ужасающая беспомощность.

(Скаут)

Мысленно я кричу на саму себя.

Что за фигня, Скаут! Не будь идиоткой. Не оглядывайся на прошлое. Он тебе не нужен.

Но меня предает тело. Оно следует за ним к арендованной машине и забирается в салон, когда Майкл открывает дверь. Это было так просто. Я снова падаю в "кроличью нору".

Он с видом триумфатора садится за руль, зная, что одержал победу... снова.

Судя по всему, я полная дура.

Мы завтракаем в маленькой забегаловке, где продают бурито. Она находится недалеко от дома Одри. Майкл болтает о пустяках. Рассказывает мне о своих путешествиях. О том, какому количеству банковских счетов за последние несколько месяцев обеспечила безопасность его фирма. О лодке, которую купил в прошлом месяце. Ничего из этого не имеет значения. Он просто пытается впечатлить меня. Раньше это срабатывало. Наверное, так он и заманил меня в свои сети три года назад. Тогда я, молодая и восприимчивая, только поступила в Нью-Йоркский университет. Мы познакомились в кофейне на углу моей остановки метро. Он жил в Майами, но раз в месяц приезжал по делам в Нью-Йорк. Майкл был взрослый, привлекательный, очаровательный и смотрел на меня как на самое прекрасное создание, которое он когда-либо встречал. Когда я говорила, он слушал. Он хотел проводить со мной время. Именно поэтому я влюбилась. Моя первая и единственная любовь. Оглядываясь назад, я понимаю, что это длилось недолго. Но я этого не замечала. Не видела, как он в моем присутствии смотрит на других женщин. Не видела, как он думает о своем, когда я говорю. Я не замечала, что наши встречи все чаще сводились просто к сексу, быстрому и грубому. Для его удовольствия, не моего. Но я не могла от него уйти. Он был моим наркотиком. И, судя по всему, ничего не изменилось, если я снова сижу рядом с ним, в его компании, вместо того, чтобы держаться подальше. Я чувствую себя грязной. Использованной. Но не могу уйти. И ненавижу себя за это. Ненавижу за то, что должна уйти но не могу.

Поэтому, когда мы заканчиваем есть, и он подтверждает, что расстался с Мелиссой, я следую за ним в его номер в отеле.

Майкл, как всегда не включает свет. Как только закрывается дверь, он прижимает меня к ней всем телом и целует — страстно и требовательно. Я отвечаю. В теле начинается разгораться пожар. Я не хочу, чтобы оно реагировало на него, но ничего не могу с собой поделать. Он единственный мужчина, который у меня был. Между ногами нарастает пульсация. Я чувствую себя такой слабой. Неудачницей. Предательницей. Ужасным человеком. Но он... он такой знакомый.

Он расстегивает пояс и брюки. Я — его рубашку. Майкл всегда сначала раздевается. Закончив, он требует, чтобы я сняла шорты и трусики. Я так и делаю. А потом он нагибает меня через спинку дивана и начинает жестко трахать. Первые шесть месяцев мы оба получали удовольствие от секса. Последние же пару лет он просто меня имел. Мне это не нравится. Но я привыкла. Он ожесточенно, словно наказывая, вбивается в меня. Его руки крепко, до синяков сжимают мои бедра. С каждым движением мое тело все больше впечатывается в диван. Майкл, как всегда, рычит словно животное, удовлетворяющее свои потребности. Я как всегда молчу. Ему не нравится, когда я издаю звуки. Думаю, так он может притворяться, что меня нет. Когда я молчу, то представляю собой тело, которое можно использовать, чтобы утолить свои плотские желания. Я чувствую его горячее дыхание на спине даже через футболку. Оно вызывает у меня жгучие слезы. Рычание сменяется хриплым голосом рядом с моим ухом.

— Мой малыш скучал по тебе, ангел, — говорит Майкл. А потом: — Черт. Черт. Черт. — Он всегда выкрикивает это, когда кончает. Как будто в столь пренебрежительной манере поздравляет себя с тем, что достиг желаемого. Делает комплимент своему эго за хорошо проделанную работу.

Больше года я не получала оргазма во время секса с ним.

Отодвинувшись, он практически целомудренно целует меня в поясницу. Романтичный завершающий штрих. Своего рода благодарность за оказанные ему услуги. После этого он уходит в ванную. Майкл всегда принимает душу сразу после секса. Не думаю, что он пытается смыть чувство вины. Не думаю, что оно ему вообще знакомо. Наверное, он просто хочет смыть с себя... меня.

И я позволяю ему это.

До следующего раза.

Я думала, что сильнее. Что изменилась и достойна лучшего.

Судя по всему, это не так.

И Майкл только что доказал это.

Майкл непринужденно выходит из ванной, полностью одетый.

Сейчас он начнет болтать о пустяках и выпроваживать меня. Это всегда работает именно так.

Он протягивает мне руку ладонью вверх.

— Телефон, — командует Майкл.

Мне не следует это делать, но я вручаю ему его. Новый телефон, который я купила, когда переехала в Сан-Диего. Новый телефонный номер, которого у него не было. До этого момента.

Майкл забивает свой номер и посылает себе смс, а потом, ухмыляясь, открывает входную дверь, и отдает мне телефон. Его улыбка как будто говорит "*рад был увидеться, а сейчас пока*". Самовлюбленность в чистом виде.

— До встречи, — говорит он и закрывает передо мной дверь, оставляя стоять в коридоре. Ненавижу себя.

Я слабая.

Но я точно знаю, что не увижу его вновь.

С меня хватит.

С этим покончено.

Воскресенье, 20 августа (Скаут)

После того, что произошло вчера, я поняла, что мне нужно разобраться со всем своим дерьмом. Нужно начать менять жизнь в более позитивном направлении. Сегодня утром я поговорила с Одри, она одобрила мое решение и великодушно предложила свою помощь. Теперь я знаю с чего начать. Пакстон.

Сначала я созвонилась с тетей и дядей. Думала, что моя идея придется им не по душе, но они, к удивлению, поддержали ее и даже облегченно вздохнули. Мне было и грустно и радостно одновременно. Радостно, потому что я знаю, что это будет значить для Пакстона, и грустно потому что они снова отстраняются от его воспитания, возлагая свои родительские обязанности на кого-то еще. К счастью, для меня это в радость.

Следующий мой звонок — Пакстону.

— Привет, Скаут, — раздается в трубке озабоченный голос.

— Привет, Пакстон. Что делаешь?

— Просто играю в Xbox. — Это все объясняет.

— Ты не мог бы отключить его на несколько минут и поговорить со мной? Это важно.

Он копошится, выполняя мою просьбу, а потом нервно спрашивает:

— Что случилось?

— Ничего плохого. У меня хорошие новости. Надеюсь, — с улыбкой говорю я, чтобы он успокоился.

— Хорошо. — Судя по голосу, я его не убедила.

— Я хочу, чтобы ты переехал в Сан-Диего. В следующие выходные. Закончишь выпускной год здесь.

Молчание. Я знаю, что он просто ошеломлен, но все равно нервничаю.

— Пакстон?

— Да. — Надо полагать, ошеломлен даже близко не описывает его состояние.

— Что думаешь? Будешь жить в подвальном помещении в доме моего босса. Она предложила нам оставаться у нее столько, сколько нужно. Пока я не смогу накопить на машину и на аренду квартиры для нас. Она очень милая, ты ее полюбишь.

Опять молчание. Понимаю, это трудно переварить сразу.

— Пакстон?

— Да? — Он думает. Я слышу, как у него в голове крутятся колесики.

— Ну, так что?

— Не могу поверить в это, — бормочет про себя Пакстон.

— Мне засчитывать твой ответ как "да"?

— Это правда, Скаут? — с душераздирающей надеждой спрашивает он.

— Да.

Пакстон шмыгает носом. Если он сейчас не плачет, то отчаянно пытается сдержать

слезы.

— Да, я определенно приеду. — Он замолкает на секунду, а потом продолжает: — Ты уверена, что это все по-настоящему?

Теперь я улыбаюсь, потому что еще никогда и никому не преподносила такой дар — перемены в жизни. Это невероятное чувство.

— По-настоящему. Теперь можешь заниматься своими делами, а я пойду покупать тебе билет на следующие выходные. Отправлю его на почту, как только он у меня будет. Начинай паковать вещи. Хорошо?

— Хорошо. Спасибо. Правда. — Его голос источает самое настоящее счастье. И мне это нравится.

— Хорошего дня, Пакстон. Созвонимся.

— Спасибо, Скаут. И тебе того же.

Воскресенье, 27 августа (Скаут)

Самолет Пакстона приземляется через пятнадцать минут, а мы застряли в пробке. Ненавижу опаздывать. На экране телефона открыто расписание прилетов авиакомпании "Юнайтед" и последние тридцать минут я обновляю его каждые тридцать секунд. Как будто, если самолет находится так близко, это его как-то задержит. Определенно, я заиклилась.

Я стучу по колену в такт песни, которая играет по радио, не потому, что она мне нравится — просто не могу сидеть спокойно и всегда ерзаю, когда нервничаю. Жаль, что не могу успокаиваться по желанию. Я пыталась медитировать, но у меня не получается отключить мозг. Иногда ему нравится упрямиться.

Прикусив щеку, смотрю в окно. Неожиданно Густов кладет свою ладонь поверх моей и крепко прижимает ее к колену. Я поворачиваюсь и смотрю на его руку. Он никогда так не дотрагивался до меня. Я чувствую его прикосновение всем телом. Как будто через сердце прошел разряд электрического тока. Но он быстро убирает свою руку.

— Расслабься. Мы прибудем вовремя. Обещаю. — Его голос всегда звучит уверенно, даже, когда это совсем не так.

— Я просто не люблю опаздывать, — объясняю я, пытаюсь оправдать свое беспокойство.

— Наверное, тебе стоило выбрать другого водителя. Опоздун — мое второе имя, подруга — добродушно задирает он меня.

Я вздыхаю. Густов прав. Глупо так переживать. Он вот, например, полностью расслаблен и лениво улыбается, что в последние дни происходит все чаще и чаще.

— Прости.

— Не бери в голову, *Нетерпюха*.

— Ты только что назвал меня *Нетерпюха*? — прищурившись, спрашиваю я его.

Он кивает и фальшиво кашляет.

— Да, это твое прозвище с нашей первой встречи. Не хотел тебе этого говорить, но ты до ужаса нетерпеливая, — широко открыв глаза и ухмыляясь, говорит он.

Я недовольно фыркаю... потом делаю глубокий вдох... и, также широко открыв глаза, соглашаюсь с ним.

— Я знаю, что до ужаса нетерпеливая.

— Признание проблемы — первый шаг к выздоровлению.

— А тебя это волнует? Ты определенно обратил на это внимание давно. Я даже и не предполагала, что моя нетерпеливость заслуживает прозвища.

— Сначала не особо, — с улыбкой говорит он. — Но это потому, что моя собственная жизнь была не очень. А теперь волнует. Нельзя судить, если не знаешь с каким дерьмом приходится иметь дело кому-то еще. Именно это я вынес для себя за прошедшие несколько месяцев. Мне кажется, что у тебя тяжело на сердце, а в таком случае все всегда кажется трудным. Даже жизнь. Поверь мне, я это знаю. Негатив накапливается и омрачает спокойствие.

— Спокойствие, — снова недовольно фыркая я. — Не думаю, что мы с ним встречались.

— Ты найдешь его. Однажды ты найдешь его, — подмигивает он. — Поверь мне.

— Верю, — шепчу я. Не знаю почему, но верю.

Остаток пути мы проводим в молчании.

Когда мы подъезжаем к аэропорту, Пакстон, улыбаясь во весь рот, уже ждет нас на выходе. Думаю, он увидел пикап Густова еще издалека. Его очень трудно не заметить: старый, ржавый, битый и двухцветный — кабина одного цвета, все остального — другого. Но мне он нравится. Нравится, потому что я знаю, что у него достаточно денег, чтобы купить любую машину. Но что водит он? Он уже много лет водит эту рухлядь. Уверена, Густов не согласился бы отдать его даже, если кто-то предложил бы ему миллион долларов. Мне это очень нравится.

Моя грудь сжимается от счастья, когда Пакстон, позабыв о сумках, бросается ко мне. Я даже и не понимала, как соскучилась по нему... до этого момента. Он — моя семья. Мой единственный и самый верный друг.

Я крепко обнимаю его, чувствуя себя как дома. Как давно у меня не было таких ощущений. Пакстон всегда был для меня домом.

— Спасибо, Скаут, — с облегчением говорит он, обнимая меня. Может, он и подросток, но никогда не сдерживает своих эмоций со мной.

Я крепко прижимаю его к себе.

— С приездом. Я рада, что ты здесь, — отпустив его, я делаю шаг назад.

Пакстон сияет от счастья. Он подрос, теперь наши глаза находятся на одном уровне. Он не должен выглядеть таким взрослым. Он должен быть ребенком, а не семнадцатилетним мужчиной.

Дверь со стороны водителя открывается и закрывается, привлекая внимание Пакстона. Он смотрит на Густова с явным благоговением в глазах. Как я уже сказала, Пакстон никогда не сдерживает эмоций в моем присутствии.

— Я так полагаю, ты — Пакстон? Если только твоя кузина не увлекается автостопщиками. Но в этом нет ничего плохого. Каждому нужно какое-нибудь хобби, — говорит Густов, вставая рядом со мной.

Пакстон нервно смеется, глядя на Густова как на бога. Он всегда был ужасно стеснителен и сдержан с незнакомцами. Но я его в этом не виню. Он вырос в доме, где доверие было пустым звуком. Обещания постоянно нарушались. Я смогла к этому приспособиться потому, что привыкла к худшему и была взрослее. Пакстон так никогда этого и не сделал. Он был юн и раним; когда родители что-то обещали ему, Пакстон ожидал, что они так и сделают. В большинстве случаев, его ожидания не оправдывались. Пакстон — единственный человек в мире, которого я никогда не обману. Просто потому, что все

остальные уже это сделали.

— Пакстон — это Густов Хоторн. Густов — это Пакстон.

Густов протягивает руку, Пакстон неохотно берет ее.

— Просто Гас, Пакс. Добро пожаловать в Южную Калифорнию. Как прошел полет на большой птице?

Пакстон все еще держит его руку, но больше не трясет ее. Он просто не отрывая глаз смотрит на Густова. Я толкаю его в плечо, чтобы он очнулся.

Пакстон вздрагивает и начинает быстро моргать. Он не может произнести ни слова, поэтому я повторяю вопрос:

— Как прошел полет?

Он кивает.

— Хорошо. Очень хорошо. Если только не считать турбулентности над Средним Западом. Но в остальном все было хорошо. Очень хорошо, — бессвязно говорит он. Пакстон определенно нервничает.

Если Густов это замечает, то никак не реагирует.

— Ну что ж, Пакс, давай забросим твои чемоданы в машину. — Он хватается один, а Пакстон — другой. — Это все?

Пакстон кивает, выглядя при этом так, как будто ему стыдно.

— Ага.

— Живешь налегке. Мне это нравится. Думаю, мы подружиться, — говорит Густов, проходя мимо, чтобы залезть в машину, и хлопая его по плечу.

На лице Пакстона мелькает облегчение. Это незначительный жест, но моя благодарность не знает границ. Его доброта только что сделала Пакстону день.

Я улыбаюсь, предчувствуя, что все будет хорошо.

Вторник, 29 августа (Гас)

Сегодня Пакс начинает учиться в новой школе, в которую его вчера записала Нетерпюха. Непонятно только, почему она опаздывает сегодня на работу. Я слоняюсь по дому. Делать абсолютно нечего. Кстати, мне нравится этот ребенок. Мы быстро с ним подружились. Иногда ты встречаешь человека и понимаешь, что это было не случайно. Что он нужен тебе или ты нужен ему, а иногда и то, и другое. Этому парню определенно кто-то нужен. Ему нужны друзья. У меня такое чувство, что у него большие проблемы в этом плане.

В ожидании Пакса, я хватаю несколько кусков бананового хлеба, который вчера вечером приготовила Нетерпюха. Когда Пакс наконец заходит на кухню, я понимаю, что он чертовски нервничает. Не хочу ухудшать его состояние, говоря об этом, поэтому делаю вид, что ничего не заметил.

— Как дела, солнце? — Пакс очумело смотрит на хлеб в моей руке. — Хочешь подкрепиться? — Я показываю на пакет, который лежит на кухонной стойке позади меня.

— Это Скаут приготовила его?

Я откусываю еще один кусок и жуя, говорю:

— Да. Он охуительный.

Пакстон улыбается, как будто то, что я только что произнес слово на букву "х" — самая потрясающая штука в мире.

— Моя мама никогда не готовит. Иногда, мне кажется, что Скаут научилась это делать

только для того, чтобы я не голодал.

Странный комментарий. У меня такое чувство, что он и правда имел в виду то, что сказал. Я ничего не знаю о прошлом Нетерпюхи за исключением того, что мама Пакстона — это ее тетя Джейн, с которой она иногда разговаривает по телефону. А еще я знаю о *гребаном Майкле*. И все.

После того, как Пакс съедает несколько кусков бананового хлеба, я предлагаю начать выдвигаться в школу.

— Нам пора ехать, чувак. Твоя кузина убьет меня, а из остатков сделает наживку для акул, если мы опоздаем в первый же день. Она повернута на пунктуальности.

Как будто в подтверждение моих слов в кармане начинает звонить телефон.

Сообщение от Нетерпюхи.

"Вы уже едете?"

Я подношу экран так, чтобы Пакс мог его прочитать. Он прищуривается, и я мысленно отмечаю, что нужно спросить Нетерпюху, что он носит: очки или контактные линзы. Ему определенно тяжело читать смс.

— А кто такая *Нетерпюха*? — глядя на меня, удивленно спрашивает Пакс.

Я смеюсь, потому что позабыл, что забил ее так несколько месяцев назад.

— Прости, это Скаут.

Он раздумывает около минуты, а потом улыбается.

— Иногда она и правда немного нетерпеливая.

— Иногда? Черт, да ты само великодушие.

Он знает, что я шучу. Вроде как. И тоже смеется. Его смех немного сдержан и больше похож на хихиканье. Как будто внутри этого парня прячется свет, который отчаянно хочет вырваться наружу, но не знает как. Мысль об этом заставляет меня чувствовать себя никчемным. Раньше, я воспринимал смех как нечто само собой разумеющееся. Я был окружен им много лет. Но потом он умер вместе с Опти. И теперь я должен научиться смеяться заново.

Мы связаны. Нам обоим нужно найти свой свет.

На подъезде к школе, я бросаю на него косой взгляд.

— Чувак, тебя высадить перед входом или на улице? Не хочу пятнать твое появление в первый день своей колымагой.

Я люблю свою машину, но знаю, что все остальные не должны относиться к ней также. К тому же, мне кажется, что у этого ребенка очень большие *заморочки*. Не хочу, чтобы над ним издевались только потому, что какой-то мудака увидит его, выходящим из моего пикапа и решит поприкалываться по этому поводу. Я пытаюсь предотвратить возможные проблемы.

— Высади меня перед школой. Я не возражаю против колымаги, — улыбаясь, говорит он.

— Ну и хорошо. — Я протягиваю руку, и он звонко ударяет своей ладонью о мою.

Когда машина останавливается, он поворачивается и широко открытыми глазами смотрит на меня. На его лбу блестят капельки пота, а выражение лица просто кричит о панике. Приходится прочитать ему напутственную речь в исполнении Гаса.

— Пакс, ты круче, чем обратная сторона подушки. Запомни это. Иди и покажи им, что значит ад, чувак.

— Спасибо, Гас, — улыбаясь, говорит он.

— Да не за что. Увидимся в три тридцать. Я постараюсь припарковаться здесь же. Если

буду опаздывать, то отправлю сообщение. Предупреждаю сразу, скорее всего я опоздаю, потому что всегда это делаю. Такой уж я уродился.

Угадайте, кто приехал на пятнадцать минут раньше? Вот этот самый парень. Горжусь собой. Не хочу подводить этого ребенка, потому что это значит разочаровать не только его, но и Нетерпюху.

Пакс, опустив голову, идет к машине. Интересно, он весь день так ходил? Пытаясь быть незаметным. Раствориться в толпе. Подняв голову, он улыбается мне. Я в ответ тоже расплываюсь в улыбке.

— Как прошел первый день того, что предстоит делать до конца жизни?

— Нормально, — нейтрально отвечает он. Это может быть и хорошо, и плохо. Я не достаточно хорошо знаю Пакстона, что прочитывать его.

— Познакомился с цыпочками?

Он смотрит на меня так, как будто я издеваюсь над ним.

— Что? Это нормальный вопрос. Мы — парни, и нами правят девчонки. Это истина жизни.

У него слегка кривится рот, и краснеют щеки.

— Ага. Уже положил глаз на молодую кобылку. Как ее зовут, чувак?

— Мейсон. — Его щеки начинают гореть на девять из десяти уровней яркостей.

Я смеюсь и хлопаю его по плечу.

— Отвезу тебя в "Царство Мороженого" и ты мне все расскажешь о восхитительной Мейсон.

Я держу свое слово.

Так же как он.

Я еще не видел его таким счастливым.

Суббота, 2 сентября (Гас)

— Пакс, я тебя предупреждаю, — говорю я, включая свет на лестнице, которая ведет в подвальное помещение. — Если ты спишь голый, то прикрой свою пипипку, потому что я спускаюсь.

Еще очень рано. Суббота. Нам следовало бы спать. Мне не хочется будить его, но это единственное время, на которое я смог договориться. Пакс переворачивается на спину и прикрывает глаза от света рукой.

— Который сейчас час, Гас?

— Шесть пятнадцать. Дико извиняюсь, но нам скоро выходить. Умывайся и спускайся вниз через двадцать минут.

Он приподнимает ладонь и, прищурившись, смотрит на меня из-под нее.

— А куда мы идем?

— Секрет.

На самом деле никакого секрета нет. Мы собираемся к окулисту, но я скажу ему об этом, когда он полностью проснется.

Мы успеваем на прием за несколько минут до его начала.

Пакс в недоумении, когда я припарковываюсь и выхожу из машины.

— А зачем мы здесь?

— Ты когда-нибудь проверял зрение?

Он качает головой.

— Ну, все когда-то бывает в первый раз. Пошли, muchaso[7].

Пакс заполняет формы и через несколько минут он уже у доктора. Я болтаю с пожилой женщиной, сидящей рядом со мной. Она ожидает мужа, которому проверяют катаракту. Этой классной даме с абсолютно седыми волосами, наверное, уже около восьмидесяти. К тому времени, как выходит Пакс, я уже знаю, сколько у нее детей, внуков и правнуков и посмотрел фотографии большинства из них. Я также в курсе, что она родилась в Мэне, но сорок лет назад они переехали в Сан-Диего из-за работы мужа. А еще у них есть померанский шпиц по имени Битси. От нее пахнет детской присыпкой. Замечательная женщина, она мне нравится. Пакс с поникшей головой тащится ко мне.

— Ну и каков вердикт?

— Он сказал, что мне нужны очки.

"Определенно" думаю я. Несколько дней я наблюдал за тем, как он прищуривается.

— Хорошо. Давай их подберем.

Мы сидим за столом с восхитительным пикантным окулистом по имени Бренди. Когда она спрашивает, что он предпочитает — очки или линзы, Пакс смотрит на меня.

Я пожимаю плечами.

— Что ты хочешь, Пакс? Это твой выбор.

Он тоже пожимает плечами.

— Мне не нравится, когда что — то касается глаз. Не думаю, что смогу вставить в них линзы. Но я также не хочу выглядеть как придурок в очках.

— Придурок? — смеясь, переспрашиваю я. — Ты симпатичный, чувак и очки тебя не изуродуют. Посмотри, она носит очки и сногшибательно в них выглядит, — говорю я и подмигиваю для пушного эффекта. Бренди улыбается и краснеет.

— Простите за грубость. Ваши очки очень красивые, — заикаясь, произносит он, когда понимает, что оскорбил ее.

— Почему бы тебе не примерить несколько оправ и не выбрать ту, что понравится?

Следующие тридцать минут Пакс примеряет все, что мы ему даем. В конце концов, он останавливается на очках с черной оправой. Они хорошо сочетаются с его темными волосами и бледной кожей.

Бренди предлагает нам вернуться после двух, чтобы забрать готовые очки, я оплачиваю все, и мы идем по магазинам. Парню нужна новая одежда. В предыдущей школе он носил форму, а для повседневной жизни у него нет ничего, кроме темно-синих теннисок, белых рубашек и светлых брюк. Я не знаю Пакса, тем не менее уверен в том, что он не из тех чуваков, которым нравится такая одежда. Он выглядит нерешительным, когда я предлагаю ему выбрать несколько пар джинсов и рубашек. То ли не знает, что ему нравится, то ли не хочет, чтобы я тратил на него деньги. Наверное, и то, и другое.

Когда он, наконец, решается, то постоянно спрашивает:

— Что ты думаешь, Гас? Это круто?

Первые несколько раз я отвечал:

— Не мне это носить. Тебе они нравятся?

Не хочу, чтобы он выбирал одежду только потому, что она нравится мне. Когда до меня доходит, что он ошеломлен, я понимаю, что Пакс никогда не делал этого раньше. Судя по

всему, его одевала мама.

— Закрой глаза.

— Зачем? — спрашивает он.

— Просто сделай.

Он послушно закрывает глаза.

— А теперь, когда откроешь их, я хочу, чтобы ты пошел и выбрал ту вещь, которая прокричит тебе: *"Привет, Пакс. Я такая клевая. Я нужна тебе. Хорошо?"*

Он улыбается и кивает.

— Хорошо.

— Открывай глаза.

Посомневавшись пару секунд, Пакс идет к футболке, которая висит на вешалке на дальней стене. На ней черной краской с белой обводкой написано: *"Крутость — это состояние ума"*.

— Отличный выбор. Не то чтобы мне хотелось подражать тебе, но я хочу такую же.

Он охотно помогает мне найти подходящий размер.

После этого дело сразу идет быстрее, он набирает несколько футболок, толстовок и джинсов и идет в примерочную. Я убедился, чтобы у него была новая смена одежды на каждый день. Так что стирать можно будет только по выходным.

Пообедав, мы направляемся в скейтшоп, чтобы купить новые кроссовки, потому что те, которые на нем, выглядят потрепанными и, скорее всего, малы. А другая пара обуви, которая у него есть, — коричневые кожаные туфли. Судя по тому, что они выглядят так, как будто принадлежат мужчине среднего возраста, это часть школьной формы. Пакстон выбирает пару темно-синих "Халф Кэбов" и сразу же одевает их, оставляя старые кроссовки в магазине.

По пути домой мы забираем новые очки. Я молчу, краем глаза наблюдая за ним всю дорогу. Парень выглядит так, как будто был слеп и ему только что вернули зрение.

Он спокоен, просто пытается переварить произошедшее. Это делает меня счастливым.

— Пакс, да ты крут в этих очках. Подожди, когда Мейсон тебя увидит.

Он смущенно улыбается, краснеет, как и каждый раз, когда я произношу ее имя, и отворачивается к окну. Я знаю, что он все еще улыбается. Я это чувствую.

Когда мы приезжаем домой, он хватает свою новую одежду, чтобы унести ее вниз, и через несколько минут появляется в новых джинсах и футболке с надписью "Нирвана".

— Пошли со мной, — говорю я, показывая в сторону своей комнаты.

Пакс, широко открыв глаза, осматривает обстановку. В моей берлоге довольно пусто, если не считать кучи грязной одежды на полу. Кровать, прикроватная тумбочка, маленький шкаф. И три гитары: из которых две электрические, которые стоят в футлярах возле двери в туалет, и акустическая в углу.

— Прости за беспорядок. Мне стоило бы заняться стиркой еще две недели назад.

Я достаю из шкафа картонную коробку с футболками "Rook" и опускаю ее на пол.

— Не знаю, слушал ли ты нашу музыку, но если хочешь пару футболок, то не стесняйся, возьми. Ну, а если нет, так нет, чувак.

У него загораются глаза.

— Правда?

— Конечно, — киваю я.

Пакс встает на колени и начинает рыться в коробке. Выбрав две, он поднимает голову и

смотрит на меня.

— "Rook" — моя любимая группа. Спасибо.

Это удивляет меня.

— Правда?

Он с энтузиазмом кивает.

— Да, я слушаю вас парни с прошлой осени, когда вышел первый альбом.

— Вау. Спасибо, чувак. — Да, нас иногда узнают на улицах, но в глубине души меня все еще приводит в изумление то, что кто-то знает "Rook".

— Вообще-то, мой отец, Джим Риджли, — ваш тур-менеджер, — говорит он, как будто извиняясь за это.

— Твой отец — это гребаный Гитлер? — спрашиваю я, сразу пожалев о том, что произнес это вслух.

Пакс смеется и мне сразу же становится легче от того, что мои слова не оскорбили его. Я прокручиваю в голове полученную информацию, пытаюсь связать все в одно целое. Если Гитлер отец Пакстона, значит он дядя Нетерпюхи. Неудивительно, что она лучше всех с ним ладила. Нет, их отношения мне совсем не показались семейными, но она была единственной, кто мог выносить все его дерьмо и разговаривать с ним так, чтобы не выходить из себя. Теперь понятно, почему он доверял ей.

Пакс решает не заострять внимание на моем комментарии.

— Честно сказать, я не могу поверить, что стою в твоей комнате? Ты и пишешь в ней?

— Обычно. Но я уже довольно давно ничего не писал.

Теперь на его лице появляется выражение недоумения.

— А как же следующий альбом? Он ведь будет? Пожалуйста, скажи, что будет.

Я киваю, хотя это неправда.

— Конечно, будет.

Он улыбается, не услышав сомнения в моем голосе.

— Это хорошо. Мне нужен новый альбом. Я мог бы слушать первый целыми днями до конца своей жизни, но... — с надеждой смотрит на меня он.

Но.

Вот такая у меня сейчас жизнь.

Но.

С колебаниями и неизвестностями.

Воскресенье, 10 сентября (Гас)

Ма, Нетерпюха и Пакс ушли в кино. Я бы тоже ходил, но мы с Франко уже посмотрели его несколько дней назад. Наверное, стоило бы что-нибудь делать, а не просто валяться на диване и переключать каналы на телевизоре, но мне лень придумывать себе занятие.

Когда раздается стук в дверь, я чертыхаюсь, потому что не хочу вставать. После двух раундов стуков я уже не в силах игнорировать их и поднимаю свою ленивую задницу с дивана. Еще даже не открыв дверь, я уже зол. А потом прихожу в ярость. *Гребаный Майкл*. Я не собираюсь терпеть этого сукиного сына.

Сделав глубокий вдох, медленно выдыхаю, а потом смотрю на него и говорю:

— Ее здесь нет.

Он раздраженно переводит взгляд на дорогие часы на запястье.

— В котором часу она вернется?

— Ее не будет до вечера, — пожимая плечами, отвечаю я. А значит вали отсюда на хрен.

Он явно это понял, потому что недовольно поднимает брови и спрашивает:

— Ты уверен в этом?

— Вполне. — Мне надоел этот разговор. Я хочу вернуться на диван и смотреть телевизор.

Чувак, о чем-то размышляя, постукивает носком туфли по полу. Так всегда делают нервничающие самцы. Меня это бесит.

Я начинаю закрывать дверь, но он протягивает руку и останавливает ее. Наглый ход, учитывая, что мы уже совсем разобрались.

— Скажи ей, что я заходил, — командует он. Не просит, а именно командует.

Я смотрю на его руку все еще придерживающую дверь.

— А о том, что ты забыл снять обручальное кольцо мне тоже сказать или умолчать?

Он быстро убирает руку и засовывает ее в карман брюк. Его только что уличили и это заставляет его чувствовать себя неловко. Нет, он не сожалеет. Это скользкий мудака, который никогда в жизни не брал на себя ответственность за проступки. Судя по выражению его лица, Нетерпюха не знает об этом.

— Убирайся отсюда на хрен, — говорю я, не дожидаясь ответа, а потом захлопываю дверь прямо перед его носом.

Вторник, 19 сентября (Скаут)

Сегодня был длинный день. Я только что пришла с работы домой и жду не дождусь, когда можно будет насладиться сном. Такое ощущение, что мы двое не были вместе уже очень много времени. Последние несколько недель у меня были проблемы со сном. Повышенная тревожность. Я беспокоюсь обо всем. Работать с Одри — это блаженство, но я все равно переживаю: о качестве исполнения своих обязанностей, о способности обучаться бизнесу быстро и эффективно, о своем взаимодействии с клиентами. Она всегда хвалит меня и говорит, что работать со мной одно удовольствие, но сомнения так глубоко укоренились во мне, что я просто не могу избавиться от них.

Я беспокоюсь об Одри. Нет, это не моя работа, но я делаю это, потому что она мне очень нравится. Она — моя наставница, человек, на которого мне хочется походить. Я так сильно восхищаюсь ей и хочу для нее самого лучшего, что повышает мою тревожность.

Я переживаю о Пакстоне и о том, как у него дела в школе. О Джейн и ее здоровье. С своим прошлым с Майклом — даже, несмотря на то, что это уже позади, беспокойство все равно изводит меня. Я переживаю о Густове и о нашей дружбе. Иногда мне кажется, что я не знаю, как дружить с кем-то, кроме Пакстона, но уверена в том, что хочу быть его другом.

Самое тяжелое в дружбе то, что она немного усложняется влечением, которое я иногда испытываю к нему. Оно проявляется в самое странное время: когда он делает что-то милое, или смотрит на меня с глупым выражением лица, или говорит что-то неожиданное. Оно просто появляется, и я пока не знаю, что с ним делать. Это новое и незнакомое для меня чувство.

В общем, я переживаю обо всем и обо всех. Иногда это оправдано. Иногда нет. А еще, это очень выматывает.

Неожиданное раздаётся мяуканье, я открываю глаза и выскакиваю в коридор. Маленький, серый с белыми подпалинами котенок. Он кружит вокруг меня и трется о ноги. Когда я приседаю на корточки, чтобы погладить его, котенок начинает мурлыкать.

— Привет, — улыбаясь, шепчу я. Но, как только он поворачивает голову в мою сторону, я вскрикиваю и беру его на руки. — Бедненький. — Повреждения на его теле явно старые и, судя по их виду, заживали без вмешательства человека. Левого глаза нет, а сама глазница деформирована. Отсутствует половина уха, а левая передняя нога неестественно выгнута, как будто была сломана, а кости срослись неправильно.

Мурлыканье усиливается.

— Ты, гребаная маленькая предательница, — раздаётся голос Густова.

Я испуганно замираю, продолжая держать котенка в руках.

— Что?

— Свиные ребрышки, — отвечает он, показывая на котенка.

Теперь я совсем ничего не понимаю.

— Свиные ребрышки?

— Да, Свиные ребрышки. Это ее кличка. Я нашел ее сегодня утром на улице.

Она залезла в мусорный бак Комински и собиралась расправиться со...

— Свиными ребрышками. Я поняла, — с улыбкой прерываю я его.

Он кивает.

Иногда... большую часть времени... его оригинальность развлекает меня. Она как глоток свежего воздуха. Ну кто называет своего кота Свиными ребрышками?

— Это не очень подходящее имя для леди, — говорю я.

— Свиные ребрышки — это самое что ни на есть подходящее имя. К тому же, она не леди, Нетерпюха. Не дай ей себя одурачить. Она еще та сучка.

Густов поднимает руки и показывает мне царапины от когтей.

— Малышка сражалась до последнего. А теперь мы друзья. — Он переводит взгляд на котенка и добавляет: — Вроде как. Судя по всему, ты ей нравишься больше. Не буду врать, я обижен, Свиные ребрышки. Я предлагаю тебе пристанище, а ты тянешься к первой же цыпочке, которая входит в дом. *Это не есть хорошо.*

Я улыбаюсь, когда он снова произносит ее кличку. Это так смешно.

— Ты возил ее к ветеринару? Выглядит она ужасно, — говорю я, дотрагиваясь до травмированной головы.

— Да, утром. Старые раны. Они все нормально зажили, и она здорова как лошадь. Не нужно ее жалеть. Именно этого она и добивается.

Его слова задевают меня за живое: старые раны... нормально зажили... здорова как лошадь... не нужно жалеть... этого она и добивается. Сглатываю ком в горле. *Это же обо мне.* Я излечилась. Я здорова. Я не хочу, чтобы люди жалели меня. Пусть лучше игнорируют. Именно этого я хотела до того, как переехала в Сан-Диего. Теперь я больше не знаю, что мне нужно. И это нормально. Неопределенность означает начало перемен. Наверное, и правда настало время перемен.

Густов прикрывает рот рукой, как будто кошка его не услышит и говорит:

— Она замечательная. Просто не хочу, чтобы она об этом знала, а то очаруюсь еще больше и превращусь в сумасшедшего кошатника. Я уже на девяносто семь процентов там, а ведь знаю ее лишь около восьми часов. Я окажусь у нее "под каблуком". Как пить дать окажусь.

Уверена, Густов только что заработал десять баллов в свою пользу. Физически, он очень крупный мужчина. К тому же, рок-звезда. Который живет с мамой и обожает ее. Который мгновенно подружился с Пакстоном. А сегодня спас бездомного раненного котенка. Густов определенно не такой, каким казался мне несколько месяцев назад. Он... хороший. И, черт возьми... привлекательный.

Понедельник, 25 сентября (Гас)

На выходных Ма сообщила мне, что у работника, который занимается сортировкой ее почты, умерла бабушка. Похороны будут проходить в Сиэтле, а значит, его не будет до конца недели. Я вызвался помочь, потому что лучше буду делать это, чем сидеть дома в компании гребаного блока. Я могу лишь смотреть на чистый лист бумаги. Или держать в руках гитару и слушать тишину. Или сидеть за пианино и позволять клавишам насмехаться надо мной.

Я не могу писать.

Я не хочу писать.

Все хотят, чтобы я писал.

Меня это бесит.

Так что я с радостью вновь помогаю Ма.

— Пора обедать. — Голос стоящей в дверном проеме Нетерпюхи, отрывает меня от монотонной сортировки конвертов.

Я киваю.

— Да, спасибо. — Я ничего не принес с собой из дома, а идти в забегаловку на углу мне не хочется. В последний раз, когда я там был, меня узнали... и это было ужасно. У меня началась клаустрофобия, и я запаниковал. Поэтому, несмотря на то, что хочется есть, придется просто выкурить пару сигарет.

Она вытягивает в руке пакет.

— "У Антонио" были скидки. Покупаешь два куска, получаешь два бесплатно. Хочешь, я с тобой поделюсь?

Я пожимаю плечами.

— Конечно. Ты предлагаешь покормить меня, подруга?

— Я предлагаю тебе еду. Кормись сам, дурачок, — с улыбкой отвечает она. С недавних пор отношения между нами стали гораздо лучше. Я могу шутить с ней. Она уже не так напряжена в моем присутствии, и мы даже вместе смеемся.

Мы сидим за столиком для пикников с задней стороны здания и молча едим.

Прикончив пиццу, она, вместо того, чтобы уйти, остается и ждет, пока я выкурю сигарету.

— Я знаю, что ты делаешь, — решительно говорит Нетерпюха.

— Убиваю себя, — скептически глядя на сигарету в руке, отвечаю я.

— Ты прячешься. Почему ты прячешься здесь? Не пойми меня неправильно, мне нравится это место, нравится работать на Одри. Но ты... ты не должен быть здесь.

Довольно откровенно для Нетерпюхи.

— Почему нет?

Она вздыхает.

— Густов, ты застопорился. Ты бесцельно проводишь время. Не живешь. Не делаешь того, что любишь.

— И что это?

— Ты не пишешь музыку. У тебя столько фанатов; я видела их на концертах. Они любят тебя. — Ее глаза опущены, как будто признание дается ей с трудом.

Я киваю, хотя, она не смотрит на меня. Я принимаю этот комплимент безмолвно, потому что слова только все испортят и смутят ее.

— Ну, написание музыки... немного проблематично для меня... пока.

Ее взгляд вновь находит мой.

— Проблематично? Что это значит?

Я не хочу рассказывать ей об этом. Не хочу рассказывать об этом никому.

— Ничего.

Нетерпюха оставляет последнее слово за собой.

— Это не ничего. Это все. Это *твое* все. — Сказав это, она встает и уходит.

А я остаюсь и размышляю о том, что только что произошло. Она права. Я знаю, что она права. Мне нужно взять себя в руки.

Но я не могу.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Среда, 11 октября (Гас)

— Думаю, нам пора съезжать, — раздается тихий голос Нетерпюхи. Необычно тихий даже для нее.

Ее слова были как пощечина. Как звонок будильника.

— Что? Съезжать?

Она месит тесто для печенья в большой чашке. Нетерпюха много печет. Хотя сама не слишком их ест. Думаю, она просто пытается порадовать нас. И мы радуемся, потому что у нее это чертовски хорошо получается. Даже если бы они были на вкус как дерьмо, я все равно бы их ел, потому что так она выражает свою любовь к нам.

Нетерпюха не может сделать это по-другому — у нее стоит блок. Она хочет, но не знает как.

— Мы с Пакстоном не можем жить у вас все время, Густов, — говорит она, не отводя взгляд от чашки. — Одри и так была слишком добра, разрешив нам оставаться здесь столь долго.

— Ма нравится, что вы здесь. Даже не переживай по этому поводу.

Это правда. Мы с Ма много общаемся, и когда разговор заходит о них, ее голос всегда полон любви. Ма — человек, который любить "отдавать". Ничего не делает ее счастливее, чем помощь людям, особенно тем, к кому она привязана. Она — мама для каждого, бескорыстная и очень любящая. Ма относится к тем, кто ей нравится как к семье, потому что именно ей они для нее и являются.

— А я переживаю. К тому же, Пакстон оказался неожиданным сюрпризом. Она не соглашалась на него, когда нанимала меня и предлагала пожить у себя дома.

— Пакс — клевый парень.

Наконец, она улыбается и поворачивается ко мне. Впервые за все утро Нетерпюха смотрит на меня.

— Это так.

— Уж кого она терпеть не может, так это Свиные ребрышки, — добавляю я, пытаюсь вызвать у нее смех. Ма обожает Свиные ребрышки. Эта чертова кошка вертит всеми нами,

как хочет.

Нетерпюха игнорирует шутку и продолжает:

— Ты для Пакстона — идол, ему нравится находиться рядом с тобой. Уверена, ты это заметил. Думаю, хорошо, что у него перед глазами такая положительная мужская ролевая модель.

— Фигня. Никакой я не образец для подражания.

Нетерпюха даже не улыбнулась.

— Густов, могу я быть честна с тобой?

— Несомненно. Я всегда ценю честность. Не только в этот раз. Так, чтоб ты знала. —

Нетерпюха многое скрывает. Она не лгунья, просто держит все в себе. Информацию, эмоции... она настолько закрыта, что иногда я задаю себе вопрос, не душит ли ее это.

Нетерпюха вытаскивает из чашки тесто и бросает его на бумагу для выпечки. Она думает о том, что я сказал. Думает гораздо усерднее, чем я того хотел. Но, наверное, все же не настолько, чтобы в это поверить. Через несколько секунд она кивает.

— Поняла.

Нетерпюха снова поднимает на меня взгляд, и я тоже киваю, принимая ее ответ.

— Когда я впервые увидела тебя, то подумала, что ты придурок, — продолжает она.

Я снова киваю.

— Ты, наверное, была права. Особенно в тот период моей жизни.

Она качает головой, не соглашаясь с моим комментарием.

— Подожди. Дай мне закончить. Я была не права. Я так погрязла в собственных проблемах, что позволила им затуманить свой мозг. Каждый парень, которого я видела или встречала автоматически становился придурком. Не только ты. Но, так как ты оказался тем, с кем я была вынуждена работать, эта враждебность только усилилась. У меня были проблемы в прошлом, — она замолкает, как будто собирается на этом закончить, но потом все же вздыхает и продолжает: — Я поступала неправильно. Делала вещи, которыми не горжусь. Долгое время я пыталась обвинять в этом других людей. Но сейчас стараюсь стать ответственной. — Она снова замолкает, пытаясь собраться мыслями. — Прости, мы сейчас говорим не обо мне. Я хочу сказать, что была не права в отношении тебя. Ты — ролевая модель. Ты добрый. В тебе есть харизма, которая привлекает людей, хотя ты ничего для этого не делаешь. Люди счастливы, находясь рядом с тобой. Знаю, ты сейчас пытаешься с чем-то справиться... с чем-то темным, но в глубине души, под слоем мрака, ты... счастливый и хороший. Я не знаю, как быть такой. Но ты... *ты такой*. Я восхищаюсь этим. И хочу, чтобы Пакстона окружали именно такие люди и тогда он тоже вырастет счастливым и хорошим. Я стараюсь сделать для него все возможное, но я не похожа на тебя и Одри.

Мне грустно слышать, что Нетерпюха сомневается в себе; она гораздо лучше, чем думает. Неужели ей никто этого не говорил?

— Ты не видишь себя со стороны Нетерпюха. Ты не видишь того человека, которого видим мы.

Она недоверчиво качает головой и направляется к духовке, чтобы поставить в нее противень с печеньем. Ей не жаль себя, в ней давно живет вьевшаяся ненависть к самой себе.

Когда она закрывает дверцу духовки, я беру ее за руку и разворачиваю лицом к себе. Нетерпюха закрывает глаза.

— Пожалуйста, посмотри на меня. — Она так и делает. — Никто не идеален. Поверь

мне, я знаю это. Но ты себя слишком недооцениваешь. Ты чертовски умна. Ма очень нравится работать с тобой. А это уже многое о тебе говорит, потому что Ма не любит дурочек. То, что ты смогла занять место Микайлы и не совершила ни одного промаха — это просто чудо. И ты обращаешь внимание на все, что происходит вокруг тебя. Даже если это не касается тебя, ты все равно обращаешь на это внимание. Нет, ты не навязчива и не суешь нос в чужие дела, ты просто переживаешь и тебе не все равно. И даже не волнуйся по поводу Пакса. Парень любит тебя. Без тебя он будет потерян. Мне кажется, именно так всегда и было. Я знаю, что ты никогда не предашь его. Ты когда-нибудь предавала себя? Скорее всего. Но только не его. Никогда. И это многое говорит о тебе как о человеке. Черт, да он даже сейчас живет с тобой. Я не знаю, что у вас за семейные обстоятельства, но факт в том, что заботишься о нем ты, а не Джим. Это тоже много о чем говорит.

— Ты знаешь о Джиме? — удивленно спрашивает она. Думаю потому, что мы это никогда не обсуждали.

Я киваю.

— Я просто хочу, чтобы Пакстону жилось лучше, чем мне, — пытаюсь сдержать слезы, произносит она.

— У вас все будет хорошо, — говорю я, обнимая ее.

— Правда?

— Определенно. И вы никуда не съезжаете. Ма превращается в фурию, когда угрожают ее гнезду. Ты не захочешь этого видеть. Поверь мне.

Четверг, 19 октября (Гас)

Телефон начинает звонить. Номер незнакомый, так же как и код. В любое другое время я бы не стал отвечать, но сегодня мне скучно.

— Алло.

— Алло? — раздается в трубке смущенный женский голос.

— Алло? — отвечаю я ей. У меня такое чувство, что она набрала неправильный номер, но мне не хочется быть грубым.

— Густов?

— Да.

— Густов, это Клер. — Она долго молчит, а потом продолжает, — Как у тебя дела? — Смущение даже и близко не описывает то, как звучит ее голос.

Клер? Мне понадобилось несколько секунд, что понять кто это. Клер из европейского турне.

— О, привет Клер. Все нормально. А у тебя?

Я не слышал ничего о ней с того самого времени. Любопытно, зачем она звонит.

— Хорошо. Лучше, — робко отвечает она и вздыхает. — В моей жизни многое произошло с тех пор, как я видела тебя в последний раз. Я работала над собой. Приводила себя в порядок.

Она снова замолкает, и я чувствую необходимость что-нибудь сказать, потому что у нее явные проблемы с выражением мыслей. Несмотря на то, что мне никогда особенно не нравилась Клер, я не могу отказать ей, когда она определенно пытается что-то донести до меня.

— Это хорошо.

Я слышу, как она облегченно выдыхает.

— Мне так жаль Густов. Прости за то, что вовлекла тебя в свои проблемы прошлой весной.

— В этом не было твоей вины, Клер. Я сам сделал свой выбор. У меня у самого были серьезные проблемы.

— Я звоню, чтобы спросить, не поужинаешь ли ты со мной сегодня? Я навещала тетю в Сан-Диего и завтра утром уезжаю. Мне бы хотелось увидеть тебя и извиниться.

Это не похоже на Клер, которую я знал. Она разговаривает со мной как нормальный человек. Ее голос звучит ранимо и... мило.

Я не могу ему противиться.

— Хорошо. Мне за тобой заехать?

— Нет, я сама заеду за тобой. Это часть моего извинения. — Она смеется, и я замечаю, что ее смех больше не похож на раздражающий нервный смешок, который я помню. Он звучит мягче, как тихое, расслабленное хихиканье.

— Так точно, мэм. — Даю ей свой адрес, и мы договариваемся на семь часов.

* * *

Я натягиваю футболку с изображением "Catfish and the Bottlemen"[8], когда кто-то стучит в дверь моей спальни.

— Гас, ты здесь?

Открываю дверь и вижу Пакса, на лице которого застыло выражение трепета вперемешку со страхом.

— Что случилось, amigo[9]?

Он показывает указательным пальцем через плечо и шепчет:

— К тебе пришла девушка.

— Она рано, — переведя взгляд на часы, говорю я. Еще только шесть сорок пять.

Трепет на лице Пакса одерживает победу над страхом.

— У тебя свидание?

— Не, не свидание. Просто... — по какой-то причине я спотыкаюсь на следующем слове. Наверное, потому что не знаю кто для меня Клер. — Просто друг. Я ее давно не видел. Мы просто поужинаем и все.

Он медленно качает головой.

— Она такая сексуальная, Гас. На пятнадцать баллов по десятибалльной шкале.

Я смеюсь, потому что еще несколько недель назад, он бы ни за что не сказал ничего подобного.

— Она красотка, правда? Я бы тебя с ней познакомил, если бы ты был постарше, — подмигиваю я ему.

— Мне восемнадцать через пару недель, — пытается убедить он меня.

— Чувак, ты не сможешь совладать с этой самкой. Лучше сконцентрируйся на Мейсон.

Пакс улыбается и краснеет при упоминании имени девушки, в которую он влюблен.

Я надеваю носки, "Вэнсы" и направляюсь в гостиную с Паксом, который неотступно следует за мной. Клер стоит рядом со стеклянной раздвижной дверью и смотрит на океан. Около минуты я просто молчу, давая ей возможность насладиться видом. Забыться в красоте и спокойствии — это дар.

Если бы я не знал, что это Клер, то не поверил бы. Она округлилась, стала мягче, а вызывающую одежду сменили джинсы и простая белая футболка. Ее темные блестящие

волосы подстрижены и едва достают до плеч.

Я прокашливаюсь, чтобы привлечь ее внимание.

— Как дела, Клер?

Она поворачивается на мой голос. Ее лицо выглядит гораздо моложе и счастливее, чем несколько месяцев назад. У нее чистая, сияющая кожа. Она посвежела, как будто все плохое и негативное ушло вместе с тяжелым макияжем и соблазнительной одеждой, раскрывая нового человека, который прятался под всем этим.

— Привет, Густов.

— Густов? Люди и правда тебя так зовут? Я думал, что Скаут — единственная кто называет тебя так, — говорит Пакс, все еще следуя за мной, как тень.

— Это мое имя, Пакс. — смеюсь, отвечаю я.

— Знаю. Просто я думал, что все зовут тебя Гас, — смущенно произносит он.

— Большинство, да. А еще я отзываюсь на кретина, это имя тоже популярно. Я откликаюсь на все. Спроси Франко.

Клер улыбается.

— Это правда. Как дела у Франко?

— Отлично. Сейчас, пока мы дома, восстанавливает старый мотоцикл. Это занимает все его время.

Франко помешан на байках, и я рад, что он делает то, что любит.

— Это хорошо. — Клер осматривает комнату и улыбается. — У твоей мамы красивый дом. А вид из окна и вовсе *нереальный*.

— Да, он удивительный. Нам повезло.

Она согласно кивает.

— Пакс, хочешь пойти с нами?

Он молча качает головой. Я вижу, что ему хочется выглядеть незаинтересованным, но его внешний вид говорит совсем о другом. Он выглядит так, как будто собирается упасть в обморок.

— Ладно, солдат. Охраняй крепость, пока меня нет.

Пока мы с Клер решаем куда пойти, Нетерпюха проходит в гостиную и направляется к входной двери. Она одета как на пробежку, что довольно странно, потому что обычно она бежит по утрам.

Она ни произносит ни слова. Пакс окликает ее уже у двери.

— Скаут, куда ты идешь? Я думал, что мы собираемся ужинать? Ты приготовила лазанью.

Она оглядывается, ее взгляд останавливается на Клер, на мне и только потом на Пакстоне.

— Я не голодна. Но ты можешь поесть.

Нетерпюха бледна, розовые губы плотно сжаты, а в глазах застыла боль. Ее голос полон грусти. Как будто ее мир рушится, а она ничего не может с этим поделать. Как будто она отчаянно хочет, чтобы ее жизнь текла по одному пути, но вместо этого она идет по-другому. Я не понаслышке знаю о такой грусти. Я моргаю, а когда открываю глаза, Нетерпюхи уже и след простыл.

* * *

В итоге мы с Клер решаем пойти в маленький индийский ресторанчик в паре кварталов от дома Ма. Мы идем и болтаем о пустяках, пока не заходим внутрь и не усаживаемся за

крошечный столик на двоих.

Тогда все и начинается.

— Прости, Густов. Мне очень, очень жаль. Я была в таком дерьме. Я очень *долго* была в полном дерьме. — Клер улыбается, как будто пытается извиниться. Я вижу, что она говорит искренне. Некоторые вещи нельзя подделать. — Несколько недель назад я вышла из реабилитационного центра.

— Как долго ты там пробыла? — спрашиваю я. Ей это было нужно. Изменения, которые произошли в ней, просто удивительны.

— Шесть месяцев. Я отправилась туда, как только вернулась в Штаты. Этого потребовал мой работодатель. Но я и сама знала, что мне это нужно. Было нужно еще много лет назад, но я не могла посмотреть правде в глаза. Я вела себя безрассудно. Иногда наказывать себя легче, чем встретиться лицом к лицу с демонами. Ты меня понимаешь?

Понимаю.

— Я понимаю тебя, сестра, — киваю я.

— Я знаю, что так оно и есть и хочу сказать, что мне очень жаль о твоей потере. С нашей первой встречи я поняла, что тебе больно. Больно, как и мне. Думаю, поэтому я так тянулась к тебе. Мне нужно было, чтобы моя боль была созвучна с чьей-то еще. Мне казалось, что я нашла партнера. Того, кто понимает меня, хотя я и знала, что не нравлюсь тебе.

Я киваю. Я понимаю. Наркоманы не выбирают трагедии. Трагедии выбирают их. А наркомания — это уже последствия.

— Как я уже сказал, я понимаю тебя и ни в чем не обвиняю, Клер. Я с радостью принимал все, что ты предлагала, хотя мог отказаться. Мне следовало отказаться. Но я этого не сделал. — Глубоко вздохнув, я продолжаю: — Мы использовали друг друга. Это заполняло пустоту в наших сердцах. Мне жаль, что так случилось. Никто не заслуживает быть использованным.

Ее светлые глаза наполняются слезами.

— Спасибо. Спасибо за то, что не ненавидишь меня. Мне было так страшно звонить тебе. Страшно встречаться с тобой лицом к лицу. Я до сих пор прохожу терапию. И, наверное, это будет продолжаться еще долго. У меня есть серьезные проблемы, над которыми я работаю. Я извинилась перед каждым, кому причинила боль моя зависимость; ты последний человек, которому я задолжала. Так что, повторю еще раз: "Прости меня, Густов"

Я подаю ей свою салфетку и она, улыбаясь, берет ее и промокает глаза.

— Извинения приняты. Ты тоже прости меня. Я знал, что тебе приходится иметь дело с чем-то серьезным и не попытался помочь, потому что был эгоистом, погрязшем в собственном дерьме.

Она снова вытирает глаза и улыбается.

— Теперь со мной все в порядке. Я чиста. Уже шесть месяцев. Этого не было с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать. Сейчас я пытаюсь бороться с пищевым расстройством и это намного сложнее, чем я думала. Мне больше не нужен кокс, чтобы жить, но нужна еда. Это ежедневная битва, но пока я ее выигрываю. Сегодня я здорова и хочу, чтобы так все и оставалось. Хотя у меня до сих пор не получается бросить курить, — смеясь говорит она. — Но однажды я это сделаю.

Я согласно мычу.

— Сигареты — это зло. Я тоже не могу отказаться от них. — Дважды спрашиваю себя, стоит ли это делать, но потом все же интересуюсь у нее:

— Так что с тобой случилось?

— Что ты имеешь в виду? — недоуменно спрашивает она.

— Что случилось, когда тебе было восемнадцать?

Мне кажется, что она привела меня сюда не только для того, чтобы извиниться. Кажется, что она хочет рассказать о чем-то еще, что-то объяснить. А я фантастический слушатель.

Клер опускает глаза в тарелку.

— Меня изнасиловали.

От ее слов меня начинает тошнить. Так было всегда. Мысль о том, что кто-то принуждает себя или другого человека к чему-то без согласия, вызывает у меня отвращение. Дождавшись, когда она поднимет на меня взгляд, я говорю:

— Это была не твоя ошибка. Мне очень жаль. — Боже, мне так ее жаль.

Уголки ее губ слегка приподнимаются.

— Теперь я это знаю. Годами я винила себя, но теперь знаю, что в этом не было моей вины.

— Не было, — заверяю я ее. Нет такой ситуации, в которой изнасилование было бы виной жертвы. Это просто невозможно.

Она согласно кивает головой.

— А ты... как у тебя дела? Лучше? Я не хочу спрашивать стало ли тебе легче, потому что не могу представить себе, что это возможно, если теряешь того, кого любишь. Но ты уже лучше справляешься с этим?

— Она была моей жизнью. Моим лучшим другом. Она была всем для меня, понимаешь? — В горле неожиданно появляется ком, и я отчаянно пытаюсь сглотнуть его.

— Франко рассказал мне о ней. Я спросила в последний день тура.

— Понятно. Я не знаю. Иногда я просто живу и делаю то, что должен. Функционирую. А иногда на меня находит и мне становится больно, становится тяжело. Не знаю, имеет ли это смысл? Иногда я в порядке, а иногда нет.

— Ты говоришь с кем-нибудь об этом? — мягко спрашивает она. Я знаю, куда она ведет. Она собирается предложить терапию.

— Я говорю с тобой. Это ведь считается? — с улыбкой говорю я, пытаюсь с юмором увести ее от этого разговора. Но она не ведется на мои попытки.

— Да, но я имею в виду тех людей в твоей жизни, которых ты видишь чаще одного раза в полгода.

Я перевожу взгляд на изображение падающей Пизанской башни за ее спиной.

— Мне больно говорить о ней. Я итак страдаю, и не хочу усугублять этого. Поэтому, нет, не говорю

— Вначале это и правда причиняет боль. Огромную боль. Но что, если однажды ты излечишься? Что, если однажды ты будешь с радостью говорить о ней? Думать о ней? Разве это того не стоит?

— Буду откровенен, это кажется далекой и нереальной мечтой. Не думаю, что это возможно.

Она улыбается.

— Но это возможно. И однажды так и произойдет. Несмотря на все, через что мы

прошли, несмотря на то, как мы использовали друг друга, я знаю, что твое сердце не каменное. Ты хороший, Густов.

— Я стараюсь, чувиха.

Она улыбается еще шире.

— Стараешься, чувак.

* * *

Съев одно тирамису на двоих, мы направляемся к Ма. По дороге курим одну сигарету на двоих и говорим друг другу, что нужно бросить. Когда мы подходим к ее машине, которую она оставила на подъездной дорожке, на часах уже больше девяти. Я приглашаю ее зайти, но она говорит, что ей нужно вернуться к тете и отдохнуть, потому что самолет улетает в шесть часов утра.

Клер смотрит на меня с облегчением.

— Спасибо за то, что согласился встретиться и простил меня. Думаю, мне это было нужно, чтобы избавиться от вины, которая ассоциировалась у меня с тобой. Теперь я чувствую себя легче. Мне помогло твое доброе сердце. Спасибо, Густов.

— Я рад, что ты позвонила. Мы отлично провели время. Спасибо, что простила меня за то, что я вел себя как придурок, — с улыбкой говорю я.

Она смеется.

— Я горжусь тобой, Клер. Ты стала другим человеком. Так и держись.

— Буду. У меня нет другого выбора, — подмигнув мне, она продолжает. — От этого зависит моя новая, замечательная жизнь.

— Иди сюда, — говорю я, протягивая к ней руки.

Клер делает шаг вперед и попадает в мои объятия. На секунду это кажется таким знакомым. Не в сексуальном плане, нет, я просто помню ее тело. Она крепко обнимает меня и все, что я чувствую — это комфорт и дружеское расположение.

— Если тебе нужно выговориться, то я всегда рада тебе помочь, Густов. За последние несколько месяцев я научилась быть хорошим слушателем.

Я с улыбкой отпускаю ее.

— Заметано, леди. Удачного полета и звони. Я хочу знать бросишь ли ты когда-нибудь курить. Если да, то откроешь мне волшебный секрет.

— Думаю секрет в том, чтобы сильно захотеть и поработать над этим. Я пока не готова. Ты, наверное, сделаешь это скорее.

— Нам нужно поспорить. Пятьдесят баксов тому, кто бросит первым.

— Ставка принята. Удачи!

— Удачи.

Дождавшись, когда ее машина скроется из виду, я захожу в дом. Мне стало немного легче, чем несколько часов назад. Физически я не хотел Клер, хотя она и стала красивее, чем несколько месяцев назад, когда мы с ней трахались. Меня привлекла ее энергетика. Она положительно сказала на мне. Я отгородился от большинства людей. Может, она и права. Может, я делаю все только хуже?

(Скаут)

Я просыпаюсь, когда открывается входная дверь. Это может быть Одри или Густов, потому что их обоих нет дома. Услышав шаги, понимаю, что вернулся Густов. Я спала на диване. Не знаю, почему. Мне следовало пойти в кровать сразу же после душа. Но я не

смогла. Я была зла на себя за то, что мне не понравилось видеть его с кем-то еще. Она была хорошенькой и очевидно, что они знали друг друга не первый день. Не думаю, что это была ревность. Черт, я не знаю, что это было, но не могу перестать думать о нем и о том, что у меня нет шансов с таким парнем, как он.

Его шаги отдают в коридоре гулким эхом. Он приближаются к гостиной. Я закрываю глаза и делаю вид, что сплю, когда он останавливается прямо за мной. Густов снова начинает двигаться и вскоре звук шагов затихает, приглушенный ковриком, лежащим перед диваном. Я чувствую его рядом с собой. А потом он накрывает меня одеялом и целует в лоб.

— Спокойной ночи, Нетерпюха.

Я хочу открыть глаза.

Хочу притянуть его к себе.

Хочу.

Но не делаю.

Густов исчезает в своей комнате.

А я остаюсь здесь, одна.

Вторник, 24 октября (Скаут)

Сегодня утром мне позвонил дядя Джим и сказал, что Джейн находится в реабилитационной клинике.

Эта новость была доставлена быстро и четко... потому что именно так он все и делает. Его голос был спокойным и безразличным... потому что так он все и делает.

Он не плохой, просто беспристрастный. Но я знаю, как вести себя с ним, вот почему он позвонил мне, а не Пакстону.

Джим хочет, чтобы я рассказала об этом Пакстону.

Я не хочу.

Я хочу скрыть это от него. Я никогда не видела Пакстона таким счастливым. Он заслуживает еще немного радости перед тем, как вновь окунуться в мир своих родителей.

Поэтому я ничего ему не говорю. Во всяком случае, пока.

Суббота, 28 октября (Гас)

Как бы мне хотелось проспаться этот день. Пропустить. Взять и перепрыгнуть с полночи пятницы в воскресное утро.

Я ненавижу воспоминания.

А сегодня будет худшее из них.

Сейчас пять тридцать утра, а я не могу снова заснуть. Ма уже встала; я слышу, как работает кофеварка. Она всегда рано просыпается, как и Опти когда-то.

— Вставай, придурок. Новый день встречать пора, — мысленно пинаю я себя под зад.

Поднявшись с кровати, пытаюсь найти на полу шорты. Нужно заняться стиркой — количество грязного белья достигло критического уровня. Вытащив купальные шорты, нюхаю их. Пахнут плохо, но выглядят чистыми, поэтому надеваю их.

Когда я захожу на кухню, Ма стоит с кружкой кофе и не выглядит удивленной тем, что я проснулся столь рано. Она сразу же ставит кружку на стол и направляется ко мне. Это та часть, в которой мы говорим друг другу: "*Доброе утро*" и болтаем о пустяках. Это часть, в

которой мы ведем себя так, как и в любой другой день.

За исключением того, что это не любой другой день.

Ма обнимает меня за талию, я кладу руки ей на плечи и крепко прижимаю к себе. Она напряжена и изо всех сил старается не расплакаться. Ма всегда напрягается, когда пытается сдержать эмоции. Это сложно для нее, потому что она очень эмоциональная по натуре. Нет, она не плакса, просто не умеет скрывать своих чувств.

Ее очень легко прочесть, потому что Ма делится своими эмоциями со всеми.

— Двадцать один. Ты можешь поверить, Ма? Опти сегодня исполнилось бы двадцать один, — наконец, произношу я.

— Двадцать один, — кивнув, повторяет она за мной.

Не знаю, почему, но, думая об Опти я улыбаюсь. На секунду я ощущаю, как меня наполняет свет. Свет Опти.

— Уверен, сегодня она бы напилась и оторвалась на полную катушку.

Я чувствую, как Ма улыбается, и слышу ее тихий смех.

— Не знаю, как насчет оторвалась на полную катушку, милый, но она определенно использовала бы это время наилучшим образом. Это то, что Кейт делала лучше всех. Она всегда знала, как наслаждаться каждым днем.

— Это так. Она бы наслаждалась. И оторвалась бы. Уверю тебя, это был бы эпичный день, — продолжая улыбаться, говорю я.

— Может, ты и прав, — смеясь, отвечает Ма.

Я выпускаю ее из объятий, наливаю себе в кружку кофе, добавляю несколько ложек сахара и поворачиваюсь обратно к Ма.

— Ты идешь сегодня на кладбище?

— Да. Хочешь пойти со мной?

К своему удивлению, я, не задумываясь, отвечаю:

— Ни за что не пропущу этого.

После того, как мы приняли душ и оделись, Ма везет нас к флористу, чтобы купить два букета желтых тюльпанов. Потом мы останавливаемся возле магазина, чтобы приобрести четыре батончика "Твикс". К тому времени, как мы паркуемся на кладбище, руки Ма так крепко сжимают руль, что, клянусь, на нем останутся отметины. Всю дорогу я старался не думать о том, что мы делаем. Я считал, что меня охватит страх. Странно, но теперь, когда мы здесь, я чувствую спокойствие. Как будто Опти находится рядом. Я не навещал ее со дня похорон, потому что думал, что это уничтожит меня. Усилит мою злость. Напомнит, что без нее моя жизнь — дерьмо. Но здесь и сейчас я чувствую себя целым, чего не было уже так давно. Наверное, Опти смотрит на меня с небес. И в моем мире сразу появляется солнечный свет, радуга и гребаные единороги.

— Ты в порядке, Ма? — спрашиваю я.

Она кивает, не в силах вымолвить ни слова. Я глажу ее по правой руке, а потом выхожу из машины, беру цветы, шоколадные батончики и одеяло и обхожу грузовичок, чтобы открыть Ма дверь. Она так и сидит, вцепившись в руль изо всех сил. Переместив все в одну руку, я аккуратно отрываю ее пальцы от руля и помогаю ей выйти из машины. Взявшись за руки, мы идем к Опти и Грейс. Подойдя к маленьким, простым одинаковым надгробьям, я отпускаю ладонь Ма и расстилаю одеяло. Ма садится на него, не отрывая взгляд от могил. Она даже не моргает. Ее глаза полны слез.

Я не знаю, навещала ли она Опти до этого, поэтому спрашиваю:

— Это первый твой визит? — Опти умерла в январе. Девять месяцев назад.

Ма медленно качает головой и переводит взгляд на меня. Только после этого она улыбается.

— Я хожу к ним каждую неделю. Ненадолго... просто, чтобы убедиться, что мои девочки в порядке.

У меня самая лучшая мама в мире. Она любила их ничуть не меньше, чем меня. Горячо, всем своим сердцем.

— Надо полагать, я самый говнюкастый говнюк на всем белом свете.

Она улыбается.

Сорвав целлофановую обертку с обоих букетов, я кладу их на траву, по одному у каждого надгробия. Сегодня тепло, они быстро завянут на жаре, но сейчас цветы свежие и красивые. Грейс любила желтые тюльпаны. А Опти нравилось все, что любила Грейс, поэтому я знаю, что они будут довольны. После этого я разворачиваю два батончика "Твикс" и кладу их рядом с цветами.

— Извини, они не холодные, Опти. Я не планировал навещать тебя сегодня, поэтому не успел подготовиться, подруга. Придется довольствоваться тем, что есть, — поддразниваю я ее.

Позади меня раздается смех Ма.

— Она любила есть их холодными. А я и забыла об этом.

Я усаживаюсь на одеяло, вручаю Ма батончик и разворачиваю еще один себе.

— Да, любила. Она была до ужаса привередлива, когда дело касалось кофе и шоколада. Кофе должен быть черным, а шоколад холодным.

Ма снова смеется, а потом мы молча едим. Тишина — это прекрасно.

Покончив с батончиками, мы обмениваемся историями о Грейс и Опти. Они были нашей семьей. Мы все делали вместе. Поэтому нам есть о чем рассказать.

Солнце уже высоко, когда мы с Ма принимаем решение, что пора уходить. Мы отлично провели время. Было спокойно и тепло, а на ярко-голубом небе светило солнце. Ма опускается на колени и с любовью гладит надгробия, касаясь пальцами их имен. Нежность и обожание на ее лице и в касаниях так прекрасны. Их нельзя описать словами. Они — напоминание о том, на что способно человеческое сердце. Ма говорит им быть хорошими девочками. Говорит, что любит их. Обнимает их. Прощается с ними. У меня такое чувство, что она делает это каждую неделю. Это ритуал. Искренний и нежный.

Дождавшись, когда Ма уйдет к машине, я сворачиваю одеяло и сажусь на корточки перед надгробием Грейси. Наклонившись, целую его. Я всегда целовал их в лоб, поэтому это кажется символическим.

— До свидания, Грейси. Позаботься о своей сестре за меня. Хорошо, подруга? Я люблю тебя.

Потом поворачиваюсь к надгробию Опти, целую его и смотрю на ее имя. Кейт Седжвик. Для меня в этом имени столько силы: вдохновляющей, ободряющей, заслуживающей уважения. Это имя, которое всегда ассоциировалось у меня с храбростью. Имя, которое всегда было символом того, что в жизни возможно все. Имя, которое несло в себе безграничную любовь, доброту и великодушие.

— С днем рождения, Опти. Надеюсь, ты планируешь круто оторваться сегодня. В этот важный день я не ожидаю от тебя ничего меньшего. Не хочу давить, но тебе лучше

постараться и зажечь по полной. — На секунду я замолкаю. Не потому, что разговаривать с ней кажется мне странным, а потому что не хочу уходить. — Я скучаю по тебе, подруга. Я *так сильно* скучаю. — Погладив надгробие, я оборачиваюсь и смотрю на Ма. Она терпеливо ждет меня возле машины. И будет ждать столько, сколько понадобится. — Я люблю тебя Опти. И всегда буду любить. Покойся с миром.

* * *

Приехав домой, я сразу же звоню Франко. Он поднимает трубку на втором гудке.

— Недоумок? — Его голос звучит обеспокоенно. И вопросительно. Он знает, какой сегодня день.

— Namaste[10], дебилоид. Эй, сделай мне одолжение.

— Все, что хочешь. — Он уже согласен. В этом и есть преимущество настоящих друзей — они всегда рядом: и в горе, и в радости.

— Я хочу попасть к твоему брату сегодня. Можешь организовать это?

— Хочешь сделать тату? — удивленно спрашивает он. Все тело Франко выше талии покрыто татуировками, мое же — чистый лист. Я всегда думал, что так оно и останется, но после сегодняшнего утра знаю, что это невозможно.

— Ага.

— Большую? Джулиан должен рассчитать, сколько времени ему потребуется. Обычно он не работает по субботам.

— Маленькую. Три слова, — отвечаю я. — Это все, что ему нужно знать.

— Понял. Я позвоню ему и свяжусь с тобой через несколько минут. — Он настолько впечатлен, что вешает трубку, даже не попрощавшись.

Через пять минут раздается звонок телефона. Мы обходимся без обычного приветствия и переходим напрямиком к делу.

— Ну?

— Заеду за тобой через пятнадцать минут. Джулиан встретит нас в салоне.

— Отлично. Буду ждать.

Я выхожу на улицу, чтобы покурить до приезда Франко. Он не разрешит дымить в своей машине, поэтому это нужно сделать сейчас. Когда Франко припарковывается возле дома, его лицо сияет от радости, возбуждения, любопытства и даже немного от гордости. Я залезаю в салон, и он хлопает меня по плечу.

— Не могу поверить в это. Сладкая попка прогнулась! А я думал, что ты до ужаса боишься иголок?

Сглатываю ком в горле, и меня начинает мутить. Я, черт возьми, ненавижу иголки.

— Не напоминай мне. — А потом до меня доносится музыка, которая играет по радио. — Заткнись и дай послушать. Это новый альбом?

— Да. "Sunset Sons" — это нечто. Согласен?

— Они убийственны, чувак. — Мы слушаем их всю дорогу до тату салона его брата, который находится в двадцати минутах езды от моего дома. Этого достаточно, чтобы хорошенько подумать и начать паниковать.

Когда мы останавливаемся возле салона, мое волнение достигает запредельных высот. Я захожу в него в невменяемом состоянии, но все также нацелен сделать то, что собирался.

Нас приветствует Джулиан — мега талантливый тату мастер и просто классный чувак. Он протягивает мне руку, а когда я беру ее, обнимает и дважды хлопает меня по спине.

— Как дела, Гас? Давно не виделись.

Он расслаблен и в хорошем настроении.

Я — нет. Поэтому просто киваю.

— Рад увидеться, чувак. Слушай, не хочу торопить тебя, но не могли бы мы поскорее покончить с этим пока я не оставил свой завтрак у тебя на полу?

Они с Франко смеются, а потом он усаживается в кресло и берет в руку карандаш и бумагу.

— Что ты хочешь, здоровяк? — Джулиан всегда называет меня так, потому что короче на целых восемь футов. И худее. Скажем так, он просто более мелкая версия Франко. У него по-детски пухлое лицо, что делает его моложе даже, несмотря на то, что он старше Франко на два года.

Показав на внутреннюю часть правой руки, я описываю то, как представляю себе тату.

Краем глаза замечаю улыбку на лице Франко, а потом он хлопает меня по руке.

— Я так и знал.

— Я хочу, чтобы она была простая, но в тоже время крутая. Понимаешь? И черная.

Джулиан кивает, сразу же начиная делать набросок.

По мере того, как буквы оживают, моя улыбка становится все шире. Он понял. Несмотря на мягкие линии, надпись выглядит по-мужски дерзкой.

— Спасибо, чувак. То, что я хотел.

Франко, не отставая ни на шаг, следует за мной к рабочему месту Джулиана. Мне хочется развернуться и сказать ему отстать, или, на крайний случай, врезать. Он делает это специально, я знаю. Франко пытается вывести меня из себя, потому что понимает, что я нервничаю. Ладно, признаюсь — я в ужасе.

Крепко зажмуриваю глаза, пока Джулиан обеззараживает и подготавливает мою руку и открываю их лишь после того, как он наносит трафарет. Он просит меня посмотреть рисунок перед тем, как начать наносить пигмент.

Выглядит круто, но все, что я могу — это просто кивнуть. Если открою рот, то меня вырвет.

Когда он включает тату-машинку, я снова закрываю глаза.

— Хочешь, я подержу тебя за руку? — смешным писклявым голосом спрашивает Франко.

— Отвали, чувак. Знаю, ты всегда мечтал об этом, но я не для тебя.

Он смеется и радостно хлопает в ладоши. Чувство юмора — это то, что я больше всего люблю в Франко. Он знает, когда нужно пошутить. И всегда делает это вовремя.

К моему удивлению, нанесение татуировки ощущается скорее как раздражение, чем настоящая физическая боль. Если бы я мог отвлечь мозг от того, что игла непрерывно пронзает мою кожу, это было бы почти сносно. Почти!

— Ты в порядке? — спрашивает Джулиан. — Устроим перерыв? Мы уже закончили половину работы.

Я качаю головой, так и не открывая глаз.

— Просто продолжай. Остановка сделает все только хуже.

— Вау, даже и не думал, что когда-нибудь увижу это. — К нашей небольшой вечеринке присоединяется кто-то еще.

— Что за хрень? Я думал, что вход только по приглашениям, — возмущаюсь я из-под закрытых век.

— Франко прислал нам сообщение. Мы должны были прийти, чтобы увидеть это

своими собственными глазами, — отвечает Джейми

Приоткрываю один глаз и смотрю на него и Робби, вынужденных стоять в дверном проеме, потому что в небольшой комнате нет места для еще одного тела.

— Увидел, идиот?

Пытаюсь сконцентрироваться на дыхании, но мне настолько хочется курить, что я уже не могу этого игнорировать. Мне нужно успокоиться. Моему мозгу нужно успокоиться. Да и игла, без остановки протыкающая кожу вызывает уже не раздражение, а боль.

— Мне нужна сигарета, — напряженно говорю я. Я не собираюсь вылезать из этого кресла до тех пор, пока мы не закончим, но выраженное вслух признание желания, кажется, немного успокаивает его. Делает его переносимым.

— Ты отлично справляешься, здоровяк. Еще несколько минут и я пойду с тобой покурить, — смеется Джулиан.

— Заметано, — произношу я сквозь сжатые зубы.

Когда жужжание аппарата стихает, я понимаю, что мы закончили. Открываю глаза, и у меня сжимается горло, когда я вижу ее слова на моей руке.

Ее слова.

Живи по полной.

Черт, я любил эту девушку и все, что с ней связано.

— Это круто, тупица. — раздается голос Франко. Он говорит искренне.

Они все склоняются надо мной, чтобы рассмотреть татуировку поближе.

Моя кожа покраснела и раздражена, но татуировка — двадцать на два сантиметра — выглядит прекрасно.

— Да ты просто Пикассо, Джулиан. Спасибо.

— Рад, что тебе понравилось, здоровяк, — ухмыляется он. У них с Франко одинаковые ухмылки. Джулиан явно горд своей работой.

Когда я встаю, мое место занимает Джейми.

— Я следующий. Такое же тату, — решительно говорит он. У Джейми уже есть несколько татуировок на спине, но его руки — чисты.

— И мне, — хором произносят Франко и Робби.

Я осматриваю своих напарников.

— Уверены?

Они все с самым серьезным видом кивают. Наша группа. Наше братство.

— Помнишь, это было в списке Кейти. Живите по полной. Она обращалась к "Rook" Мы все должны набить это тату. А какой день подходит для этого лучше, чем ее день рождения?

— Ты помнил, что сегодня ее день рождения? — прищурившись, спрашиваю я.

— Конечно, — отвечает он.

Джейми самый простодушный из нас. Он... хороший. Конечно же, он помнил.

Парни снова все вместе кивают. Они все помнили. Я смотрю на Джулиана.

— У тебя есть планы на оставшийся день? Можешь это сделать? Я заплачу за всех. В двойном размере, раз уж у тебя выходной.

— Пойдем, покурим, а потом сразу же приступим.

Джулиан претворяет нашу просьбу в жизнь. Из салона мы выходим с одинаковыми татуировками. Хотя та, что у Франко, получилась немного меньше.

Джулиан набил ее на запястье, там, где заканчивается рукав рубашки, потому как

другого свободного места у него на руке не было.

На улице я останавливаюсь посреди тротуара. Закат. Он, как пламя, освещает небо.

Яркий.

Прекрасный.

Оранжевый.

Четверо парней молча останавливаются рядом. Они знают, как она любила наблюдать за закатом.

Когда солнце, наконец, опускается и все погружается в темноту, у меня на лице появляется широкая улыбка. Опти *определенно* позаботилась о сегодняшнем дне.

— Вот это — моя девочка.

Вторник, 31 октября (Скаут)

Мы с Одри едем с работы домой. Последние несколько дней она кажется очень тихой. Я не люблю совать нос в чужие дела, но это как-то на нее не похоже. В ее глазах явно читается грусть.

Мне не нравится находиться в такой атмосфере, потому что она вызывает во мне все те эмоции, которые я пытаюсь в себе подавить. Вообще, я хорошо скрываю чувства. Могу насильно затолкать плохие эмоции под подошвы ботинок и топтаться по ним до тех пор, пока они не превратятся в пыль под ногами. А вот с хорошими эмоциями бывает справиться сложнее. Я живу в мире компромиссов — стойкая и бесчувственная большую часть времени. Потому что так проще.

Когда мы добираемся до дома, Густов уже ждет Одри на улице. Он курит, но как только она выходит из машины, отбрасывает сигарету и обнимает ее. Они не произносят ни слова. Просто крепко цепляются друг за друга. Их объятия — это мирок любви и уюта. Никогда еще не видела подобных отношений между родителем и ребенком. Тут есть взаимное уважение, восхищение, привязанность и любовь, среди которых поначалу я чувствовала себя неудобно. Все это казалось мне напускным. Дети и родители не могут так дружить. Но эти двое могут. То, как они относятся друг к другу и поддерживают — это прекрасно. Самые близкие отношения у меня были с тетей Джейн и Пакстоном. Я знаю, что Джейн по-своему любит меня, а я люблю ее. Но это все совершенно не так. С Пакстоном? Мы любим друг друга как брат и сестра, но нельзя ожидать эмоциональной поддержки от семнадцатилетнего парня. Да и я не стану взваливать на него такую ношу. Поэтому, большую часть времени справляюсь со всем сама.

Захожу в дом, оставляя Одри и Густова наедине.

В своей комнате я внезапно начинаю чувствовать себя как в ловушке. Как будто я потеряна. И каждая эмоция, которую я втаптывала все последние девять месяцев, начинает возрождаться вновь. Она нарастает и нарастает, и вот я уже плачу, сама не понимаю почему. Не хочу реветь. Неожиданно в голове мелькает образ Майкла. Не хочу, чтобы он имел надо мной власть. Я просто хочу переболеть им. Но не могу. Я отдала ему все, что у меня было. Все, чего у меня теперь нет. На этом месте осталась пустота. Я стала дефективной. Пульс в голове стучит со скоростью миллион миль в минуту, а тревожность начинает набирать обороты. Может, душ меня немного успокоит. Я всегда принимаю душ утром, после пробежки, но сейчас мне хочется немного пожалеть себя. Струи горячей воды бьют меня по коже. Я представляю, что они вымывают из меня все плохое: потери, обиды и горечь. Секс с

Майклом, который произошел между нами несколько дней назад, вытащил на поверхность все мерзости. И любовь. Чертов Майкл. Я любила его. И тогда это что-то значило. По крайней мере, для меня. Поначалу, секс был чем-то большим, чем просто половой акт. Это было обязательство. Декларация любви. Но потом, все превратилось в простой трах, в котором не было ничего, кроме чистого желания и отвращения к самой себе. В то время, я пыталась убедить себя, что я не плохой человек. Но теперь, осознавая реальность, начинаю ненавидеть себя. Сожалеть о том, что сделала. Грань между сексом и любовью, плохим и хорошим была стерта. И я ненавижу себя именно за это.

— Да заткнись уже на хрен, — громко говорю я сама себе. Пора выбираться из душа и возвращаться в реальную жизнь.

Надев штаны и футболку, я решаю сделать то, что как-то отвлечет меня — приготовить ужин, чтобы Одри не пришлось о нем беспокоиться.

Когда я захожу на кухню, то не застаю там ни ее, ни Густова. Это довольно странно, потому что сегодня вторник, а в этот день Одри всегда готовит вегетарианские тако. Если Густов дома, то обычно помогает ей. Он почти всегда дома, если только не катается на серфе. Густов все больше и больше времени проводит на воде. Это ему на пользу. Он стал лучше выглядеть. Скинул вес и накачал мускулы. Загорел. Густов выглядит так, как будто жизнь медленно, но верно возвращается к нему. Думаю, дорога убивает его. Дома он совершенно другой человек. Теперь я вижу разницу.

До меня доносится шум работающего в гостиной телевизора. Я слышу детские голоса. Смех — искренний и невинный. Смех настолько чистый, что становится понятно — его обладатели счастливы. Я захожу в гостиную и вижу сидящих на диване Одри и Густова. Густов растянулся на оттоманке, положив руки под голову с одной стороны, а Одри, поджав под себя ноги — с другой. Он выглядит спокойным и веселым и слегка улыбается, глядя на экран. Одри так и не переделалась после работы, что довольно странно. Обычно она делает это сразу же, как приезжает домой. Она тоже улыбается. Также довольно, как и Густов. Удивительно, как они похожи: те же светлые волосы, добрые глаза, тот же рост и внушительный вид, который совершенно не отпугивает, потому что они самые милые люди из всех, кого я только встречала.

Они не знают, что я тоже в комнате. Неожиданно раздается девичий голос, и я перевожу взгляд на телевизор. Она такая маленькая, с копной беспорядочных золотистых кудряшек, которые спускаются до середины спины. Девочка смеется так, как будто не знает, что такое грусть.

— Кидай в него, Грейси! — кричит она.

На экране появляется загорелый мальчик, чуть постарше ее. Его длинные светлые волосы собраны в хвост. На нем плавательные шорты, а в руках он держит три наполненных водой шарика. Мальчик бежит за маленькой девочкой, которая радостно визжит, пытаясь от него скрыться.

— Ты можешь убежать, но тебе от меня не спрятаться, Опти. К тому же, Грейси на моей стороне. — С этими словами он отворачивается от экрана. — Правда, Грейси?

— Я на стороне Кейти, — раздается хихиканье ребенка, находящегося за пределами объектива камеры. Вслед за этим появляется еще одна маленькая девочка и бросает шар с водой прямо ему в грудь.

— Грейси, разве я не твой любимчик? Что это было? — ошеломленно, но в то же время весело смеясь, произносит он.

Неожиданно раздаётся пронзительный хохот. Думаю, смеется человек с камерой, потому что его голос звучит немного громче, чем все остальное.

— Умница, Грейси. Так его!

Мальчик поворачивается к камере.

— Что за хрень, Ма? На чьей ты стороне? — продолжая смеяться, восклицает он.

Услышав эти слова и увидев его лицо, я понимаю, что это Густов. Ему, наверное, лет тринадцать-четырнадцать.

Человек с камерой — теперь я знаю, что это Одри — снова хохочет и говорит:

— Гас, следи за языком.

Она вроде и ругает, и не ругает его одновременно. Судя по всему, ее жизнь всегда крутилась вокруг Густова.

Вторая маленькая девочка примирительно улыбается ему.

— Прости, Гас, — бесхитростно говорит она, а потом поворачивается к Одри, и ее лицо начинает светиться от счастья. Только тогда я замечаю, что у нее синдром Дауна. — Но это было так весело, — озорно улыбаясь, добавляет она.

В это время другая девочка, та, что с непокорными волосами, подбегает сзади и кидает в Густова три шара с водой. Один попадает ему в голову, а два других в спину.

— Черт, Грейси. Это и правда весело.

Она начинает визжать, когда Густов разворачивается и бежит за ней вниз по ступенькам к пляжу. Это видео, должно быть, было сделано прямо здесь, за их домом. Я узнаю и эти ступеньки, и пляж.

Девочка быстра, но длинные ноги Густова быстрее. Наконец, он ловит ее и опрокидывает на песок. Она извивается под ним, отчаянно пытаясь выбраться. Он встает, держа ее на руках. Девочка смеется и одновременно бьет его кулаком по груди.

— Опустить меня, Гас! Клянусь Богом, если ты не сделаешь этого, то пожалеешь. Я знаю где ты живешь и отомщу, когда ты будешь спать, чувак.

— Только попробуй, Опти. Только попробуй, — говорит он, заходя в воду и окуная ее в нее. После этого он отпускает девочку и с гордым видом выходит на берег.

Она выбирается из воды и бежит за ним. Для него становится неожиданностью, когда она прыгает ему на спину, и он падает на песок.

Несмотря на то, что я пытаюсь оставаться незамеченной, у меня вырывается смех. Просто не могу ничего с этим поделать. Мне хочется поаплодировать ей. Так ему и надо. Отличная девчонка. Мне она нравится.

Одри и Густов поворачиваются на мой смех. Одри ставит DVD на паузу и улыбается мне.

— Простите, — извиняюсь я, чувствуя, что вмешалась во что-то очень личное.

— Ерунда. Садись с нами, — отвечает Одри, хлопая по свободному месту на диване между ними.

Я и раньше смотрела телевизор вместе с Одри, но никогда в присутствии Густова.

— Не хочу навязываться, — качая головой, произношу я.

— Слишком поздно, подруга, — говорит он, бросая диванную подушку-валик на пустующее место. Его слова можно было бы принять за оскорбление, если бы не то, как он их произнес. Дразня. Совсем как на видеозаписи. Или в общении с Франко.

По какой-то непонятной причине я сажусь на диван и прижимаю подушку к груди. Я нервничаю, но в тоже время чувствую какую-то легкость. Может быть, из-за того, что Одри с

Густовом улыбаются, что они счастливы, просматривая это старое домашнее видео.

Одри снова нажимает на произведение. Несколько секунд экран остается темным, но его сменяет изображение девочки, которую они зовут Грейси. Она сидит за кухонным столом в доме Одри, а перед ней стоит тарелка с кексами, покрытыми розовой глазурью. В каждом кексе — по свечке. Она выглядит старше. Я пересчитываю свечи и кексы. Семнадцать. Трое или четверо человек поздравляют ее с днем рождения и поют. Она поет с ними. Когда песня заканчивается, Грейси хлопает в ладоши.

Сзади к ней подходит девушка со светлыми волосами. Та, которую Густов называл Опти, хотя Грейси звала ее Кейт. Она тоже стала старше и если раньше была очаровательной, то теперь превратилась в потрясающую красавицу. Девушка выглядит свободной и счастливой. Она выглядит так, как будто ничто и никогда не угнетало ее.

Она кладет руки на плечи Грейси и шепчет ей в ухо:

— Загадай желание, Грейси.

Грейси закрывает глаза и сжимает губы, полностью сосредоточившись на нем.

— Ты загадала хорошее желание? — спрашивает девушка по имени Кейт, когда лицо именинницы немного расслабляется.

— Хорошее. Я пожелала, чтобы...

— Не рассказывай нам его, иначе не исполнится, — обрывает ее глубокий мужской голос. Готова поспорить, что это Густов.

Грейси зажимает губы зубами, как будто таким образом хочет удержать его в себе.

— Готова задуть свечи, Грейси? — Это уже Кейт.

Та азартно кивает головой и подпрыгивает на стуле.

Кейт смеется. У нее восхитительный смех — искренний, будто идущий изнутри.

— У тебя получится. Один раз, но так, чтобы задуть все свечи. Хорошо?

Грейси снова кивает. Нахмутив брови и сосредоточившись, она закрывает глаза.

— На счет три, Грейси. Один. Два. Три!

Грейси наклоняется и дует. Гаснут только две свечи, но до того, как она успевает открыть глаза, Кейти и вторая блондинистая голова, которая внезапно появляется на экране, тушат оставшиеся.

Грейси выпрямляется и ошеломленно смотрит на то, что ни одна свеча больше не горит.

— Я сделала это! — хлопает она в ладоши, а потом поворачивается к Кейт с полными надежды глазами. — Мое желание исполнится?

Кейт кладет руки ей на плечи и крепко прижимает к себе.

— Обязательно. Я позабочусь об этом.

Экран вновь погружается в темноту.

— Черт, Грейси любила дни рождения. Правда, Ма? — спрашивает Гас.

— Да, — кивая, отвечает Одри. — Я даже и не знаю, что ей нравилось больше: кексы, свечи или желания?

На экране снова появляется изображение. Судя по всему, это сцена в каком-то зале, в школе или развлекательном центре.

— А теперь я хотел бы представить Кейт Седжвик, — объявляет чей-то голос.

Зрители начинают громко хлопать и свистеть.

На сцене появляется Кейт со скрипкой. Ей, наверное, уже восемнадцать. Она изящна и прекрасна, как и раньше. Ее глаза опущены, как будто она пытается не замечать толпу, сидящую перед ней.

— Вот это моя девочка! — раздается мужской голос из зала. Кажется, это Густов.

На ее лице появляется улыбка, она поднимает голову и, не переставая улыбаться, качает головой. Такое ощущение, что она одновременно говорит ему "Спасибо", и "Прекрати меня смущать".

Кейт прикладывает скрипку к подбородку и следующие десять минут я не могу отвести глаз от экрана. Она невероятно талантлива. Я ходила на симфонический оркестр в Нью-Йорке. Она запросто могла бы там играть.

Когда звуки скрипки затихают, я, не в силах удержаться, говорю:

— Вау.

— Чертовски верно, — повернувшись ко мне, подтверждает Густов с сияющими от гордости глазами.

Одри тихо хлопает носом, когда экран снова погружается в темноту.

— Она могла музыкой рассказать историю. Это было прекрасно. Мне нужна салфетка, — говорит она, ставя проигрыватель на паузу.

Когда Одри возвращается и включает запись, мы слушаем "Rook", которые играют в подвальном помещении этого дома. Они очень молоды. У Франко еще не так много татуировок. После недолгих уговоров, он убеждает Кейт спеть с ними. Я потрясена ее голосом. Даже несмотря на то, что качество звука оставляет желать лучшего, ее голос нереально сильный, особенно для такой маленькой женщины. Она поет так же хорошо, как и Густов, а вместе они и вовсе великолепны.

Экран вновь погружается в темноту, а потом раздаются первые аккорды скрипки и начинается слайд-шоу. Три минуты душераздирающей песни, которую, должно быть, исполняют "Rook" и Кейт, под аккомпанемент десятков фотографий Густова, Грейси, Кейт и Одри. На некоторых они еще маленькие дети, а другие выглядят недавними. Судя по всему, они охватывают около двадцати лет их жизни. Не знаю, виновата ли в этом песня, но восторг, с которым я рассматриваю снимки, вскоре сменяется странными и неприятными ощущениями в области живота.

Когда музыка затихает, я чувствую себя истощенной. Не знаю, кто такие Кейт и Грейси, но у меня очень плохое предчувствие. Эти девушки явно были близки с этой семьей очень долгое время, но за все те месяцы, что я нахожусь рядом с семьей Хоторнов, их было не видно и не слышно.

Гас поднимается с дивана.

— Спасибо за это, Ма. Я пойду на улицу.

Ему нужно покурить. Или он пытается сбежать. Судя по его голосу, и то, и другое. Он не прячет эмоций. Даже когда Густов молчит, его эмоции говорят сами за себя.

Мне стоит оставить его одного. Я знаю это. Они только что позволили мне соприкоснуться с чем-то очень личным; мне следовало бы любезно принять это и заткнуться. Но я не могу. Я чувствую, что это ключ к чему-то важному; причина, по которой в Густове есть то, чего я не могу понять. Потому что на тех видеозаписях он был таким свободным и счастливым.

Выхожу на улицу и вижу, что он сидит в шезлонге на веранде и смотрит на воду. Я подхожу ближе, но он не обращает на меня внимание, а просто подкуривает сигарету и, о чем-то сосредоточенно думая, делает первую затяжку.

Я чувствую, что нужно спросить разрешение перед тем, как сойтись к нему.

— Можно я присяду?

— Конечно. Сейчас время шоу, — спокойно говорит он, не отрывая взгляд от горизонта. Не совсем то, чего я ожидала, но мне сразу становится легче от того, что мое присутствие одобрено.

— Время шоу? — спрашиваю я, усаживаясь в соседний шезлонг.

Держа сигарету между пальцами, он показывает на воду и смотрит на меня так, как будто я должна что-то понять.

— Закат. Время шоу, — отвечает он, поймав мой вопросительный взгляд.

Наконец, до меня доходит.

— О, — заикаясь, произношу я, а потом откидываюсь на спинку шезлонга и следующие десять минут мы с Густовом наблюдаем, как сияющий оранжевый шар опускается в воду. Мне хочется что-нибудь сказать, чтобы развеять эту пронзительную тишину.

— Не думаю, что я когда-нибудь смотрела на закат. — Так оно и есть. Я выросла в Нью-Йорке, городе суеты, шумихи и небоскребов. Нет, я знала, что солнце садится каждый день, но никогда не находила времени на то, чтобы вживую посмотреть, как это происходит. Теперь я чувствую себя обманутой, потому что это зрелище было невероятно захватывающим.

— Шутишь? — с подозрением глядя на меня, спрашивает он.

— Нет. Правда. — Интересно, сколько других чудесных и важных вещей я пропустила в жизни?

— Как можно дорасти до двадцати с чем-то лет и никогда не видеть заката? Тебя что, растили в пещере или в подземелье? Это же одно из самых прекрасных зрелищ, которое предлагает нам мать-природа и оно происходит каждый вечер. — Он широко раскрывает глаза, чтобы подразнить меня. — *Каждый чертов вечер.*

Мне хочется засмеяться, но вместо этого я вздыхаю. Но даже вздох выходит радостным, потому что я не могу скрыть того, что мне очень хорошо.

— Знаю. Но я выросла в Нью-Йорке...

Он с ухмылкой обрывает меня на полуслове:

— Ну я же говорил, что в пещере. Это объясняет твой акцент.

Я смотрю на него, не в силах оторвать глаз.

Он смотрит на меня.

А потом мы оба начинаем смеяться.

— Я люблю Нью-Йорк, но да, там невозможно наблюдать за закатом. Слишком много небоскребов и мало горизонта.

— Ты скучаешь по этому?

— Иногда.

— А тебе нравится здесь? В Сан-Диего? — Его пристальный взгляд мог бы нервировать меня, если бы он так внимательно не слушал. Большинство людей, с которыми я имела дело, говорили, но не слушали. Даже те, кто очень близок мне. У них были собственные проблемы, которые отвлекали их от того, чтобы уделять все свое внимание мне. Но это нормально. Я понимаю. Я и сама так делаю. Слушаю краем уха, а концентрируюсь на чем-нибудь другом. Это называется многозадачность. Именно так я и живу. А Густов нет. Он полностью отдается всему, что делает.

— Нравится. Люди здесь другие. Никто никуда не спешит и старается уделять больше внимания общению. К этому сложно привыкнуть, но мне нравится, — не отводя от него взгляд, отвечаю я.

— Это потому, что Сан-Диего — лучшее место на земле, — подмигивает он мне и прикуривает новую сигарету. Сделав первую затяжку, Густов задумчиво смотрит на нее. — Почему ты никогда не жалуешься на то, что я курю? Ты ведешь здоровый образ жизни и тебе, скорее всего, это не нравится.

Я пожимаю плечами.

— Это не мой дом. Раньше я курила и знаю, как тяжело бросить. — Все просто.

Он продолжает изучать сигарету как какой-то неподъемный груз.

— Мне нужно бросить, — а потом чуть тише добавляет: — я знаю, что нужно. Но не могу. Я пытался. Много раз. — Густов смотрит на меня так, как будто хочет, чтобы я утешила его.

— Ты справишься. Наступит подходящий момент и у тебя все получится. Но ты должен захотеть. Никто не сможет сделать это за тебя.

Он кивает с серьезным видом и углубляется в свои мысли. Между нами устанавливается тишина, и я решаю воспользоваться этим, чтобы спросить:

— А кто такие Грейси и Кейт?

На лице Густова появляется нежная улыбка. Та улыбка, которая сидит у него внутри. Улыбка, которую мне хочется видеть каждый день. Потому что она делает его другим человеком.

— Мои лучшие подруги, — отвечает он.

— Судя по всему, ты знал их целую жизнь.

Он кивает, продолжая улыбаться.

— А где они? — нерешительно спрашиваю, я и меня снова охватывает странное предчувствие.

Густов поднимает взгляд вверх, к небу.

— Думаю, на небесах. Грейси ушла первой. Уверен, Опти выбила бы чертову дверь, чтобы попасть туда, если бы знала, что ее сестра находится внутри. Они вместе. У меня нет в этом сомнений.

— Прости, — говорю я, чувствуя, как по телу пробегает дрожь.

Он смотрит на меня, но, несмотря на улыбку, в его глазах больше нет веселья и радости.

— Да. Это грустно. Сегодня Грейси исполнилось бы двадцать два года. А три дня назад был двадцать первый день рождения Опти.

— Они были так молоды, — произношу я.

Густов снова кивает.

— Старые души. Молодые тела. Грейси заболела и умерла почти полтора года назад. Нас это застало врасплох. А Опти забрал рак. Это произошло в феврале. — Его улыбка гаснет окончательно, а вместо нее на глазах появляются слезы.

Я не знаю, что сказать, поэтому просто повторяю:

— Мне жаль.

Он снова кивает, как человек, погруженный в собственные мысли.

— Да.

Мне хочется обнять его. Никогда не испытывала этого желания ни к кому, кроме Пакстона и Джейн. Хочется утешить его, но я не хочу показаться навязчивой.

— Мне жаль, — эхом повторяю я. Надеюсь, он найдет хоть толику утешения в моих словах. Я не сильна в выражении чувств.

Его взгляд, все еще блестящий от слез, возвращается ко мне.

— А что за история с Майклом?

Вопрос застаёт меня врасплох.

— Какая история?

— Ты знаешь, что я имею в виду. Ну, так что? — Он говорит тихо, но так, чтобы я слышала его. Густов ничего не требует, он просто спрашивает.

— Бывший парень, — все, что отвечаю ему я.

— Прости, не хотел ворошить прошлое... или настоящее, — добавляет он. Густов как бы спрашивает, не вместе ли мы снова.

— Ничего страшного. Я рада, что все закончилось... — качая головой, произношу я, а потом замолкаю.

— Но ты все еще любишь его? — тихо спрашивает он. Черт, как бы мне хотелось, чтобы он не читал меня, как открытую книгу.

— И да, и нет. Это сложно — отвечаю я, и, пользуясь моментом, интересуюсь:

— А что насчет женщины, с которой ты ходил на свидание пару недель назад? Это твоя девушка?

Несколько секунд он смотрит на меня в недоумении.

— Клер? Черт, нет. Она классная девчонка. По крайней мере, сейчас. Но нет. *Определенно* нет.

Не знаю почему, но от его слов мне становится легче.

Он вздыхает и возвращается к нашему разговору. Но что-то изменилось. Я чувствую это. Теперь в его словах звучит боль.

— Любовь — это та еще шгучка.

Я откидываю голову на спинку шезлонга и поворачиваю ее так, чтобы видеть Густова. Он снова пристально и открыто смотрит на меня. Густов честен, добр и самое главное — не осуждает меня.

— Да, ты определенно прав, — соглашаюсь с ним я.

Не знаю как, но я чувствую, что его сердце тоже разбито.

— А ты когда-нибудь любил?

— Однажды, — моргнув, произносит Густов.

— И как долго?

Подняв глаза к небу, он отвечает:

— Двадцать один год... и три дня.

В этот момент меня осеняет. Кейт. Он говорит о Кейт. О своей Опти. Не удивительно, что от него осталась лишь оболочка. Он потерял любовь всей своей жизни. В этот раз я не сдерживаюсь. Опустив ноги, ставлю их на пол между нашими шезлонгами и пересаживаюсь к нему. Устраиваюсь на краю, напротив его бедра, и просто смотрю. Как будто спрашивая разрешения. Обычно я не делаю ничего подобного. Обычно я не предлагаю утешение. Густов хватает края моей футболки и сжимает их в кулаках. Теперь его глаза умоляют: выпрашивают о дружбе, утешении, поддержке. Ему нужно выпустить все из себя. Я могла бы начать анализировать, обдумывать все это, но вместо этого... просто медленно наклоняюсь, пока моя голова не устраивается у него на груди, и крепко, так чтобы почувствовать тепло его тела, прижимаю к себе. В тот момент, когда его руки обвиваются вокруг меня, я понимаю, что никто и никогда не обнимал меня по-настоящему. Это же — самое настоящее объятие. Так должно ощущаться соприкосновение людей. Оно должно ощущаться... человеческим. Чтобы не осталось ничего, кроме одного человека, который чистым,

бескорыстным по своей сути касанием оказывает поддержку другому. И я знаю, что Густов тоже чувствует это, потому что его грудь несколько раз вздрагивает, и он начинает плакать. Я держу его в объятиях до тех пор, пока у него не выровняется дыхание. А потом он пересаживает меня так, чтобы наши головы лежали рядом, а мое тело прижималось к его боку. Мы продолжаем крепко обвивать друг друга руками. И это говорит мне о том, что ни один из нас не хочет отпускать другого.

— Давай просто немного полежим вот так? — спрашивает он дрожащим голосом, от которого у меня щемит в сердце.

— Конечно, — отвечаю я, потому что тоже не хочу, чтобы это заканчивалось.

Его объятия, слезы, "обнажение" души и человечность — я чувствую их всем своим сердцем. Я чувствую себя живой и переполненной эмоциями, сильными, как прилив, который угрожает затопить тебя под толщей воды. Но ты знаешь, что этого не случится, потому что твое сердце справится, оно удержится на плаву, во что бы это ни стало. Это слепая вера... надежда или, что-то, по крайней мере, близкое к ней. Ростки слабой, рьяно сопротивляющейся надежды, которую я чувствую в нас обоих. Надежды, захороненной очень глубоко внутри.

Среда, 1 ноября (Гас)

— Можно задать тебе вопрос?

Я немного нервничаю, потому что, знаю, что она закроется. А я хочу, чтобы открылась, как вчера вечером. Не хочу делать ни шагу назад в наших отношениях. Хочу, чтобы она доверяла мне настолько, чтобы рассказать свою историю. Я учусь высказываться и хочу, чтобы она сделала то же самое. Потому что от этого становится гораздо легче. Но больше всего я хочу, чтобы рядом со мной она чувствовала себя "Скаут", даже если никогда и не была самой собою с кем-нибудь еще. Она настолько сдержана, что это, должно быть, изматывает ее. Я хочу, чтобы Скаут сняла с себя эту ношу. Каждый заслуживает того, чтобы жить свободным.

— Ты всегда можешь задать мне вопрос, но это не значит, что я на него отвечу.

Этого я и боялся. Хотя и понимаю, что чувство самосохранения для нее — это привычка. Настолько, что она даже не думает, перед тем, как ответить.

— Откуда у тебя шрамы? — прямо спрашиваю я.

Я не из тех парней, что станут подслащивать пилюлю. А она не девочка-припевочка. Прямолинейность — самый легкий способ общения с ней.

— Это грубо, — практически равнодушно отвечает она, хотя я замечаю легкий шок в ее глазах. Это тема, которую она избегает любой ценой. Тема, которой она не знает, как управлять.

— Это не грубо. Это часть тебя, такая же, как карие глаза и ужасный характер. — Нетерпюха переводит на меня взгляд, в котором больше смущения, чем злости. Я встречаю его с улыбкой на лице, потому что она знает, что я шучу по поводу характера, а потом продолжаю: — Или твои обалденные ноги.

Она качает головой, не агрессивно, а скорее снисходительно, но в то же время твердо, и отворачивается к телевизору.

Выждав несколько секунд, я спрашиваю:

— И это все?

— Да. Это все.

— Мы не будем обсуждать эту тему?

— Нет. — Глаза Скаут прикованы к рекламе, но я знаю, что она не смотрит. А ее "нет" больше похоже на "может быть".

— Почему? — упорствую я.

— Я... не обсуждаю это. — Пауза между словами убеждает меня в том, что она в сомнениях. Как будто ей хочется рассказать, но она не знает как. После этого Скаут замолкает. Она все сказала.

Черт, я боюсь, что она просто встанет и уйдет, поэтому закрываю рот, несмотря на то, что в голове крутится миллион вопросов. У меня всегда много вопросов. Но я и правда хочу знать как? Когда? А почему? И где? В этом нет нездорового любопытства, и я не пытаюсь заставить ее чувствовать себя неловко. Я спрашиваю, потому что хочу, чтобы ей было уютно. В ее собственном теле. Во всех смыслах этого слова. Я хочу, чтобы она просто сказала: *"Да пошел ты. Я такая, как есть. Никто не совершенен"*.

И это правда. Никто не совершенен. У одних людей шрамы снаружи, а у других — внутри. Но разницы никакой. Твой характер, сердце, сущность — вот, что имеет значение. Потому что это — настоящий ты. А все остальное, внешность и богатство — ничего не значащая фигня.

Суббота, 4 ноября (Скаут)

На пробежке мой телефон издает сигнал о сообщении. Я бросаю взгляд на экран и вижу сообщение от Майкла.

Заеду за тобой в 11:30.

Внутри все сжимается и меня начинает подташнивать, поэтому я вынуждена остановиться. Я не собираюсь снова с ним встречаться. Прошлый раз был просто моментом слабости и желанием разобраться в себе. Вместо того, чтобы продолжить пробежку я медленно бреду в сторону дома. Мне грустно и... стыдно.

«Я никуда с ним не поеду», — мысленно говорю себе я, снимая потную одежду в спальне.

«Я никуда с ним не поеду», — продолжаю повторять я, принимая душ.

Повторяю эту фразу, как мантру, расчесывая волосы.

И намазывая руки и ноги лосьоном.

И надевая платье.

И застегивая сандалии.

И хватая сумочку в одиннадцать двадцать пять.

И открывая входную дверь в одиннадцать двадцать семь.

И стоя на подъездной дорожке в одиннадцать тридцать, когда он подъезжает на своей арендованной машине.

И забираясь на пассажирское сиденье.

«Я никуда с ним не поеду», — повторяю я снова и снова.

И... еду с ним.

Лишь затем, чтобы сказать, что между нами все кончено.

Потому что в моем сердце... больше не осталось чувств к нему. Я отпустила его.

И теперь пытаюсь не думать о Густове.

Позабыв о ланче, он направляется напрямик в тот же самый отель, который находится недалеко от дома Одри.

Майкл даже забывает похвастаться своими достижениями, о которых всегда говорит для того, чтобы впечатлить меня. Он слишком торопится и, судя по всему, винить в этом нужно выпуклость на его брюках. Обычно Майкл гораздо лучше контролирует себя.

Он заезжает на стоянку позади отеля и, припарковавшись, сразу же хватается за мою руку и кладет ее себе на пах. Когда моя ладонь касается его промежности, он закрывает глаза и со свистом втягивает воздух.

— Черт, я скучал по тебе, ангел. — Он скучал по моему телу, а не по мне.

Отпустив мою руку, он начинает лихорадочно расстегивать штаны. Под ними у него сегодня ничего нет; он не собирается тратить время зря.

— Ты знаешь, что делать, — говорит Майкл, закрывая глаза и откидывая голову на подголовник.

Я потрясенно оглядываюсь по сторонам. Даже и не собираюсь это делать. Да если бы и собиралась, то уж точно не здесь — днем... на гребаной парковке.

Не почувствовав никакого отклика, он открывает глаза. От возбуждения и злости их зрачки полностью расширены.

— *Пошевеливайся*, Скаут. — Майкл грубо хватается за волосы и прижимает мое лицо к своей промежности. — Отсоси, ангел. Сделай мне приятно.

От боли на глазах выступают слезы, но я отказываюсь открывать рот.

— Нет, — решительно возражаю я.

Он грубо отдергивает мою голову назад, вырывая при этом прядь волос. Никогда не видела его в столь безумном состоянии. Майкл выглядит и ведет себя как психопат.

— Что ты только что сказала? — сузив глаза от злости, сквозь зубы спрашивает он.

Я напугана, а здравый смысл кричит мне: "*Уходи! Убегай!*". По щекам начинают катиться слезы, но я не знаю, что тому причина: страх, злость или боль. Потому что здесь и сейчас все эти три чувства одинаково сильны во мне.

— Отпусти меня, Майкл. Нас больше нет. Именно поэтому я пришла сегодня — чтобы сказать тебе, что не могу и не буду больше этого делать.

Майкл отпускает мои волосы, и не успеваю я ничего понять, как он уже на улице и обегает вокруг машины, чтобы открыть пассажирскую дверь. Я пытаюсь заблокировать ее, но не успеваю. Майкл хватается за запястья и сильно, до боли сжимает их. Он знает, как причинять боль. Раньше мы практиковали это для его удовольствия, но никогда не переходили границ. Теперь же он делает это намеренно... выкручивая запястья. И это срывает — я всхлипываю от боли.

Майкл прижимается губами к моему уху и горячо дышит в него.

— Ты моя, ангел. *Только моя*. А теперь, маленькая шлюшка, прекрати устраивать сцену и пошли со мной. Я собираюсь трахать тебя до потери пульса, а по-хорошему или по-плохому — зависит только от тебя.

От его угроз по коже ползут мурашки, и я уже не могу сдерживать рыдания. Меня начинает подташнивать, и через несколько секунд я извергаю содержимое желудка на асфальт и его рубашку.

Майкл мгновенно отпускает меня и отскакивает, но перед этим успевает заехать кулаком в лицо. От удара я падаю на землю, а перед глазами начинают мелькать звездочки.

Слезы ручьем текут по моим щекам.

— Прекрати притворяться, Скаут. Слезы тебя не красят, — говорит он, с намерением оскорбить и обидеть меня, но я лишь хмуро смотрю на него в ответ. Никогда не видела такую сторону его характера, хотя он постоянно ведет себя как самовлюбленный эгоист.

Мне все еще страшно, но злость потихоньку начинает брать верх над моими чувствами.

Судя по тому, как Майкл с угрозой смотрит на меня, он собирается сказать что-то ужасное.

— Слезы только привлекают внимание к твоему лицу, — злобно усмехается он. — Помнишь, я говорил тебе, что ты прекрасна?

Я не произношу в ответ ни слова. Я помню. Майкл единственный человек, который говорил мне это.

— *Я... лгал*, — его усмешка становится еще шире и теперь напоминает оскал. — Как думаешь, почему мы всегда трахались в темноте? Да потому, что я не смог бы кончить, глядя на твое лицо. Но тебя оказалось просто затащить в постель, — брызгая слюной говорит он. — *Да и киска у тебя что надо.*

Его слова — как еще один удар в лицо. Именно в этот момент я понимаю, как он видел наши отношения. Я — добыча. Я всегда была для него лишь легкой добычей. Сломленной, как изнутри, так и снаружи девушкой. Он, должно быть, разглядел это в первую же встречу.

Я вскакиваю на ноги и бегу так быстро, как только могу.

Но в этот раз он меня не преследует.

На полпути к дому на мобильный приходит сообщение:

Увидимся через пару недель.

Четыре абсолютно безразличных слова. Как будто никакого безумия и не было.

Я ничего ему не отвечаю.

И никогда не отвечу.

Я больше не позволю ему обращаться со мной таким образом.

Дома никого нет, а время только перевалило за полдень. Я никогда не была так рада остаться в одиночестве, как сейчас. Направляюсь напрямик в ванную, снимаю забрызганное рвотой платье и выбрасываю его в мусорное ведро, следом туда же идут и трусики. Как бы мне хотелось развести костер и наблюдать за тем, как они сгорают, оставляя после себя лишь пепел. А еще хотелось бы сделать то же самое с воспоминаниями о нем и о том, что только что произошло. Сегодняшний день был кошмаром, но это в последний раз.

По моему лицу снова текут слезы, хотя, скорее всего, они и не прекращались. Я стою в душе, позволяя горячей воде обжигать кожу. Новая боль вытесняет из головы все мысли о старой, потому что сейчас мое тело это — сплошная открытая рана.

Майкл не пощадил меня.

Правая сторона лица опухла и болит.

В том месте, где он выдрал прядь волос, саднит.

На запястьях проявляются синяки — предательское напоминание о силе его рук.

Я чувствую слабость.

Мне больно.

А рыдания вот-вот перейдут в истерику.

Я не могу смыть его с себя.

Мне нужно отмыться от *него*.

Мне нужно отмыться от *самой* себя.

Мне плохо от того, что произошло. Он никогда даже близко не заходил так далеко.

Но я сама во всем виновата. Я поехала с ним, хотя знала, что этого не стоит делать.

Я продолжаю обвинять то его, то себя. То себя, то его. Я знаю, что виноват — он. Я, черт возьми, знаю это. Но мой *чокнутый* мозг постоянно оборачивает все против меня. В том, что люди плохо обращаются со мной, он винит только меня. Так я жила и живу. Те, кого я люблю, не знают, как любить меня в ответ. Они причиняют мне боль. *Вот как они любят.*

Когда вода становится холодной, я выхожу из душа и просто стою на полу, позволяя каплям стекать на плитку. В зеркале над раковиной я вижу девушку с опухшими красными глазами и синяком на правой щеке. Осторожно дотрагиваюсь до лица. Рядом с ним синяки на запястьях выглядят еще хуже, образуя ужасное фиолетовое трио. Неожиданно я замечаю небольшой порез между шрамом и синяком на щеке. Я вскрикиваю и делаю несколько шагов в сторону зеркала, чтобы рассмотреть его поближе. Он ударил меня левой рукой.левой, черт возьми, рукой. "Гребаный ублюдок". На нем было обручальное кольцо, а я даже не заметила его, потому что все слишком быстро превратилось в кошмар. Этот порез оставило Его Обручальное Кольцо.

Мои плечи поникли, и я готова опять разрыдаться, но у меня ничего не выходит.

Я уже выплакала все слезы.

Не одеваясь, иду в спальню и заползаю под простынь. Мне нужно поспать.

Мне уже давно нужно нормально поспать.

Может, когда я проснусь, то представлю себе, что это был лишь кошмар. А еще, открыв глаза, я больше ни за что и никогда не стану общаться с Майклом снова.

Мозг сжалился над моим телом, и я быстро уснула.

(Гас)

Я возвращаюсь домой около полуночи. Мы с Франко ходили в "У Джо", чтобы послушать местную группу. Она неплохо выступила. Мы сидели за столиком в темном углу, поэтому нас никто не узнал.

Ма устроилась на диване в гостиной и читает.

— Привет, дорогой. Хорошо провел время?

— Привет, Ма. Да, хорошо. — Этот ответ удивляет меня самого, но вечер и правда прошел круто.

— Ну и замечательно. Если ты голоден, то я могу разогреть остатки ужина, — улыбаясь, говорит она.

— Нет, спасибо, Ма. — зевая, отвечаю я и поглаживаю живот. — Мы были "У Джо" и я съел три порции жареного сыра и картофель фри. Но все равно спасибо.

Ма в ответ смеется. Мне нравится ее смех, а в последнее время я слышу его все чаще и чаще.

Подхожу к дивану и, перегнувшись через спинку, целую ее в лоб.

— Я — спать. Спокойной ночи Ма. Люблю тебя.

Она протягивает руку и гладит меня по щеке.

— Приму душ и тоже пойду спать. Я люблю тебя, Гас. Спокойной ночи.

Я уже направляюсь в сторону коридора, когда Ма выкрикивает:

— Гас, ты не мог бы зайти к Скаут перед тем, как лечь спать? Она весь вечер не

выходила из комнаты. Я стучалась около семи, чтобы пригласить ее поужинать, но она не ответила.

— Наверное, спит. Ма, уже полночь, и я не хочу будить ее.

— Просто убедись, что с ней все хорошо, — отвечает она.

Пожав плечами, иду выполнять ее просьбу.

Мне не хочется будить Скаут, поэтому я стучусь в дверь очень тихо, хотя и понимаю, что она не услышит. Если только еще не спит и не сняла слуховой аппарат. Я уже изучил возможности ее слуха. Не получив никакого ответа, медленно поворачиваю ручку и захожу в комнату, чувствуя себя при этом грабителем в своем же собственном доме.

На мгновение, мне кажется, что в лунном свете я вижу Опти. Она стоит в майке и плавках — такая же, как и в ночь перед отъездом в Грант. Моргаю, и видение исчезает. Черт, я выпил всего одно пиво и мне не должно ничего мерещиться.

Но когда я перевожу взгляд на кровать, то опять вижу ее. Она лежит, под капельницей, подключенная к кислородному аппарату и, несмотря на это, пытается насладиться оставшимися ей днями. Все то время, что она провела с нами, я не спал. Ночами сидел возле ее кровати, не желая отпустить ни на минуту. Я смотрел на нее, на случай, если ей что-нибудь понадобится. Держал за руку, чтобы чувствовать ее и знать, что она еще жива. Что она все еще моя девочка. Черт, я не хочу находиться в этой комнате, где все напоминает мне об Опти.

Но эти мысли мгновенно испаряются из головы, когда я замечаю, что что-то не так. Открываю дверь пошире, чтобы в комнате стало светлее, а потом подхожу к кровати и внутри у меня все сжимается.

На щеке Нетерпюхи виднеется синяк, а на скуле — порез. На фиолетовом фоне ее шрамы выделяются особенно сильно. Опускаю глаза, чтобы осмотреть другие части тела и мне становится еще хуже, когда я вижу синяки вокруг запястий.

— Что за хрень? — Я не хотел произносить эти слова вслух. Я думал, прокручивал их в голове снова и снова, но не хотел, чтобы они вырвались наружу.

Нетерпюха начинает ворочаться, и я замираю, потому что не хочу ее будить. Но в то же время меня тянет узнать, что случилось. Выяснить, чем я могу помочь. И вытянуть из нее имя ублюдка, чтобы найти и убить его.

— Густов? — хриплым голосом спрашивает она. Спросонья у Нетерпюхи всегда хриплый голос, но сейчас даже больше обычного. Такое ощущение, что ее кто-то душил.

Я встаю на колени рядом с кроватью, чтобы видеть ее глаза.

— Что случилось? — Говорю тихо, потому что не хочу расстраивать ее, но в то же время достаточно громко, чтобы она услышала. А все потому, что не уверен, есть ли у нее слуховой аппарат.

Даже в темноте я вижу вспышку узнавания в ее глазах, но она все равно выглядит напуганной. Нетерпюха натягивает простынь до самых глаз и прячет под ней руки. Я не знаю, чего она больше смущается — синяков или своих шрамов, которые тянутся от плеча и практически до самого запястья. Я никогда раньше не видел ее левую руку без одежды.

Свинные ребрышки мирно спала у нее под боком, но теперь ошетибилась и мяукает, потому что, скорее всего, чувствует состояние Нетерпюхи. Я шикаю на нее, а потом глажу и беру на руки, чтобы опустить на пол.

— Привет. — Я немного сдвигаю простынь вниз, чтобы видеть ее глаза. Они блестят от слез. — Привет, — спокойно повторяю я еще раз. Мне нужны ответы. Не знаю,

действительно ли *хочу* услышать их, но я *должен* ей помочь. — Что случилось?

Она пристально смотрит на меня и, судя по решительному взгляду, ничего не собирается говорить. Но через несколько секунд уголки ее губ опускаются, лоб морщится и на лице появляется выражение боли и грусти. Она выглядит как человек, который отчаянно пытается сдержаться и не заплакать. А следом за этим по ее лицу скатывается слезинка... другая... и Нетерпюха начинает рыдать.

Я не знаю, как на это реагировать, поэтому просто сажусь на краю кровати и глажу ее по волосам, от макушки до самых лопаток. Так обычно в детстве делала Ма, когда я был расстроен, и это всегда срабатывало. Нетерпюха все еще плачет, но я чувствую, что она начинает расслабляться. Когда слезы перестают течь, и она открывает глаза, я не знаю что ей сказать, поэтому просто перебираю ее мягкие волосы пальцами.

Нетерпюха хлюпает носом и пытается улыбнуться.

— Ты не придурок, Густов.

Не ожидал, что она скажет именно это.

— Иногда да, — пожав плечами, отвечаю я ей.

— Нет, не придурок. Ты хороший парень. Поверь мне.

Не знаю, к чему она это говорит, но я должен направить разговор в нужное русло, чтобы получить ответы.

— А кто тогда придурок? — Нетерпюха понимает, о чем я спрашиваю, а мне в голову приходит только гребаный Майкл.

В ответ она просто качает головой.

Я осторожно дотрагиваюсь до ее щеки, но она вздрагивает от боли и нежелания показывать свой шрам.

— Прости. Тебе принести лед? — быстро отдернув пальцы, спрашиваю я.

— Я в порядке, — пожав плечами, отвечает она.

— Боль и опухоль — это не в порядке. Я принесу немного льда, а потом мы поговорим.

Ма на кухне нет, и судя по звукам, которые доносятся до меня, она в душе. Не хочу ничего ей рассказывать пока сам не узнаю, что происходит. Если поделюсь тем, что мне известно сейчас, то она всю ночь будет переживать, поэтому лучше подожду до утра. Взяв пакет со льдом и кухонное полотенце, направляюсь в комнату Нетерпюхи. Неожиданно раздается что-то отдаленно напоминающее стук. Судя по грохоту, доносящемуся из прихожей, это скорее похоже на выбивание входной двери. Я подхожу к ней, готовый оторвать руки и ноги тому, кто стоит по другую сторону.

— *Что за херня?* — кричу я, открывая дверь нараспашку.

А за ней я вижу его, гребаного Майкла и моя кровь начинает закипать.

Он стоит в костюме-тройке, пытаюсь выглядеть сдержанно и спокойно, но его выдает трясущееся тело и пульсирующая на виске вена. От него так несет джином, как будто он мариновался в нем вместо того, чтобы пить.

Гребаный Майкл ничего мне не отвечает, поэтому я говорю:

— И зачем было долбиться в дверь, придурок? У нас вообще-то есть звонок.

— Где она? — рычит он.

Я смеюсь, хотя для меня в его вопросе нет ничего смешного. Несмотря на то, что Нетерпюха пока этого не подтвердила, я знаю, что синяки на ее лице — это его работа. Сейчас, когда гребаный Майкл стоит прямо передо мной, я понимаю, что он на грани сумасшествия.

— Когда ты ударил ее, то потерял право задавать этот вопрос. Я бы мог надрать тебе задницу прямо сейчас, сукин ты сын, но не буду этого делать, потому что если начну, то не остановлюсь, пока твое тело не будет лежать на подъездной дорожке бездыханным. *Убирайся отсюда.*

Он мотает головой и это простейшее движение заставляет его покачнуться. Судя по всему, гребаный Майкл в стельку пьян.

— Она моя.

— Ты что, черт возьми, преследуешь ее? *Оставь Скаут в покое.*

— Ты ее трахаешь? — ревет он. Вена на его виске вздувается еще сильнее.

— Тебя это не касается.

— Я так и знал, — недовольно раздувая ноздри, выдыхает он.

— Послушай, я не в курсе, о чем ты знаешь, придурок, но тебе нужно оставить Скаут в покое. Если я узнаю, что ты, кусок дерьма, пытался хоть как-то связаться с ней, то найду тебя. *И уничтожу.* Ты понял? — с этими словами я захожу обратно в дом и захлопываю дверь прямо перед его носом.

— Черт, мне нужно покурить, — говорю я сам себе, направляясь в спальню Нетерпюхи.

Когда я захожу в комнату, то вижу, что Нетерпюха включила настольную лампу и надела пижаму с длинными рукавами. Она положила подушки в изголовье кровати и теперь сидит, опираясь на них спиной. Ее ноги прижаты к груди, а подбородок лежит на коленях. Она выглядит так, как будто плакала несколько дней подряд.

— Вот, возьми, — говорю я, вручая ей пакет со льдом. Мои руки все еще дрожат после встречи с гребаным Майклом, но я пытаюсь успокоиться.

Нетерпюха берет его и, морщась от боли, прижимает к щеке.

Я сажусь на кровать рядом с ней. Она кажется немного расслабленной, но не в хорошем смысле этого слова: просто из нее как будто вытекла вся энергия.

— Ну что ж, а теперь настал черед той части, когда я задаю вопросы и, если повезет, получаю на них ответы.

Она просто кивает головой.

— Когда ты познакомилась с гребаным Майклом?

— *Гребаным Майклом?* — переспрашивает Нетерпюха и, судя по голосу, она согласна с этим на все сто процентов.

— Ага, я так называю его про себя. И сегодня это как никогда актуально. — Я пытаюсь сдержать гнев, но мне это не слишком хорошо удается.

Нетерпюха делает глубокий вдох, а потом резко выдыхает. Я начинаю думать, что она так ничего мне и не скажет, но неожиданно Нетерпюха говорит:

— Мы познакомились чуть больше двух лет назад. Я сидела в кофейне возле остановки метро и пыталась убить время. На улице шел ливень. Он зашел, купил кофе и спросил нельзя ли ему присесть со мной, потому что все остальные места были заняты. Вопреки здравому смыслу, я сказала "да". Я думала, что он сядет, и не будет обращать на меня внимания, потому что именно так обычно делают все люди. Они не хотят смотреть на мои шрамы, поэтому делают вид, что меня просто нет.

— Но он не стал игнорировать тебя?

Нетерпюха грустно качает головой.

— Нет. Он начал разговаривать со мной о пустяках. Но для меня это было нечто большее. Мы болтали около часа, и за все это время я ни разу не почувствовала себя

уродливой или сломленной. — Нетерпюха говорит очень тихо, но в ее голосе чувствуется какая-то сильная эмоция. Из тех, что могут проявиться в любой момент, но никогда нельзя предугадать какой она будет на выходе: грустью или яростью, поражением или мстостью.

— Ты не уродливая. И не сломленная.

Ее глаза находят мои, но в них нет согласия, и она просто продолжает:

— Когда мне нужно было уходить, чтобы успеть на поезд, он попросил номер телефона. И я дала его, потому что он был привлекательным, интересным и обаятельным мужчиной. К тому же, в костюме. Я не думала, что он позвонит. До этого никто не просил меня об этом. Я была уверена, что он выбросит мой номер в мусорное ведро возле входной двери.

Она замолкает, поэтому мне приходится немного подтолкнуть ее.

— Но он позвонил?

Нетерпюха кивает и медленно выдыхает.

— Да. Он позвонил где-то через месяц. Майкл жил во Флориде, но каждый месяц ездил на несколько дней в Нью-Йорк по делам. В ту ночь он повел меня ужинать. — На ее лице появляется слабая улыбка, но она не выглядит хоть сколько-нибудь радостной, в ней скорее читается отвращение. — Помню, как я нервничала, но была невероятно счастлива.

— Ты спала с ним в ту ночь? — Не знаю, почему я спрашиваю об этом, но мысль о том, что гребаный Майкл лишил ее девственности вызывает у меня тошноту.

Нетерпюха качает головой.

— Нет. У нас не было секса до третьего свидания. Это произошло в номере его гостиницы. Следующие несколько месяцев наши встречи состояли из ужина и секса. А потом все свелось только к одному сексу.

— Но ты любила его?

В этот раз, когда она кивает головой, выражение ее лица становится мрачным.

— Да. И была душой, думая, что Майкл тоже любит меня. Он говорил о том, что мы будем вместе и когда-нибудь поженимся. — Нетерпюха смотрит на меня и от ее взгляда у меня разрывается сердце. Гребаный Майкл использовал ее несколько лет.

— Он говорил об этом все время, Гас. И я была настолько глупа, что поверила ему.

— Ты не глупа, Нетерпюха. Ты доверяла ему. А *он* оказался гребаным ублюдком. — Слушать, как она принижает себя из-за этого мудака вызывает у меня желание придушить его.

Она в очередной раз качает головой и переводит отрешенный взгляд на окно в другом конце комнаты.

— А потом я забеременела. — Теперь в ее голосе больше нет злости; в нем осталась лишь грусть.

Что? Я пытаюсь поскорее справиться с шоком, чтобы ничего не ляпнуть.

Нетерпюха спокойно смотрит в окно, забывшись в своих воспоминаниях, но вскоре ее глаза наполняются слезами.

— Я забеременела в канун Нового года, но узнала об этом в середине февраля. — Она хлюпает носом, пытаясь сдержать слезы, но они все равно тихо катятся по ее щекам.

Мне хочется обнять ее, но я боюсь, что она замолчит. Поэтому просто беру ее за руку и крепко сжимаю, чтобы Нетерпюха знала, что я с ней и что она не одинока.

Она снова начинает говорить, но теперь, несмотря на слезы, в ее голосе не чувствуется никаких эмоций, а на лице застыла боль, после которой обычно остается только пустота.

— Я позвонила ему, чтобы рассказать о новостях, потому что, была счастлива, хотя и

немного напугана. Я никогда не думала, что у меня будут дети. Что кто-то захочет иметь от меня детей. Поэтому незапланированная беременность была для меня чудом. Божьим даром. — Она замолкает и снова хлюпает носом. — Но Майкл так не думал. Тогда-то он и рассказал мне, что женат. И мой мир рухнул, — произносит она, вытирая слезы свободной рукой. Нетерпюха снова подавлена. Она словно заново переживает события прошлого и ей настолько больно, что она с трудом говорит. — Я не знала... Все это время... Я не знала. — Нетерпюха как будто умоляет меня поверить ей.

И я киваю, давай ей понять, что верю.

— Во время нашего разговора на меня словно разом нахлынули все из существующих отрицательных эмоций. Я почувствовала грусть. Боль предательства. Злость. *Очень сильную злость*. А еще я почувствовала себя идиоткой. Но больше всего во мне было чувства вины, и я понимала, что заслужила каждую из этих эмоций. Я была, черт возьми, виновата в том, что два года встречалась с чьим-то мужем и даже не подозревала об этом. Брак и отношения заслуживают уважения... а я занималась сексом с женатым мужчиной. Я чувствовала себя грязной и использованной. Чувствовала, что это все моя ошибка, что я каким-то образом должна была об этом знать. Я вспоминала все наши разговоры и встречи, пытаюсь найти зацепки, но ничего не находила. Мне было так одиноко в те дни и не с кем было поговорить.

— А тетя? Разве ты не могла поговорить с ней?

Нетерпюха качает головой.

— Я не люблю обременять тетю своими проблемами, да и тот февраль был страшным для нее. Для всей нашей семьи. Джейн пыталась покончить жить самоубийством в начале месяца и после этого ее пару недель держали под психиатрическим наблюдением. — Судя по голосу, она любит и переживает за свою родственницу.

Теперь понятно, почему Гитлеру пришлось уехать посреди тура и мне становится жаль его.

Нетерпюха продолжает:

— А через несколько дней я поняла, что мне будет лучше без него, что я и сама смогу воспитать малыша. Я бы любила его за нас обоих... Я уже любила его. — Ее голос наполняется радостью, когда она начинает говорить о ребенке, а у меня внутри все сжимается, потому что, не знаю как, но я чувствую, что она его потеряла.

Нетерпюха пристально смотрит на меня и улыбку на ее лице сменяет страдание и горе.

— Я так любила этого ребенка. Я была бы хорошей мамой, Густов, — шепчет она сквозь слезы.

— Ты была бы хорошей мамой, — соглашаюсь я с ней, сглатывая ком в горле.

И это действительно так. Нетерпюха — одна из самых устремленных, ответственных и пылких людей в моей жизни.

Она пытается улыбнуться, но у нее ничего не выходит и Нетерпюха просто опускает голову на мое плечо. Тяжелую, как и боль в ее сердце.

— Двадцать девятого марта у меня случился выкидыш. В тот день я поняла, что значит кого-то терять. По сравнению с потерей ребенка, расставание с Майклом было всего лишь незначительным эпизодом. Знаешь, есть такое выражение: "все происходит не случайно"?

Я киваю. Нетерпюха не видит меня, но может чувствовать мои движения.

— Человек, который это придумал, наверное, никогда не терял.

Это не вопрос, но я все равно отвечаю:

— Скорее всего, нет. Потерять кого-то — это очень страшно.

— Да. И я до сих пор чувствую себя виноватой, как будто сделала, что-то неправильно. Доктор сказал, что я ничего не могла изменить, но я считаю, что выкидыш — это моя вина.

— Выкидыши случается довольно часто. В этом нет твоей вины. А как отреагировал на это гребаный Майкл? — крепко сжав ее руку, спрашиваю я.

— Я отправила ему сообщение на следующий день, потому что думала, что он заслуживает знать. Это был наш первый контакт после расставания. У меня был новый телефонный номер, которого он не знал. Майкл перезвонил буквально через несколько минут и оставил кучу сообщений, в которых говорил о том, как ему жаль. Он сказал, что жена узнала об измене и бросила его, но я не поверила ему. Майкл также сказал, что очень сильно любит меня и хочет снова увидеть. Так продолжалось неделю, а потом я опять сменила номер и ничего не слышала о нем до тех пор, пока он не появился здесь несколько недель назад.

— И ты поехала с ним.

Она снова хлопает носом.

— Да, и не горжусь этим. Думаю, мне просто нужно было поставить точку. Я хотела закончить отношения на своих условиях раз и навсегда. К тому же, где-то в глубине души я все еще любила его.

— Ну и как все прошло?

Нетерпюха сжимает мою руку так, как будто ей проще объяснить все действиями, чем словами.

— Так же, как и всегда — меня отымели.

— Вот сукин сын, — начиная закипать, произношу я.

— Нет, я сама в этом виновата. Когда я вышла из его номера в гостинице, то уже знала, что между нами больше ничего нет и не будет. Что чувства, которые у меня к нему были, это не любовь, а скорее привычка, если ты понимаешь, что я имею в виду. Возможно, в начале так оно и было, по крайней мере с моей стороны, но потом все превратилось во что-то совершенно другое. Поэтому, когда он пришел ко мне сегодня, я поехала с ним только для того, чтобы сказать, что все закончено. И для меня так оно и есть. Но он, судя по всему, воспринял эти новости не очень хорошо.

Я отпускаю ее руку, потому что меня трясет от злости. Мне нужно выпустить эмоции, и я не хочу, чтобы она была рядом, когда это произойдет. Я вскакиваю с кровати и сжимаю кулаки. Мне отчаянно хочется что-нибудь ударить, предпочтительнее всего гребаного Майкла.

— *Вот мудака.* Это ведь его работа? — спрашиваю я, показывая на ее синяки.

Нетерпюха кивает и на ее глазах снова появляются слезы.

— Каким нужно быть сукиным сыном, чтобы бить женщину, — восклицаю я, вышагивая из угла в угол, а потом останавливаюсь и поворачиваюсь к ней лицом.

— Тебе нужно получить запрет на приближение.

Она с ужасом смотрит на меня. Ненавижу этот ее взгляд.

— Что? Он приходил сюда?

— Да, когда я выходил, чтобы взять лед. Он появился в стельку пьяный и начал тарабанить в дверь. Пришлось сказать, что если он не оставит тебя в покое, то я надеру ему задницу. Наверное, мне все-таки стоило это сделать.

В этот раз Нетерпюха не произносит ни слова, а просто смотрит на меня большими, как блюдца глазами.

— А где твой телефон? — спрашиваю я, осматривая ее комнату.

Она переводит взгляд на прикроватную тумбочку, на которой всегда заряжает его. Но на ней ничего нет.

— Наверное, в сумочке. — Нетерпюха встает с кровати и поднимает ее с полу возле двери в ванную комнату. Найдя телефон, она набирает пароль и отдает его мне.

Тридцать два пропущенных звонка и пятьдесят три сообщения. Быстро просматриваю их и понимаю, что они все от него. За последние несколько часов он угрожал ей, заявлял о том, что любит, посылал к черту и просто унижался. А еще прислал фотографию члена. Клянусь, этот парень явно псих.

Открываю список пропущенных звонков и сразу же узнаю его номер... на всех тридцати двух вызовах.

— Запрет на приближение стоило бы получить еще вчера. Этот парень ненормальный. Обувайся и пошли в полицейский участок. А потом заедим в неотложку.

— Я согласна на участок, но не на больницу.

Сначала мы подаем заявление о нанесении телесных повреждений.

Полицейские его регистрируют и делают снимки. После этого она заполняет необходимые документы на получение запрета на приближение.

Домой мы возвращаемся только в половине четвертого утра.

Клянусь, гребаный Майкл больше никогда до нее не дотронется.

Воскресенье, 5 ноября (Скаут)

Проснувшись в обед, я открываю дверь, чтобы выйти из спальни и вижу на полу тарелку крекеров с арахисовой пастой и стакан виноградного сока. Ко всему этому прилагается стикер от Густова:

"Дай мне знать, если тебе еще что-нибудь понадобится".

Я поднимаю еду, ставлю ее на прикроватный столик и пишу ответ:

"Спасибо. За все".

Потом приклеиваю стикер к его двери, возвращаюсь в свою комнату и наслаждаюсь самой заботливо приготовленной пищей в своей жизни.

Четверг, 9 ноября (Гас)

Нетерпюха всю неделю была очень тихой. Синяки начали исчезать, но меня беспокоит ее душевное состояние. Она и так уже многое пережила. То, что произошло, было травмой: физической, эмоциональной и психологической. Я не могу стереть этого из ее памяти. Хотел бы, но не могу. Поэтому просто буду рядом, даже если она этого не хочет. Ей не удастся оттолкнуть мою дружбу, только не тогда, когда она больше всего в ней нуждается.

Перед тем, как пойти спать, оставляю на ее двери стикер:

"Манкала. Пицца. Сегодня. Приходи или мы со Свинными ребрышками найдем тебя и насильно заставим играть с нами. Но тогда уже будет не так весело. Так что давай не будем ничего усложнять, просто присоединяйся к нам в гостиной в семь часов вечера".

Пятница, 10 ноября (Скаут)

Манкала и пицца оказались тем, в чем я нуждалась. Густов, Одри, Пакстон и я по очереди бились в игру до самой ночи, и первый раз за всю неделю я смеялась и не думала о Майкле. Я просто весело проводила время. И впервые в жизни чувствовала, что могу быть самой собой в окружении людей, которые не осуждают, и никогда не будут осуждать меня. Людей, которые не обращают внимание на мои шрамы, но видят все остальное. Не могу этого объяснить, но я чувствовала себя... свободной.

Почистив зубы, оставляю на двери Густова стикер. Он вызовет на его лице улыбку, такую же, какую он вызвал у меня вчера.

"Ты все еще отстойно играешь в манкалу. Спасибо за пиццу".

Понедельник, 13 ноября (Гас)

С каждым днем я все больше и больше ловлю себя на том, что с нетерпением жду наступления утра, когда я смогу открыть дверь и увидеть маленький кусочек ее в виде стикера на другой стороне двери. В первый раз, когда она оставила ее для меня в автобусе, я подумал: *"Это какое-то ребячество и оно меня бесит"*.

Оглядываясь назад, я ее понимаю. У меня были серьезные проблемы, и я бы сам не захотел иметь дело с собой. Честно признаться, я и не хотел иметь дело с собой, поэтому все время пил.

Распахнув дверь и увидев на ней квадратный желтый листочек, начинаю улыбаться.

Но улыбка сползает с моего лица, когда я читаю то, что она написала.

"Автомобильная авария = пламя = ожоги = взгляды людей = смущение + злость + уход в себя + грусть"

Черт.

Никогда еще она не была такой откровенной со мной. Мне хочется схватить ключи от машины, поехать к ней на работу, оторвать от дел и просто прижать к себе. Хочется забрать ту боль, через которую она прошла, как из-за аварии, так и из-за бесчувственных придурков, которые заставили ее чувствовать себя ущербной.

Но вместо этого, я беру маркер, стикер и, как обычно, пишу записку. Не знаю, ответит ли она на нее, или, наоборот, отгородится от меня, но я должен попробовать. Записка получилась краткой, как Нетерпюха и любит. Она вообще предпочитает конкретность, если только это не касается тех моментов ее жизни, о которых ей не хочется рассказывать.

"Сколько тебе было, когда это произошло?"

Вторник, 14 ноября (Скаут)

11. Мой отец был пьян. Поэтому я жила с тетей и дядей.

Среда, 15 ноября (Гас)

Проблемы со слухом — результат аварии?

Четверг, 16 ноября (Скаут)

Нет, неудачный лотерейный билет при рождении. Но это пустяки.

Пятница, 17 ноября. (Гас)

Ее ответ вызывает у меня улыбку. Думаю, наш "теннисный матч" можно пока считать официально законченным.

"Тебе нравится мое превосходное чувство юмора? Выиграл в лотерею при рождении».

Суббота, 18 ноября (Скаут)

"Про должай и дальше себе льстить".

(Гас)

Когда наш разговор заканчивается на нотке сарказма, я знаю, что она чувствует себя довольно и расслабленно. А это именно то, чего я для нее хочу. Особенно, когда она общается со мной.

Воскресенье, 19 ноября (Гас)

— Ма, а что это за старушка с ходунками, которая стоит на нашей подъездной дорожке в ночной рубашке и пытается стащить газету? — Я сижу на кухне и наблюдаю из окна за тем, как пожилая женщина с пепельными волосами с лавандовым отливом и в сорочке с розовыми и фиолетовыми цветами крадет нашу ежедневную газету.

Ма подходит и, улыбаясь, встает рядом со мной.

— О, это миссис Рэндольф. Ее дочь, Фрэнсин, переехала в соседний дом в прошлом месяце, а миссис Рэндольф приехала погостить на несколько недель на День благодаренья. Она такая бойкая. Ты ее полюбишь.

— Бойкая? Да она, черт возьми, воровка и только что украла твою газету. Думаю, я уже влюбился в нее. — Судя по всему миссис Рэндольф еще та оригиналка.

— Вы с ней хорошо поладите. К тому же, она всегда возвращает ее после обеда и кладет на то же самое место. Так что, это не воровство, она просто одалживает ее на время.

Я стою на улице и курю, когда замечаю как миссис Рэндольф крадется к нашему дому, чтобы вернуть газету. Ее ходунки громко скрипят по асфальту.

— Здравствуйте, миссис Рэндольф. — выкрикиваю я.

Она замирает и роняет газету, а потом подносит к груди руку и с раздражением изучает меня.

— Боже, мальчик, не подкрадывайся ко мне вот так.

Я бы мог поспорить и сказать, что стою на собственной подъездной дорожке, и подкрадывается именно она, но не стал. Вместо этого подхожу к ней и представляюсь:

— Меня зовут Густов Хоторн. — И, ткнув пальцем через плечо, продолжаю. — Я живу здесь со своей мамой, Одри.

Миссис Рэндольф как-то подозрительно смотрит на мою сигарету. Я жду, что она начнет ворчать на меня по поводу курения, но вместо этого старушка спрашивает:

— Есть еще одна? — Миссис Рэндольф поднимает на меня взгляд, и я замечаю, что у нее мутные глаза. Должно быть, это катаракта. — Как ты сказал тебя зовут, мальчик? — прищурившись, интересуется она.

— Гас, — отвечаю я, вытаскивая из кармана пачку и вытряхивая сигарету.

— У меня теперь не такая хорошая память на имена. Так что, тебе придется простить меня. — Миссис Рэндольф берет сигарету, трясущейся рукой подносит к губам, а потом смотрит на меня и, не вынимая ее изо рта, говорит:

— Ты дашь мне прикурить или мы так и будем стоять весь день?

Посмеиваясь, я достаю зажигалку и даю ей прикурить. Ее первая затяжка настолько слаба, что мне кажется, что сигарета даже не разгорится, но я ошибаюсь.

После этого она сразу выдыхает совсем немного дыма, а мне становится интересно дошел ли он вообще до ее легких. Это была самая слабая затяжка из всех, что я видел. Тем не менее миссис Рэндольф продолжает в том же духе, пока не докуривает сигарету до конца. Удовлетворившись этим, она бросает ее на подъездную дорожку рядом со своими туфлями и тушит каблуком.

Я достаю из кармана пачку и протягиваю открытым концом ей:

— Не желаете еще одну на дорожку, миссис Рэндольф.

Она отмахивается от меня и разворачивает ходунки в сторону своего дома.

— Мальчик, если будешь курить больше одной сигареты в день, то это убьет тебя, — не глядя в мою сторону, отвечает старушка, медленно ступая позади ходунков. — К тому же, скоро появится моя дочь, которая убьет меня, если узнает, что я опять тайком курила. Она оборачивается и на ее морщинистом лице расплывается озорная улыбка.

— Пусть это будет нашим секретом, мальчик. Ей не удастся лишить меня маленьких удовольствий, — подмигнув, говорит она и продолжает свой путь домой.

— Счастливо, миссис Рэндольф, — кричу ей вслед я.

Но она ничего не отвечает.

Четверг, 23 ноября (Гас)

Каждый день около полудня я хватаю пачку сигарет и иду встречать на подъездной дорожке миссис Рэндольф. Она всегда появляется ровно в двенадцать, чтобы вернуть газету. И каждый раз, так же как и сегодня, стреляет у меня сигаретку. А потом, рывкнув, просит подкурить. Это наш ритуал, который я уже полюбил всей душой. Миссис Рэндольф нравится порычать, но она не кусается. Я понял это сразу же, но чем больше мы общаемся, тем больше осознаю, насколько крута эта пожилая цыпочка. Я задаю ей кучу вопросов и даже, несмотря на то, что она делает вид, будто я вывожу ее из себя, я чувствую, в глубине души ей это нравится, потому что с каждым разом она остается со мной все дольше и дольше.

Я узнал, что ей восемьдесят три года (она чуть не надрала мне задницу за то, что я спросил ее о возрасте) и она пятьдесят два года была замужем за своим школьным возлюбленным, которого звали Фритц. За время военной службы он получил много наград, а потом до самой пенсии работал в полиции. Фритц умер тринадцать лет назад и, когда миссис Рэндольф говорит о нем, я вижу, что она скучает по своему мужу.

Сегодня она рассказывает о дочери, Фрэнсин, которая четыре дня в неделю работает медсестрой в больнице Сан-Диего. Ее смена обычно начинается в три утра и продолжается до трех часов дня. Я никогда не спрашивал о возрасте Фрэнсин, но, судя по другим

рассказам, ей должно быть около шестидесяти. Миссис Рэндольф очень гордится дочерью. Нет, она не заявляет об этом вслух, но это проскальзывает в ее словах.

— Фрэнсин сегодня работает? — задаю я вопрос, зная на него ответ. Сегодня четверг, а она всегда работает в этот день.

— Да. Она вечно работает. — Судя по всему, моя новая подруга не очень-то и рада этому факту.

— Но ей нравится этим заниматься. — Я познакомился с Фрэнсин несколько дней назад, и мы разговаривали о ее работе. Она и правда ее любит. И я уверен, что Фрэнсин отлично с ней справляется, потому что она чертовски милая.

— И я рада за нее, но это не значит, что она должна убиваться на ней, — раздраженно произносит миссис Рэндольф. — В ее жизни нет баланса. Она недостаточно времени посвящает отдыху и совсем не веселится. Когда мы жили в Шарлотте, то каждую неделю ходили играть в бинго. А с тех пор, как я приехала сюда, мы ни разу этого не делали. Думаю, она уже забыла, как весело проводить время.

Упоминание о бинго вызывает на моем лице улыбку. Уверен, эта женщина неистова в игре. Опти, Грейси и я постоянно ходили играть в бинго и, скажу я вам, милые старушки напоминали нам волков в овечьих шкурах. Наряженные в лучшие воскресные одежды и с укладкой на голове, они выглядели невинными пожилыми леди — но только до первого шара, потому что после этого они превращались в акул, нарезающих круги в окровавленной воде. Несмотря на все это, я улыбаюсь ей и говорю:

— Я свожу вас поиграть в бинго.

Она улыбается мне в ответ. Это случается редко, поэтому мне нравится то, что я вижу.

— Правда?

— Конечно. Я всегда не прочь перекинуться партией в бинго. Есть тут одно местечко. Я проверю их расписание и дам вам знать.

Миссис Рэндольф с улыбкой на лице разворачивает ходунки в сторону своего дома.

— Хорошо, мальчик. Смотри, ты пообещал!

— Счастливо, миссис Рэндольф! — Прощаться с ней стало моим ритуалом, а ее — ничего на это не отвечать.

Но я не против. Иногда нужно слышать то, что люди не говорят.

Суббота, 25 ноября (Скаут)

Вернувшись с утренней пробежки, обнаруживаю Густова и Пакстона сидящими перед ревушим телевизором в гостиной. Они смотрят футбол, который комментирует человек с очень сильным британским акцентом. Все это кажется странным, учитывая силу звука и тот факт, что они оба не являются фанатами футбола. Но самое удивительное во всем этом — пожилая женщина на инвалидном кресле, которое стоит всего в нескольких шагах от телевизора. В лучах солнца, пробивающегося сквозь окно, ее неестественного светло-лавандового оттенка волосы выглядят слегка металлическими. Никогда не видела, чтобы кто-то был настолько поглощен игрой: она то комментирует действия футболистов голосом, который пародирует британский акцент на экране, то песочит их по южному растягивая слова или кричит и хлопает в ладоши, когда все идет так, как ей хочется. Знаю, я устала после пробежки, но даже вид этой женщины почему-то изнуряет меня еще больше. Несмотря на то, что мне нужно принять душ, я подхожу к дивану, чтобы лучше рассмотреть ее.

Пакстон замечает меня краем глаза и совершенно обыденно говорит:

— Доброе утро, Скаут.

— Доброе утро.

Густов поворачивается в мою сторону, и я вижу, что у него на коленях свернулась и спит Свиные ребрышки. Хотя не понятно, как можно это делать при таком шуме.

Я киваю в сторону пожилой женщины, безмолвно спрашивая, что происходит. Нет, это, конечно, не мое дело, но мне просто любопытно.

— Это миссис Рэндольф, мама Фрэнсин, которая живет по-соседству, — улыбаясь, говорит Густов. — Она захотела посмотреть футбол, потому что у ее дочери нет кабельного, а миссис Рэндольф страдает без него. Она болеет за "Арсенал" и обожает какого-то чувака по имени Оливье. Недавно он забил гол, и она чуть не сошла с ума от радости. Миссис Рэндольф замечательная старушка.

Пакстон, улыбаясь во весь рот, согласно кивает головой. Он уже влюблен в эту женщину.

Я опять перевожу на нее взгляд и вижу, что она все так же поглощена игрой, как будто находится на стадионе, а не в комнате. Она сидит в толстовке с номером 12 на спине, под которым играет Оливье Жиру и, слегка наклонившись вперед, неотрывно пялится на экран.

— Садись, Скаут. Будешь смотреть с нами. Игра началась около пятнадцати минут назад, — говорит Пакстон, хлопнув по свободному месту рядом с собой.

Обычно я не смотрю спортивные состязания, но это куда большее, чем просто игра. Это зрелище, которое я просто не могу пропустить.

— Схожу в душ и вернусь через десять минут.

Десять минут спустя я сижу в чистой одежде и с мокрыми волосами на диване рядом с Пакстоном. Как только я зашла в комнату, Свиные ребрышки проснулась, потянулась на коленях у Густова, а потом перебралась на мои.

— Мне стоило назвать ее Бенедикт Арнольд[11], — покачав головой, говорит Густов, когда она уютно устраивается на моих ногах.

В перерыве между таймами миссис Рэндольф отключает звук.

— Не могу слушать этот бред. Мои мальчики хорошо играют, а комментаторы скажут, что они продуют, — сама себе говорит она, а потом поворачивается к нам. Увидев меня, миссис Рэндольф прищуривается и встает, держась за спинку своего кресла. Густов сразу же вскакивает и предлагает ей руку. Она берет ее и идет до тех пор, пока не останавливается прямо передо мной.

— Где твои манеры, мальчик? Ты собираешься мне представить эту восхитительную юную леди? — внимательно посмотрев на Густова, говорит она.

Я краснею, а он ухмыляется.

— Миссис Рэндольф, это Скаут Маккензи, сестра Пакстона. Она живет с нами.

Густов раньше никогда не называл меня по имени и мне нравится то, как оно звучит из его уст.

— Здравствуйте, миссис Рэндольф. Рада с вами познакомиться. — Я протягиваю руку, и она крепко сжимает ее своей холодной ладонью.

— Я вижу, как ты бегаешь по утрам.

— Пытаюсь, — кивая головой, отвечаю я.

— А еще я вижу, как ты уезжаешь по утрам с Одри.

Я снова киваю.

— Я работаю помощницей Одри, поэтому она подвозит меня.

— Тебе нравится работать на нее? — безжалостно продолжает пытаться меня миссис Рэндольф.

И я снова киваю. Несмотря на допрос, она не сильно на меня давит и мне почему-то хочется заслужить от нее похвалу.

— Да. Очень нравится. Весной я получила диплом и это моя первая настоящая работа. Я многому на ней учусь.

Удовлетворившись моими ответами, она, наконец, прекращает расспрос.

— В этом-то и весь секрет. Ты находишь то, что тебе нравится, и с энтузиазмом начинаешь пробовать себя в этом. Жизнь не течет по инерции, в ней нужно постоянно вдавливать чертову педаль газа в пол. То же происходит и в любви, и в развлечениях. Никакого движения по инерции. Только педаль в пол. — С этими словами она переводит взгляд на Густова, который так и продолжает поддерживать ее за левую руку. — А теперь я готова сесть. — Он проводит миссис Рэндольф обратно к креслу и помогает удобно устроиться в нем.

— Ты хороший мальчик, — с улыбкой глядя на него, говорит она.

— Спасибо, миссис Р. — ухмыляясь, отвечает он ей.

— А она хорошая девочка, — подмигнув, добавляет пожилая женщина, а потом вновь включает на телевизоре громкость и обращает все свое внимание на оживленную игру, которая разворачивается перед ней.

Воскресенье, 26 ноября (Гас)

— Ма, какие у нас планы на День благодарения? Все как обычно?

Ма готовит тыквенный пирог. Это что-то типа разогрева перед большим праздником в четверг. Она делает так каждый год: начинает печь тыквенные пироги за неделю до Дня благодарения и заканчивает примерно через две недели после. Ну а я ем их каждый день — утром, в обед и вечером. В конце концов, начинаю ходить в туалет "по-тыквенному" и мне становится тошно даже смотреть на них. Но в следующем году за неделю до Дня благодарения все начинается заново, и я стою на кухне, как какой-то тыквенный наркоман после долгого воздержания и трясусь в ожидании, когда из духовки появится первый пирог. И тогда я отрежу себе половину, обмажу ее взбитыми сливками и... съем. Да, вот такой я тыквенный обжора.

— Ну да. Все как обычно, — передразнивает она меня. — А ты хочешь чего-нибудь новенького в этом году? — Я практически слышу надежду в ее голосе. Она хочет, чтобы я предложил что-нибудь другое, чтобы ей не пришлось переживать воспоминания об обычном Дне благодарения, с Опти и Грейси.

— Я подумал, что, может, стоит пригласить Келлера и Стеллу к нам?

Она разворачивается ко мне, и по ее глазам я вижу, что Ма по душе эта идея.

— А ты уже говорил с Келлером, Гас?

— Не-а, пытался пару месяцев назад, но ничего не получилось, — покачав головой, отвечаю я. — А ты?

— Ну, я думаю, что это замечательная идея. — Она не отвечает на вопрос, и я понимаю, что ее ответ был бы "да", потому что она разговаривала с ним. Но другого я и не ожидал,

ведь Ма — самый лучший человек в мире.

— Отлично, тогда пойду и позвоню ему.

Когда я, наконец, захожу в свою комнату и нахожу в телефоне его имя, у меня уходит десять минут на то, чтобы набраться смелости и нажать на "вызов". В Миннесоте сейчас восемь тридцать вечера; надеюсь, я не разбужу Стеллу, если она уже спит.

После третьего гудка трубку снимают. Я делаю глубокий вдох, ожидая услышать его голос и прочувствовать эмоции, которые он у меня вызовет. Но вместо этого раздается тоненький, сладкий и сонный голосок.

— Алло? — Это его дочь, Стелла.

— Ну, привет, мисс Стелла. — Напряжение мгновенно покидает меня, и я расслабляюсь.

— Кто это? — спрашивает она так, как будто проверяет все его звонки.

— Гас. Ты помнишь меня, Стелла?

— Папочка, тебе звонит Гас! — кричит она, а потом нормальным голосом добавляет. — Папочка в туалете. Он пошел "покакать".

Я смеюсь, и мне становится так хорошо.

— Ну что сказать, людям приходится делать это довольно часто. Как у тебя дела, Стелла?

— Хорошо. Я хожу в детский сад, где мы готовимся к школе. Мою учительницу зовут мисс Купер. Она милая, но от нее пахнет абрикосовым желе, а я его не люблю. А вот мой дедушка, который живет в Чикаго, его любит и намазывает на тосты.

Я начинаю смеяться еще громче. Обожаю маленьких детей; все, что они говорят настолько невинно и правдиво.

— Как поживает твоя черепаха?

— С мисс Хиггинс все хорошо, — радостно отвечает Стелла. — Ей нравится Миннесота. — Она замолкает, и я слышу голос Келлера, что-то говорящий ей. — Минуточку, папочка. Я еще не закончила разговаривать с Гасом. — А потом Стелла вновь продолжает общение со мной. — А ты сейчас в Калифорнии со своей мамочкой, Гас?

— Да. Здесь хорошо и тепло. Ты должна приехать к нам в гости, Стелла.

Теперь она снова разговаривает с Келлером.

— Гас говорит, что мы должны собраться и навестить их в Калифорнии. Можно мне поехать? Ну пожааалуйста.

Я едва слышу, как Келлер пытается успокоить ее.

— Можно мне сначала поговорить с Гасом, малышка, а потом уже решим. Ты не могла бы отдать мне телефон?

— Минуточку, папочка. Я должна попрощаться с ним. — После этих слов она вновь обращается ко мне. — Папочке нужно поговорить с тобой, Гас. Пока.

— Пока, Стелла. И передавай привет мисс Хиггинс.

— Хорошо.

Когда Келлер берет трубку, его голос звучит слегка нерешительно и изумленно.

— Привет, Гас. Спасибо за то, что развлек Стеллу, пока меня не было.

— Да-а, она сказала мне, что ты был на толчке.

Он фыркает от смеха и теперь его голос звучит хоть и немного смущенно, но облегченно. Как будто он рад непринужденности нашего разговора.

— Пожалуйста, только не говори, что моя маленькая девочка использовала именно эти слова.

— Не-а, она сказала, что ты был в туалете и какал.

— Боже, это ничем не лучше, — вздохнув, отвечает он.

И после этих слова мы оба расслабляемся.

— Она замечательная, Келлер.

— Ага. Должен признаться, я стал практически невосприимчив к любым неловким ситуациям. Искренность маленьких детей закаляет нас, мужик. От нее никуда не спрятаться, и она объявляет о себе во всей красе в самое неподходящее время.

— С чистосердечием невозможно тягаться, — улыбаясь, отвечаю я.

— Как у тебя дела, Гас? Я все время думал о тебе и собирался позвонить, но... то домашние задания, то работа, то Стелла и ее балет. Мне всегда что-то мешало. Прости за это.

— Не бери в голову. Я и сам все собирался. Слушай, какие у вас со Стеллой планы на День благодарения? Я подумал, что мы могли бы возродить свой броманс[12] в Сан-Диего. — В прошлом году мне удалось удивить Опти в Миннесоте. Мне тогда позвонил Келлер и все распланировал. Я еще подшучивал над ней, что украду ее мужчину.

— Броманс, значит. — Он начинает смеяться, вспоминая об этом. — Черт, звучит соблазнительно. Ты ведь все-таки красивый парень. — Келлер так и не растерял своего чувства юмора. Я рад. — Но, думаю, что мы со Стеллой потусуемся здесь, в Гранте. Может, если у отца будет выходной, он присоединится к нам.

— Ты должен приехать в Сан-Диего. Если дело в деньгах, то я покрою все расходы, — пытаюсь убедить его я.

— Гас, дружище, это очень мило с твоей стороны, но я так не могу.

— Конечно, можешь. Просто скажи: "Да, Гас, мы хотели бы отметить День благодарения с тобой и твоей мамой. На мой взгляд, это чертовски замечательный способ провести праздник". Видишь, все просто. Потом ты говоришь мне дату и время прилета и когда тебе нужно быть дома, а я позабочусь об остальном. — Не знаю почему, но мне нужно, чтобы он это сделал. Мне нужно увидеть его и Стеллу, чтобы со всем разобраться.

— Гас, это слишком. Я просто не могу этого принять.

— А что, если я скажу тебе, что Ма расстроится и будет плакать, если не увидит Стеллу? И не просто плакать, а рыдать и заливаться слезами. Я не шучу, это будет ужасно, чувак. Мне придется сделать видеозапись и послать ее тебе. После такого, чувство вины будет преследовать тебя до конца дней. Этакое горькое, обжигающее душу чувство вины.

Келлер молчит, но я понимаю, что он готов сдаться.

— Ну же, чувак. Мы и правда очень хотим увидеть вас, ребята, — со всей искренностью произношу я.

— Мы не полетим, если ты не разрешишь вернуть тебе все до копейки, как только у меня появится такая возможность, — вздыхая, говорит он.

Я улыбаюсь, зная, что никогда не приму от него денег.

— Конечно, как тебе угодно.

Келлер снова вздыхает.

— Ты уверен, что хочешь это сделать? Билеты обойдутся очень дорого.

— Мне все равно больше не на что тратить свои деньги, чувак. — И это правда.

— Хорошо, — наконец сдается он. — Нам бы очень хотелось увидеться с вами. Я бы

мог взять отпуск на несколько дней, — каким-то выдохшимся голосом произносит Келлер.

— Вот и отлично. Скинь мне удобное для тебя время полетов, и я все организую.

— Спасибо, Гас.

Нет, это тебе спасибо.

— Я буду рад увидеть вас, ребята.

— До встречи, дружище.

— До встречи.

Не знаю почему, но у меня такое чувство, как будто с моих плеч только что упал очень тяжкий груз.

Понедельник, 27 ноября (Гас)

Сегодня утром холодно, поэтому я просто гуляю по пляжу вместо того, чтобы кататься на серфе. Неожиданно на телефон приходит сообщение:

Келлер: Только что получил от тебя письмо. Спасибо за билеты. Утром позвонил отец и сказал, что взял отпуск на несколько дней. Не хочу навязываться, но как ты думаешь, Одри не станет возражать, если он тоже прилетит в Сан-Диего? Мне не хотелось бы обременять вас, ребята.

Я: Да без проблем. Чем большее народу, тем веселее.

Келлер: Спасибо, Гас. Увидимся в четверг.

Вторник, 28 ноября (Гас)

Бинго начинается сегодня в десять тридцать утра. Миссис Рэндольф настояла на том, чтобы я заскочил за ней в девять тридцать, несмотря на то, что ехать нам всего пятнадцать минут. На игру она надела фиолетовую блузку и такого же цвета штаны, подчеркивающие лавандовый оттенок ее серебристых волос. Миссис Рэндольф хорошо выглядит, и я знаю, что она старательно подбирала одежду и шляпку с самого утра. Когда я опоздал на десять минут, она взбесилась и сказала, что я все испортил и теперь нам не достанется хороших мест и карточек. Я заверил ее, что все будет хорошо. Это ведь игра и в ней нет хороших или плохих карточек. А что касается мест... то по всему залу расставлены мониторы, которые показывают выпавшие номера, поэтому это тоже не проблема. Кроме того, я там уже был, а она нет.

Подъехав, останавливаюсь перед входом и помогаю ей выйти из машины. Я думал, что она подождет, пока я припаркуюсь, но когда возвращаюсь на то же самое место, ее нигде нет. Я сразу же начинаю переживать о том, как мне рассказать Фрэнсин, что я потерял ее маму. Но потом до меня доходит, что она, скорее всего внутри и покупает себе карточки.

Именно за этим занятием я ее и застаю.

Я вытаскиваю из кармана двадцатку и пытаюсь заплатить, но она бьет меня по руке.

— Убери свои деньги, мальчик. Я сама за себя заплачу.

Я улыбаюсь, увидев отметину, которая осталась после ее удара и засовываю деньги обратно в карман.

Оплатив карточки и два маркера, она осматривает комнату и показывает мне на пустой столик в переднем углу.

— Почему бы нам не сесть вот здесь? — говорю я, показывая на два свободных места за

столиком, который стоит прямо перед нами. Мне не хочется, чтобы она утруждала себя, пробираясь через весь зал.

— Эти люди не выглядят дружелюбными, — прикрыв рот рукой, отвечает она, а потом тычет пальцем в сторону трех женщин, которые сидят с другой стороны стола и злобно смотрят на меня и миссис Р. Аура, которая их окружает, далека от доброжелательной, поэтому я следую за миссис Рэндольф в выбранный ею угол и, убедившись, что она удобно устроилась, смотрю на часы, которые показывают пять минут одиннадцатого.

— У нас есть еще немного времени, — говорю я, поворачиваясь в сторону бара, чтобы посмотреть его ассортимент. — Судя по всему, у них неплохой выбор восхитительных пончиков и чертовски вкусного кофе. Вам что-нибудь купить?

Она раскладывает перед собой карточки и, не отрывая от них взгляд, отвечает:

— Не пытайся соблазнить меня. Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Вы правы, — смеюсь я. — Судя по всему, у них плохой выбор старых пончиков и дерьмового кофе. Вам что-нибудь из этого купить?

— Возьми мне черствый шоколадный пончик и дерьмовое кофе с двумя ложками сахара, — ухмыляясь, произносит она, так и не оторвавшись от своего занятия.

Я смеюсь про себя и ухожу. Обожаю эту леди.

Мы едим пончики, которые, к нашему удивлению, оказываются чертовски вкусными и пьем наш дерьмовый, но сладкий кофе в ожидании, когда начнется игра.

Когда выпадает первый номер, я обнаруживаю, что у миссис Рэндольф плохое зрение и короткая память. Она не может ничего прочесть с мониторов и, даже, несмотря на очки, прищуривается, чтобы изучить карточки, которые лежат прямо перед ней. Посмотрев на ее страдания, я начинаю повторять буквы и номера вслух. Говорю тихо, будто про себя, но достаточно громко, чтобы она услышала меня.

— Би десять, Би десять, — повторяю я, одновременно просматривая и свои карточки и ее. Так она справляется гораздо лучше, поэтому я продолжаю делать это всю игру.

Миссис Рэндольф покидает клуб, унося с собой четыреста долларов. Всю дорогу ее лицо сияет от гордости и удовольствия. Я останавливаюсь возле ее дома, глушу мотор и обхожу машину, чтобы открыть дверь и вытащить из кузова ходунки.

— Мальчик, возьми вот это. У тебя ведь нет постоянной работы, а немного карманных денег никогда не помешает, — говорит она, пытаясь отдать мне половину выигрыша.

— Нет, я не могу принять эти деньги. Их выиграли вы и они ваши, — покачав головой отвечаю я. — А почему вы думаете, что у меня нет работы?

— Ну, ты водишь старый драндулет, практически все время проводишь дома и кроме пляжа больше никуда не ходишь. А еще в тебе нет огня, как будто ничто в этой жизни не «заводит» тебя.

— Я музыкант и выступаю в группе.

— Что? Почему ты не упоминал об этом?

— Я уже давно не выступал, — пожав плечами, отвечаю я.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, вы правы и мой огонь погас.

Она хватает мою руку и крепко сжимает ее скрюченными артритом пальцами.

— Послушай меня, мальчик. В этом цирке, под названием жизнь, у тебя есть лишь один шанс. Не нужно сидеть в толпе и наблюдать за тем, что происходит. Заскакивай на манеж и начинай вести шоу. И тогда ты вновь обрешь свой огонь.

— А что, если он навсегда потух вместе с другим человеком?

— Нет. Вот, что я тебе скажу мальчик, — покачивая головой, отвечает она, — На протяжении жизни нам встречается много людей. Некоторые из них просто сукины дети, а некоторые — особенные. Когда ты встречаешь кого-то особенного, не стоит принимать это как должное, потому что никогда не знаешь, сколько времени вам отведено. У меня с Фрицем было пятьдесят лет. Пятьдесят прекрасных лет. Когда он умер, я была потеряна и мой огонь погас. Но потом я поняла, что жизнь коротка и у меня есть выбор. Я могла продолжить вести жалкое существование или взять себя в руки и начать радоваться жизни вновь. Запомни, никто не сможет разжечь твой огонь, кроме тебя самого, мальчик. Ты и только ты творец своей жизни.

Я согласно киваю, а она улыбается и отпускает мои руки.

— Так ты как, хорош?

— В чем?

— В музыке, мальчик, — фыркает она.

— Да, вроде как, неплох.

— Не плох? Имей немного гордости. Скажи, что ты хорош. У меня такое чувство, что так оно и есть. Не нужно скромничать со мной, мы ведь теперь старые друзья.

Я улыбаюсь и киваю, а потом, не в силах сохранять серьезность, говорю:

— Я фантастически хорош.

Она закатывает глаза и, как и я, язвительно произносит:

— Кем ты себя возомнил? Элвисом Пресли? Бог сотворил его только в одном экземпляре. — С этими словами она достает из кошелька расписание клуба по игре в бинго и начинает обмахиваться им. — В этом парне уж определенно был огонь, — едва слышно добавляет она.

Я в ответ смеюсь и прощаюсь с ней.

— Счастливо, миссис Рэндольф.

Четверг, 30 ноября (Гас)

Ма в ярко-красном фартуке готовит на кухне мертвую тушку птицы. Я практикую вегетарианство с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать. Опти и Грейси тоже это делали, поэтому Ма уже много лет не запекала индейку на День благодарения. Судя по ее размеру, в этот раз количество мясоедов имеет явный перевес. Хорошо, что она так же готовит целую прорву запеканки с зелеными бобами и сладкий картофель к тыквенному пирогу. Так что всю вторую половину дня я буду обедать.

Я заглядываю на кухню к Ма и Нетерпюхе и спрашиваю их:

— Помощь не нужна?

Ма улыбается. Я давно уже не видел ее такой счастливой.

— Не думаю, милый. У нас со Скаут все под контролем. Хотя, не мог бы ты купить взбитых сливок по дороге в аэропорт? А то их кое-кто съел, — многозначительно смотрит на меня она.

Я удивленно поднимаю брови и пожимаю плечами, изображая полную невинность.

— Мне не хочется, чтобы Стелле пришлось есть тыквенный пирог без взбитых сливок, — снова улыбаясь, говорит Ма.

— Я куплю с запасом, — отвечаю я и перевожу взгляд на Скаут. — Не хочешь

прокатиться со мной в аэропорт?

Не знаю, почему я это предлагаю, ведь ей нужно помогать Ма. Но после того, что она пережила на прошлой неделе, мне хочется ее оберегать. К тому же, мне нравится общество Скаут.

— Когда мы закончим готовить, я собираюсь немного побегать, — кивая головой в сторону двери, произносит она. — Но спасибо за предложение.

Да, я понимаю, но меня все равно охватывает разочарование.

Быстро выкурив сигарету, я сажусь в машину Ма (потому что не смогу вместить всех в свою) и еду в продуктовый магазин. Купив четыре баллончика взбитых сливок и «Твикс», направляюсь напрямик в аэропорт. Келлер и Стелла приземляются на двадцать минут раньше, чем его отец. Обнаружить свободное место на парковке в связи с праздником и выходными очень сложно, но я нахожу его, ставлю машину и после этого направляюсь в зону получения багажа.

Я приехал рано и это просто чудесно. Усевшись в кресло, начинаю наблюдать за спешащими людьми. На лицах, мелькающих мимо меня, отражается целая гамма эмоций: от полного раздражения до нереального счастья. Можно сразу понять, кто из них собирается путешествовать вынужденно, а кто с нетерпением ожидает того, что ему предстоит. Мне нравится наблюдать за счастливыми лицами. Это почти как терапия и напоминание о том, что в жизни нужно держаться за хорошие моменты и стараться извлекать из них как можно большее, даже если они мимолетны.

Неожиданно я ловлю на себе взгляд подростка. Ему около шестнадцати, и он стоит возле транспортера вместе с двумя взрослыми — думаю, это его родители. Он старается держаться подальше от них, как бы говоря, что «*Я не с ними*», но у меня такое чувство, что они семья. На нем наушники и футболка с надписью «Rook». На секунду я засомневался, стоит ли мне делать следующий шаг, потому что мне не нравится привлекать к себе внимание. На сцене — я весь для зрителей, а вне ее — я просто Гас. Теперь он смотрит на меня, открыв рот. Меня только что узнали, поэтому машу ему рукой. Широко раскрыв глаза, он оборачивается, как будто этот жест предназначался не ему, а кому-то другому, но потом снова переводит взгляд на меня. Я киваю, улыбаюсь и машу ему еще раз. Он что-то быстро говорит матери и показывает в мою сторону. Она смотрит на меня такими же, как и у парня, глазами и говорит ему: «Иди». Он быстрым шагом направляется ко мне. Хотя и не настолько быстрым, чтобы растерять свое достоинство. Я знаю, подростки стараются поддерживать свой имидж двадцать четыре часа в сутки.

Парень останавливается рядом со мной, и я протягиваю руку, чтобы стукнуться с ним костяшками пальцев.

— Как дела? Мне нравится твоя футболка.

Он опускает на нее взгляд, как будто не знает, что сказать, и вытаскивает из ушей наушники.

— Как тебя зовут, чувак?

— Джош. — Теперь он растерял все свое достоинство и явно нервничает. Не так давно я и сам был таким же.

— Что ты слушаешь, Джош?

Он пытается сдержать улыбку, но слишком нервничает и волнуется.

— «Rook» — отвечает парень, теребя в руках наушники.

— Не врешь? — улыбаясь, спрашиваю я.

Он качает головой, а потом быстро добавляет:

— Не вру. Вы ребята такие крутые.

— Спасибо, чувак. Путешествуешь с семьей?

— Да, мы летим к бабушке в Ла-Холью на День благодарения. — Сказав это, Джош оглядывается на родителей, которые стоят со своим багажом и терпеливо его ждут.

— Ну что ж, тогда желаю вам хорошо провести время. А теперь тебе лучше вернуться к своим. — Засунув руку в карман, я вытаскиваю из него пригоршню мелочи. Среди монет находятся два медиатора. Не спрашивайте меня почему, но с тех пор, как я начал играть на гитаре, всегда нашу с собой парочку. Один из них я отдаю Джошу.

На его лице мгновенно расплывается улыбка, и теперь ему скорее дашь лет десять, но никак не шестнадцать. Просто удивительно как радость делает людей моложе.

— Спасибо, Густов.

— Просто Гас, чувак. И не за что. Скажи своей бабуле, что я передавал ей привет, — похлопав его по плечу, говорю я.

Он, не отрывая взгляд от медиатора, кивает, а потом застенчиво смотрит на меня и говорит:

— А можно мне сфотографироваться с тобой?

— Конечно.

Ненавижу, когда меня снимают, но сделаю все, чтобы сохранить улыбку на лице этого ребенка.

— Мам, можешь сделать снимок? — кричит он, доставая из кармана телефон.

Она несется к нам с таким видом, будто ждала этого момента всю свою жизнь. Как будто нет ничего, что бы она не сделала для своего мальчика. Это напоминает мне о Ма. Я знаю, им очень повезло, что они есть друг у друга.

— Привет, мама Джоша. Меня зовут Гас, — протянув руку, говорю я ей.

Она берет ее в свою и энергично трясет.

— Ой, я знаю кто вы такой. У Джоша все комната обклеена плакатами вашей группы.

— *Мам*, — обиженно протестует он.

Она, словно извиняясь, кивает ему, а потом улыбается мне. Мы позируем для пары снимков, и я даже прошу их сделать один на свой собственный телефон.

Они уходят, а мы с моим хорошим настроением остаемся. Я доволен не потому, что меня узнали и похвалили — этого уж мне точно не нужно, а потому, что я только что сделал этого мальчишку счастливым. Я отдал ему всего лишь медиатор, а Джош выглядел так, как будто у него в руке лежал чертов золотой слиток. Опти всегда говорила, что наша музыка заставляет людей чувствовать. Думаю, теперь я знаю, что она имела в виду. Потому что именно сейчас я *чувствую* это.

Несколько минут спустя на телефон приходит сообщение.

Келлер: *Приземлились. Встретимся в зоне багажа, 23С.*

Гас: *Не торопитесь. Я жду.*

Десять минут спустя ко мне на всех парах несется Стелла и вопит во все горло: «Гас!»

Когда она врывается мне в ноги, я встаю и подхватываю ее на руки. Она сильно выросла с нашей последней встречи.

— Как поживает моя любимая малышка?

— Хорошо. Мы прилетели на самолете. Это было весело.

— Тебе нравится летать?

— Да, — немного рассеянно отвечает она, протягивая руку и хватая меня за хвост. А потом проводит пальцами по всей его длине и заглядывает через мое плечо.

— У тебя такие длинные волосы, Гас, — восхищенно восклицает Стелла, а я в ответ смеюсь. — И такие красивые.

Я чувствую себя одной из ее кукол, но все же принимаю это за комплимент.

— Ну спасибо тебе, Стелла.

Наконец, к нам подходит Келлер. Он тяжело дышит, как будто гнался за ней через весь аэропорт.

— Привет, Гас. Прости за этот сюрприз, но она у меня любительница побегать.

— Да не бери в голову. Сюрприз от Стеллы — это самый лучший сюрприз.

Келлер смеется вместе со мной. Он немного устал, но хорошо выглядит. С момента нашей последней встречи его волосы стали длиннее и теперь выглядывают из-под шапки.

— Мне еще нужно забрать сумку и автомобильное кресло Стеллы.

— Не торопись. Я весь день свободен, чувак.

Усаживаю Стеллу на колени, и пока мы едим «Твикс», который я купил, она рассказывает мне о своей черепахе, мисс Хиггинс, и о жизни в Гранте. Ей нравится Грант, но, думаю, ей нравилось бы в любом месте, лишь бы папочка был рядом. Она обожает Келлера и я знаю, что она чувствует, потому что то же самое испытываю к Ма.

Вскоре возвращается Келлер с вещами, а потом появляется и его отец, при виде которого Стелла чуть не сходит с ума. Громко визжа, она спрыгивает с моих колен, но не успевает убежать, потому что Келлер хватается за футболку.

— Я же говорил, что она любительница побегать, — восклицает он. Стелла хихикает и машет руками, безуспешно пытаясь вырваться.

Отец Келлера сначала обнимает Стеллу, а потом его и я сразу же расслабляюсь.

Помню, Опти говорила, что у них были довольно натянутые отношения.

— Здравсти, док Бэнкс. Я Гас, — говорю я, протягивая ему руку. Я видел его на похоронах Опти, но не разговаривал с ним. Так что это наша первая встреча.

Он кивает головой и пожимает мне руку.

— Рад с тобой познакомиться, Гас. Я многое о тебе слышал.

— Хорошее или плохое? — переведя взгляд на Келлера, спрашиваю я. — Что ты ему нарасказывал?

Келлер улыбается и хлопает меня по спине.

— Только хорошее, мужик. Только хорошее.

По дороге домой, разговор полностью ведет маленькая рыжая девочка, которая сидит в автомобильном кресле на заднем сиденье. Но мы совсем не против этого.

— Папочка, а давай построим песочный замок, когда приедем к Гасу?

— Завтра, детка. Сегодня День благодарения и Одри готовит для нас много вкусных блюд. А после ужина мы можем во что-нибудь поиграть.

— Хорошо, — просто отвечает она.

Я не могу сдержать улыбку, видя насколько она покладистая.

— Гас, а ты хочешь пойти завтра с нами на пляж и построить замок?

— Очень хочу, Стелла.

— Ура! — весело кричит она, а потом начинает напевать, — Мы будем играть. Мы будем играть.

Когда мы подъезжаем к дому, Ма встречает нас у двери и по очереди обнимает. Закончив с приветствиями, я жестом прошу Келлера и Стеллу следовать за мной.

Когда мы приближаемся к комнате Нетерпюхи, она неожиданно выходит из нее.

Келлер выглядит напуганным, когда дверь открывается и из нее кто-то появляется. Я вижу, как он смотрит внутрь комнаты и не могу не заметить грусть в его глазах. Он думает об Опти. Я здесь живу, а Келлер не был у нас со времен ее похорон.

Наверное, после всех этих месяцев ему тяжело видеть комнату, в которой она умерла.

— Кто ты? — с любопытством спрашивает Стелла, разбивая наше молчание.

Нетерпюха опускает голову и присаживается на корточки перед Стеллой. Ее лицо озаряет улыбка, которая полностью преображает Нетерпюху. Некоторые люди просто любят маленьких детей. Я один из них. И Нетерпюха, судя по всему, тоже.

— Меня зовут Скаут. А тебя?

— Стелла, — отвечает она и, дернув Келлера за штаны, добавляет. — А это мой папочка. Его зовут Келлер.

Я не могу сдержать смех, потому что Стелла, черт возьми, такая милая.

Нетерпюха, не вставая, поднимает взгляд на Келлера.

— Привет, Келлер.

— Привет...Скаут? — он пытается быть вежливым, но выглядит так, как будто его мысли витают где-то очень далеко.

Она кивает, а я машу рукой, чтобы Келлер шел за мной.

— Почему бы вам не бросить свои вещи здесь. Вы, ребята, можете занять мою комнату.

Келлер качает головой, но его взгляд все еще затуманен.

— Я не хочу тебя выселять. Мы со Стеллой можем поспать на диване. Это же всего на несколько дней.

— Я только что поменяла простыни на кровати. Можете занять мою комнату, а я посплю на диване, — произносит Нетерпюха и встает.

Келлер выглядит так, как будто ему только что показали что-то невообразимое. Нужно все исправить и как можно скорее.

— Все нормально, — говорю я Нетерпюхе, а потом сжимаю плечо Келлера до тех пор, пока он не переводит на меня осмысленный взгляд.

— Пошли, вы можете спать в моей комнате. Я тоже поменял простыни и мне будет неприятно, если весь мой труд пропадет напрасно. Я ведь это сделал в первый раз за год.

Келлер практически улыбается, а я смотрю на Нетерпюху, пытаюсь хоть как-то сгладить сложившуюся ситуацию.

— Почему бы тебе не заселить в свою комнату папу Келлера?

Она кивает, выглядя при этом немного недоуменно, смущенно и очень сосредоточенно. Нетерпюха понимает, что то, что она видит — ненормально.

Стелла берет Нетерпюху за руку и говорит:

— Я пойду с тобой. Давай найдем дедушку.

Келлер ставит чемодан на пол возле шкафа, а потом поворачивается ко мне. На его лице нет никаких эмоций, как будто он стер с него выражение грусти и теперь не может решить,

чем его заменить. Мое сердце разрывается от боли. Я знаю, как тяжело находиться в месте, где все напоминает о ней. Я сам до сих пор продолжаю учиться жить с этим и вижу, что близость к ее комнате отбрасывает его сейчас на несколько месяцев назад. Поэтому я делаю единственное, что приходит мне в голову — обнимаю его. А он обнимает меня в ответ. Сначала нерешительно, но вскоре я чувствую, как его мышцы крепко сжимаются вокруг меня. То, как он это делает совсем не похоже на объятие, это скорее высвобождение эмоций и выражение горя.

Я хлопаю его по спине.

— Прости, что так получилось, чувак. Скаут не знает, что произошло в этой комнате. Она не хотела тебя расстроить.

Он выдыхает, а потом отпускает меня и трясет головой, пытаясь избавиться от воспоминаний.

— Нет, это ты прости, Гас. Я думал, что готов появиться здесь, что смогу со всем справиться. — Он замолкает и смотрит в пол, а потом поднимает взгляд на меня.

Я знаю, как сильно он любил ее. А сейчас все это вновь оживает в его памяти. Он снова трясет головой и продолжает: — Просто это так тяжело.

— Тебе не нужно ничего объяснять, чувак. Я понимаю тебя. Это и правда тяжело.

— Спасибо, мужик. Ну что, пора идти. Кейти хотела бы, чтобы мы оторвались сегодня по полной, — улыбаясь, произносит Келлер.

— Опти, черт возьми, обожала День благодарения. Надеюсь, ты готов съесть двойную порцию тыквенного пирога за нее, — смеясь, отвечаю я.

Он тоже смеется и потирает живот.

— Думаю, готов. Я не ел со вчерашнего вечера.

Наш обеденный стол полон еды и людей. На День благодарения за ним всегда можно встретить каких-нибудь неприкаянных личностей. И это не оскорбление, а самая настоящая правда. По праздникам Ма постоянно приглашает к нам людей, которым больше некуда пойти. О ее великодушии ходят легенды. Каждый год с нами за столом сидят новые лица и это очень весело, потому что никогда не знаешь, кто окажется рядом с тобой, и о чем будет вестись разговор. Ну а сегодня за столом в два раза больше людей, чем обычно.

Мы с Келлером занимаем свободные места в конце стола.

Ма стоит на другом конце и улыбается нам.

— Мы ждали еще одного человека, но он только что позвонил и сказал, что его рейс отменили из-за погодных условий и поэтому он не сможет приехать. Поэтому давайте начинать без него. Я хотела бы поблагодарить вас всех за то, что вы сегодня с нами. И давайте выпьем за хорошую еду и отличную компанию. — Мы поднимаем бокалы и повторяем за ней тост. — А теперь можно приступать к еде. Мы со Скаут готовили весь день, так что тут есть из чего выбирать. Не стесняйтесь, накладывайте.

Мы так и делаем. В комнате очень гулко, потому что одновременно ведется несколько разговоров. Но это очень уютный шум, наполненный дружескими голосами и уважением друг к другу. Я осматриваю сидящих за столом людей и поражаюсь, как странно они сгруппировались. Нетепрюха сидит рядом с доком Бэнксом и обсуждает с ним Нью-Йорк. Пакс, Келлер и Стелла беседуют с миссис Рэндольф и Фрэнсин о чайках и о том, как миссис Р. любит наблюдать за их полетом. Ма ловит мой взгляд и улыбается, а потом подмигивает мне и поднимает свой бокал. Ну а я в ответ поднимаю свой.

— Счастливого Дня благодарения. Я люблю тебя, — одними губами шепчу я ей.

И она делает то же самое.

Оглядывая комнату, я думаю о том, что жизнь не совершенна, потому что иначе Опти и Грейси сидели бы с нами. Но я знаю, что это невозможно. И впервые, наконец, понимаю, почему Опти всегда говорила ни о чем не жалеть — потому что жила настоящим, а не прошлым. Она не давала себе ни шанса на жалость и просто наслаждалась тем, что имела. Даже, если этого было и не слишком много. Она никогда не обращала внимание на плохое, а во всем искала искру позитива, которую раздувала до тех пор, пока она не становилась настолько яркой, что затмевала все остальное. Я скучаю по ней, и всегда буду скучать. Но сегодня, вспоминая об Опти, мне хочется улыбаться. Я смотрю на свое новое тату и впитываю в себя ее слова.

Если хорошо присмотреться, то каждый день происходит что-нибудь эпичное. И каждый день — это шанс жить по полной. Главное — приложить к этому усилие. Как Опти. Она делала это *каждый гребаный день*. И мы все должны следовать ее примеру. Трудно ли это? Да, черт возьми. Гораздо проще жаловаться или... заниматься самоуничтожением... или вообще ничего не делать. Но разве в этом есть что-нибудь интересное? Миссис Рэндольф была права, когда сказала, что я должен вновь зажечь в себе огонь. Уверен, они бы с Опти стали лучшими подругами.

Думаю, у каждого за этим столом, как и у меня, есть проблемы. Но посмотрите, как они счастливы сейчас, живя настоящим. Это так прекрасно. Самое главное в жизни — это друзья и семья, и они у меня самые лучшие.

Пятница, 1 декабря (Гас)

Мы с Келлером сидим в шезлонгах на пляже и наблюдаем за тем, как Стелла играет в песке с Нетерпюхой и Паксом. На улице очень жарко, но легкий ветерок немного охлаждает воздух.

— Как ты собираешься приводить Стеллу в порядок? На ней как минимум три ведра песка. И это только в волосах.

Стелла гуляет уже около трех часов. Мы с Келлером только что закончили строить песочные замки и присели отдохнуть. Нас заменили Нетерпюха и Пакс, которые пришли поиграть с малышкой.

— Не имею понятия, — качает головой он. — Думаю, мы это решим, когда пойдем домой. Может, засуну ее в море в одежде, и песок смоем вода. А может, возьму за лодыжки, переверну вниз головой, и пусть гравитация работает за меня. — Каждый раз, когда Келлер говорит о Стелле, он улыбается. Она словно наложила на него заклятие, так же, как и на всех остальных.

— Как семья? Твои родители, вроде, развелись?

Он медленно кивает головой, как будто до сих пор пытается переварить случившееся.

— Да. В прошлом году, прямо перед Рождеством, отец подал документы на развод и съехал из дома. Я узнал об этом только после похорон Кейти. Ну, а так как моя мама юрист — да и вообще, просто моя мама, — весь процесс затянулся на несколько месяцев. Она из тех людей, которые всегда стараются оставить за собой последнее слово, поэтому отцу пришлось несладко. Он хотел просто уйти, пусть даже и с котомкой за плечами. Она же хотела схватки, потому что именно это у нее получается лучше всего.

— Все было так плохо? — Черт, мне жаль их обоих. Я никогда не понимал, как можно начать ненавидеть того, кого когда-то любил. И ненавидеть до такой степени, что хочется сломать этого человека и причинить ему боль.

— Так плохо даже близко не описывает то, что было. Но у отца был хороший юрист. Ей достался дом, а он получил достаточно денег, чтобы нормально жить.

— Это ужасно, чувак. Мне жаль.

— Не нужно жалеть, — покачав головой, отвечает Келлер. — Как говорится, нет худа без добра. Отец всегда жил в тени моей матери и именно поэтому у нас с ним никогда не было нормальных отношений. С тех пор как они расстались, он стал совершенно другим человеком. Он стал именно таким отцом, который мне всегда был нужен. Плохо, что ему пришлось через все это пройти, но в итоге он счастлив. Ты даже не представляешь, каково это наблюдать за тем, как мужчина средних лет становится собой и начинает жить заново. Честно сказать, это чертовски впечатляет.

— А где он сейчас живет?

— Снимает маленькую квартиру-студию в Чикаго в нескольких кварталах от больницы. Она простая, практичная и находится совсем недалеко от работы. Ему нравится.

— Ну и отлично. Он хороший мужик. Мне жаль, что я не познакомился с ним, когда он приезжал на похороны Опти. Но я был немного... не в себе.

— Не бери в голову. Мы все были не в себе. Его появление на похоронах Кейти стало своего рода отправной точкой. С тех выходных его жизнь начала полностью меняться. Мы с ним стали ближе друг другу, и он познакомился с Одри. Их дружба очень помогла ему пережить худшие моменты прошедшего года. У тебя замечательная мама, Гас.

— Самая лучшая. Знаешь, до вчерашнего дня я и не знал, что Ма поддерживает контакт с твоим отцом. Она никогда не упоминала об этом. Вчера, за столом, они общались как лучшие друзья, и это было круто.

— Да, они часто разговаривают по телефону и хорошо друг к другу относятся.

— Что еще интересного? Как поживают друзья Опти? Ты видел чуваков, которые жили напротив ее комнаты в общежитии? Клейтона и мазохиста? Не помню, как его зовут.

— Мазохиста? — смеется он, глядя на меня.

Я начинаю хохотать вместе с ним.

— Мы с Опти прикалывались, что он любитель извращенного секса. Ну знаешь, ролевые игры, бондаж и все в таком роде.

— О боже, нет. Думаю, Пит до сих пор девственник и будет им до самой женитьбы. Да и потом будет заниматься сексом лишь раз в месяц и строго в миссионерской позиции. Этот парень ужасно застенчив. В этом нет ничего плохого, но он определенно не поклонник извращений. — Келлер качает головой и, продолжая улыбаться, добавляет. — Нет. никоим образом.

— Так ты его встречал? — спрашиваю я.

— Да, я вижу Пита и его девушку довольно часто. Каждые две недели они приходят в «Граундс» выпить кофе. Пит хороший парень и очень тяжело воспринял смерть Кейти. Несколько месяцев он даже не мог произносить ее имя вслух.

— А Клейтон? — Клейтон был интересным чуваком. Станным, как и Опти. Мне он нравился.

— У него все хорошо. Сейчас он живет в Лос-Анджелесе со своим парнем. Клейтон учится в Калифорнийском университете и работает официантом в каком-то первом классе.

ресторане в Западном Голливуде. Я периодически общаюсь с ним. Ему нравится там жить. Я знаю, что ему тяжело пришлось в Гранте и поэтому доволен, что он нашел место, в котором чувствует себя дома. Место, в котором он наконец-то может быть самим собой.

Опти всегда переживала за Клейтона, поэтому я очень рад слышать, что у него все в порядке.

— Папочка, я нашла монетку в песке! — неожиданно вскрикивает Стелла и несется к Келлеру.

Он с улыбкой берет ее и говорит:

— Это же отлично, малышка. Мы заберем ее домой, и положим в твоей комнате на специальную полку.

Ее улыбка — это самое невинное и чистое из того, что я видел за долгое время.

— Хорошо, папочка, — отвечает она и убегает к Паксу и Нетерпюхе строить песочный замок.

— А ее соседка по комнате? Шугар, если я не ошибаюсь? Ты что-нибудь слышал о ней?

— Да, Шугар. Ты знаешь, что она всегда обращалась с Кейти как сучка?

— Я знаю, что у нее было имя, репутация и фигура стриптизерши, но не в курсе про сучку. Они с Опти не были подругами, но...

— Она была сучкой, — прерывает меня Келлер. — Но перед тем, как Кейти вернулась сюда в прошлом декабре, между ними что-то произошло. Не скажу, что они стали лучшими подругами, но девчонки начали разговаривать друг с другом. Как будто Шугар неожиданно поняла, что в ее жизни есть такой замечательный человек и захотела получить от нее дружеское наставление или что-то в этом роде. — Келлер мотает головой, как будто до сих пор удивлен. — Не знаю, это было так странно. Хорошо, но странно. И, как я понял, Кейти не рассказала ей о своей болезни. Просто сообщила, что переезжает обратно в Сан-Диего. Через две недели после начала весеннего семестра, Шугар прибежала в «Граундс» вся в слезах и сказала, что слышала от кого-то о Кейти. Она хотела знать, правда ли это и когда я подтвердил информацию, горько разревелась.

— А ты ее хоть изредка видишь?

— Да, она иногда приходит с друзьями в «Граундс», чтобы выпить кофе. И перемены в ней видны невооруженным взглядом. Она одевается по-другому, оставляя гораздо больше для воображения, и уже не выглядит, как реклама ходячего секса. Шугар теперь не блондинка, а брюнетка. Думаю, это ее натуральный цвет. Не знаю, такое ощущение, что она просто внезапно очнулась. Иногда для этого нужен сильный удар по лицу. Судя по всему, у нее их было несколько.

Опти сейчас улыбалась бы, слушая это.

— А как дела у Дункана и Шелли? Хорошо?

— Великолепно. Прошлой весной они оба закончили учебу. Дунк получил очень хорошую работу в правительстве в Миннеаполисе — вроде помощника какой-то важной шишки. Не знаю, как точно называется его должность, но она ему нравится. Он хочет в будущем заняться политикой, поэтому изучает, как работает система. Ну а Шел так и трудится в цветочном магазине своей матери, которая вышла на пенсию и поэтому им теперь заведует Шел. Она также начала давать уроки игры на фортепьяно. Большинство учеников Шел — дети и они постоянно испытывают ее терпение. Это хорошо, знаешь ли, — улыбаясь, произносит Келлер. — У Шел было тяжелое детство. Ее много лет насиловал дядя. Дунк очень ей помог, но именно встреча с Кейти изменила ее жизнь. Она уже около года

ходит к психологу, и я очень горжусь ею. По пятницам я работаю барменом, поэтому они с Дунканом берут Стеллу к себе с ночевкой. Ей это нравится, так же, как и им. Мне повезло, что они у меня есть.

Я даже не могу себе представить, на что похожа его жизнь и как ему удастся совмещать учебу, работу и воспитание дочери.

— Не знаю, как ты с этим справляешься, чувак. Ты, наверное, совсем выбился из сил.

Келлер смеется и, несмотря на некоторую усталость, его голос все же звучит довольно.

— Да, я устал, и у меня ни на что нет времени. Но, честно признаться, я бы не хотел ничего менять. Стелла — моя жизнь. Она причина, по которой я встаю по утрам и делаю то, что должен. Ну а учеба и даже работа...они помогли мне справиться с потерей Кейти. Особенно в первые месяцы после ее смерти, потому что как только у меня появлялось свободное время, я впадал в отчаяние. — Келлер замолкает и о чем-то думая, проводит рукой по волосам. — Господи, ей бы это не понравилось. Она научила меня столь многому, но прежде всего — быть достаточно храбрым для того, чтобы выползти из скорлупы, начать жить полной жизнью и любить всем сердцем. В память о ней я и пытаюсь это делать каждый день. Ну и еще совершать спонтанные поступки. Не знаю почему, но так я чувствую себя почти всесильным.

— Да ты просто бунтарь, чувак, — радуясь тому, что Келлер откровенен, говорю я.

— Знаю, я потрясный, — смеется он вместе со мной.

— Так оно и есть, чувак. Так оно и есть.

Он — потрясный отец и потрясный друг.

Воскресенье, 3 декабря (Гас)

В мою дверь робко стучится человек, который либо не хочет этого делать, либо надеется, что ему никто не ответит.

На часах девять утра. Я уже проснулся, но пока валяюсь в кровати.

— Заходите! — кричу я.

Дверь медленно приоткрывается и в нее просовывается голова Пакса.

— Привет, Гас. С добрым утром.

— Buenos días[13]. Что случилось? — Пакс так и стоит за дверью, поэтому я машу рукой, чтобы он заходил.

Пакс распахивает дверь, но перед тем, как войти спрашивает:

— Можно мне поговорить с тобой минутку?

— Конечно.

Не теряя времени, он закрывает дверь и садится на край кровати. Парень явно нервничает. Я уже давно не видел его таким.

— Ну же, чувак, говори. Что случилось? — Глядя на него, я и сам начинаю нервничать.

Он отводит от меня взгляд и его щеки начинают стремительно краснеть.

— Я иду на свидание с Мэйсон, — выдавливая из себя он, а потом делает глубокий выдох. Пакс пытается успокоиться, но я переживаю, что у него может начаться гипервентиляция легких.[14]

Я хлопаю в ладоши, пытаюсь приободрить его.

— Молодец, чувак. Мо-ло-дец!

Пакс, наконец, поднимает на меня взгляд и улыбается, хотя по его глазам я вижу, что он

все еще в панике.

— В последнее время мы много разговаривали с ней, и в пятницу я попросил у нее телефончик, а вчера вечером позвонил и спросил, не хочет ли она куда-нибудь сходить со мной сегодня. Мэйсон согласилась.

— Ну и правильно. Так в чем проблема? — Я не сомневаюсь, что она есть, иначе бы он не пришел сюда.

Пакс делает глубокий вдох и в его глазах вновь появляется выражение паники.

— Что я должен делать? Я никогда никуда не ходил с девушками.

— Серьезно? — Я знал, что у него немного опыта, но думал, что, дожив до восемнадцати, Пакс побывал на парочке свиданий.

— Да. Никогда, — подтверждает он.

— Ну что ж, чувак, я конечно, никогда не был одним из таких парней, но почему бы тебе не сводить ее пообедать или в кино, или на пляж. Вариантов уйма.

— Нам нужно что-то в шаговой доступности. Машина Мэйсон в ремонте, ну а у меня ее и вовсе нет, поэтому...

— Так возьми мой пикап, — прерываю я его. — Мне сегодня никуда не нужно ехать.

— Правда? Ты разрешаешь? — изумленно глядя на меня, спрашивает Пакс.

— Конечно. У тебя ведь есть права?

Он быстро кивает, все еще не в силах прийти в себя.

— Тогда она твоя. Хорошо обращайся с ней. Моя малышка не красавица, но я ее люблю.

Он продолжает кивать и никак не может остановиться.

— Обещаю. Мне нужно заехать за Мэйсон в двенадцать. Буду дома в пять.

— Не торопись. Я планирую заняться серфингом в обед, так что она мне не понадобится. Развлекайся.

Выбравшись из кровати, я проверяю карманы вчерашних джинсов. Найдя ключи, я достаю и отдаю их Паксу.

Он пытается улыбнуться, но это у него плохо получается.

— Спасибо, Гас.

— Всегда пожалуйста. — В этот момент я кое-что вспоминаю и, порывшись в прикроватной тумбочке, достаю пригоршню пакетиков из фольги и бросаю ему.

Пакс ловит их, но когда понимает, что у него в руках, то роняет на пол, а потом нагибается и начинает их собирать. Без сомнения, он сбит с толку и смущен.

— Никогда не забывай о защите, чувак, — смеюсь я, пытаюсь успокоить его.

Он мотает головой, не отводя взгляд от презервативов.

— Они мне не нужны.

Наивность этого ребенка просто убивает меня.

Он никогда не был на свиданиях и, определенно, все еще девственник. Это все равно, что обнаружить золотого единорога.

— Никогда нельзя предугадать, чувак. Может не сегодня...

— *Определенно* не сегодня, — обрывает меня он, чуть не трясаясь от страха.

Я киваю, пытаюсь сдержать смех

— Хорошо. Не сегодня, но в будущем тебе придется заняться сексом. Ты же человек, в конце концов. Возьми их. Положи куда-нибудь. И воспользуйся, когда будешь готов. Если забоишься покупать новые, приходи ко мне. Я не стану совать нос в твои дела, просто дам еще.

Его глаза становятся как блюдца, но он все-таки засовывает презервативы в карман.

— Хорошо. И еще раз, спасибо Гас.

Он направляется к двери, но я окликаю его:

— Пакс?

— Да? — разворачиваясь, спрашивает он.

— У тебя все получится. Просто будь собой. Ты — замечательный.

Впервые за то время, что он находится в комнате, на его лице расцветает искренняя улыбка.

— Спасибо.

Когда дверь за ним закрывается, я начинаю смеяться. Да, последние несколько минут были такими же неловкими, как тест на рак простаты. Обожаю этого засранца.

Понедельник, 4 декабря (Гас)

Сегодня утром я впервые за много недель взял в руки гитару, но она почему-то ощущалась как тяжелая ноша в моих руках. Как будто не хотела в них быть. Поэтому я вернул ее на место в угол комнаты и спустился в подвал.

А теперь сижу за маминим фортепьяно. Я редко пишу музыку за ним, потому что предпочитаю гитару. Но иногда на меня находит вдохновение. Надеюсь, это сработает. Мне нужна музыка. Без нее я чувствую себя пустым.

Клавиши цвета слоновой кости кажутся такими холодными и... заброшенными.

Ма теперь тоже не часто играет.

Я провожу по ним пальцами, а потом начинаю играть первое, что приходит на ум. Моцарт. В детстве я брал уроки игры на фортепьяно и выучил несколько концертов. Ма настояла. Она хорошо играет и это определенно ее инструмент.

Музыка льется из меня нескончаемым потоком, а пальцы вспоминают клавиши, интервалы, тональность. В доме тихо и спокойно; лишь музыка наполняет помещение как дух или какая-то сущность. Я больше не чувствую себя таким одиноким.

Одиночество. Думаю, именно это беспокоит меня больше всего после «ухода» Опти. С ней я никогда не был одинок, даже когда она жила в нескольких сотнях миль от меня.

Я всегда чувствовал ее. Она наполняла меня, как музыка, которая сейчас наполняет эту комнату.

Я играю одну из ее любимых мелодий. Дебюсси. Опти говорила, что его музыка очень сексуальная, а я смеялся над ней. Но она была права. Она постоянно просила меня сыграть ее снова и снова.

Вот и сейчас я делаю это для нее.

— Надеюсь, ты слушаешь, Опти, — громко говорю я. Я знаю, что она где-то рядом. Это прозвучит странно, но иногда я просто знаю, что это так. Я ощущаю ее присутствие в виде мимолетного чувства спокойствия, которое, бывает, охватывает меня. А потом я моргаю, и оно... исчезает.

Я безумно по ней скучаю.

Неожиданно я замечаю краем глаза какое-то движение. Поворачиваюсь и вижу, что на последней ступеньке стоит и смотрит на меня Нетерпюха.

— Привет, — немного удивленно говорю я. — И как давно ты подсматриваешь за мной?

Она пожимает плечами и улыбается. Мне нравится эта улыбка, потому что я очень

редко вижу ее.

— Довольно давно. — В этих двух словах, таких простых и ласковых, ощущается то чувство комфорта, о котором я упоминал ранее. Я не один.

— Тебе нравится Дебюсси?

— Если это он и есть, то да, — кивнув, отвечает она. — Это было красиво. Я не знала, что ты играл.

— Когда я был ребенком, Ма заставила меня научиться играть на фортепьяно. Кстати говоря, разве ты не должна быть на работе?

Она мотает головой, словно пытается прийти в себя.

— Да. Одри понадобилась папка, которую она оставила на столе дома. Я приехала забрать ее и заодно сделать салат из яиц. Ну и зашла спросить, не хочешь ли ты сэндвич. — Нетерпюха постоянно пытается накормить меня.

— Конечно. Буду через минуту. Спасибо.

Она снова улыбается. Я все чаще замечаю, что проявление заботы о других делает ее счастливой. Даже если это просто сэндвич. Поэтому никогда не отклоняю ее предложения. Даже если не голоден. Мне нравится вызывать на ее лице улыбку.

Перед тем как спуститься, решаю сыграть что-нибудь еще. Ощущение комфорта до сих пор присутствует во мне, и таким образом я стараюсь удержать его как можно дольше.

Неожиданно мой слух цепляется за несколько нот. То, как они сочетаются, просто поражает меня. Я прекращаю играть произведение и снова проигрываю только эти ноты. В голове что-то проскальзывает, но быстро исчезает.

Я опять начинаю играть произведение и, дойдя до этих нот, останавливаюсь. А потом проигрываю лишь их... снова... и снова.

И неожиданно в голове рождается мелодия. Я представляю себе струны гитары и напеваю ее. Черт, это не просто припев, а очень хороший хук[15].

Теперь я улыбаюсь и делаю это все то время, пока в моей голове проигрывается хук. Он как маленький уголек, который стремится разгореться ярче.

Думаю, иногда все, что нам нужно — это немного вдохновения. И иногда вдохновение — это всего лишь улыбка нужного человека в нужное время.

Вторник, 5 декабря (Гас)

Пора.

Я знаю это с тех пор, как мы увиделись с Келлером и со Стеллой на прошлой неделе. А также после того, как впервые за многие месяцы у меня появилось музыкальное вдохновение.

Весь день я смотрел на покрытый пылью диск, который оставила мне Опти. Я так ни разу и не касался его.

До сегодняшнего дня.

Сейчас я вставляю его в ноутбук и, задержав дыхание, нажимаю на воспроизведение. И сразу же раздается ее голос.

— Привет, дружок, — говорит Опти и замолкает. Она много лет не называла меня так и сейчас дает время, чтобы я переварил это. А потом раздается ее смех, который разбивает мне сердце. Господи, как я скучал по нему. Она смеется потому, что знает, как я ненавижу это прозвище, когда мы были детьми. Но сегодня мне очень приятно его слышать.

— Я знаю, что ты слушаешь эту запись через много месяцев после моего ухода, — продолжает она. — Может, уже наступил следующий год. — Она знает меня. Она знала, что я буду откладывать этот момент до последнего. — И я знаю, что эти прошедшие месяцы были ужасными. Спросишь, откуда? Я даже не могу представить себе, что было бы со мной, если бы мы поменялись местами. Не могу представить себе, что теряю тебя. Я не знаю, что бы я делала без тебя, Гас. Ты единственный человек, за которого я цеплялась всю свою жизнь. Ты мой спасательный круг. Если жизнь становилась чертовски трудной, единственное, что мне нужно было сделать — это подумать о тебе или поговорить с тобой. И мне сразу же становилось легче. Двадцать лет. *Ты*. Твое спокойное ко всему отношение. Твое необычайное чувство юмора. Твоя забота и любовь. Они спасали меня. Каждый Божий День. Они напоминали мне о том, что в мире есть и много хорошего. Ты, я и Грейси. Мы вместе противостояли всем невзгодам. Мы были командой. Самой лучшей.

— Я знаю, что бог послал мне некоторых людей, чтобы они научили меня чему-то. Ты научил меня не только плавать, кататься на серфе, играть на гитаре, водить машину и ругаться матом, — она замолкает и в динамиках вновь раздаётся её прекрасный смех, — но и показал мне, что такое любовь. Всю свою жизнь я знала, что если понадобится, то ты будешь рядом: чтобы помочь в работе над песней, которая у меня не получалась. Или понаблюдать со мной за закатом. Или просто поговорить. Или обнять меня, потому что мне этого хотелось. Или держать мою руку, когда у меня брали кровь или ставили капельницу. Ты всегда поднимал мне настроение, даже если и не знал, что делаешь это. Между нами была очень тесная связь. Я предугадывала, что ты собираешься сказать еще до того, как ты произносил это, потому что знала, о чем ты думаешь. Я видела это в твоих глазах. В выражении лица. Я слышала это, даже если ты ничего и не говорил. И я знаю, что для тебя все было так же. Ты заканчивал за мной предложения, и они всегда оказывались *намного* смешнее, чувак. Я буду скучать по тому, как ты отвечал на мои телефонные звонки. И по твоей ленивой красивой улыбке. А еще я буду скучать по тому, как ты называл меня Оптимисткой. Мне нравилось это прозвище. Оно заставляло меня чувствовать себя всемогущей. Оно как почетный знак, который я с гордостью носила на груди. Потому что это значило, что я была особенной для тебя. Я могла прожить и тысячу лет, но никогда не встретила бы друга лучшего, чем ты. Ты был чертовым Джедаем дружбы, Гас.

— Я люблю тебя до глубины души. Ты — часть меня. И, скорее всего, лучшая. Твоя мама всегда шутила, что мы были близнецами, которых разлучили в детстве. Не думаю, что это достаточно точное описание. Мы даже и не похожи друг на друга. Я ведь гораздо красивее тебя. — Опти пытается шутить, но я слышу, что ей становится тяжело говорить. — В общем, я пытаюсь сказать, что, наверное, даже у кровных родственников не бывает такой связи, как между нами. Это был дар. *Ты* был моим даром. Даром, который сделал мою жизнь стоящей. Который наполнил меня любовью и вдохновил жить не унывая.

— Гас, я знаю, что сейчас ты начинаешь принимать мою смерть, иначе не слушал бы эту запись. И я знаю, что ты пытаешься определить, что будешь делать дальше. Я хочу, чтобы ты продолжал писать и выступать. *Пожалуйста*. Умоляю тебя. Ты живешь на земле не только для того, чтобы быть невероятным человеком, но и для того, чтобы делиться своим непостижимым талантом с остальными нами — простыми смертными. Если тебе нужен пинок под зад, то открой мой ноутбук и найди в нем папку «Вдохновение для Гаса». Я знаю, что, скорее всего, у тебя сейчас не получается писать. Так происходит всегда, когда ты нервничаешь. И я представляю, что мой уход поверг тебя в сильнейший стресс. *Пожалуйста*,

отпусти свою печаль и злость. Пора снова начинать жить по полной, чувак.

Я перевожу взгляд на татуировку на своей руке и улыбаюсь, а она продолжает:

— Прислушай «Вдохновение для Гаса». В этой папке есть несколько моих композиций, которые ты никогда не слышал, и несколько припевов, к которым я не успела написать песен. А также риффы[16]

, которые составляют музыкальную композицию либо её часть. для гитары и аранжировки для скрипки. Также ты найдешь там фразы и слова, которые по каким-то причинам запомнились мне. В этой папке я попыталась собрать все самое лучшее для тебя. Можешь прослушать файлы только один раз, только, пожалуйста, полностью. Я знаю тебя, поэтому не перематывай их лишь потому, что они вызывают тяжелые воспоминания. Будь храбрым, подтяни свои штанишки повыше и сделай это. Что-то из услышанного может кликнуть у тебя в голове и превратится в классную песню. — Она права. Пора.

— И вот еще что. Знаю, если ты сейчас не куришь, то изнываешь от желания это сделать. Поэтому говорю тебе: Ты должен бросить. Я пыталась не пилить тебя, но... бросай. И как можно скорее. Мне хочется, чтобы ты был живым и здоровым. Я говорю это не для того, чтобы надавить на твое чувство вины, а потому что это правда. Я хочу для тебя только самого лучшего. — Опти делает глубокий вдох, и я понимаю, что она была подключена к кислородному аппарату, когда записывала это сообщение. Я слышу, как она с трудом пытается дышать. — Рак — это такая хрень, Гас. Я не хочу того же для тебя, чувак. *Пожалуйста, бросай.* — Она снова замолкает. И мне очень нужна эта пауза, потому что ее слова бьют меня в самое сердце. Опти и правда не пытается вызвать у меня чувство вины, а просто хочет донести, что курение убивает меня. И впервые в жизни у меня появляется желание бросить. Не необходимость, а именно желание. Это большая разница. И это именно та мотивация, которая заставляет тебя бороться. Я засовываю руку в карман, достаю пачку, которую всегда ношу с собой и выбрасываю ее в мусорную корзину. На мгновение меня охватывает паника, но в динамиках вновь раздается голос Опти и успокаивает меня.

— И последнее, не менее важное. Я надеюсь, что ты встретишь ту, кому отдашь свое сердце. Если дружба — это показатель способности любить, то женщина, с которой ты решишь связать свою жизнь, даже не будет представлять себе, что она обрела, когда ты влюбился в нее. Я надеюсь, что ты найдешь ее очень скоро, чтобы у тебя была целая жизнь, чтобы любить ее. А у нее — целая жизнь, чтобы познать все величие души Густова Хоторна. К тому же, миру просто необходимы маленькие Хоторны. И много. Дети любят тебя, Гас. И когда ты пойдешь на день карьеры в третьем классе у Гаса-младшего, то будешь самым крутым папочкой. Только вообрази: после того, как отец Джонни скажет, что он крутой брокер, ты можешь представиться рок-звездой из «Rook». Ну разве это будет не круто? Я определенно не пропущу этого шоу.

Опти снова замолкает. Наверное, думает о том, как закончить свою речь. Я слышу, как она хлюпает носом и пытается сдержать слезы.

— В этом месте я должна сказать тебе «прощай», но мы с тобой договорились никогда этого не делать. Да и я не хочу оставлять тебя навсегда. Поэтому просто скажу следующее: «Я всегда буду с тобой и уже переговорила с Богом, чтобы он приставил меня к тебе ангелом-хранителем».

Я даже не сомневаюсь, что она сделала это. Опти всегда говорила о Боге как о живом человеке, который общается с ней. Меня это веселило, но в то же время мне нравилась ее непоколебимая вера в то, что это может что-то изменить.

— Думаю, он не против. Так что знай, я буду рядом и буду слушать и наблюдать за тобой. Но только не тогда, когда ты занимаешься сексом. Я и так знаю, как ты выглядишь голым, чувак. — Так, что дам тебе немного личного пространства для любовных игр. — Я громко смеюсь, чувствуя, что ее ехидная улыбка все-таки одерживает верх над слезами. Только Опти может говорить о боге, ангелах-хранителях и сексе одновременно. — Ну а напоследок мне хочется сказать тебе «спасибо», чувак. За все. Я люблю тебя, Гас. И всегда буду любить.

В груди становится тесно, но я не плачу. Я думал, что эта запись уничтожит и раздавит меня, но вместо этого ощущаю спокойствие. Мне только что подарили то, чего я и не думал когда-нибудь получить. У меня была возможность снова провести пять минут со своей лучшей подругой. Пять минут, чтобы услышать ее знакомый голос и красивый смех. Пять минут, которые ей потребовались, чтобы воодушевить меня стать лучше и начать жить по полной.

Не теряя времени, я открываю ее ноутбук и беру гитару.

Вам знакомо чувство, когда вы просто знаете, что вас ожидает что-то потрясающее?

Вот именно так я себя сейчас и чувствую.

Среда, 6 декабря (Скаут)

На этой неделе Густов очень много играет на гитаре. Он всегда закрывает дверь, но так как моя комната находится прямо напротив, то в нее проникают все звуки. Даже без слухового аппарата мне их едва-едва, но слышно. Я не жалею — это самый лучший способ заснуть, который можно только представить. Мои самые нежные воспоминания детства об отце касаются тех моментов, когда он играл на гитаре и пел, пока я не усну. Я не думала об этом много лет, но на этой неделе, судя по всему, все выходит на поверхность.

На часах 10.30 и я лежу в кровати. Мне стоило бы спать, потому что завтра утром предстоит помогать Одри с большой презентацией на работе. Но вместо этого, я слушаю. Густов не выходил сегодня из комнаты, чтобы поужинать. Я не видела его весь день и поэтому мне как-то не по себе. Как будто не смогу закончить день, если не увижу его лицо.

А потом до меня доносятся звуки, которые заставляют откинуть одеяло и поставить ноги на пол. Даже не осознавая, что делаю, я надеваю слуховой аппарат и стою в коридоре, в одной пижаме перед его дверью.

Просто стою.

И слушаю.

Он поет. Густова едва слышно. Это скорее похоже на мурлыканье, без слов. Но он *поет*.

Я сажусь рядом с его дверью и, прислонившись спиной к стене, слушаю.

Густов продолжает напевать и наигрывать на гитаре. Он наигрывает снова и снова, каждый раз что-то меняя, настраивая. Довольно скоро мурлыканье превращается в слова. Постепенно, строка за строкой. Клянусь, это ощущается как порождение магии.

Чистое волшебство.

Его голос захватывает меня в плен. Я не просто слушаю, а пропускаю его через пять своих органов чувств. Это настолько лично, что я даже не смогу объяснить.

Обычно тактильные ощущения не отвечают за глубину чувств; это работа мозга. Все в моей голове. Заливается и настаивается.

Буквально несколько часов и появляется целая песня. Когда музыка, наконец, затихает я

чувствую себя невероятно счастливой, потому что засвидетельствовала, пережила и разделила это с ним. Даже, если Густов и не знает об этом.

Смотрю через дверной проем на часы на прикроватном столике, и яркие красные цифры говорят о том, что уже почти три часа утра. Мне нужно идти спать, но я не хочу отпускать этот момент. Меня тянет свернуться калачиком прямо здесь, на полу возле его двери просто для того, чтобы быть рядом с ним. Поэтому я закрываю глаза и позволяю себе еще на несколько секунд задержаться в постепенно рассеивающейся магии.

Перед тем, как отправиться спать, иду на кухню. Мне нужно кое-что сделать.

Возвращаюсь к двери Густова, ставлю на пол тарелку, стакан и приклеиваю стикер.

А потом стучусь в дверь и в три шага оказываюсь в своей комнате.

Мне слышно, как открывается его дверь в ту же секунду, как закрывается моя.

(Гас)

Открыв дверь, я вижу на полу в коридоре стакан виноградного сока и тарелку с солеными крекерами и арахисовым маслом. Мой желудок мгновенно начинает одобрительно урчать. Я не ел с самого ланча. Под тарелкой обнаруживается приклеенная к полу записка, содержимое которой вызывает у меня улыбку.

Съешь это. Ты не ужинал. И спасибо. Эта песня наполнила мою душу.

Она была здесь и слушала все это время. Мне хочется постучать в ее дверь. Обнять и поблагодарить за то, что разделила эти последние несколько часов со мной.

Не знаю, как это объяснить, но то, как у меня сложилась песня... я знал, что был не один. Я не писал так с тех пор, как рядом была Опти. Я всегда чувствую ее в своем сердце, потому что там она и живет. Но мне больше не больно от этого.

Присутствие, которое я ощутил сегодня, не было внутренним. Оно было физическим. Материальным. Как будто кто-то находился в комнате, *подпитывая* меня.

Мог ли я предположить, что *она* находилась просто за дверью.

Наполняя *мою* душу.

Пятница, 8 декабря (Гас)

Всю эту неделю я безостановочно пишу. Папка Опти на ноутбуке вызвала во мне желание творить. Я даже использовал несколько ее мелодий и припевов в качестве трамплина. Некоторые же песни появились из чувств, которые она вложила в свои тексты. И дело не в словах, а в эмоциях, которые стояли за ними. Они особенно ценны для меня. Я также нахожу вдохновение в стикерах, которые Нетерпюха оставляет на моей двери — они появляются каждое утро. В большинстве случаев она уходит или уже ушла на работу к тому времени, как я открываю дверь. Мы перекидываемся всего лишь парой слов, но это дает мне знать, что она слушает. Что я не одинок. Что ей нравятся мои творения. А иногда — нет. Наверное, стоит просто пригласить ее к себе во время работы, но какая-то часть меня боится, что тогда мой талисман перестанет работать. Другая половина боится, что я вообще не смогу ничего сделать в ее присутствии, потому что Нетерпюха — единственная, у кого я постоянно пытаюсь заслужить одобрение. Вероятно, потому, что это чертовски тяжело сделать.

Она не раздает комплименты направо и налево, а сортирует, выбирает и если говорит что-то, то от чистого сердца. От нее не дождешься вранья. А пока мне достаточно знать, что

она находится за дверью и слушает. Ее присутствие ощущается в комнате, заставляя меня копать глубже. Работать лучше. Творить. Я уже давно не чувствовал этого. Но теперь у меня есть две любимые девушки, которые давят на меня и подбадривают, присутствуя не физически, а эмоционально. Это немного жутко, но работает. Даже больше, чем работает. Это питает меня.

Музыка — целиком интуитивное переживание, если все делаешь правильно.

А на этой неделе я делаю все чертовски правильно.

Утренняя записка от Нетерпюхи гласит:

Песня № 2. Припев. Теперь идеально.

Я хватаю с прикроватного столика стикеры и маркер, которые теперь постоянно там лежат, и пишу ответ.

Спасибо. Скоро ее закончу.

Суббота, 9 декабря (Скаут)

Еще очень рано. Солнце лишь начинает всходить. Я направляюсь на пробежку. Распахнув дверь своей комнаты, вижу, что дверь в спальню Густова тоже открыта.

Заглядываю внутрь, но его там нет.

После этого спускаюсь в гостиную и обнаруживаю почему. Он на веранде, ходит из угла в угол. Вперед-назад. Вперед-назад. У него шевелятся губы. Он разговаривает сам с собой и выглядит каким-то напряженным и обезумевшим. Я подхожу ближе, и через стеклянную дверь до меня доносится его бурчанье.

«Тебе не нужно. Ты не хочешь. Тебе не нужно. Ты не хочешь».

Я в недоумении открываю дверь.

— Густов. Все нормально?

Он вздрагивает и поднимает голову, но ничего не говорит. Густов выглядит суетливым. Он никогда не суетится. А в последние дни расслаблен и довольно спокоен.

Густов останавливается и кладет руки на бедра. А потом делает глубокий вдох и опускает подбородок.

— Я бросил курить несколько недель назад.

— Это просто отлично.

Он бросает на меня немного раздраженный и беспомощный взгляд.

— Ничего отличного в этом нет. Я хочу курить. Очень хочу. — И он снова начинает ходить из угла в угол.

— Может быть, тебе просто нужна оральная стимуляция. — Как только я произношу эти слова, то понимаю, как они прозвучали. Очень грязно.

Хождение мгновенно прекращается и теперь Густов ухмыляясь смотрит на меня.

— Боже. Ты только что сказала то, о чем я подумал? И когда это наш разговор перешел на оральный секс?

Ну, по крайней мере, я оторвала его от мыслей о курении. Мои щеки начинают гореть.

— Жвачка. Зубочистки. *Такой* способ оральной стимуляции. Вроде заменителя. Когда я бросала курить, то жевала много жвачки. Знаю, звучит глупо, но мне помогло. У меня есть немного в сумочке. Я дам тебе пластинку.

Когда я возвращаюсь, он берет ее, разворачивает и бросает в рот.

— Спасибо. Хотя, если она не содержит огромного количества никотина, не думаю, что

это мне поможет.

— Жуй, дорогуша.

Он качает головой, но продолжает улыбаться.

— Вот значит, как?

Я киваю головой и начинаю спускаться по ступенькам к пляжу.

— Именно так. Если я смогла, то и ты тоже.

— Я не смогу этого сделать! — вопит мне вслед Густов.

— Сможешь! — кричу в ответ я.

(Гас)

После ухода Нетерпюхи я немного успокоился, так же, как и мое желание покурить. Не думаю, что за это стоит благодарить жвачку, но тем не менее я смог вернуться в постель и проспять еще несколько часов вместе со Свиными ребрышками.

Около полудня я открываю дверь своей спальни и обнаруживаю пару дюжин упаковок жвачки на полу — всех возможных производителей и вкусов. На одну из них приклеен стикер.

Жуй. J

Да это чертово улыбающееся лицо насмехается надо мной.

— Жуй, — повторяю я. А потом приклеиваю стикер на зеркало в ванной комнате в качестве напоминания.

Среда, 13 декабря (Гас)

— Привет, засранец. Как дела?

— Тащи свою задницу ко мне. Я написал шестнадцать новых песен.

На другом конце трубки наступает длинная пауза, а потом раздается:

— Серьезно?

Я киваю головой, хотя он меня и не видит.

— Серьезно.

Еще одна длинная пауза.

— Буду через десять минут.

Десять минут спустя я стою на подъездной дорожке и мечтаю о сигарете, но главное — не куря, потому что, черт возьми, решительно настроен покончить с этим дерьмом. Наконец, подъезжает Франко. Он выходит из машины с огромной, даже по стандартам Франко, улыбкой на лице. На его шее висят наушники, в задний карман засунута пара барабанных палочек, а в руках он несет упаковку «Модело».

— Вижу, ты принес ланч, — говорю я, показывая на пиво.

— Мне больше нравится называть это вдохновением, — отвечает Франко.

Честно сказать, он и правда чертовски креативен, когда выпьет.

Франко знает, что обработка и настройка, которая сейчас будет происходить — это моя и его работа. Раньше я полагался на Опти. Он знает, что это большая ответственность, но Франко слышит музыку сердцем и тащится от нее. И сейчас он очень нужен мне.

По пути в комнату, мы останавливаемся на кухне. Франко хватает со стола контейнер с печеньями, которые приготовила Нетерпюха и два апельсина, а потом кладет все это на коробку с пивом и продолжает идти.

Я смотрю на смесь различных вкусов, которую он тащит.

— Что такое, чувак? — спрашивает он.

— Это, черт возьми, отвратительно. Ты серьезно собираешься есть апельсины с печеньем и запивать их пивом?

Франко даже бровью не ведет.

— Ага.

— Чувак, это ужасное сочетание. Как зубная паста и апельсиновый сок.

— Да ну на... Печенье Скаут сочетается со всем.

— Уверен, что не хочешь молока? Мне нравится макать в него печенье, — говорю я, открывая шкаф и доставая стакан.

Он смеется.

— Ты такая на хрен рок-звезда. — Это самая настоящая издевка, но посмотрев, как я наливаю в высокий стакан холодное молоко, Франко, прочистив горло говорит: «Налей и мне тоже».

— Ты такая на хрен рок-звезда, — повернувшись, смеюсь я. А потом открываю шкафчик рядом с холодильником и достаю трубочки. — Тебе какую, гнущуюся?

Его лицо озаряется при виде белых и голубых пластиковых трубочек. А потом также быстро становится обратно равнодушным, потому что воодушевляться из-за трубочек — это слишком для такого взрослого мужчины. Франко снова прочищает горло и говорит:

— Конечно. Если только ты тоже возьмешь.

Я вставляю в стаканы по трубочке и сгибаю их.

— Да... Гнущиеся трубочки — это отстой, чувак.

Как только я отдаю ему молоко, он сразу же начинает пить через нее. А потом на его лице расплывается самодовольная улыбка.

— Гнущиеся трубочки — это отстой. Так что давай приступим к тому, чем занимаются рок-звезды.

Следующие восемнадцать часов мы с головой уходим в дела. К тому моменту, как мы заканчиваем, солнце успевает сесть и взойти вновь. Пиво закончилось. Песни стали лучше, чем были. Франко счастлив.

Мне нравится, когда он счастлив.

Он всегда честен со мной, поэтому его воодушевление для меня как одобрение.

Это означает, что мы на пути к чему-то интересному.

Мне становится так легко. Практически год я жил под гнетом собственного разочарования, сомнений и равнодушия. Знаю, рано еще вздыхать спокойно: теперь нужно сыграть все песни для остальных членов группы и МДИЖ. Но сейчас это внезапно перестало быть тяжким бременем. Я снова чувствую себя Гасом.

Когда Франко уезжает, и я остаюсь дома один, то хватаю маркер, пишу записку и приклеиваю ее на дверь Нетерпюхе перед тем, как отправиться спать.

Песни закончены. Я бы не смог сделать этого без тебя. Спасибо.

Четверг, 14 декабря (Гас)

Открыв дверь, я вижу две записки. Длинные сообщения, которые вызывают у меня улыбку.

Я ничего не делала. Только слушала. И все. А вот ты заставил меня чувство вать.

Чувствовать сильнее, чем когда-либо. Я чувствовала счастье, грусть, страх и злость, но больше всего — надежду. Еще никогда для меня не было такой честью кого-то подслушивать.

Я не нуждаюсь в похвале. Никогда не нуждался. Мне всегда больше нравилось просто отдаваться творчеству и делать все, что в моих силах.

Но ее записка? Я бы играл для нее каждый день, чтобы снова и снова слышать эти слова. Чтобы заставлять ее чувствовать надежду.

Суббота, 16 декабря (Гас)

Я громко стучусь, приоткрываю дверь в спальню Нетерпюхи и кричу:

— Кукареку! Пора вставать.

— Чего тебе надо? — хрипло отвечает она. — Петухам вход запрещен. Проваливай.

Приоткрываю дверь пошире и просовываю в проем голову, чтобы убедиться, что Нетерпюха укрыта одеялом, и я не стану причиной ее смущения.

— Нифига. Кое — кто покупает сегодня машину. И имя этого человека Скаут Маккензи. — Делаю резкий вдох, притворяясь изумленным. — Какое совпадение, ведь это ты.

Она открывает глаза и смотрит на будильник на прикроватной тумбочке.

— В полвосьмого утра?

Я киваю и улыбаюсь.

— Ага. Хватит пререкаться, подруга. Тащи свой зад в душ. Сегодня ты не идешь на пробежку. Я нашел машину в Карлсбаде. Скоро выезжаем. Заедет Франко и подбросит нас. Я иду будить Пакса.

Честно признаться, я вообще не спал ночью, потому что был слишком возбужден.

— Ненавижу тебя, — рычит Нетерпюха. Не буду лгать, это прозвучало довольно сексуально, особенно учитывая то, что она улыбалась, когда говорила это.

— Знаю. Поторопись, ленивая задница. — Я выхожу и сразу же закрываю дверь, так как знаю, что Нетерпюха не станет выползать из — под одеяла при мне. К тому же, не хочу слышать ее остроумные реплики. Ладно, кого я обманываю. Я *хочу* услышать ее ответ, поэтому снова приоткрываю дверь.

— Compliments тебе не помогут, еще *более ленивая* задница. — После этого, не дожидаясь продолжения оскорблений, ухожу.

Вскоре мы выезжаем. Франко направляется к Джейми и Робби и «выкидывает» нас возле офиса автодилера. Нетерпюха, Пакс, да и сам Франко кажутся немного сонными, поэтому мы не особо разговариваем, что вполне меня устраивает. Вместо этого в машине играет новый альбом, который я загрузил вчера ночью. «Королевская кровь».

Парни необычайно хороши. Бас — гитара, барабаны, идеальный саундтрек — замечательное начало великолепного дня.

У Нетерпюхи и Пакса есть водительские удостоверения, но никогда не было машины. Паксу она была не нужна в интернате в Бостоне, а Нетерпюха всегда проживала в городе, где общественный транспорт был самым быстрым способом добраться до места назначения. Здесь, в Южной Калифорнии, машина просто необходима. Нетерпюха довольно долго копила деньги и теперь собирается потратить на нее восемь тысяч. Она неделями рыскала в интернете и изучала различные модели. Наверное, боялась «дернуть за курок», потому что

страшилась самого процесса покупки. Вчера, пока они были кто в школе, а кто на работе, я съездил в Карлсбад к дилеру «Хонды» и посмотрел несколько машин. Скажем так, какая — то часть денег уже на руках у посредника. Но она об этом не знает. Надеюсь, мой нелепый план пройдет без сучка и задоринки, иначе нам придется добираться до дома пешком.

Донован, продавец, довольно прикольный чувак для своей профессии. Я думал, что они все придурки, но мы отлично поладили. Когда вся наша компания входит, он уже ожидает нас.

Покончив со знакомством, Донован ведет нас к лоту, который я попросил его придержать. Нетерпюха ведет машину. Ей это нравится. Я вижу. Она не из тех, кому легко вскружить голову, но все пятнадцать минут тест — драйва непрерывно улыбается.

Нетерпюха говорит Доновану, что ей нравится машина, и она хотела бы обсудить цену. Мы направляемся в офис продаж. По дороге парень вопросительно смотрит на меня, и я киваю. Вчера мы уже проработали с ним этот сценарий. Когда мы набиваемся в крошечный офис, Донован поворачивается к Нетерпюхе.

— Ну что ж, за эту модель мы хотим девять тысяч.

Она выглядит озадаченной и, поразмышляв с минуту, все-таки вежливо произносит: «Извините, не оставите ли вы нас на секунду?»

После того, как Донован выходит, Нетерпюха прищуривается. Они ничего не понимает.

— Здесь, должно быть, что-то не так. — Конечно, она скептически настроена. — Судя по ценам в интернете, эта машина должна стоить как минимум пятнадцать тысяч.

Я пожимаю плечами и показываю на рекламные вывески, развешенные по всему офису.

— У них распродажа. Думаю, у тебя просто удачный день. К тому же, он сказал, что эта подержанная машина проверена на технические неисправности и идет с двухлетней гарантией. Если она тебе нравится, то ты счастливица.

Нетерпюха делает глубокий вдох и смотрит на меня — на Пакса и обратно. Она хочет ее. Очень. Она начинает пожевывать нижнюю губу, обдумывая свое решение.

— Я не знаю, что делать. У меня только восемь тысяч, на все, включая сборы и налоги. Не уверена, что стоит начинать переговоры.

Я снова пожимаю плечами.

— Не знаю, что и сказать тебе. Я купил свой пикап в шестнадцать лет у парня на пляже за две штуки и несколько уроков по серфингу. Но думаю, если ты попробуешь испытать удачу и расскажешь Доновану все, как есть, то он ответит либо «да», либо «нет». И ты поедешь домой либо на машине, либо нет.

Нетерпюха кивает головой. И, даже не мигая, усиленно размышляет над моими словами.

— Я очень хочу ее.

Я улыбаюсь, потому что то, как она это говорит, выглядит невероятно мило. Мило, но очень убедительно.

— Я знаю.

— Ну что ж, сделаем это. — Она поворачивается и машет через стекло Доновану.

Нетерпюха излагает свое предложение, как самая настоящая предпринимательница.

Продавец уходит посоветоваться с менеджером, но я подозреваю, что он просто побежал в туалет. Парень возвращается с бумажкой, на которой нацарапаны какие — то цифры. Эта процедура кажется знакомой — то же самое было и вчера.

Они принимают ее предложение.

Она на седьмом небе от счастья.

Мы все направляемся в бухгалтерию, как делал вчера и я. Нетерпюха подписывает бумаги.

Когда с этим покончено ей вручают ключи, и она сжимает их так, как будто они представляют собой нечто священное. Всю дорогу до парковки Нетерпюха, не отрываясь смотрит на них. Мы подходим к машине, она, поднимает на меня взгляд и улыбается. Я бы все отдал, чтобы остановить время и любоваться выражением ее лица.

В нем отражается куча всего: уверенность, удовлетворение, гордость и абсолютная радость. Нетерпюха открывает рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого просто крепко обнимает меня. Это ее спасибо. Миллион и одно спасибо.

Она не имеет понятия, что ее машина на самом деле стоит пятнадцать тысяч долларов. И то, что я оплатил половину вчера.

И никогда об этом не узнает.

Я заработал кучу денег на первом альбоме, и большая их часть так и лежит на моем счету. Мне многого не надо; предпочитаю делиться ими с людьми, которые мне не безразличны.

Прямо сейчас Нетерпюха ужасно счастлива и горда собой. Она отлично провела переговоры, даже если все было и подстроено. И не смущалась, сконцентрировавшись на задаче. Думаю, что ее постоянно беспокоит собственная внешность. Иногда эти переживания стоят на первом плане, а иногда на последнем. Но сегодня их не было. Она не пряталась. И это было восхитительно.

— Чур я на переднем сиденье, — выкрикивает Пакс.

Я засовываю руку в карман, достаю ключи и бросаю ему.

Он ловит и вопросительно смотрит на них.

Я еду на переднем сиденье, а ты за рулем, чувак, — отвечаю ему я.

Скаут качает головой.

— Ты никогда не ездил с ним, Густов. Он не поедет за рулем моей машины.

Я улыбаюсь и подначиваю ее.

— Ты такая жадина — говядина. Серьезно, ну не может же он быть настолько плох?

Нетерпюха не обижается на мои слова, но теперь уже не качает головой, а кивает.

— Может.

— Ничего, что я тут. И слышу вас, — тыча в себя пальцем, восклицает Пакс. Это напоминание, что если она не обижена, то он — «да».

— Ну что ж, чувак, тогда постарайся не убить меня. Или не угробить машину.

С этими словами я показываю на автомобиль, припаркованный рядом с приобретением Нетерпюхи. Ему пятнадцать лет, и он проехал чертову кучу миль, но все еще в хорошем состоянии. Теперь он принадлежит Паксу. Я купил его вчера.

— Он твой. Назовем это подарком на день рождения, которое будет завтра.

Пакс выглядит ошеломленным.

Нетерпюха тоже ошеломлена.

Эти мгновения бесценны.

Мне нравится делать людям приятные вещи. И это не обязательно должен быть широкий жест, потому что, давайте посмотрим правде в глаза, машина — все-таки немного слишком. Просто что-то милое. Это напоминает о том, что мы все являемся участниками игры под названием жизнь. Все возвращается на круги своя... ты даешь... ты получаешь.

Я дал.

А теперь, глядя на них, получаю обратно в десять раз больше — их радость и счастье.

Наступает черед Пакса обнимать меня.

А потом Нетерпюха сжимает в объятиях нас обоих.

Мы стоим и практически поем гребаную «Кумбайя [17]».

Я сажусь рядом с Паксом, пристегиваюсь и мы едем домой.

Скаут была абсолютно права. Паксу не мешает подучиться сигналить, перестраиваться, останавливаться, да и просто вести машину по прямой. Я не религиозен, но за время поездки помолился раз двадцать.

Когда Пакс заходит в дом, мы с Нетерпюхой остаемся на улице.

— Ты права. Он ужасен. У него вообще нет представления о дистанции. Чувак сидит на хвосте у впереди едущей машины так, как будто она его буксирует. Я, наверное, стер на хрен, воображаемую педаль тормоза на пассажирском сиденье.

— Я же говорила, — ухмыляется она.

— Нужно пожевать жвачку. У меня расшатаны нервы.

Среда, 20 декабря (Скаут)

— Они даже не позвонили, Скаут. Сегодня мой день рождения, а они не смогли взять в руки чертову трубку. — В его голосе слышится такая досада, как будто он дрейфует в море разочарования.

Я согласно киваю головой, пытаюсь решить, стоит ли ему сейчас рассказывать о матери.

Но он снова начинает говорить, сбивая меня с мыслей.

— Хотя, тут нечему удивляться. Уверен, мама опять пьяна, а отец занят.

Именно в этот момент я и принимаю решение.

— Пакстон, Джейн сейчас в реабилитационном центре.

Он сидит на кровати практически спиной ко мне, но услышав эти слова, начинает поворачиваться. Его движения очень медленные, как будто Пакстон пытается осознать, правильно ли расслышал меня. Он недоуменно сводит брови, но в глазах проблескивает надежда — выражение, которое находится в противоречии с самим собой. Как будто ему только что вручили давно желанный подарок, но если «дернуть за чеку», то он запросто взлетит на воздух.

— В реабилитационном центре?

— Да. Она попросила принять ее туда около двух месяцев назад. Как я поняла, Джейн не может вступать в контакт ни с кем за пределами клиники, пока не закончит программу. Ей осталось еще две-три недели. — Как же мне не хочется рассказывать об этом Пакстону. Он ведь упадет духом, если она не закончит лечение. Мой папа — алкоголик со стажем; поэтому я знаю, каково это оказаться на его месте. Лично я никогда не позволяла себе надеяться.

Он опускает глаза, а потом поднимает, но в них уже нет надежды.

— В ней недостаточно силы воли. Она никогда этого не сделает, — качая головой, произносит Пакстон.

У меня сжимается сердце.

— Иногда вопрос не в силе воли, Пакстон. Алкоголизм — это болезнь.

— Только не начинай, Скаут. Я знаю, что ты тоже жила с этим, но она предпочитает

просыпаться каждый день и пить. Она предпочитает это мне. Каждый гребаный день. — Он делает глубокий вдох. Такое ощущение, что чувство радости, которое преследовало его последние несколько недель, утекает прямо на моих глазах.

Я знаю, каково ему сейчас. Алкоголизм моего отца — вот почему я не жила с ним с одиннадцати лет. Именно по этой причине дядя Джим решил, что будет лучше, если я перееду к нему и Джейн. Вот что я могу сказать об алкоголизме. Он бывает разным.

Если Джейн использует спиртное, чтобы заглушить чувство неполноценности и депрессию, то мой отец был любителем вечеринок. Он использовал эту болезнь, чтобы стать тем, кем хотел. Таким, каким его хотели видеть другие люди. Но проблема в том, что и трезвым папа начал забывать, кто он есть на самом деле и просто вел как пьяная версия самого себя. Когда это произошло, я больше никогда не видела «настоящего» отца. Его не было. Пьяный папа продолжал жить жизнью и желаниями других людей и перестал быть родителем. Но это совсем не значит, что он совершенно забыл обо мне. Мы все еще общаемся с ним где-то раз в год. Любит ли он меня? Конечно. Показывает ли он это? Нет. Но такова жизнь. И я это приняла.

А Пакстон нет. Я не говорю, что он должен. Ему всего восемнадцать. Депрессия Джейн связывает ее по рукам и ногам. Добавить к этому алкоголь и как результат мы имеем чувство обиды у Пакстона.

Его глаза наполняются слезами. Ненавижу эту часть. Меня убивает его плач. Я слишком часто это видела. У Пакстона очень доброе сердце и наблюдать за тем, как оно постоянно разбивается невероятно тяжело.

— Иди сюда, — тихо говорю я.

Я сижу на кровати, опираясь о спинку. Он подползает и, к тому моменту как обнимает меня руками, уже рыдает. Я держу его, давая выплакаться, и молюсь Богу, чтобы Джейн помогла себе, и мне больше не пришлось видеть, как плачет этот милый мальчик.

Когда он успокаивается и уже просто прижимается щекой к моему плечу, я спрашиваю:

— Тебе понравился день рождения? Я имею в виду до всего этого? — Ему нужно сосредоточиться на чем-то позитивном.

Пакстон шмыгает носом пару раз, а потом отвечает:

— Не знаю. Капкейки были *очень* хороши. — Он слегка приподнимает голову, чтобы посмотреть на меня и быстро извиняется: «Без обид, Скаут, ты делаешь отличные торты.

— Соглашусь, капкейки Одри были куда вкуснее, чем мой торт.

Пакстон улыбается и возвращает голову на мое плечо.

— Думаю, мне больше всего понравилось проводить время с тобой, Гасом и Одри. Я почувствовал, как будто мы — настоящая семья. Знаю, восемнадцатилетний парень не должен приходить в возбуждение от барбекю, просмотра любимого фильма и поедания капкейков, но я... пришел. Вы все просто хотели, чтобы сегодня я был счастлив.

— Конечно же, мы хотим, чтобы ты был счастлив, Пакстон.

— Я знаю, что ты всегда этого хочешь, но они не обязаны. Тем не менее делают. И не только в день рождения. Они делают это каждый день, Скаут. Мне нравится тут. Почему ты не встретила Одри и Гаса десять лет назад?

— Потому что мне было четырнадцать. И я еще не была готова работать, — смеюсь я.

Пакстон тоже улыбается.

— Думаю, что да. — Несколько секунд он молчит, а потом произносит: «Я рад, что у тебя ничего не вышло с тем придурком».

— Почему ты так говоришь? — Я знаю, что он всегда недолюбливал Майкла, хотя и встречал его всего лишь один раз.

— Потому что существует человек, который идеально подходит тебе. Ты просто пока еще не поняла этого.

— Думаешь, я когда-нибудь встречу *того самого*? — улыбаясь, интересуюсь я.

— Думаю, ты уже встретила его.

Он говорит о Гасе. Я знаю.

Но в ответ просто молчу.

Пятница, 22 декабря (Гас)

— Неужели, это *Джо*, владелец знаменитого бара «У Джо»?

— Привет, неужели, это Густов, *знаменитая на весь мир рок — легенда Хоторн*?

— Не-е, просто Гас. Я сейчас покупаю продукты в магазине — самое легендарное из моих занятий в эти дни. — Я толкаю тележку вдоль полок с кашей и пытаюсь выбрать между «Фрути Пиблс» и «Кэптен Кранч».

Он смеется.

— Я тебя не задержу. Знаю, «Рук» теперь большая знаменитость и переросла мой бар, но группа, которая должна была играть в канун Нового года, кинула меня. Вот я и хотел спросить, не согласитесь ли вы парни заменить ее? Мне нужно обсудить этот вопрос с вашим агентом или как? Понимаю, вы можете просто сказать мне «отвали», но я скучаю по вашим выступлениям.

Вначале меня охватывает страх, но тем не менее я спрашиваю: «На следующей неделе?»

— Ага. Знаю, что звоню в последний момент, но так уж получилось, брат.

А потом я неожиданно для себя говорю:

— Мы придём. — Как я мог согласиться? Играть в своей спальне — это совершенно другое. Не знаю, готов ли я снова встретиться со зрителями.

— Правда? — шокировано восклицает он.

— Угу, только позвоню и поинтересуюсь у парней, но не думаю, что это будет проблемой. Я тебя чуть позже наберу.

— Хорошо. Буду ждать.

— Пока.

Я отсылаю сообщение Франко, Робби и Джейми. Они все мгновенно отвечают, что означает — парням нравится эта идея. Так же, как теперь и мне.

Перезваниваю Джо.

— Мы согласны, чувак. Во сколько нам надо быть?

— Можете начать в одиннадцать.

— Отлично. Увидимся в субботу.

Как только я кладу трубку, меня охватывает возбуждение. Надеюсь, это хорошая идея.

Суббота, 23 декабря (Гас)

В кармане начинает звонить телефон. Увидев имя на экране, я улыбаюсь.

— И кто это у нас тут такой? Неужели, племенной жеребец с холодного севера?

Келлер смеется на другом конце трубки, а потом отвечает:

— Не-е, мужик, не жеребец. Как насчет папочки? Шлем тебе поздравления с холодного заснеженного Гранта, что в Миннесоте.

Я ни разу не размышлял о погоде в Калифорнии, потому что она одинакова круглый год, но всегда поражался экстремальным изменениям, которые происходят в других районах страны. Нет, мне никогда не хотелось прочувствовать их на своей шкуре. Просто это так захватывающе.

— У вас как, холодно?

— Да, сегодня немного прохладно. Вчера было минус двадцать. Не думаю, что нас ожидает потепление.

— Это все равно, что жить в Заполярье, чувак.

— Единственным минусом в такой погоде является то, что Стелла не может гулять. В последнее время она превратилась в машину по производству снеговиков. А еще представляет себя ледяной принцессой из одного из ее фильмов и пока не споет все песни — не успокоится.

— Мисс Стелла замечательная певица. Она прирожденный исполнитель. — Так оно и есть. В ней больше индивидуальности и харизмы, чем в большинстве взрослых.

— Говорит, что хочет петь, как Кейти. Я не против, но, черт возьми, нужно купить ей другой фильм, потому что эти песни уже даже сняты мне. Они преследуют меня. Я не могу от них избавиться. — Келлер хихикает, а я улыбаюсь. Он, наверное, стал бы слушать эти песни каждый день до конца жизни, если это сделает его маленькую девочку счастливой. Именно это мне больше всего нравится в Келлере; он всегда ставит интересы других превыше своих.

— Что еще интересного у Стеллы?

— Готовимся к Рождеству. Малышка увлеклась поделками из цветной бумаги, блесток и клея, так что вся свободная поверхность в квартире украшена сверкающими оленями, колокольчиками, омелой, деревьями и т. д. Убеждает меня, что она тут не при чем, но как-то подозрительно, почему у мисс Хиггинс блестит раковина. Стелла обвиняет в этом безобразии эльфов, которые, судя по всему, приходят ночью, когда мы спим. Признаться, я предпочитаю верить этой истории, если уж ей так хочется, чтобы это было правдой.

— Стелла обсыпала блестками черепаху?

— Ага. Боюсь, что ей припишут жестокое отношение с животными, поэтому никому об этом не рассказываю.

— Обещаю, я — нем, как рыба. Не хочу, чтобы Стелла провела Рождество в сером бетонном мотеле и в оранжевом комбинезоне. Ты летишь в Чикаго на праздник?

— Нет. Вообще-то, завтра к нам приезжает отец, и мы проведем несколько дней вместе. А на Рождество собираемся к родителям Шел. Дунк готовился несколько месяцев и, наконец, собирается сделать ей предложение. Мне не терпится увидеть выражение ее лица. — Судя по голосу, Келлер счастлив.

— Отличная новость, чувак. Они реально хорошие люди.

— Так оно и есть, — отвечает он. — Это еще одна черта, которая мне нравится в Келлере. Он искренне желает лучшего для других. — А как насчет тебя? Чем будешь заниматься на Рождество?

— Ну, мы будем зависать на фазенде с Паксом и Скаут. Я познакомлю их с традицией есть булочки с корицей на пляже рано утром.

— Знаешь, Стелла поинтересовалась у меня, не сделаю ли я булочки с корицей на

Рождество. Она помнит, как их готовила Кейти в прошлом году.

— И ты собираешься?

— Естественно. Я, конечно, не повар, поэтому купил их в магазине вчера вечером. Их просто нужно бросить на противень и запечь. Они определенно не будут таким вкусными, как домашние, но явно намного лучше, чем мои.

— Ты отличный отец, чувак.

— Я стараюсь. Ну что ж, урок балета у Стеллы вот-вот закончится, так что пора прощаться. Я просто позвонил, чтобы пожелать тебе счастливого Рождества. Если не затруднит, передай поздравление и Одри.

— Не вопрос. Тебе и твоей маленькой ледяной принцессе тоже счастливого Рождества.

— Спасибо. Пока, Гас

— Созвонимся, Келлер.

И вот... всего один звонок сделал мое Рождество. Он помог мне осознать то, что я и так уже знал: твоя жизнь напрямую зависит от людей.

Пока не забыл, захожу на «Амазон» и отправляю в корзину все фильмы, которые любила смотреть Грейси. Их, наверное, с десятков. Также добавляю несколько новейших диснеевских саундтреков на CD и маленький фиолетовый проигрыватель для Келлера. Ну а потом оплачиваю экспресс-доставку, чтобы все это было получено в Гранте завтра.

Воскресенье, 24 декабря (Скаут)

Одри упоминала вчера о госте не из города, который приедет сегодня. Поэтому я не удивлена, когда, возвращаясь с утренней пробежки, обнаруживаю на подъездной дорожке такси.

Водитель достает из багажника чемодан, а высокий, видный мужчина среднего возраста вытаскивает из кармана несколько купюр. Они благодарят друг друга, и гость направляется к входной двери, волоча за собой багаж.

Подойдя к ней, он поднимает руку, чтобы постучать, но я кричу:

— Не стоит. Вы, должно быть, друг Одри. — Я вся потная и тяжело дышу, поэтому не приближаюсь к нему слишком близко.

Мужчина разворачивается и довольно официально произносит:

— Так оно и есть, мисс. — У него иностранный акцент, возможно восточно-европейский.

Я подхожу поближе и протягиваю ему руку, а он в ответ свою. Худые, невероятно длинные пальцы крепко сжимают мою ладонь. Так делают те, кому часто приходится здороваться. Профессионально, но в то же время дружелюбно. Его сердечность успокаивает меня. Обычно я очень нервничаю, когда знакоюсь с новыми людьми.

— Привет. Меня зовут Скаут Маккензи. Я помощница Одри, — прочистив горло говорю я.

На его лице расцветает улыбка, а в уголках глаз появляются морщинки.

— А, Скаут. Ну конечно. Я так много о тебе слышал. — Наверное, у меня на лице появляется беспокойство, потому что он быстро добавляет: — Только хорошее, моя дорогая. Только хорошее.

Я не могу не улыбнуться в ответ. Не знаю, то ли это акцент, то ли сам мужчина настолько очарователен, но я чувствую себя вдвойне польщенной его комплиментом.

— Ну что ж, заходите, ...

— Густов. — Он представляется, и я замираю.

Густов? Не такое уж распространенное имя. Интересно, это совпадение?

Заметив, мое замешательство, мужчина довольно смеется.

— Я отец Гаса.

И все сразу становится на свои места. Это — Густов, а Гас — это Гас.

— Приятно познакомиться с вами, Густов, — произношу я, одновременно пристально разглядывая его. Мне всегда казалось, что Густов, простите, Гас похож на Одри. Они оба высокие со светлыми волосами, одинаковыми носами и губами. А их внушительный вид, смягчен ни с чем несравнимой добротой. Но глядя на этого мужчину, я вижу глубокие темно — коричневые глаза Гаса, его строение лица, рост, крепкое телосложение и то же самое дружелюбие, которое сверхъестественным образом может расслабить любого человека.

Мы заходим в дом. Густов снимает твидовый пиджак и бросает его на чемодан, который он поставил возле стены. Как только я открываю рот, чтобы сказать ему, что собираюсь поискать Одри, из-за угла выходит она.

Густов! Так приятно видеть тебя! — расцветая в улыбке, восклицает мама Гаса.

— Моя Одри. Ну иди же сюда. — В его взгляде такая теплота и любовь, какая может предназначаться только кому-то очень близкому. Тому, кем дорожишь.

Когда они начинают обниматься, меня осеняет: если он отец Гаса, значит — бывший парень или муж Одри? Как-то это странно. Но потом становится еще загадочнее, когда входит Гас и говорит:

— О, донор спермы появился. Как дела, маэстро? Как прошел полет из Бинтауна[18]? — Теперь он тоже улыбается во весь рот.

Три человека.

Семья.

Обмениваются объятиями и улыбками.

Наверное, мне нужно выйти из комнаты, а не пялиться на них. Моя семья определенно не «традиционная» и у нас в шкафу куча скелетов, но Одри и Гас казались такими нормальными. Идеальными, несмотря на отсутствие отца и мужа. Я всегда думала, что им просто не нужен другой мужчина в доме, потому что они вдвоем идеально дополняют друг друга, а сам Гас, должно быть, — результат непорочного зачатия.

Начинаю продвигаться на выход, но меня останавливает Гас.

— Не хочешь позавтракать с нами? Пакс тоже идет.

— Мне нужно принять душ.

— Рад, что мне не пришлось говорить тебе об этом, — подмигивает он.

— Гас, — улыбаясь и качая головой, одергивает его Густов.

— Я просто говорю, как есть. Она любит бегать. Большой выброс энергии всегда приводит к выделению большого количества пота. — Он поворачивается ко мне. — Сколько миль ты пробежала сегодня, Нетерпюха?

— Двенадцать, — отвечаю я, чувствуя, как от такого внимания к лицу приливает краска.

Гас удивленно поднимает брови, а потом ухмыляется и шепчет одними губами, обозначая одновременно и свое одобрение, и шок:

— Ни хрена себе.

А потом произносит уже вслух:

— Вот видишь? Она пробежала утром половину марафона. Это кого хочешь заставит

вспотеть.

Я не могу сдерживать улыбку и принимаю приглашение.

— Конечно, я пойду с вами позавтракать. Дайте мне двадцать минут.

В кафе, за яичницей и кофе я узнаю всю историю. Густов переехал с семьей из Украины в Сан-Диего, когда ему было тринадцать. Они с Одри посещали одну музыкальную академию и быстро стали друзьями. Сначала их объединила любовь к музыке, Одри играла на пианино, а Густов — на скрипке, но потом появились и другие общие интересы, которые только укрепили их отношения. Когда они выпустились, мама Гаса решила оставить музыку и поступила в Университет Сан-Диего, где и получила степень по маркетингу. Густов же закончил Джульярдскую школу и начал успешную карьеру в Бостонской филармонии. Сейчас он уже дирижер. Всю свою взрослую жизнь они оставались лучшими друзьями. Когда Одри решила завести ребенка, то обратилась к Густову. Мама Гаса из тех людей, которые знают, чего хотят и тот факт, что она одинока и настроена на карьеру не встал у нее на пути. Они с Густавом обсудили этот вопрос во время одного из его визитов в Сан-Диего, и он без раздумий согласился дать своей лучшей подруге то, чего она хотела больше всего в жизни — ребенка. До того, как он уехал, они договорились, что Густов вернется и сделает свой... «вклад», чтобы начать процесс экстракорпорального оплодотворения.

Слушать их историю и наблюдать за тем, как обыденно, с шутливыми замечаниями от Гаса, они рассказывают об этом, кажется очень странным.

Нетрадиционная история, рассказанная нетрадиционными людьми.

А потом до меня доходит. Может быть, не традиционность — это совсем неплохо. Может, моя семья и не должна быть идеальной. Вот как их. Ведь это работает. Даже больше. Это трио видится лишь пару раз в год. Одри сама вырастила Гаса и всегда была матерью-одиночкой, потому что именно так она и хотела. Но это не мешает Густову всем сердцем любить Гаса и наоборот. Это просто работает.

Моей благодарности тете и дяде за то, что они вырастили, меня нет предела, но я всегда чувствовала себя другой, странной. Потому что у меня не было ни мамы, ни папы. Даже просто мамы, или папы. А до переезда к родственникам, в бытность мою проживания с отцом, я была настолько юна, что едва могла вспомнить ощущение «нормальности». Хотя его и не было-то на самом деле.

Время, проведенное сегодня с этими людьми — как бесплатная терапия. Оно оставляет после себя надежду на будущее. Наверное, у меня было много таких «надежд» за все эти годы, но никогда еще я не испытывала прозрение.

У меня есть мама. Папа. Дядя и тетя. Я приняла их такими, какие они есть и не возмущаюсь по поводу их недостатков. Они есть у всех. Но я никак не могла принять того, кто мы есть *вместе* — семья. Как родители они никогда не казались мне *нормальными*. Я всегда хотела быть частью идеальной семьи. Но, может быть, таких просто нет?

Думаю, самым большим прозрением для меня стало то, насколько я люблю свою семью — всех их. Даже, если они не столь сильно любят меня, это не важно. Главное — что чувствую я. Дело в моих чувствах и понимании того, что любовь не бывает идеальной. Но если благодаря ей в твоей душе — спокойствие, то и неважно, если она немного односторонняя. Возможно, стоит расширить понятие семьи и включить в него друзей. Потому что друзья — это семья, которую выбираешь *ты*.

Понедельник, 25 декабря (Гас)

Сегодня Рождество, поэтому я проснулся рано. Это мой любимый праздник, хотя в прошлом году он прошел как-то мимо меня. Опти умирала и было не до празднования. Я только что вернулся из длинного турне. Мой мозг был в отключке. Тело было едва живое от того, что ему ежедневно приходилось выносить. В общем, Рождество было загублено.

Но сегодня совершенно другой случай. Сегодня мы собираемся праздновать.

Густов уже много лет не навещал нас в этот день.

У меня привычка выходить на свежий воздух, как только, проснусь. Даже несмотря на то, что мне уже не нужна утренняя затяжка, я следую обычному ритуалу и просто вместо сигареты жую жвачку. Когда я открываю дверь, то вижу Густова, который сидит на веранде и пьет кофе.

— С добрым утром, маэстро.

Он поворачивается ко мне и улыбается. Я люблю, когда он делает это именно так. Его улыбка всегда наполняла меня гордостью за то, что я являюсь частью его жизни.

— Гас. Доброе утро. И счастливого Рождества тебе.

— И тебе счастливого Рождества. — Я киваю на его кофе. — Вижу, ты уже приготовил себе напиток.

Он поднимает кружку и на его лице появляется шаловливая улыбка.

— Определенно. И он хорош. Тебе стоит присоединиться ко мне.

Густов всегда привозит с собой собственный кофе. Наверное, турецкий. Он настолько крепок, что мне приходится разбавлять его половиной кружки молока и тонной сахара. Я даже и не пью кофе с молоком, но это единственная возможность сделать его «употребляемым».

— Не — е, я — пас. Не понимаю, как эта хрень еще не сожрала твои внутренности.

Он смеется, а потом замолкает на несколько минут и просто любуется закатом.

— Кейт была единственной, кому нравился мой кофе.

Его слова вызывают у меня улыбку. Густов прав. Так оно и было.

— Нравился? Да она обожала его. Вы, мой друг, оказывали на нее плохое влияние.

— И почему это? — обиженно произносит он.

— Ты привил ей два порока: кофе и скрипку. — Эти две вещи всегда будут ассоциироваться у меня с ней.

— С радостью признаю свою вину, — улыбается Густов и задумчиво кивает. Эта улыбка всегда предназначалась для Опти и Грейс. Он не часто бывал у нас, когда мы росли, но если приезжал, то всегда проводил время с ними. Их отца никогда не было рядом, поэтому у Густова были особенные отношения с Опти и Грейс. — Так странно быть здесь и без них.

— Да — а.

Густов переводит на меня взгляд, и я понимаю, он собирается сказать то, что мне нужно услышать. Он всегда был мудрым, этакой «старой» душой. Думаю, именно поэтому Опти так любила его.

— У нас у всех есть свой путь. Чем старше я становлюсь, тем больше мне хотелось бы верить в то, что мое предназначение — чему-нибудь научить молодое поколение... как ты. Но чему научили меня за все эти годы Кейт, Грейси и ты, мой мальчик — тому, что я не учитель, а ученик. Вы трое — самые искренние, пылкие человеческие создания из всех, что я встречал. Ваша дружба — это что-то нереальное. — Его лицо смягчается, и он снова улыбается мне. — Ты *так* напоминаешь мне свою мать.

Я улыбаюсь, потому что это самое приятное из всего, что я слышал в жизни.

Густов кивает, признавая мою молчаливую благодарность.

— А где скрипка Кейт?

— В моей комнате. Она оставила ее мне. Наверное, тебе стоит забрать ее, ведь *ты* подарил Опти эту скрипку.

Он улыбается и качает головой.

— Может я и подарил ее ей, но ты вдохновил Кейт играть, поэтому она принадлежит тебе.

— Я хочу выставить ее в стеклянном шкафу. Что думаешь по этому поводу? — озвучиваю я идею, над которой раздумываю уже довольно давно.

— Думаю, это будет отличным мемориалом очень талантливой и милой девушке.

Вместо грусти я почему-то испытываю облегчение.

— А ты сыграешь на ней еще один раз? Сегодня? Думаю, Опти хотела бы это увидеть перед тем, как ее скрипка «уйдет на покой».

Он поднимает взгляд в небо и на его лицо возвращается улыбка, предназначенная только для Кейт.

— Почту за честь.

Несколько минут мы молчим, а потом Густов говорит:

— Я не видел, что ты куришь с тех пор, как приехал. Посмею ли я с надеждой предположить, что ты бросил?

— Бросил. Но теперь у меня другое пристрастие — жвачка. Сменил одну отвратительную привычку на другую.

— Это хорошо. И еще, Гас. Знаю, мы особо не разговаривали о твоей карьере, но я следил за вашими успехами. В основном через Одри, конечно, но также изучал отзывы об альбоме и интервью. У меня такое чувство, что ты еще не достиг своего пика, только не с твоим невероятным потенциалом. В зависимости от того, как его поощрять и развивать, можно достичь признания или потерпеть неудачу. Думаю, сейчас как раз наступает тот момент в твоей жизни, когда нужно реализовывать свои возможности. Я желаю тебе того успеха, который ты сможешь вынести. Потому что у каждого есть предел и некоторые ломаются раньше других, испорченные славой и деньгами. — На секунду на его лице появляется напряженное выражение, но потом он снова переводит взгляд на меня и нежно улыбается.

— Знаю, к тебе это не относится и надеюсь, что, ради всего святого, так оно и останется.

— И кто только что говорил про студента? — подначиваю я Густова, но его слова эхом отдаются в моей голове. Они подкрепляют мои надежды и страхи. Он прав. Он, как всегда, прав.

Ма приготовила два противня своих знаменитых булочек с корицей. Все сидят на пляже, завернувшись в одеяла, потому что возле воды прохладно. Мы с Паксом уже прикончили один противень сами, как парочка жадных дикарей. Ну а остальные доедают второй, как нормальные цивилизованные люди.

От Келлера приходит сообщение. Когда я открываю его, то вижу видеозапись, на которой они поют со Стеллой, а на столе рядом с ними стоит фиолетовый CD проигрыватель. Малышка и правда орет во все горло. Я прибавляю громкость, и мы смотрим

и слушаем их дуэт. С наших лиц не сходят улыбки, потому что то, что мы видим — это ничем не омрачённое счастье и любовь. Это то, каким и должен быть сегодняшний праздник. Закончив пение, они поздравляют меня с Рождеством и благодарят за подарки. Я не посылаю их ради благодарности, но знаю, что никогда не сотру из памяти послание Келлера и Стеллы.

Когда мы возвращаемся в дом, я иду напрямик к елке и вручаю каждому свои подарки. Это моя любимая часть праздника. Паксу достаются отличные наушники. Нетерпюха получает первое издание своей любимой книги, а Густов — бутылку обожаемого им вина. Подарок для Ма я приберегаю напоследок. Опти и Грейс обычно проводили рождественское утро с нами, потому что их мама не слишком рвалась исполнять родительские обязанности. Мы всегда обменивались самодельными сюрпризами. У девочек никогда не было денег, но им постоянно удавалось подготовить что-нибудь значимое, поэтому и мы с мамой старались делать то же самое. В этом году я собираюсь подарить ей песню: слова к ней написала Опти — не знаю, когда она только успела — а музыку сочинил я на прошлой неделе. Записал ее на пергаменте и вставил в рамку. Перед тем, как отдать подарок Ма, говорю ей, что он от Опти и меня. Она еще не открыла его, а по ее щекам уже текут слезы.

Ну что ж, день прошел не зря.

Единственное, что делает праздник еще лучше — это игра маэстро на скрипке Опти. После ужина мы все устраиваемся в гостиной, и я приношу инструмент. Ма, Нетерпюха, Пакс и я садимся на диван, а Густов размещается на стуле. Когда маэстро играет, то всегда садится на краю и кажется, что в любой момент он может неожиданно вскочить. Густов как пружина и только музыка приковывает его к месту. Он быстро настраивает инструмент и поднимает смычок. А потом начинает играть. У них у обоих был собственный стиль. У Опти и Густова. А виртуозность и грация — была общим звеном. Но свои эмоции они выражали по-разному. Опти играла всем телом, такой была ее реакция на музыку. Если бы вы надели наушники и просто смотрели, то, клянусь, все равно услышали бы, как она играет. И определенно почувствовали бы это. Маэстро — это сама энергия, в его исполнении больше силы, чем эмоций. Его игра на ее инструменте — идеальный способ закончить этот день. Это как эпилог истории ее жизни. Я, наконец, ощущаю, что Опти может покоиться с миром. Я всегда буду слышать ее музыку у себя в голове, и этого будет достаточно.

Вторник, 26 декабря (Скаут)

Я собираю обед, чтобы взять его с собой на работу, когда в кухню заходит Гас.

Он выглядит каким-то уставшим. Пакстон все еще спит, а Одри повезла Густова рано утром в аэропорт.

— Если хочешь, у меня осталось немного бананового хлеба.

Он останавливается, раздумывает с минуту, а потом кивает, как будто, наконец, принял решение.

— Давай.

Гас постоянно хочет есть, а я обожаю его кормить. Я люблю делать ему приятное, потому что он всегда мил со мной.

— Мне нравится Густов.

Гас вытаскивает из пакета три ломтика хлеба и перед тем как ответить, откусывает от одного из них.

— Маэстро хороший чувак.

У меня куча вопросов и, возможно, сейчас не самое время спрашивать, но я все же делаю попытку.

— Ты хотел бы видеться с ним чаще?

— Хм... даже не знаю. Трудно сказать. Просто все всегда было именно так. Он живет своей жизнью на Восточном побережье, а мы с Ма — здесь. Но мы часто разговариваем, и я знаю, что он будет рядом, если нужен. А наши встречи — это как праздник. В принципе, меня все устраивает.

— Судя по всему, они с Одри всегда были лучшими друзьями.

— Всегда, — с улыбкой отвечает он.

— И они любят друг друга, это вполне очевидно. Интересно, почему они никогда не встречались? — Это, конечно, не мое дело, но кажется немного странным, учитывая сколько у них общего.

Гас берет за второй кусок хлеба и отвечает с набитым ртом.

— О нет, они встречались и ходили на свидания пару раз в старшей школе.

Просто ничего не вышло.

— Почему?

Гас пожимает плечами, как будто ответ очевиден.

— Густов гей. Это не особо способствует развитию романтических отношений.

— Густов гей? — Не знаю, почему я удивлена. Ведь это просто еще один неожиданный поворот в их семейной истории.

— Ну да. Ма была первой, кому он признался. Насколько я знаю, она очень помогла ему. Думаю, то, что они прошли через все это вместе и есть причина, по которой между ними все эти годы такие близкие отношения. — Гас доедает последний кусок хлеба и идет к холодильнику за молоком. На этом его история заканчивается.

Уникальность и сострадание этой семьи с каждым разом удивляет меня все больше и больше.

Среда, 27 декабря (Гас)

Сегодня утром мы репетируем у Франко дома сет, который собираемся исполнить в канун Нового года. Первые несколько песен прозвучали ужасно. Как будто гитара не слушалась меня. Так же, как и голос. Мне казалось, что нервы пытаются придушить меня на каждом аккорде. Наверное, я сжевал целую упаковку жвачки. Написание музыки — совершенно отличается от ее исполнения. Это уж точно. Но через несколько песен я, наконец, расслабляюсь и позволяю музыке охватить себя. И все сразу встает на свои места.

Мы снова будем играть и завтра, и послезавтра... Мы будем готовы.

Воскресенье, 31 декабря (Скаут)

Я нервничаю. Мы с Пакстоном едем вместе с Гасом на выступление «Rook» в местном баре. Я намеренно не ходила на их концерты, пока мы были в туре и постоянно говорила себе, что делаю это для того, чтобы держаться подальше от «звезды». Мне хотелось иметь отношения с Гасом исключительно на деловом уровне.

Узнавать его, как исполнителя казалось слишком личным, фальшивым,

непредсказуемым. А я не хотела ничего из этого. Не хотела видеть его в таком свете, так как думала, что это настроит меня против него еще больше. Теперь, боюсь, это может иметь совершенно противоположный эффект. Время и близкое знакомство с ним полностью изменили мое мнение о нем. За последние недели, слушая как он пишет музыку и играет на гитаре, я прикипела к нему еще больше. Пытаюсь бороться с своей привязанностью, но это трудно, потому что каждый день я замечаю, что-нибудь новое в нем, в его характере и это притягивает меня еще сильнее.

— Какой песней ты собираешься закончить выступление, Гас? — возбужденно спрашивает Пакстон. — Надеюсь, это «Killing the Sun».

— Обычно так и происходит. — Кажется, он тоже нервничает.

Гас заезжает на запущенную стоянку, заставленную машинами и останавливается позади бара в месте, где черным по белому написано «НЕ ПАРКОВАТЬСЯ».

Пакстон сразу же выпрыгивает из машины и начинает доставать из кузова футляры с гитарами и усилители. Я решаю воспользоваться этим моментом для того, чтобы поговорить с Гасом.

— Эй?

Он с отсутствующим видом шарит в карманах и даже не слышит меня.

— Эй? Очнись! — Машу рукой перед его лицом, чтобы привлечь внимание.

— Да? — переводит на меня взгляд Гас.

— Ты в порядке?

— Мне нужно покурить. — Так оно и есть. Именно поэтому он проверяет карманы — пытается найти пачку сигарет, которую обычно носил с собой. Старая привычка.

— Нет, не нужно, — напоминаю я ему.

— Тогда мне нужна гребаная жвачка.

Я достаю из сумки один пластик и вручаю ему.

— На, пожуй.

— Три, — показывает пальцами он.

Я даю ему еще два; Гас мгновенно разворачивает их и забрасывает в рот.

— Не знаю, Нетерпюха. Я думал, что хочу этого, но теперь, когда мы уже здесь, не знаю, смогу ли ...

— Пакстон ждет не дождется вашего выступления. — Это единственные слова поддержки, которые, как мне кажется, могут что-то изменить. И они срабатывают.

— Да, он довольно возбужден, — искренне улыбаясь, произносит Гас.

— Это, наверное, лучший вечер в его жизни. И я на самом деле так думаю.

— А что насчет тебя?

— Я тоже с нетерпением ожидаю выступления.

— Не нужно меня обманывать. — Он не выглядит обиженным, просто хочет быть честным.

И я продолжаю, несмотря на то, что для меня это трудно

— Это правда. — Неожиданно я чувствую прилив энергии. Мне нужно заставить поверить его в то, что он может это сделать. — Я хочу увидеть, как ты играешь на гитаре. Услышать, как ты поешь. Это будет мой первый концерт «Rook». Так что порази меня, покажи себя во всей красе, рок-звезда.

— Звучит как вызов, — улыбаясь произносит Гас и подмигивает мне. — Мне нравятся вызовы.

— Правда?

На его губах вновь появляется улыбка, гораздо более сексуальная.

— Черт. Да.

Я сама себя удивляю, когда добавляю:

— И мне тоже.

— Правда? — вторит он мне.

Я киваю. Вся моя жизнь была сплошным вызовом. Но этот? Этот — другой, и я начинаю принимать его, несмотря на свои страхи.

Гас несколько секунд пристально смотрит на меня, а когда его взгляд опускается на мои губы, мне отчаянно хочется поцеловать его.

Но он отворачивается и выбирается из машины. Я думаю, что Гас собирается уйти, не закончив разговор, но он поворачивается и говорит:

— Смотри не пожалей о своих словах, Нетерпюха, потому что, как уже было сказано, я люблю вызовы. — С этими словами он захлопывает дверь и направляется к кузову, чтобы помочь Пакстону, оставляя возбужденную меня сидеть в машине.

Наверное, я попала.

Внутри бар оказывается небольшим. Гас сказал, что он вместит две сотни зрителей, но я сомневаюсь. Глядя на это место, мне кажется, что тут никогда ничего не ремонтировалось, начиная со стен из темного дерева и заканчивая порванными виниловыми седушками и потертыми шероховатыми деревянными половицами. Запах, как в пивной. Не могу представить сколько пива было разлито и выпитось в пол за годы существования бара. Это место выглядит ну очень дешево и просто удивительно, что Гас и «Rook», отыгравшие концерты в самых знаменитых зала Европы и США, начинали именно тут.

Пакстон с сияющим видом помогает группе принести и расставить оборудование. На нем одна из футболок «Rook», которую ему дал Гас. Я точно знаю, что никогда не видела его счастливее, чем сегодня. Как бы мне хотелось, чтобы это продолжалось дольше, чем всего лишь пара часов.

Со входа до меня доносятся голоса и повернувшись, я вижу, как вышибалы разворачивают у дверей целые толпы людей. Все хотят послушать как играет «Rook». Мы с Пакстоном собиралась смотреть на выступление за кулисами, но теперь он хочет быть вместе со зрителями. Поэтому, как только все установлено, мы находим себе местечко среди массы народа, который уже наводнил бар. Я чувствую себя неуютно среди всех этих людей, но сделаю все, чтобы сохранить улыбку на лице Пакстона.

Когда на сцене появляется «Rook», публика начинает реветь. Никогда не слышала ничего подобного. Это — любовь. Сумасшедшая любовь к группе. На моем лице расплывается улыбка. Пакстон прыгает на месте, кричит и хлопает. Да, я определенно никогда не видела его счастливее. И именно этого я хотела бы для него каждую минуту каждого дня.

Гас, улыбаясь подходит к микрофону и откашливается, но что-то не так. Его глаза кого-то ищут в толпе и напряжение в них совершенно не соответствует улыбке на лице.

— Привет, Сан-Диего! — выкрикивает он. — Приятно вновь побывать «У Джо»! Его взгляд продолжает блуждать по зрителям. — Сегодня мы собираемся исполнить для вас несколько песен. Но перед тем, как начнем, мне нужно, чтобы вы подождали секундочку.

Женщина рядом со сценой снимает футболку и крутит ее, как лассо, над головой. Из-за барабанной установки раздается смех Франко, а потом он показывает палочкой на дамочку и

говорит:

— Конечно, не в таком виде, но мне нравится твой энтузиазм, цыпа.

Толпа раздражается смехом, но Гас продолжает сосредоточенно кого-то выглядывать. Он не видит и не слышит того, что происходит вокруг. Его глаза методично изучают зал. Неожиданно он выкрикивает:

— Пакс, ты где?

Пакстон машет руками над головой. Обычно он смущается, если на него обращено столько внимания, но, думаю, в этом случае, возбуждение перебороло его застенчивость.

Когда Гас замечает машущие руки, он переводит взгляд на меня и, согнув палец, подзывает нас к себе.

— Я хочу, чтобы все расступились и дали пройти вперед вон той симпатичной девушке и парню в футболке «Rook».

Пакстон хватает меня за руку и начинает тащить сквозь толпу. Я задеваю плечами всех, мимо кого мы проходим. Люди пялятся на меня и обычно это было бы похоже на кошмар, но сейчас, несмотря на небольшую неуверенность, я лишь слегка покраснелась и продолжаю улыбаться. Гас только что назвал меня симпатичной. Перед всеми. Знаю, это не должно быть чем-то особенным. Красота идет изнутри и бла-бла-бла. Я знаю это. Это моя мантра. Я повторяла ее годами. Но повторять и верить — разные вещи. А когда ты растешь, не чувствуя себя симпатичной, подобные слова кажутся... чем-то очень значительным.

Мы останавливаемся прямо перед ним, напротив сцены и я, наконец, поднимаю взгляд. Гас смотрит на меня и на его губах играет самая настоящая и искренняя улыбка. Так он улыбается, после катания серфе, или играя со Свинными ребрышками, любуясь закатом или обнимая Одри. И таким он мне нравится больше всего. Я улыбаюсь ему в ответ, давая знать, что я рядом и горжусь им. А потом говорю:

— Спасибо. Ну давай, показывай на что способен.

— Вызов принят, Нетерпюха, — подмигнув мне, говорит он в микрофон.

Гас дважды проводит рукой по струнам гитары, оглядывается на Франко, кивает и... выступление начинается. Следующий час я наблюдаю за тем, как он заводит зал. Вызов и правда принят. Я в восторге от того, что мы стоим так близко к сцене. Музыка пульсирует в моем теле, а если захочу коснуться Гаса — достаточно всего лишь протянуть руку. Мои глаза изучают каждый дюйм его тела. Я нахожусь в режиме сенсорной перезагрузки.

Гас ходит по сцене и играет на гитаре, а потом останавливается возле микрофона, прямо передо мной и начинает петь. Звучание его голоса проникает в каждую клеточку моего тела. Я не слышу слов; я их чувствую. Каждую букву, каждый слог. Его голос и манера исполнения — все это захватывает и словно удерживает меня в плену. Мое сердце готово разорваться на мелкие кусочки. Боже, какой он неистовый.

И, черт возьми, это невероятно сексуально.

Вскоре я замечаю, что беззастенчиво пялюсь на его зад, каждый раз, когда он отходит от нас. Не могу поверить, что столько месяцев прожила в комнате напротив этой задницы и никогда не замечала насколько она восхитительна. Грудь, которую идеально облегает футболка, бицепсы, выпирающие из-под коротких рукавов — все это кажется совершенно новым и незнакомым.

А его руки! То, как эти пальцы подчиняют себе гитару, как заставляют ее кричать... или петь! Мое воображение просто взбесилось. Как эти руки будут ощущаться на мне? Что они могут сделать? Господи, кажется, я начинаю сходить с ума. Я думала, что у меня симпатия к

нему, но сейчас просто откровенно плююсь на выпуклость на его джинсах и фантазирую на полную катушку. Все, что я чувствую — это желание. Очень Сильное Желание. Которое требует разрядки.

Каждый раз, когда я перевожу взгляд на лицо Гаса, он смотрит на меня: греховно, игриво и столь... порочно. Это еще больше заводит толпу.

И меня.

Не знаю, сколько они играют. Вполне возможно, что уже наступило утро. Когда он снимает гитару, его футболка оказывается мокрой от пота. Он стягивает ее с себя и женщины из толпы начинают свистеть и кричать. Гас подзывает остальных членов группы к барабанной установке Франко. Пока они разговаривают толпа продолжает бурно поддерживать их. Несмотря на то, что нам не слышно, о чем они беседуют, лица у парней серьезные. Когда они, наконец, расходятся, Гас подходит к краю сцены, хватается за стул, свою акустическую гитару и возвращается к микрофону. Поправив стойку, он усаживается на стул и перед тем, как начать говорить, просто перебирает струны.

— Мы записали эту песню уже давно, но никогда не играли ее в живую. — Гас с рассеянным видом настраивает гитару и дергает плечами. Его слова звучат и как признание, и извинение. — Черт, да мы уже давно не играли даже как группа, поэтому постараемся не оплошать. Но если не справимся, то вы особо не сердитесь на нас. Хорошо? — Толпа согласно орет. Наконец, закончив с настройкой, он переводит взгляд с грифа гитары на меня и нервно улыбается. Ему нужна поддержка.

— Покажи мне на что способен! — выкрикиваю я и подбадривающе улыбаюсь ему.

— Эта песня называется «Finish me». — Он откидывает голову назад, смотрит несколько секунд в потолок, делает глубокий вдох и что-то говорит про себя. Потом его подбородок опускается, и он начинает играть. От звуков, которые Гас заставляет издавать гитару, захватывает дыхание. Мелодия мрачная, неистовая и медленная. К тому моменту, как группа подхватывает его, я уже потерялась в ней. А когда он начинает петь, я тону. Тону в глубинах эмоций, льющихся из него. Боль и любовь, чистая и безбоязненная. И я оказываюсь внутри этой бури. Я хватаюсь за Пакстона обеими руками, как будто меня пытается смыть волной. А когда музыка начинает затихать, до меня доходит. Эту песню он написал о Кейт, вот почему они не исполняли ее.

Гас *не мог* ее играть.

Но только что *сыграл*.

И это была самая прекрасная и сильная вещь, которую я слышала в жизни.

Его глаза... его глаза блестят. В них отражается облегчение. И гордость. И любовь. Столько любви, что я не могу сдержать улыбку.

Он улыбается мне в ответ и в этот момент я понимаю, что с ним все будет в порядке. Это был шаг, который ему нужно было сделать. Гас сделал его.

А самое главное — он знает это.

Толпа начинает аплодировать, наполняя помещение шумом и гамом. Гас вытирает лоб и убирает со сцены стул, а потом меняет гитару и вновь занимает место возле микрофона. Он выглядит непринужденнее, чем все то время, что я его знаю. Даже стал выше. Гас переводит взгляд на зал, внимательно осматривая лица. А потом на его лице появляется улыбка, а в глазах загорается огонь. Прикусив нижнюю губу, он поднимает взгляд вверх и говорит:

— Это было для тебя, Опти. Надеюсь, ты наблюдала за мной, маленькая засранка.

Остальная часть группы хлопает и смеется вместе с ним. Гас поворачивается, смотрит

на Франко, и я вижу, как у него поднимаются и опускаются плечи.

Аплодисменты немного стихли и мне слышно, как он говорит: «Черт, это было так круто!», а потом разворачивается к толпе и кричит им:

— У нас осталась последняя песня. И мне нужна ваша помощь. Я хочу, чтобы вы все, каждый из вас пел со мной. Начнем?

Финальная песня просто взрывает в зал. Я не знаю слов, но судя по оглушительному пению, это исключение. В течение трех минут я чувствовала себя частью чего-то огромного. И впервые понимаю, что тату Гаса имеет смысл. Потому что все, что я вижу... слышу... чувствую — это и есть жить по полной.

Гас.

«Rook».

Они живут по полной.

Выступление заканчивается, как только часы пробивают полночь.

— Спасибо за то, что пришли. — выкрикивает Гас. — Вы лучшие, черт возьми, зрители для которых я когда-либо играл. А теперь давайте праздновать. С Новым годом!

Мы с Пакстоном заказываем по кока-коле пока Гас и парни общаются со своими фанатами. Они дают автографы и фотографируются с ними около часа, а потом мы помогаем им собрать оборудование и погрузить его в машины.

Поездка домой проходит под болтовню Пакстона. Он один разговаривает всю дорогу. Я никогда еще не видела его таким оживленным и энергичным.

Дом погружен в несвойственную ему тишину. Одри сейчас в Чикаго и празднует Новый год с доктором Бэнксом. Пакстон обнимает Гаса, благодарит его в пятый или шестой ряд и уходит спать. На часах два утра. Мне следовало бы чувствовать себя уставшей, но тело и мозг пока не могут успокоиться. Если бы не было так поздно я, вероятно, сходила бы на пробежку, но вместо это предлагаю Гасу поесть.

Ему хочется жареного сыра, поэтому, пока он принимает душ, я делаю четыре сэндвича и наливаю два стакана молока. Он возвращается одетый лишь в шорты; мы садимся на кухне и начинаем есть. У меня слегка гудит в ухе и это, вероятно, раздражало бы, если бы не являлось напоминанием о том, что я только что пережила. В голове сразу же вспыхивают воспоминания о музыке, о том, что видела и чувствовала.

Гас молчит, желая отдохнуть от шумного вечера. Поэтому я даю ему это время, пока мы едим. Но как только сэндвичи заканчиваются, нарушаю тишину.

— Спасибо.

Он смотрит на меня и, дожевывая последний кусок, отвечает:

— За что?

— За Пакстона.

Гас не любитель комплиментов. Он опускает взгляд на тарелку, а на его лице расплывается застенчивая улыбка.

— Да, Пакс отлично повеселился.

— Говорю тебе, это был лучший вечер в его жизни. Поинтересуйся у него утром, и он расскажет тебе. — Даже мысль об этом вызывает у меня радость.

Гас с каким-то страхом пристально смотрит на меня.

— А как насчет тебя? Я ответил на твой вызов?

— И даже больше, — облизнув губы, нервно отвечаю я. Он сидит справа. Я никогда не

разрешаю людям сидеть с этой стороны. Так они могут видеть все мои шрамы. Я разворачиваюсь на табурете к нему.

Но не успеваю вымолвить и слова, как он кладет руки на мои колени и возвращает табурет в прежнее положение.

— Зачем ты это сделал?

— Потому что никогда не видел тебя с этой стороны. — Гас аккуратно прикасается к моей щеке, шраму и обводит его пальцем.

Несмотря на то, что я отчаянно борюсь с собой, мои глаза инстинктивно закрываются и на них появляются слезы. Опускаю подбородок и кусаю губы, пытаюсь не допустить всплеска эмоций, которые вот-вот проявятся. Когда я перестаю чувствовать его касания, то делаю глубокий вдох и открываю глаза.

Он пристально смотрит на меня и в его взгляде нет осуждения, отвращения или жалости.

— Я показал тебе сегодня другую сторону себя. Теперь твой черед, — тихо и спокойно произносит Гас.

— Наши другие стороны сильно отличаются друг от друга.

Он опускает на секунду глаза, а потом протягивает руки, хватая мои колени и разворачивает меня к себе. Я смотрю на его руки на коленях и на наши ноги, прижимающиеся друг к другу.

— Скаут, — говорит Гас, пытаюсь заставить меня поднять голову.

Скаут. В его устах это звучит как обещание. Все мое тело реагирует на это, как физически, так и эмоционально. Он внимательно изучает мое лицо и по привычке я снова отвожу взгляд.

— Посмотри на меня.

Я так и делаю, отчаянно сопротивляясь желанию отвернуться.

— Я прятался и не выступал долгое время. Прятался от этой стороны себя.

Я качаю головой, выражая несогласие с его словами.

— Что? — спрашивает он.

Я продолжаю категорически качать головой.

— Тебе не стоит прятаться. То, что я увидела сегодня... — Знаю, Гас слишком сомневается в себе, поэтому мне нужно сказать, что-нибудь убедительное. — Ты на той сцене... Господи... это было невероятно. Твой голос, музыка... даже просто твое присутствие — это все было восхитительно. Ответил ли ты на мой вызов? Черт... Да ты буквально «порвал» меня.

Гас продолжает смотреть на меня с серьезным видом. Он слегка наклоняется вперед, и я ощущаю, как воздух вокруг нас начинает электризоваться. Гас опускает взгляд на мой рот, а потом опять переводит его на глаза.

— Просто ты по-другому смотришь и видишь эту сторону. То, что ты только что описала... Это не мог быть я.

— Почему?

— Потому что я всегда сомневаюсь в своем таланте и постоянно задаю себе вопрос, есть ли он у меня вообще. Черт, да весь последний год я даже не мог написать новый альбом.

Мне хочется схватить и потрясти его за плечи, но вместо этого я сжимаю руки в кулаки.

— *Как ты можешь такое говорить?* Ты самый талантливый человек из всех, кого я встречала. И ты только что написал новый альбом.

Гас берет меня за руки и начинает аккуратно разгибать мои пальцы.

— То есть ты хочешь сказать, что я должен послать все свои сомнения на хрен, потому что все это полная ерунда? Что ты видишь меня другим?

Я пристально смотрю ему в глаза и киваю.

— Да. Именно это я и говорю.

Гас сжимает мои ладони и поднимает бровь, чтобы подчеркнуть слова, которые он еще даже не произнес.

— Так и я говорю тебе тоже самое.

Пока я думаю об услышанном, он берет меня за икры и ставит мои стопы на свои колени.

— Ты не видишь в себе женщину, которую вижу я, — произносит Гас, раздвигая мои ноги и опуская их до тех пор, пока его колени не оказываются между моими. Я пытаюсь слушать, но мое внимание разрывается между тем, что говорят его губы и тем, что делают руки. Он вновь опускает ладони на мои колени, но в этот раз медленно скользит ими в сторону бедер. Его руки продолжают свое движение, пока не обхватывают меня сзади. Гас приподнимает меня и пересаживает к себе на колени.

Мое сердце словно сошло с ума. Я и не знала, что прикосновением можно запустить в работу все пять органов чувств одновременно. Так и не поднимая глаз, концентрируюсь на ощущении его рук,двигающихся по моей спине... вверх и вниз... медленно и успокаивающе. Мои веки закрываются, но как только я погружаюсь в темноту, во мне просыпается желание. Такое желание дотронуться до него, какого я не испытывала ни разу в жизни. Кладу руки ему на грудь. На нем нет рубашки, его тело все еще теплое после душа. Мои глаза закрыты, но я чувствую, как он прижимается ко мне и начинает шептать в ухо. Так продолжается наш разговор, захватывающее сочетание слов и прикосновений.

— Я бы не смог отыграть сегодня, если бы ты не стояла рядом. У меня началась паника, я не мог найти тебя в толпе, поэтому попросил вас с Паксом пройти вперед. Я чувствую себя иначе, когда ты близко. Чувствую себя лучше, как будто смогу справиться со всем дерьмом. Не знаю почему, но ты вызываешь во мне желание снова быть Гасом. И я отлично провел сегодня время.

Эти слова... исцеление и надежда в его голосе заставляют мое сердце петь.

— Ты даже не представляешь, как я рада за тебя, — уткнувшись ему в плечо, говорю я.

— Спасибо, — продолжает шептать он. — Это все благодаря тебе. — Он вновь гладит меня по спине, потом его руки оказываются на моей шее, а большие пальцы приподнимают подбородок. Гас поворачивает мою голову влево, открывая своему взгляду шрамы, и говорит: «Я и правда думаю то, что сказал раньше». — Он целует изуродованную щеку, а я крепко зажмуриваюсь. — Ты симпатичная девушка. Красавица. — Еще один поцелуй. — В тебе, — поцелуй, — все, — поцелуй, — черт возьми, — в этот раз он целует меня в шею, — идеально.

У меня начинает кружиться голова, поэтому я открываю глаза и поворачиваю к нему голову.

(Гас)

Она смотрит на меня так, как когда я был на сцене. В ее взгляде — чистое и неприкрытое желание. И что-то еще. Она доверяет мне самую ранимую часть себя и не собирается отступать. Это невероятно сексуально.

Я не могу больше терпеть и, обхватив руками ее голову, прижимаюсь к ее губам, обвожу кончиком языка их контур.

Она проводит пальцами по моим волосам и накрывает ладонями мои уши. Все, что я теперь слышу — это биение своего сердца. Оно отражает жажду, которую я чувствую.

Отпустив губу, проталкиваю кончик языка в ее рот. Скаут уже ждет его там.

Сначала мы целуемся медленно, но несколько секунд спустя желание затмевает все и у нее во рту начинается битва. Самая сладкая дуэль в моей жизни.

— Гас? — отстраняясь от меня тихо, почти шепотом, выдыхает Скаут.

Она впервые назвала меня Гасом. Черт возьми, это как одобрение и принятие. Скаут, наконец-то, раскрывается передо мной.

— Назови меня Гасом еще раз.

— Гас, — так же шепчет она.

Мы снова целуемся перед тем, как я отвечаю ей:

— Да?

Ее бедра объявляют о намерениях Скаут в то же самое время, как она хватается меня за волосы.

— Ты мне нужен... — Эти слова звучат скорее, как признание, чем требование.

Я обрываю ее еще одним поцелуем, потому что — Господи Иисусе — в этом хриплом голосе звучит робкое признание. Он сводит меня с ума. Не говоря уже о руках в волосах. Это всегда было моей слабостью.

Она снова двигает бедрами, и я с радостью вжимаюсь в нее своей возбужденной плотью. Ее тело напрягается, а захват на волосах усиливается. У меня вырывается стон, потому что, черт возьми, как хорошо же. Нужно убираться отсюда, пока все не закончилось сексом на кухонном столе, а именно это и произойдет через пару минут. Я встаю, и она обхватывает меня ногами. Хорошо, что я знаю куда идти даже в темноте. Ничто не заставит меня оторваться сейчас от ее губ. Пусть меня ведут чистые инстинкты, а все остальное — очень занято.

Когда мы добираемся до места назначения, я опускаю ее на пол. Два шага внутрь — и дверь уже захлопнута, а мои шорты лежат на полу.

Скаут пытается расстегнуть пуговицу на джинсах, когда внезапно поднимает глаза и видит, что я стою перед ней обнаженный. Она издает вздох, полный шока и... желаний. Очень Сильного Желания.

Я подхожу ближе, убираю ее руки и стягиваю с нее джинсы и трусики. Перед тем, как взяться за футболку, вопросительно смотрю на Скаут. Она никогда не обнажала передо мной шрамы, и сейчас вполне может отказаться раздеваться. Меня это устраивает. Я не требую от нее большего, чем она может дать. Поэтому, когда Скаут кивает и поднимает руки вверх, позволяя мне стащить футболку, я молча аплодирую ей. Аплодирую ее мужеству. Шрам обнаруживается на правой стороне тела и руке. Все не так страшно. Как я и ожидал. К тому же, это Скаут, а в ней все прекрасно. Она опускает голову. Я поднимаю ее подбородок, показываю на свои глаза и говорю:

— Смотри на меня, — мы встречаемся взглядами.

В ее глазах я вижу беспокойство, которое угрожает поколебать уверенность.

— Никто никогда не видел меня такой.

— Значит, мне повезло. Потому что Ты Прекрасна. — Теперь я чувствую себя немножко победителем, так как гребаному Майклу, очевидно, не было оказано такой чести. —

Спасибо.

Скаут с облегчением улыбается и уверенность вновь возвращается к ней.

— Это тебе спасибо. — На ее лице снова вспыхивает жажда.

Мои глаза блуждают по ее формам. Она стоит в одном хлопковом лифчике.

Боже мой, я думал, что мучался от желания до этого, но теперь все мое тело — сплошная боль. Протягиваю руки за ее спину, расстегиваю бюстгальтер и обхватываю ладонями грудь. Пальцами нежно ласкаю ее соски и от моего прикосновения они твердеют. Эта мгновенная реакция, которая никогда не перестанет восхищать меня.

Скаут начинает тяжело дышать, как будто настойчиво пытается подавить звуки, рвущиеся из нее. Я еще раз осматриваю ее с головы до ног, но теперь это скорее визуальная прелюдия. У нее божественное тело.

— Ты в порядке?

Скаут кивает головой.

— Клянусь Богом, тебе будет чертовски... чертовски... хорошо. Только скажи «да».

Теперь в ее глазах отражается мольба, а руки начинают беспокойно поглаживать мою поясницу.

— Пожалуйста.

Не теряя времени, я крепко обнимаю ее и притягиваю к себе. Черт, ее кожа. Прекрасная, теплая кожа. Я чувствую ее. Этого не было уже многие месяцы. Женщины были для меня просто телами, которые удовлетворяли мои потребности. Но со Скаут... я чувствую ее. Всю ее.

Я веду Скаут к кровати и укладываю ее на нее. Мы начинаем ползти к подушкам: она лежит на спине, а я — сверху. Мое тело не оставляет ее ни на секунду. Оно этого не хочет. Каждый раз, когда Скаут поднимает бедра, чтобы продвинуться выше, я вжимаюсь в нее, и мы движемся как одно целое, как волны во время прилива, который поднимается и становится все мощнее и мощнее. Оказавшись на гребне волны, у меня вырываются полные удовольствия стоны, которым вторит едва сдерживаемая тишина с ее стороны.

— Не нужно сдерживаться, милая. Раздели свои чувства со мной.

Этих слов оказывается достаточно.

— М-м-м. — Стон облегчения и исступленного восторга — самый сексуальный звук, который я слышал от женщины. Она потеряла над собой контроль. Я знал, что внутри нее был заперт самый настоящий источник страсти.

Теперь ее голова лежит на подушке. Мы тремся друг о друга бедрами, и Скаут прижимает меня к себе все крепче и крепче, как будто боится, что я исчезну, если она отпустит.

Мы смотрим друг другу в глаза, когда она вновь издает этот чертовски сексуальный стон.

— Поговори со мной, Скаут. Скажи, чего хочешь.

— Сейчас. Я хочу тебя, Гас. Не могу больше ждать, — выдыхает она.

Так же, как и я. Я целую ее, скатываюсь на кровать и протягиваю руку к прикроватному столику, чтобы достать презерватив. Открыть и надеть его мне удастся в рекордные сроки.

Скаут не делает никаких попыток сменить позу, поэтому устраиваюсь на коленях между ее ног. Черт возьми, я, наверное, уже целую вечность не был так возбужден. Даже забыл каково это. Мне хочется облизывать каждый дюйм ее тела. Прикасаюсь к ней и дразнить. Я хочу, чтобы это продолжалось. Но она уже готова, и я солгу, если скажу, что и сам не на

пределе.

Стою перед ней на коленях и смотрю. Она прекрасна. Темные волосы разметались вокруг головы. Сияющие глаза пристально смотрят на меня. Грудь поднимается и опускается с каждым вздохом. Соски опухли и затвердели.

Я сажусь, опираясь задом на ступни, хватаю ее за бедра и медленно притягиваю ее к себе. Черт, эта кожа. На мне. Я сейчас взорвусь.

Ее идеальная задница лежит на моих бедрах, а колени согнуты. Начинаю входить в нее, не в силах отвести взгляд от происходящего. От момента, когда наши самые интимные, личные органы вот-вот встретятся. Я хочу наблюдать за тем, как она гостеприимно примет меня в себя.

Притягиваю Скаут ближе к себе, одновременно впечатываясь в нее бедрами.

Она удовлетворенно вскрикивает, когда я наполняю ее. Ее жажда утолена.

Я чувствую, как она напрягает ноги и ее тело откликается на каждое мое движение. Ее глаза закрыты, на лице выражение полнейшего удовольствия и концентрации. Это не та Скаут, которую я знал. Это Скаут из моего сна, о которой я грезил несколько месяцев назад. Это Скаут, которая полностью отдается тому, чего жаждет тело. Отдается всему, что предлагаю ей я. И ей безумно это нравится.

Так же, как и мне.

Так же

Как

И

Мне.

Черт.

Я вновь опускаю взгляд в место нашего слияния и наблюдаю за тем, как вхожу и выхожу из нее. Снова и снова. Напряжение нарастает. Я чувствую это.

Не разрывая связь, меняю позу и теперь лежу сверху. Она крепко обнимает меня руками и ногами. Я вновь глажу ее кожу и целую губы. Движения ее бедер сводят меня с ума. Она такая узкая и так пульсирует внутри меня.

— Давай, милая, давай, — задыхаясь, произношу я.

И Боже, *что она делает*. Стоны, неразборчивые, но такие сексуальные звуки и слова исторгаются из нее в момент экстаза.

Вот и все. Теперь можно и мне.

— О, черт. *Черт*, — выкрикиваю я.

Ее плоть все еще пульсирует вокруг моей и последнее, что я слышу из ее уст, это:

— Поцелуй меня, Гас.

И я целую.

Снова.

И снова.

Понедельник, 1 января (Гас)

Еще до того, как открыть глаза я знаю, что ее нет в кровати. Скаут отключилась, обняв меня рукой и положив голову на мою подушку. Я не мог заснуть. Вернее, заснул на пару часов, под утро.

Я лежал рядом с ней.

Наедине со своими мыслями.

И мне было так спокойно.

Я боялся, что если закрою глаза, то все исчезнет.

И был прав.

Спокойствия здесь больше нет.

Ее здесь больше нет.

Но я знаю, что она недалеко. Наверное, на пробежке или завтракает. Но здесь ее нет.

Лишь близость Скаут дарит мне покой. Теперь, почувствовав его, я жажду большего.

Тоскую по нему, как по своим гребаным сигаретам.

Из раздумий меня вырывает звонок телефона.

— Господи, ну кто звонит в... — Уже собираюсь сказать «в такую рань», но бросаю взгляд на часы, которые показывают почти двенадцать и мгновенно успокаиваюсь, — в полдень? — Это МДИЖ. Откашливаюсь и отвечаю: — С новым годом, кемосабе[19].

— И тебя с Новым годом, Густов.

— Что случилось? — интересуюсь я, выбираясь из кровати и пытаюсь найти какие-нибудь плавки или хотя бы шорты.

— Ходят слухи, что вы вчера играли в местном баре?

— Черт, быстро же распространяются новости. Это правда.

— *Хорошие* новости распространяются быстро. Я так же слышал, что ты написал несколько новых песен.

— Черт, кому ты сейчас платишь, чтобы за мной следили? — Наконец, я нахожу шорты и натягиваю их на себя.

Он знает, что я шучу. Мы с МДИЖ хорошо ладим с самого первого дня.

— Никому. Просто разговаривал утром с Франко.

— А! Отличной подход — обратиться напрямую к источнику информации.

— Вот так я работаю, — отвечает он. МДИЖ довольно серьезный парень, поэтому когда пытается шутить, то выглядит смешно. Но это нормально. Мне нравится.

— Ладно, переходи к делу, чувак. Куда должен привести меня этот разговор?

— В студию в Лос-Анджелесе завтра утром. Мы сняли ее на месяц. Так же, как и апартаменты. В том же комплексе, что и в прошлый раз. Мне нужно, чтобы вы были здесь к десяти часам.

У меня внутри все сжимается, и я буквально вижу, как остатки моего покоя вылетают в чертово окно. Запись прошлого альбома была сплошным стрессом. Я не хочу этого сейчас, когда мне, наконец, удалось расслабиться.

— Хорошо, будем, — отвечаю я то, что должен. — И еще...

— Да, Густов?

— Новый год и все дела, может, ты сделаешь мне одолжение и станешь называть Гасом? Я хочу записать этот альбом и отправиться в турне как Гас, а не Густов.

— Конечно, Гас. — Когда он произносит это, в его голосе слышится что-то похожее на одобрение. Как будто ты маленький ребенок и порадовал родителей, поэтому они говорят тебе «молодец».

Я звоню Франко, Джейми и Робби. Они взволнованы и готовы.

Хотелось бы и мне испытывать такие же чувства. Нет, я их испытываю, и в то же время... нет.

Не знаю, чем заняться, поэтому достаю из шкафа сумку и начинаю бросать в нее

одежду. Каждое движение кажется автоматическим. Я уже привык «упаковывать» свою жизнь и сейчас думаю о том единственном, что мне хотелось бы взять, но придется оставить.

О ней.

(Скаут)

Я встаю рано утром и ухожу на пробежку. В крови бурлит адреналин, который нужно выплеснуть. Сегодня я чувствую себя по-другому. Уверенной. На мне футболка с коротким рукавом. Я еще ни разу не обнажала руки после аварии. Мне наплевать на взгляды людей, потому что единственный человек, мнение которого имеет значение, думает, что я прекрасна.

Я поела, приняла душ и теперь стою перед дверью в его спальню в шортах и футболке «Rook», которую позаимствовала у Пакстона. Подняв руку, чтобы постучать, начинаю сомневаться. Что мне сказать ему? Как себя вести? Теперь все совсем не так, как раньше.

Сделав глубокий вдох, я все-таки стучусь. Прошлая ночь научила меня тому, что бездействие никогда не вознаграждается.

Гас открывает дверь. Он выглядит усталым. Волосы собраны в хвост, а шорты сидят очень низко на бедрах. Господи, какой же он красивый. Его рот расплывается в улыбке, но она не кажется счастливой, как всего несколько часов назад.

— Привет, — шепчу я.

Гас берет меня за руку и переплетает наши пальцы.

— Привет, — также шепчет он в ответ. Я скорее вижу движение его губ, чем слышу. Он нежно сжимает мою ладонь, поглаживая ее большим пальцем. — Отличная футболка. — В этот момент на его лице, наконец, появляется настоящая улыбка.

— Видела, как они играют вживую. Ничего так, — подмигиваю я, давая знать, что шучу, отчего его улыбка растягивается до ушей. — Хочешь есть? Могу приготовить яйца.

Гас качает головой и крепко обнимает меня. Что-то не так. Из-за проблем со слухом, я всегда обращаю внимание на то, как люди себя ведут. Эти объятия? В них чувствуется страх.

— Что случилось? — спрашиваю я, будучи неуверенной в том, что хочу услышать ответ. От предчувствий у меня начинает ныть сердце, но я смогу вытерпеть боль, потому что делала это всю жизнь. А вот ему она больше не нужна.

Гас разворачивает нас в сторону кровати, на которой стоит сумка, забитая одеждой. Я узнаю ее. Это сумка для путешествий. Та, которую он берет с собой, уезжая из дома.

Из.

Дома.

— Ты уезжаешь. — Это не вопрос. Я просто говорю очевидное.

Он продолжает крепко обнимать меня.

— Еще один тур? — Только не это.

— Мне нужно уехать на месяц в Лос-Анджелес для записи нового альбома.

Мое сердце мгновенно начинает биться чаще, в этот раз от радости. Ему это нужно. Их фанатам *нужно* услышать новые песни «Rook».

— Это замечательно.

Гас фыркает, услышав возбуждение в моем голосе.

— Что? Сделала меня своим секс-рабом на ночь, а теперь хочешь избавиться?

Я смеюсь, чувствуя облегчение от того, что он «разбил лед» по поводу вчерашних

событий.

— Нет, это совершенно не так. Я просто рада тому, что вы собираетесь записывать новые песни. Не нужно «хоронить» их в этой комнате. Их должен услышать весь мир. — Гас почему-то не выглядит воодушевленным, хотя и следовало бы. — Что не так?

Он пожимает плечами.

— Музыка — это моя жизнь. Но я не хочу снова уезжать. — В этот момент в комнату входит кошка и начинает мяукать. — Кроме того, кто будет кормить Свиные ребрышки?

— Ты уезжаешь творить волшебство, а я остаюсь кормить Свиные ребрышки.

— Спасибо. Это напомнило мне о том, что нужно сходить в магазин и закупить ей еды. Она ест утром и вечером по пол баночки корма. Свиные ребрышки не знает границ. Положишь чуть больше, в ней сразу же просыпаются уличные привычки, и она начинает обжираться. Кстати, моя девочка любит только эти вонючие рыбные консервы.

— Я знаю. — Они и правда вонючие. Каждое утро и вечер я наблюдаю за тем, как Гас ее кормит. Перед тем, как открыть банку, он натягивает на нос рубашку. А если ее нет, то его начинает тошнить.

— И еще, Свиные ребрышки становится очень раздражительной, если не чистить ее туалет каждый день. Она начнет преследовать, ругать и унижать тебя своим мяуканьем.

Мне приходится сдерживать улыбку, видя, как он серьезно относится к кошке.

— Знаешь, а ведь ты у нее «под лапой», — шучу я.

— Черт, да. Она — Наполеон, мой крошечный диктатор. Я люблю эту чертову кошку.

Так оно и есть.

Всю вторую половину дня мы покупаем кошачьим кормом и предметами первой необходимости для Гаса, а потом едим пиццу с Одри и Пакстоном. Домой возвращаемся в девять часов. Одри и Пакстон расходятся по своим комнатам, а мы остаемся в гостиной.

Гас стоит в нескольких шагах от меня и просто смотрит. В его взгляде больше нет грусти, только решительность и мне это нравится.

— Ты выглядишь уставшей, — говорит он.

— Я не устала.

Гас улыбается, понимая, что это ложь и отвечает мне тем же.

— Я тоже. — Когда он действительно устает, у него под глазами появляются темные круги. Они выдают его. Гас протягивает мне руку — это приглашение.

Беру ее и следую за ним по коридору в темноту. Клянусь, я бы пошла за этим парнем куда угодно. Мы останавливаемся в его комнате, он отпускает мою руку и закрывает дверь. Сегодня безлунная ночь и в комнате такая темень, что я не вижу даже его. А еще очень тихо. Настолько, что я слышу собственное дыхание.

Когда он проводит кончиками пальцев по моему запястью, мне хочется дотронуться до него, но я просто стою и жду. Его пальцы нежно ласкают мои руки, исчезают под рукавами футболки, а потом спускаются вниз. Гас стоит за моей спиной.

Я не чувствую его тела, но жар, исходящий от него, практически осязаем.

— Ты мне нравишься, Скаут. Правда, — говорит он, переплетая наши пальцы. — И я не могу уехать, не сказав тебе этого. А еще, я не хочу сегодня спать один. Останешься со мной?

— Нет другого места, где мне хотелось бы сегодня быть. — Это правда. Господи, это абсолютная правда.

— Спасибо. — Он прижимается губами к моему затылку. Обычный поцелуй, нежный и

полный любви, но чувствуется в нем какое-то благоговение. В этом весь Гас. Он живет с открытым сердцем. Наизнанку. Не просто проживает жизнь, а чувствует ее. Я это видела. Видела, как он задыхался от горя и сиял от счастья, которое практически ослепляет тебя. Вот, что делает его таким особенным. Дело не в таланте или внешности, а в том, что и насколько сильно он *чувствует*.

Мы раздеваемся, Гас ставит будильник на телефоне, я снимаю слуховой аппарат и мы ложимся в его кровать. Он обнимает меня и прижимает спиной к себе. Мы просто касаемся друг друга. В этом нет ничего сексуального. Он чувствует мои шрамы. Все. То, как Гас обнимает меня, заставляет мое сердце петь. Я была напряженной и сдержанной... целую вечность. Но сейчас, рядом с ним медленно, с каждым вдохом отпускаю то, что держала в себе больше десяти лет. Я чувствую, как расслабляются мои мышцы. Как я становлюсь мягкой и уступчивой в его руках. Как я, наконец, становлюсь собой. Человеком, которым всегда хотела быть. Человеком, который был заперт глубоко внутри, погребен под панцирем, который я носила снаружи. Я улыбаюсь сквозь слезы, которые катятся по щекам на подушку.

— Мне просто нужно держать тебя в объятиях. Нет, это не значит, что я не хочу сорвать с тебя лифчик и трусики, и показывать свою мужскую состоятельность до тех пор, пока ты не станешь выкрикивать мое имя... потому что *я хочу*. — Он прижимается ко мне своей эрекцией. — *Черт, очень хочу*. Но пусть сегодня будем только мы и эта безумная нужда находиться рядом с тобой. Быть твоим другом. Вызывать на твоём лице улыбку. Заставлять смеяться. Делать тебя счастливой. Защищать. Я все хочу о тебе знать, Скаут. Прошрое. Настоящее. Будущее. Но для этого у нас есть завтра и послезавтра. Сегодня же я просто хочу спать рядом. Я работаю над тем, чтобы жить настоящим и сейчас... сейчас это все, что мне нужно.

Мне хочется так многое сказать ему, но я понимаю, что обуреваемая эмоциями, не смогу быть объективной. Поэтому просто беру его руку, которая лежит на моем бедре, подношу ее ко рту, целую и говорю:

— Мне тоже, Гас. — А потом прижимаю его ладонь к своей груди, туда, где бьется сердце.

Так мы и погружаемся в глубокий, спокойный и исцеляющий сон.

Суббота, 6 января (Скаут)

— Мне не нужна гребаная сигарета. Скажи, что мне не нужна гребаная сигарета.

Вот, что я слышу, когда отвечаю на телефонный звонок. Судя по голосу, у Гаса стресс.

— Тебе не нужна гребаная сигарета.

— Нужна. — Его ответ звучит немного невнятно, как будто у него набит рот.

— Нет, не нужна. Сколько пластинок жвачки ты жуешь?

— Пять.

— Молодец. Так держать.

— Спасибо, Скаут. Мне нужно возвращаться в студию, — говорит Гас, сделав несколько глубоких вдохов. — Я сказал им, что мне нужно в туалет, но на самом деле хотел, чтобы ты отговорила меня от курения. Перезвоню вечером.

— Тебе не нужна сигарета, — повторяю я.

— Я знаю. Adios[20].

— Пока.

Четверг, 18 января (Гас)

Я звоню Скаут каждый день. Она удерживает меня в реальности, потому что то, что мы творим в студии — нереально, в хорошем смысле этого слова. Я смотрю на этот альбом по-другому. Первый мы записывали, не имея представления о том, что делаем. Мы полностью доверились МДИЖ и позволяли ему вести себя. В этот раз, это делаю я.

Нет, я все еще полагаюсь на его мнение, но видение альбома — мое.

Она отвечает на третьем гудке.

— Привет, Гас. — У меня останавливается сердце, каждый раз, когда я слышу ее голос.

Скаут улыбается. Улыбкой, рожденной не возбуждением и восхищением, а удовольствием. Мне она нравится больше всего.

— Что сегодня происходит в резиденции Хоторнов? — На часах десять вечера, поэтому Скаут, скорее всего, готовится лечь спать.

— Я готовлю печенье с арахисовым маслом.

Мой рот наполняется слюной.

— Ммм... Мне бы хотелось поесть печенье с арахисовым маслом.

— Знаю. Они для тебя. Их скоро доставят.

— Тебе стоило бы доставить их самой. Я не прочь отведать вас обоих. Мой аппетит вырос до *невероятных* размеров и, кажется, прошли недели с тех пор, как его... *удовлетворяли*. — Скаут всегда немного стесняется, когда я упоминаю о сексе в телефонном разговоре. Это так мило. Поэтому, я постоянно это делаю. Ну еще из-за надежды, что она в конце концов расслабится и тоже станет шутить на эту тему.

На другом конце трубки воцаряется молчание.

— Скаут, ты слушаешь?

— Слушаю. Просто пытаюсь решить, что делать: закончить готовить печенье или пойти в свою комнату и удовлетворить себя.

Что она только что сказала?

— Ты можешь повторить это еще раз... *пожалуйста?*

— Ты слышал меня, — улыбаясь, отвечает она.

— Может да, а может — нет. Мне нужно еще раз услышать, чтобы быть уверенным.

— Я сказала, что подумываю пойти в свою комнату, снять трусики и удовлетворить себя.

Черт возьми. Я возбужден. Очень сильно возбуждён.

— Господи Иисусе, продолжай.

— Я думаю о тебе. О нас. Как хорошо мне было, когда ты был внутри. Это заводит меня. Иногда мне нужна разрядка. Вот как сейчас.

— Черт, — говорю я себе под нос, закрывая дверь в спальню и расстегивая шорты. — Пожалуйста, скажи, что ты в своей комнате? Скажи, что лежишь на кровати?

— Мне нужен этот образ, потому что сейчас кое-что произойдет.

— Ты хочешь, чтобы я лежала на ней?

— Да. Черт, да. — Я уже стащил с себя шорты и плавки и теперь лежу на кровати, держа член в руке.

— А ты где? — Она учащенно дышит. Едва уловимо, но я слышу.

— Лежу в кровати.

— Дотрагиваешься до себя? — Черт, в ее голосе нет ни капли застенчивости.

Я вздыхаю, потому что делаю куда большее.

— Гас, я хочу, чтобы ты почувствовал насколько я «мокренькая».

— Скаут, ты меня, блин, убиваешь.

Кто знал, что эта девушка может быть такой испорченной.

— Я готова.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — Я уже погрузился в эту маленькую фантазию на сто и один процент.

Неожиданно раздается звонок в дверь. Я определенно не стану отрываться от такого. Кроме меня в квартире больше никого нет и тому, кто стоит у двери придется просто убираться. Секс по телефону — вот, кто сейчас хозяин положения.

— Ты не ответила мне, Скаут. Как насчет инструкций?

Вновь раздается звонок в дверь

Жду ее ответа, сконцентрировавшись на удовольствии и своей руке. Я в любой момент готов взорваться. Наплевать, если придется все стирать. Я не стану убирать телефон от уха, чтобы найти на полу нижнее белье.

Кто-то снова звонит в дверь.

— Боже мой! Я вот- вот кончу; проваливайте! — кричу я.

— Ты разговариваешь со мной? — спрашивает Скаут. Судя по ее голосу, она нисколько не обижена, а чертовски возбуждена.

— С тобой? *Боже, нет.* Кто-то трезвонит в дверь и ни в какую не желает уходить. Полагаю, он не в курсе, что я сейчас дрочу, разговаривая по телефону с сексуальной женщиной.

— Открой дверь, Гас, — довольно категорично произносит Скаут.

Да ни в жизнь.

— Черт, нет. Продолжай говорить.

— Послушай меня. Я ехала два с половиной часа. Думала о тебе *весь день*. Думала о сексе с тобой *весь день*. Я настолько возбуждена, что не могу думать ни о чем, кроме того, что ты хочешь со мной сделать. На мне только платье, трусики я сняла еще в машине и положила в сумку. Пожалуйста, дай мне войти, иначе я начну самоудовлетворяться под твоей дверью.

Я замираю на секунду, а потом отключаюсь, выпрыгиваю из кровати и голый несусь к входной двери. Повозившись с замком — потому что руки не хотят понимать сигналов, посылаемых им сосредоточившимся на сексе мозгом — я распахиваю дверь. И, черт возьми, она здесь. Стоит передо мной в маленьком черном платье без рукавов, с сумочкой в одной руке и гигантским пакетом с печеньем в другой. Я готов всю ее съесть.

— Милое платье. Выглядишь невероятно, — говорю я, не отводя взгляд от обнаженных плеч.

— Спасибо. — Она пялится на мои бедра и ухмыляется. А потом поднимает пакет и, продолжая смотреть на мои причиндалы, произносит:

— Я принесла печенье.

Я протягиваю руку и выхватываю его.

— Спасибо, Скаут. Наверное, тебе стоит зайти внутрь, пока соседи не увидели меня и не вызвали копов.

Она, даже не сомневаясь, заходит в квартиру.

Как только за ней закрывается дверь, она бросает на пол сумку, а я печенье. Ее губы накрывают мои, или мои ее — не уверен, кто делает это первым. Я не могу насытиться этим ртом и губами.

— Я скучал по тебе, — выдыхаю между поцелуями.

Ее пальцы скользят по моей спине.

— Я тоже скучала. Очень сильно.

Хватаю подол платья и начинаю медленно задира́ть его, а второй рукой обхватываю грудь. Сегодня на ней нет лифчика и сосок уже твердый от возбуждения.

Когда моя рука касается ее кожи под платьем, улыбаюсь и шепчу ей в губы:

— Твои трусики и правда в сумке.

— Я подумала, что это сэкономит время, — кивнув головой, отвечает Скаут.

Хватаю ее за бедра и усаживаю на маленький столик рядом с дверью. Подняв платье, смотрю, как она сидит, полностью раскрывшись для меня.

— Ты принимаешь таблетки?

Скаут утвердительно кивает.

— Не против без презерватива? У меня его нет.

Она снова кивает.

Не теряя времени, я подвигаю ее зад к краю стола и погружаюсь в нее.

Скаут издает практически болезненный вскрик и обвивает мою талию ногами.

Я крепко держу ее за бедра и вхожу до упора, а потом выхожу практически полностью и вбиваюсь вновь. С каждым движением стол с грохотом ударяется о стену.

Мы определенно нанесем ущерб столику, стене или и тому, и другому.

— Сильнее, Гас, — просит Скаут, и я ускоряюсь.

Ее губы на моей шее... груди, а когда она обхватывает зубами мой сосок, меня пронзает невероятное наслаждение.

— Я хочу видеть тебя голой. Сейчас же.

Она быстро снимает платье через голову. От напряжения и страсти ей тяжело дышать, но это так, черт подери, сексуально. Я замедляю свои движения, наклоняюсь и провожу губами по соску перед тем, как взять его в рот. Слегка играю с ним кончиком языка, а потом втягиваю в себя и аккуратно прикусываю.

Скаут стонет и обхватывает мою голову руками, удерживая ее на месте. Я продолжаю исследование правого соска, а потом уделяю равное внимание левому.

Она ерзает по столу, пытаясь облегчить эту сладкую пытку.

— Ты уже близко, Скаут?

— Почти. — Ее глаза закрыты, а рот слегка приоткрыт. Она делает вдох, задерживает его, а потом громко выдыхает. Каждый раз, когда она делает это, ее выдохи становятся громче и громче. Подступает оргазм, и сейчас в выражении ее лица отражается то же самое удовольствие, которое испытываю я.

— *Очень... близко.*

Вытаскиваю член практически до конца, а потом медленно ввожу его вновь.

Она слегка откидывается назад, я обхватываю руками ее зад и придвигаю бедра как можно ближе, чтобы глубже погрузиться в нее. Делаю последний толчок, и она всхлипывает. Я глубоко насколько это возможно.

— Мне так хорошо, — шепчу я, повторяя движение.

— Так хорошо, — с закрытыми глазами восклицает она, а потом начинает стонать все

громче и громче: — О Боже! О Боже! Так хорошо. Боже, да!

И в эту же секунду я кончаю. Мощно и с таким удовольствием, как будто сдерживал себя годами. Мне хочется сказать... прокричать так много, но вместо этого из груди вырывается какой-то рокот.

Я не отвожу от нее взгляд и, когда Скаут, наконец, расслабляется и открывает глаза, они настолько полны счастья и блаженства, что у меня перехватывает дыхание.

— Привет, — шепчет она и улыбается. Этой улыбкой мне хотелось бы любоваться до конца жизни. Она как безмолвное выражение ее удовольствия.

— Думаю, мне нравится Лос-Анджелес.

— Я скучаю по дому, но секс в Лос-Анджелесе и правда изумительный.

Скаут остается у меня еще на час. Мы сидим на кровати, болтаем и едим печенье, макая его в стакан с молоком. Это может показаться скучным после предыдущего занятия, но все совсем не так. Мне нравится разговаривать с ней. Скаут очень сильно изменилась с нашей первой встречи. Раньше она пряталась от мира. Внутри была уверенной и сильной, а снаружи это все было искажено.

— Расскажи мне о родителях, — прошу я. Не знаю, согласится ли она, но я достаточно комфортно чувствую себя с ней сейчас, чтобы спросить, о чем угодно.

У нее полный рот печенья, поэтому Скаут сначала дожевывает его, а потом отвечает:

— Тут не о чем рассказывать. В последний раз, когда я общалась с мамой, она была в Индии. Это было пару лет назад. Отец живет в Бруклине. Я не видела его где-то около года.

В голосе Скаут нет грусти. Она рассказывает свою историю, как будто зачитывает список покупок.

— На что было похоже твое детство? Полагаю, твои родители были в разводе? — продолжаю допытываться я.

Она качает головой.

— Родители никогда не были женаты. Отец был музыкантом и играл в небольших барах в Бруклине, еле сводя концы с концами. Насколько я знаю, он до сих пор этим занимается. На самом деле папа не плохой, но у него проблемы с жизнью в реальности. Ну, знаешь, это когда тебе нужно быть трезвым, а не пьяным. А мама была кем-то вроде фанатки. Они перепихнулись пару раз, и она залетела. Родители жили вместе, пока я не родилась, а потом мама ушла.

Мне сразу же вспоминается Ма. Она фанатично опекает меня и любого, кого считает своим ребенком. Знаю, не все матери такие, но я совершенно не понимаю тех, кто отказывается от своего дитя.

— Она ушла?

— Да. Я всегда считала ее любительницей бродячего образа жизни. Не думаю, что она когда-нибудь работала. И точно знаю, что у нее никогда не было собственного места. Она просто дрейфует по миру, заводит друзей и любовников. Они предоставляют ей кров, а потом у нее начинает чесаться, и она снова переезжает. Мама звонит мне раз в пару лет, но я никогда не встречалась с ней лично, только по фотографии.

— Вот дерьмо. Это так ужасно, Скаут.

Она пожимает плечами, как будто и соглашается, и не соглашается со мной.

— Все так, как есть. Лучше уж вообще не иметь мать, чем иметь и ощущать себя тяжким бременем. Меня вырастил отец.

— Какой он, твой папа? — Мне даже страшно об этом спрашивать, потому что я знаю,

что она не жила с ним после аварии.

Скаут моргает несколько раз, как будто пытается вспомнить его.

— Он любит выпивку. Музыка. И меня. Именно в этом порядке.

Я понимаю, что ей нелегко говорить об этом, поэтому задаю следующий вопрос, чтобы только она не замолкала.

— Ты выросла в Бруклине?

— По большей части да. У отца никогда не было собственного места, поэтому мы часто переезжали. Останавливались у его друзей, подруг, иногда владельцы баров пускали нас перекантоваться пару месяцев в комнатках наверху, а папа в качестве оплаты играл у них по вечерам. Я никогда не знала ничего другого, поэтому для меня это нормально. Мне приходилось часто оставаться одной, но это вынудило меня быстро стать самостоятельной.

— А что насчет аварии?

У Скаут совершенно отсутствующий взгляд, тем не менее она отвечает.

— Авария... Папе подвернулась «халтурка» в северной части Нью-Йорка. Он взял напрокат машину, и мы поехали туда. Пока он играл, я сидела за кулисами... и, как сейчас помню, читала «Маленький домик в прериях». После окончания работы, отец несколько часов пил в баре. А когда вышел и сказал, что пора ехать домой, я поняла, что он пьян. Но он постоянно был подшофе, поэтому я не знала, что нужно бояться. Мы сели в машину. Шел снег, заднее сиденье было очень холодным. Я не пристегнула ремень безопасности. Даже не подумала об этом. До этого я ездила в машине всего несколько раз. Мы всегда возвращались домой на метро. Я заснула, а проснулась, когда все было всмятку и в огне. — Скаут пристально смотрит в одну точку блестящими от слез глазами. — Было так жарко. Это то, что я лучше всего помню... даже лучше, чем боль... *жар*. — Она облизывает губы и продолжает. — Я застряла внутри. Отец был снаружи. Я видела, как он ходит. Я кричала и звала его, а потом отключилась.

— Он пришел тебе на помощь?

— Да. Иначе бы я умерла. Потом приехала скорая помощь и пожарная машина и нас обоих отвезли в больницу. У него было всего несколько порезов. Я же из-за серьезных внутренних повреждений, провела несколько дней в реанимации, а потом меня перевели в ожоговое отделение. Мне было сделано множество операций и пересадок кожи. А отца посадили: за вождение в нетрезвом виде и за то, что подверг опасности ребенка. В дело вмешались социальные службы, и тетя с дядей забрали меня к себе. Вот и вся история. Я уехала домой вместе с ними, и они стали моей новой семьей.

Скаут сильная. Она чертовски сильная. Я даже не могу представить боль и страдания, через которые она прошла.

— Ты встречаешься с отцом?

— Вижу или разговариваю с ним примерно раз в год. Но это всегда незапланированно и внезапно. Он чувствует свою вину, я знаю. Думаю, поэтому ему тяжело смотреть на меня, — она показывает на шрамы на лице и шее и вопросительно поднимает брови. Ее начинает охватывать чувство ненависти к себе и смущение.

Я разворачиваю лицо Скаут к себе и смотрю прямо в глаза.

— Ты чертовски красивая. Не позволяй никому сомневаться в этом. А если тебя кто-нибудь обидит или оскорбит из-за шрамов, просто скажи мне, и я надеру этому человеку задницу.

Скаут улыбается и ее смущение развеивается, как дым.

— Спасибо, крутой парень.

— Как скажешь, засранка. То есть вы с Паксом выросли вместе? — говорю я, целуя ее в лоб.

Когда она начинает говорить о Паксе, на ее лице появляется сияющая улыбка.

— Да. Он один из немногих людей, которые никогда не заставляли меня чувствовать себя фриком. Пакс никогда не упоминал о моих шрамах и при разговоре всегда смотрел мне в глаза. Я поменяла школу, когда переехала к тете и дяде, но так и не завела друзей. Мы жили на Манхэттене. Большинство детей были из богатых семей. Они были жестокими. Насмехались надо мной. Обзывали. А по мере взросления, стали игнорировать меня, что, в принципе было, в какой-то мере облегчением. Лучше пусть игнорируют, чем насмехаются. К колледжу я отлично натренировалась быть незаметной. Я была сама по себе и старалась по возможности заниматься онлайн. Меня это устраивало.

Я не могу изменить ее прошлого, но теперь Скаут, наконец, раскрывается и становится той, кем и должна быть.

— А меня устраиваешь *ты*.

— Неужели? — флиртует она со мной.

Я киваю и убираю с кровати пакет с печеньями. Скаут полусидит-полулежит на подушках. Я вытаскиваю их из-под нее и откидываю в сторону.

— Это нам больше не понадобится. — Помогаю ей стянуть платье. — И это. — А потом снимаю свои шорты и нижнее белье. — И вот это тоже.

— Гас, мне пора уезжать. Завтра на работу. — На часах недавно пробило полночь.

— Знаю. Просто позволь мне сделать тебе приятно еще раз.

Устраиваюсь между ее ног и пробую на вкус. Черт, до чего сладко.

Под давлением моего языка она начинает дрожать, а несколько минут спустя я вновь наполняю ее. Мы оба остаемся совершенно удовлетворенными. Снова.

Не хочу, чтобы она уезжала, но понимаю, что нужно. Я натягиваю боксеры, одновременно наблюдая за тем, как Скаут надевает через голову платье, а потом и трусики, которые достает из сумочки. Знаю, людей заводят различные вещи, но видеть, как она вытаскивает трусики и надевает их? Да, это сексуально.

— Скаут?

— Что? — отвечает она, поправляя резинку на кружевных плавках и опуская юбку.

— Давай ты будешь постоянно носить трусики в сумке?

— Зачем? — смеется она.

— Не думаю, что мне когда-нибудь надоест смотреть, как ты достаешь их и одеваешь. Это нереально сексуально.

— Возьму на заметку, — подмигивает Скаут.

— Не забудь. Исполненные фантазии — что может быть лучше?

— Ты прав. Именно такой и была сегодняшняя ночь.

Ну вот мы и подошли к двери.

— Почему ты никогда не говорила, что можешь быть дрянной девчонкой? Мне это понравилось.

— Потому что я никогда ею и не была до тебя. Ты оказываешь на меня дурное влияние. — Скаут идет впереди и даже не оборачивается, говоря это, но я «слышу», что она ухмыляется.

Обнимаю ее за талию и целую в затылок.

— Ну а я самый лучший плохой мальчишка.

Она разворачивается ко мне и соглашается:

— Самый лучший. — А потом крепко и горячо целует, но слишком быстро отстраняется и открывает дверь.

— Уверена, что не заснешь по дороге?

— Не думаю, что когда-нибудь была бодрее. Спасибо за ночь.

— Спасибо, что доверилась мне.

Скаут улыбается и обнимает меня еще раз.

— Позвони или пришли сообщение, когда доберешься до дома.

— Хорошо. А ты задай жару завтра в студии.

— Отличный план. Задам жару завтра в студии.

— Отличный план. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я стою и наблюдаю за тем, как она садится и уезжает. Закрываю дверь и решаю выпить стакан молока с печеньем перед тем, как идти спать. Уже выхожу из кухни, когда в квартиру заваливаются парни — счастливые и довольные.

— Тебе стоило пойти с нами, мошонка, — говорит Франко, снимая пиджак. — Я познакомился с дикой маленькой блондиночкой из Северной Англии по имени Джемма. Ей нравятся леопардовые принты «You Me At Six» и джин. Она идеальная. Я взял у нее номерок. В общем, мы отлично провели время.

Так же, как и я.

Не успеваю ничего ответить, как Франко начинает принюхиваться, как гребаный блауханд.

— Пахнет домашним печеньем. Почему? Здесь была Скаут? Где печенье?

Неожиданно раздается голос Джейми:

— Мать моя женщина, что случилось со столом? И стеной?

Меня слегка передергивает, когда я вижу, что угол стола проделал в стене дыру.

Делаю глоток молока и только потом отвечаю:

— Да вот, Скаут заезжала, что угостить меня печеньем.

— Это никак не объясняет материального ущерба, — лукаво произносит Франко.

Я в ответ пожимаю плечами и, развернувшись, направляюсь в свою комнату.

— Скажем так, это было *очень* хорошее печенье. Даже великолепное. Самое вкусное печенье в моей жизни.

Суббота, 20 января (Гас)

Не могу сказать, что я проснулся грустный, но на душе было тяжело. Сегодня исполнился год, как умерла Опти. Несколько минут я просто лежал и думал о ней, о том, как мы росли вместе. В сжатом виде мысленно воспроизводил двадцать лет воспоминаний под аккомпанемент ее скрипки. Под конец просто смотрел на свою татуировку и улыбался. Клянусь, я слышал, как она мне говорит:

— Не плачь. Думая обо мне, будь счастлив.

Поэтому я не плачу. Вместо этого беру телефон и звоню Келлеру.

— Как дела, папочка Бэнкс? Такое ощущение, что кто-то мучает фортепиано.

Он смеется, и я слышу, как закрывается дверь, отрезая нас от этих звуков.

— Я на занятиях по балету со Стеллой. Не думаю, что фортепиано мучают больше, чем зрителей. Полагаю, именно поэтому и изобрели наушники. Как у тебя дела? Я собирался позвонить, когда приду домой, так как знаю, в Калифорнии еще рано.

— Да, рано. Мы в Лос-Анджелесе и мне нужно быть в студии через час. Работаем над вторым альбомом и почти закончили. — Я так рад этому. Это были длинные и очень тяжелые две недели. Я узнал много нового и чертовски горд тем, что у нас получилось. За последние полтора года я определенно вырос в музыкальном плане. И это очень заметно. Во всем, начиная с музыки, текстов и заканчивая нами как группой.

— Отличные новости, Гас. Поздравляю. Не могу дождаться, чтобы услышать его. Когда вы планируете релиз? — Судя по голосу, он искренне рад за меня. Странно, насколько мы привязались друг к другу. Все началось с взаимной любви к Опти, что должно было бы сделать нас врагами, но, как и все, что касается этой девушки, невозможное просто стало возможным. Его дружба очень много значит для меня.

— Обещают в конце марта, а тур должен начаться в начале апреля. — Как только я произношу это вслух, все становится реальностью. И я рад этому. Рад, что вскоре вновь окажусь в дороге и буду играть перед зрителями. Рад, что в этот раз все сделаю правильно и буду наслаждаться, а не терпеть происходящее.

— А как насчет концерта в Миннесоте? Мне бы хотелось побывать на нем. — Он будет. Это точно.

— Я пока не видел расписания, но намекну кое-кому об этом. — В память об Опти мне хотелось бы вновь выступить в Гранте.

— Даже и не сомневаюсь, — снова смеется Келлер.

— А у тебя как жизнь, чувак? — Мне нужно знать, что у него все хорошо.

— Весь в делах. В июне выпускаюсь, и если ничего не изменится, то на этой неделе начинаю практику. — Судя по голосу, он немного нервничает, но в то же время в нетерпении.

— Практику? Это же замечательно. В старшей школе?

— Да. Буду преподавать английскую литературу здесь, в старшей школе Гранта. Мне повезло, она находится всего в миле от нашего дома и по дороге в садик. Все должно быть идеально.

— Дети любят тебя.

— Не знаю, но я готов. Ко всему готов, — усталым голосом произносит он.

Опти рассказала мне о Келлере. Я знаю, что его мама хотела, чтобы сын стал юристом, и была в ярости, когда он поменял специализацию, последовав зову своего сердца. По моему, они до сих пор не разговаривают. Зато сблизились с отцом.

— Я в этом уверен. Тебе стоит переехать со Стеллой в Сан-Диего следующей осенью и начать преподавать здесь.

— О Боже. Ты только представь, если у Стеллы будет доступ к пляжу? Да я не смогу загнать ее домой. Нам, скорее всего, придется поставить палатку перед твоим домом и жить в ней. Ну а Стелла будет только рада быть бездомной, если в ее распоряжении окажутся мили песка и воды, чтобы строить замки.

— По мне, так звучит отлично. Ма уж точно не будет возражать.

— Черт, учитывая то, что происходит сейчас между нашими родителями, мы вполне можем стать сводными братьями.

Я смеюсь, потому что он прав. Ма проводит большинство выходных с доком Бэнксом. И

она счастлива. Я никогда не видел, чтобы она с кем-то встречалась, поэтому их отношения — это что-то необычайное.

— Неужели мы только что стали лучшими друзьями? — кричу я голосом Уилла Феррелла, цитируя кинофильм «Сводные братья». Не знаю, поймет ли он, что к чему.

К моему удивлению, Келлер с энтузиазмом отвечает:

— Да.

— Хочешь, пойдем в гараж и позанимаемся карате? — продолжаю я.

— Да, — отвечает он, и мы оба начинаем смеяться.

Я уже давно не надрывал так живота.

— Спасибо, чувак. Мне это было нужно.

— И мне. Ну что ж, игра на фортепиано прекратилась, а это означает, что занятия закончены. Мне нужно забирать Стеллу. Спасибо, что позвонил сегодня. Я скучаю по Кейти, Гас. И всегда буду любить ее. Ни дня не проходит, чтобы я не думал о ней. Хотя теперь все по-другому, чем несколько месяцев назад. Больше нет боли, осталась лишь радость. Я теперь живу и за нее тоже. Живу, имея цель. Мы со Стеллой отлично проводим время, но ничего этого не было бы, если бы не Кейти. Она научила меня жить. И любить. И теперь я не намерен терять время.

Я киваю, как будто он может меня видеть.

— И я тоже. Отличных выходных, чувак. И передавай мисс Стелле от меня привет.

— Передам. Береги себя, Гас.

— Ты тоже. Созвонимся.

— Пока.

Закончив разговор, я сразу же звоню Ма. Она в дороге, едет на кладбище с тюльпанами и батончиком «Твикс». И так же, как Келлер, переносит годовщину стойко, с радостью вспоминая об Опти. Я рассказываю ей о том, что только что общался с Келлером и даже поделился нашим диалогом сводных братьев, над которым она только посмеялась, но никак не опровергла слухи. Может, у них и правда все серьезно.

К тому моменту как я завершаю свои звонки, у меня остается время только для того, чтобы принять душ и написать сообщение Скаут.

С добрым утром!

Когда я выхожу в гостиную, то вижу три пары глаз, которые обеспокоенно смотрят на меня.

Франко говорит первым:

— С добрым утром. Ты в порядке, здоровяк?

— Все нормально, чувак. — Знаю, они переживают, что я могу расклеиться из-за Опти. — Мне всю жизнь будет ее не хватать, но она всегда со мной, — говорю я, хлопая себя по груди. — Мы должны закончить сегодня «Judgment Day[21]», но в память об Опти давайте сымпровизируем. Будем просто играть. Посмотрим, что из этого получится. Вы же понимаете, что она все это время наблюдала за нами в студии. — Я чувствую ее там, с нами, каждый день. — Так что будем делать то, что она любила. — Опти нравилось просто играть. Она была невероятно творческим человеком. Как будто музыка жила внутри нее и каждый раз, когда она писала что-то новое, то выпускала из себя лишь маленькую часть ее.

Они улыбаются и кивают. Франко уже стоит у двери.

— Давайте начнем поскорее. Я официально объявляю сегодня — *Днем Кейти*. — Он придерживает для нас дверь, и мы все выходим на парковку. — Забавно, что ты упомянул о

том, что чувствуешь Кейти в студии. Я думал, что один такой. Иногда, когда я погружаюсь в музыку, то слышу, как она шепчет мне в ухо какое я сексуальное животное, когда играю и что всегда был ее любимчиком.

Я улыбаюсь, так как понимаю, что он сказал об этом только для того, чтобы заставить меня рассмеяться.

— Заткнись, чувак. Не спорю, ты сексуальное животное, но никогда не был у нее в любимчиках.

С выражением огорчения на лице, Франко открывает грузовик, и мы забираемся в него. Он оборачивается и пристально смотрит на меня.

— Это больно. Очень больно. — Но к концу фразы чувак уже не может сдержать улыбку. — Кто хочет кофе? Начнем *День Кейти* прямо сейчас, со стаканчика кофе в ее честь.

Мы заезжаем в «Старбакс», тратим примерно двести долларов на четыре кофе и направляемся в студию. Не сказать, что МДИЖ рад такому «выходному», но все же соглашается. Ему тоже нравилась Опти.

Я начинаю играть на акустической гитаре и обращаю внимание на то, что МДИЖ записывает меня. Не всегда, а только, если ему что-то нравится.

Такое чувство, что она сейчас в этой комнате, со мной. Я слышу, как в голове проигрывается вступление и беру электрогитару. У меня уходит минута на то, чтобы настроить дилэй [22] и отрегулировать педали эффектов [23].

Ноты наслаиваются друг на друга, пока пальцы не касаются струн и не дают им жизнь.

Вступление, несмотря на дилэй, выходит очень четким, в каждой ноте слышится индивидуальность. Я проигрываю его несколько раз. Все качают головами в такт музыке. Я киваю Франко.

— Чувак, помоги мне. Его нужно немного ускорить. Не стоит меня ждать. Дави на меня. Я буду отставать, а ты продолжай играть. Это сработает, доверься мне. Только римшот [24], без струн.

Вначале мы как будто сражаемся друг с другом. Он пытается подстроиться под темп, но я хочу не этого. Франко пока полагается на меня, потому что не слышит того, что слышу я. Мы еще несколько раз проигрываем вступление, я ему все разъясняю и, наконец, он рвется вперед, оставляя меня позади. И это работает. *Это, черт возьми, работает.*

Еще через тридцать минут мы с Джейми придумываем крутую, мощную партию для басов, которая заставила бы Опти гордиться нами. Я всегда предпочитал обычные гитары, но иногда басы — это то, что нужно. Бас-гитара резонирует, задевая самые дальние уголки души. Она — как акустическое сердцебиение.

Робби соглашается, что ему нужно следовать за Джейми и позволить басам вывести к припеву.

Франко пока просто подыгрывает нам, чтобы потом дать жару.

— Готов? — кивнув, спрашиваю я его.

Он крутит в руке палочку и несколько раз нажимает на педаль большого барабана, давая знать, что готов дать себе волю. Франко феноменальный барабанщик и музыкант, но самое лучшее в нем — это энтузиазм. Он, черт возьми, обожает играть и, если бы мог, делал бы это целыми днями.

— Всегда готов, чувак.

— Джейми, начинай партию басов. Франко, следуй за ним. Малый барабан, бас,

никаких том-томов. В конце каждого такта немного тарелок. Робби, ты подстраиваешься под Джейми. А я буду играть поверх вас всех. Не обращайтесь на меня внимания, просто позвольте делать то, что делаю. — Я снижаю дилэй, усиливаю дисторшн [25] и мы несколько раз проигрываем задуманное.

МДИЖ откидывается на стуле и с ухмылкой смотрит на нас. Это хорошо. Ухмылка означает, что ему нравится то, что происходит. *Очень нравится.* К тому же, он молчит, что тоже является хорошим знаком.

— Отлично, давайте сделаем это еще раз, от начала и до конца. МДИЖ, запишешь? Мне нужна будет мелодия, чтобы я мог поработать над текстом.

К ухмылке добавляются поднятые вверх большие пальцы. На языке продюсеров это означает «я в восторге».

— Я начну. Франко, дай мне несколько тактов, а потом вступай. Только римшот. По моему сигналу присоединяются остальные. Играйте, пока я не кивну. После этого остается партия Джейми и Франко во втором куплете. Я начну переход, и мы снова повторим припев. Третий куплет будет повторением второго, играют Джейми и Франко. Все понятно?

Они кивают. Я перевожу взгляд на Джейми.

— Не хочу на тебя давить, но ты же знаешь, как Опти нравились мощные басы. Заставь ее гордиться собой, чувак.

Он показывает мне тату и улыбается:

— Я живу только по полной. Заметано.

Регулирую педали эффектов и дважды провожу по струнам. Это привычка. Я провожу этот ритуал перед каждой песней. МДИЖ уже надел наушники. Он поднимает два пальца вверх и нажимает на кнопку записи.

Мы проигрываем мелодию, но переходы получаются не слишком чистыми. Во второй раз каждый уже знает, чего ожидать и что делать.

Когда мы прослушиваем запись, у меня бегут мурашки по коже. Это довольно редкое явление. Всего лишь несколько песен вызвали у меня подобное. В голове уже складываются слова. Я перевожу взгляд на часы. Полдень.

— Парни, почему бы вам не погулять с часик? Сходите пообедайте. Дайте мне немного времени поработать над текстом. Он уже почти готов.

— Хочешь, чтобы я остался? — вставая, спрашивает МДИЖ.

Я знаю, он дает мне возможность попросить о помощи, если вдруг она понадобится, но это также означает, что он доверяет мне все сделать самому.

— Я справлюсь. Не мог бы ты сделать одолжение и принести мне что-нибудь поесть, только без мяса. Нужно подкрепиться. У меня такое чувство, что это будет длинный день.

Он кивает, едва сдерживая улыбку.

— Сделаю. Ты сейчас на пути к чему-то невероятному. Следуй своим инстинктам, Гас. Они тебя еще не подводили. — Не дожидаясь моего ответа, МДИЖ уходит.

Мы заканчиваем только в два часа утра, чувствуя себя полностью выжатыми.

Песня записана. Она называется «Redemption[26]». Парни пока не в курсе, но это будет и название обложки.

Спасение. Вот, что произошло сегодня. Не в религиозном смысле этого слова, а в плане «я стал лучше, чем был ранее». Ощущения просто невероятные.

Четверг, 25 января (Скаут)

— Лос-Анджелес скучает по тебе. — Так отвечает Гас на телефонный звонок.

— А я скучаю по Лос-Анджелесу. И по тебе. С днем рождения, Гас.

— Он уже сегодня? Как ты узнала? — Судя по голосу, он удивлен.

— По записи на календаре Одри. Я же ее помощница и имею доступ ко всему.

— *Определенно*, — с явно сексуальным подтекстом отвечает Гас. — Спасибо. Кстати говоря, мы заканчиваем записывать альбом. Не хочешь привезти Пакса в студию в субботу утром? Мне бы не хотелось, чтобы этот ребенок сидел за рулем в Лос-Анджелесе. Мы с ним переписывались весь месяц, и я посылал ему короткие видеозаписи того, что мы делаем. Уверен, он не прочь посмотреть на все это своими глазами. Мне нужно записать партию для гитары для финальной песни, но я оставил ее на потом в надежде, что Пакс будет здесь.

— Конечно, я привезу его. — Гас очень много значит для Пакстона. Я знаю, что сам он недооценивает своего влияния на него, но правда в том, что Гас — лучшее, что когда-либо случалось в жизни бедного ребенка. Он для него отец, брат, учитель и лучший друг. Пакстон всегда был хорошим мальчиком, но за последние месяцы с ним произошли невероятные изменения. Он стал более уверенным, открытым. Стал участвовать в школьной жизни и у него появились собственные интересы.

— Замечательно. Gracias, muchacha[27].

— В котором часу нам подъехать?

— Понимаю, это рано, но мы хотели бы начать в восемь. Понадобиться около часа, чтобы все закончить, а потом можно поехать домой. Не против, подвезти меня? Или можешь приготовить печенье, спрятать трусики в сумку и поехать со мной в апартаменты.

— Я не против, но что насчет Пакстона?

— Точно. И когда это он вдруг превратился в кокблочера[28]? — смеясь, произносит Гас.

— Мне пора возвращаться к работе. Вечером созвонимся, именинник. Хорошего дня.

— И тебе, милая. — Обожаю, когда он называет меня так. Его голос становится мягче и как будто окутывает тебя. У меня мгновенно теплеет внутри, а сердце начинает самым настоящим образом выпрыгивать из груди. Вот такая вот, физическая реакция.

— Пока.

— Adios, amiga.

Суббота, 27 января (Гас)

Сегодня утром Скаут привезла в студию Пакса. Парень был ошеломлен. Это воодушевило меня, и теперь финальная партия для гитары записана. Она эпична.

Мы вместе приезжаем домой в районе обеда. Ма уже приготовила для меня капкейки и вегетарианские тако. Боже, как же я люблю эту женщину.

Ма, Скаут, Пакс, его девушка Мэйсон и я празднуем мой день рождения с небольшой задержкой.

А в завершение дня, Скаут появляется передо мной в чем мать родила.

Мы круто отрываемся.

А потом я обнимаю ее всю ночь.

Обожаю быть дома.

Воскресенье, 28 января (Скаут)

Когда я выхожу из душа, то вижу на зеркале записку.

Самый лучший секс — в Сан-Диего.

Воспоминания о прошлой ночи заставляют меня покраснеть.

В Сан-Диего и правда самый лучший секс.

Воскресенье, 4 марта (Гас)

Последние несколько месяцев я молча наблюдал за тем, как отношения между Ма и доком Бэнксом перерастают в нечто серьезное и стабильное. Думаю, пора поговорить с ней об этом.

— Привет, Ма.

— Привет, милый. — Она сидит на веранде с чашкой кофе в руках и читает книгу.

— У тебя есть минутка?

— Конечно. Что случилось? — отложив книгу на стол, обеспокоенно интересуется Ма.

Иногда я забываю, что, несмотря на то, что я уже давно не маленький мальчик, она всегда будет думать обо мне именно так. Когда я подхожу к ней как сейчас, ее мозг незамедлительно входит в режим «решения проблем — что можно сделать, чтобы исправить ситуацию».

Я качаю головой, целую ее в лоб и сажусь рядом.

— Ничего. — Моя улыбка говорит о том, что я не вру. — Это насчет дока Бэнкса...

— Ты можешь звать его Эрик, — прерывая меня, дружелюбно напоминает Ма.

— Мне больше нравится док Бэнкс. Звучит круче. Ну так вот, насчет Эрика. Он тебе и правда нравится?

— Да.

— Ты его любишь? — Для меня это очень важно, я хочу, чтобы ее сердце было отдано тому, кто действительно этого заслуживает.

— Да.

— И собираешься выйти за него замуж?

Сияние ее глаз становится для меня очевидным ответом.

— Мы с ним говорили об этом. — Он и правда заслуживает ее сердца, потому что никто и никогда не вызывал в ней этого желания.

Не знаю, почему я настолько рад этому. Наверное, потому что Ма всегда была силой, с которой нужно считаться. Женщиной, которая добивается всего, чего хочет. Всю свою жизнь она была сама по себе. Любила и заботилась о других, но всегда была независимой. Теперь мне становится ясно то, что я давно подозревал — она пожертвовала своей личной жизнью, чтобы посвятить ее мне.

— Ты правда этого хочешь?

Она кивает.

— Да. Он хороший человек, Гас. Думаю, поиск идеального партнера — это дело времени.

— Что ты имеешь в виду?

— Люди находят друг друга тогда, когда готовы к отношениям. Когда нужны друг другу.

Именно из этого и развиваются самые крепкие союзы.

Мои мысли, как и всегда плавно перетекают к Скаут. Она нужна мне. Эта не та нужда, которая заставляет сердце плакать. Моя — делает меня цельным человеком. Позволяет мне не забывать, кто я есть и стремиться к большему. Ради меня. Ради нее. Ради нас. Это нужда, которая окрыляет, потому что, когда и где бы она ни появилась, я знаю, Скаут будет рядом. Как Ма и сказала, все дело во времени. Нам было больно. Мы страдали. Но вместе мы излечили друг друга, даже не осознавая этого. Я перевожу взгляд на Ма и смотрю ей прямо в глаза.

— Думаю, я люблю ее.

Она улыбается в ответ понимающей улыбкой.

— Не думаешь, милый... Я знаю, что ты любишь.

Вторник, 27 марта (Скаут)

Гас все еще спит, поэтому перед тем как уйти на работу, оставляю на двери записку.

«Загрузила на iTunes новый альбом «Rook». У солиста убийственно сексуальный голос;) Серьезно, я слушала на пробежке. Меня поражает твой талант. Ты должен гордиться собой»

По правде сказать, моя утренняя пробежка превратилась в прогулку. Я была настолько охвачена звуками, раздающимися в наушниках, что не могла бежать. В какие-то моменты я просто садилась и слушала. Несколько месяцев назад я была свидетельницей того, как он писал эти песни, и играл их на гитаре в своей комнате. Это было волшебно. Но сейчас, когда они превратились в треки группы? Я просто ошарашена. Утром, вернувшись с пробежки, я украдкой смотрела на него. Он лежал на животе, укрывшись простыней, и крепко спал. Я знала, что он голый, потому что именно таким его и оставила. Абсолютная мужественность и чистый соблазн — первое, что я всегда думаю, глядя на него. Гас нереален. Утром, когда я открыла глаза и посмотрела на него, меня охватило чувство благоговения. Передо мной лежал божественно красивый мужчина, который может быть смешным, добрым, милым, сексуальным и очень, очень заботливым. Сложно поверить, что все это сосредоточено в одном человеке. А самое главное, Гас даже не представляет, насколько он особенный. Его скромность также прекрасна, как и он сам.

Суббота, 31 марта (Гас)

Утром, проверяя телефон, обнаруживаю сообщение.

Клер: *Поздравляю с новым альбомом! Купила вчера и слушала всю ночь. Он феноменален! Отличная работа.*

Я: *Спасибо. Бросила курить?*

Клер: *Да. Две недели назад. Не хотела говорить тебе, чтобы не сглазить. Это так тяжело. Как насчет тебя?*

Я: *Да. Согласен, чертовски тяжело. Так держать. Наши пари расторгнуто; потрати эти деньги на жвачку.*

Клер: *Жвачку?*

Я: *Да. Помогает. И не спрашивай почему.*

Клер: *Попробую. Удачи.*

Я: *Спасибо. И тебе тоже.*

Четверг, 4 апреля (Гас)

Завтра вечером мы отправляемся в тур. Утром, в одиннадцать часов, я лечу в Феникс. Машина приедет за мной в восемь тридцать. Сумки вместе с гитарами уже стоят наготове возле входной двери. Скаут помогла мне их упаковать недельным запасом джинсов и футболок. А также купила двухнедельный запас носков и трусов на случай, если я не смогу найти прачечной.

Она лежит на кровати рядом со мной. Мы смотрим друг на друга. Наши тела соприкасаются, все еще цепляясь за ту близость, которой мы наслаждались всего лишь несколько минут назад. Секс с ней никогда не надоест. Мое тело не может насытиться ею, а в самые интимные моменты, я чувствую себя цельным, как эмоционально, так и физически.

Скаут выглядит сонной. Уже поздно. Я убираю с ее щеки волосы. Мне нравится, что она больше не боится, когда я дотрагиваюсь до ее шрамов. Она стала на удивление уверенной в себе женщиной. Я очень горжусь ею.

— Скаут?

— Да, малыш? — Она впервые назвала меня не по имени, и я мгновенно возбуждаюсь. Эта девушка просто убивает меня.

— Я люблю тебя, — со всей серьезностью произношу я.

У нее дергаются уголки губ, а потом она крепко их сжимает. Я боюсь, что Скаут начнет плакать, потому что ее глаза начинают блестеть, а по щеке скатывается первая слезинка. Но потом она улыбается самой прекрасной улыбкой из всех, что я видел.

— Ты не представляешь, как давно я хотела услышать это от тебя. Я тоже тебя люблю. Очень.

Я дарю ей поцелуй. Это и *признание в любви, и благодарность*.

— Я буду скучать по тебе. — Тур продлится пять месяцев. Три из них мы проведем в США, а потом улетим на гастроли в Европу. Выступления будут проходить в крупнейших городах и залах. Ну, за исключением Гранта. На этом мы настояли в память об Опти.

— Я тоже буду скучать по тебе, но у меня есть связи в группе. Он вроде как большая шишка и снабдил меня билетами. Так что жди в гости. — Я уже купил билеты на все субботние выступления в Америке и отдал их ей вместе с билетами на самолет.

— Спасибо. Мне нравится, что я смогу хоть иногда разделять все это с тобой.

— Альбома не было бы, если бы за дверью не сидела ты.

— Думаю, тогда я и влюбилась в тебя окончательно. В ту неделю... слушая, как ты изливаешь душу... я стала твоей навсегда.

— Честно признаться, ты зацепила меня с первой встречи. Между нами были сплошные противоречия, но оглядываясь назад, я понимаю, что нам суждено было быть вместе с самого начала. Наверное, это все твои стикеры.

— Они тебе нравятся!

— Да. Автобус уже не будет таким же без тебя и их.

Пятница, 6 апреля (Гас)

Утро было идеальным: предрассветный секс со Скаут, серфинг на великолепных волнах

и завтрак со Скаут, Ма и Паксом. Три вещи, которые настроили меня на путешествие.

Все собрались на работу и в школу, мы попрощались, и они ушли. Было грустно, но не настолько, как я ожидал. Скаут, Ма и Пакс были так рады за меня и, что еще важнее, гордились мной. У меня такое чувство, что в этот раз я это заслужил.

Работал изо всех сил, чтобы сделать альбом эпичным, а теперь собираюсь выкладываться по полной на гастролях. Каждый чертов вечер.

Я стою на подъездной дорожке с вещами и, наслаждаясь солнечным теплом, жду, когда появится машина, чтобы отвезти меня в аэропорт. Наконец, она подъезжает вместе с Франко. Он выбирается из нее и раскрывает руки, будто для объятий. Мой взгляд упирается в его футболку, и я заливаюсь смехом.

Франко пытается сохранить серьезное выражение лица, но у него это плохо выходит.

— Совершенно верно, придурок. Очень-очень.

На его футболке написано: *«Меня возбуждает Гас»*.

— Где, черт возьми, ты это взял? — говорю я, помогая водителю загрузить вещи в багажник.

Он пожимает плечами и поворачивается ко мне спиной.

— Это на продажу, чувак. — На другой стороне футболки логотип «Rook» и расписание американских гастролей.

— Но это ведь шутка? — не в силах прекратить смеяться спрашиваю я.

— Нет, все по-настоящему.

— Что за хрень? Почему я об этом не знал?

Франко качает головой, как будто это совершенно очевидно, и залезает в машину.

— Потому что ты бы не согласился, мистер Застенчивая задница. Цыпочки обожают тебя. Мы просто изложили очевидное. Это же гениальная идея. Они разлетятся за минуту.

Я забираюсь вслед за ним.

— Мне нужна одна для Скаут.

Он с дьявольской ухмылкой потирает руки и отвечает:

— Уже готова. Будет ждать тебя сегодня вечером за стойкой. Специальный заказ, в единственном экземпляре. *«Я возбуждаю Гаса»*.

Я хлопаю в ладоши и снова смеюсь.

— Круто, черт возьми. И правда. Я заставлю ее надевать эту футболку на каждое выступление, — говорю я.

Обожаю этого недоумка.

Суббота, 23 июня (Скаут)

Мы с Пакстоном стоим сразу же за зоной выдачи багажа. Местное время девять часов тридцать минут утра, а воздух в Миннеаполисе уже горячий и липкий.

Пока мы ждем, я отправляю сообщение Гасу:

«Только что приземлились в MN. Ты где?»

Он мгновенно отвечает:

«Будем в Гранте в полдень. Тебе, наверное, стоит уже сейчас положить трусики в сумку. Просто, чтобы сэкономить время»

Я: *Уже сделала. Я очень сообразительная.;*)

Гас: *И возбужденная.*

Я: Да.

Гас: Мокренькая?

Я: И это тоже.

Гас: И я. Люблю тебя.

Я: Я тоже люблю тебя.

Пакстон беспрестанно поправляет лямки на рюкзаке. Он сегодня немного суетливый; то ли потому, что с нетерпением ждет концерта «Rook», то ли нервничает из-за встречи с отцом. Они не разговаривали уже несколько месяцев. Пакстон больше не отвечает на его звонки.

До меня доносится какой-то «вымученный» рев мотора и вскоре на обочине паркуется старый потрепанный зеленый «Субурбан». Это, должно быть, Дункан. Его машина выглядит именно так, как и описывал Келлер: ржавая, побитая и одна из дверей выкрашена в красный цвет. Я машу рукой, чтобы он знал, где мы стоим.

Парень отвечает мне тем же и подъезжает к нам. Я забираюсь на переднее сиденье и уже собираюсь представиться, как сзади раздается голос Пакстона:

— Круто! Подушки.

Я знаю, что, скорее всего, расслышала его слова неправильно, поэтому продолжаю:

— Ты, наверное, Дункан.

— Ага. А вы, судя по всему, знаменитые Скаут и Пакстон. — Его лохматые волосы и борода такого же глубокого, ярко-рыжего оттенка, как и у Стеллы.

— Так и есть. — Только после этого я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Пакстона. Он не слышал ни слова из того, что мы говорили. Парень смотрит куда-то вниз с улыбкой, которой я не видела у него с тех пор, как ему исполнилось семь-восемь лет. Пакстон поднимает голову и повторяет то же, что сказал и в первый раз.

— Подушки. Это гениально.

— Круто, правда? — произносит Дункан, выезжая на дорогу. — Гораздо удобнее, чем обычные сиденья.

Пакстон ерзает на своем месте, как будто хочет проверить правильность этих слов.

— Гораздо удобнее, — соглашается он.

Дорога до Гранта не занимает много времени. За разговором я даже и не замечаю, как мы останавливаемся возле кофейни.

Дункан глушит мотор.

— Келлер сейчас на балете со Стеллой и появится не раньше, чем через пол часа. Нам нужно где-то убить время, так что заходите. Я угощу вас кофе.

— Я не против. Спасибо. — Не знаю, то ли я устала, потому что не спала всю ночь, то ли меня отпускает адреналин, под воздействием которого я находилась все утро. Как бы то ни было, мне нужно кофе.

Когда Дункан толкает огромную деревянную дверь, раздается какой-то звон.

— Что за хрень? — вздрогнув, вскрикиваю я.

— В маленьких городах люди испытывают привязанность к колокольчикам, — добродушно улыбаясь, отвечает Дункан.

Я тоже улыбаюсь, хотя и немного ошеломлена тем, что такой крохотный предмет произвел столь много шума.

— Я не слышу этим ухом, но и то чуть не оглохла.

— Добро пожаловать в «Граундс», — хихикает он.

Здесь уютно. Маленькие столики и стулья. Возле камина несколько диванчиков. Уверена, тут отлично проводить время зимой. Само здание довольно старое и притягательное. Это место, которое вызывает у тебя желание сесть и никуда не уходить.

— Здесь круто.

— Да, так и есть, — кивает головой Дункан. — Дом вдали от дома. Келлер со Стеллой живут в комнате в задней части «Граундс», а по утрам он здесь работает.

— Дункан, вижу, ты привел друзей, — раздаётся дружелюбный голос с сильным акцентом, привлекая мое внимание к мужчине за стойкой.

— Ром, как дела?

— Хорошо. А у тебя?

— Как в сказке, дружище. — Когда он произносит эти слова, я понимаю, что это правда. Некоторые люди просто очень искренние и это первое, что замечаешь при встрече с ними. Дункан именно такой — по-настоящему хороший милый парень. — Познакомься с моими новыми друзьями, Скаут и Пакстоном. Они приехали из Калифорнии.

— О да, Калифорния. Прекрасное место. Вы, должно быть, друзья Келлера. Он говорил что ожидает сегодня гостей. Меня зовут Ромеро.

— Рады познакомиться, Ромеро. Мы приехали на концерт, — отвечаю я.

— Ну конечно же. Келлер упоминал об этом. Сегодня выступают друзья Кейт. — Он смотрит на Дункана в ожидании подтверждения.

— Да, они отлично играют, — кивает тот. — Тебе стоит пойти с нами.

Ромеро стеснительно улыбается.

— Я слишком стар для этого, пісо[29], но слышал их. Келлер давал мне послушать несколько песен. Кейт пела и играла на скрипке. Она — это нечто, правда? Такая трагедия.

Каждый раз, когда кто-то упоминает имя Кейти, мне становится жаль, что я с ней не встречалась. Все, кто ее знал, говорят о ней с такой любовью. Как я понимаю, именно ее дружба — одна из причин почему Гас стал тем, кто он есть, и я очень благодарна Кейти за это.

— Да. А еще она завоевала сердце Келлера.

Ромеро нежно улыбается.

— Эта девушка изменила Келлера. Встряхнула его. Я так горжусь им.

Дункан соглашается с ним. Как приятно слышать, когда люди поддерживают и переживают за своих друзей.

— Я тоже, Ром. — С этими словами он переводит взгляд на нас. — Выбирайте. Я плачу. У Рома лучший кофе в округе. А «Хауз Бленд» и вовсе легендарный.

Я заказываю маленький стакан «Хауз Бленда», пока Пакстон изучает меню. Он останавливает выбор на макиато и со счастливым видом наслаждается им. Неожиданно из-за стойки выпрыгивает Стелла.

— А где Гас? — кричит она, осматриваясь по сторонам.

— Привет, Стелла. Он еще не приехал, но скоро будет.

Она подбегает и усаживается на мои колени.

— Привет, Скаут.

Боже, она самое очаровательное создание в мире.

— Привет, Стелла. Как балет? — На ней все еще бледно-розовые колготки и костюм.

— Мисс Толер сегодня была зла, как горилла, потому что Эми и Эшли не слушали ее. *Снова*, — она закатывает глаза. Для всех нас намного легче, когда они делают то, что им

говорят.

Дункан ухмыляется, пытаясь сдержать смех.

— Близняшки снова были противными девчонками?

Наблюдать за Стеллой — это как видеть взрослого человека, заключенного в тело маленького ребенка.

— Они ведут себя просто возмутительно, дядя Дункан. Как бы мне хотелось, чтобы они уже выросли.

Дункан продолжает ухмыляться, но подстраивается под ее серьезный тон:

— В любом месте всегда бывает одна вонючка, Стелла. Иногда две. Такова жизнь, малышка. Добро пожаловать в реальность.

— Вонючие люди — это такой отстой, — бурчит она, а потом сползает с моих колен и берет за руку. — Пошли посмотрим мисс Хиггинс.

Мы обходим прилавок, Пакстон и Дункан следуют за нами. Комната Келлера находится в другом конце помещения. Она выглядит маленькой, но очень уютной.

Келлер машет нам рукой, приглашая войти; он разговаривает по мобильному.

Как только я заканчиваю знакомство с мисс Хиггинс, а Келлер телефонный разговор, мне приходит сообщение от Гаса.

«Будем через двадцать минут. Встречаемся в зале».

Знаю, я видела его всего шесть дней назад, но при мысли о том, что он скоро будет рядом, сердце начинает биться часто-часто.

«Хорошо».

Гас: *Люблю тебя.*

Я: *И я тебя.*

Мы со Стеллой едем в машине Келлера, а Пакстон с Дунканом в «Субурбане».

Когда на стоянке останавливается автобус, я не знаю, кто рад Гасу больше: я, Стелла, Пакстон или Келлер.

Гас выходит первым; Стелла уже стоит, чтобы поприветствовать его. Он берет ее на руки и у меня теплеет на сердце. Дети тянутся к Гасу и любят его. Он нежный и добрый, а однажды станет самым лучшим отцом на свете.

Поставив Стеллу на землю, Гас обнимает Пакстона. Я стою достаточно близко, чтобы расслышать то, что он ему говорит.

— Я общался с твоим отцом, чувак. Знаю, он не идеал, но все же любит тебя. Ты должен с ним поговорить. Услышь его. Он знает, что напортачил.

Пакстон кивает и отпускает Гаса.

Теперь он, наконец, переводит взгляд на свою девушку, и на его лице расплзается улыбка, предназначенная только для меня.

— Как тебе Миннесота, милая?

Я практически сворачиваюсь в клубок в его руках.

— Жарко. Липко.

— Это типа флирт? Если да, то он работает, — прерывает меня Гас.

— На самом деле здесь чудесно. Много милых людей.

Он еще крепче прижимает меня к себе.

— Подожди. Ты еще не всех увидела. Сегодня будет эпичный день.

Следующий в очереди Келлер. Они сжимают друг друга в объятиях как два человека, связанных общими узами. А когда этими узами является любовь, то объятия становятся

могучими.

— Путешествуешь с удобствами, как я посмотрю, — говорит Келлер, показывая на автобус.

— Не жалуясь, чувак. Вот только койка через проход никем не занята, — Гас смотрит на меня и подмигивает.

— Я рад, что ты здесь. Вы хотите освежиться или выпить кофе перед тем, как идти есть? Можно заехать ко мне.

Гас нюхает подмышки.

— Не-е, я свеж, как незабудка, чувак. Поехали, я умираю с голода.

Группа вместе с Пакстоном едут с Дунканом, потому что привлекательность подушек слишком велика, чтобы ее проигнорировать. Вы ничего не знали о жизни, если не видели четырех взрослых мужчин, радующихся поездке в автомобиле на подушках. Я сняла видео. Уверена, оно будет невероятно популярным.

Мы с Гасом и Джимом едим с Келлером. Гас, кажется, нормально общается с дядей. Довольно приятные перемены, учитывая то, что прошлым летом они не могли находиться даже в одной комнате друг с другом. Думаю, они оба изменились. Джим рассказывает мне обо всем, что происходит с Джейн. Когда мы говорим с ней, она не хочет обсуждать свое выздоровление. Я не настаиваю, поэтому мне приятно узнать обо всех деталях сейчас. Благодаря интенсивной терапии и консультациям, Джейн становится лучше. Это радует.

Мы прибываем в бар «Ред Лайон Род». Келлер работает здесь барменом по пятницам, поэтому нам уже сдвинули несколько столиков возле задней стены.

После того, как заказана пицца, пиво и газировка для меня, Пакстона и Стеллы, все начинают общаться.

В течение нескольких часов наша группа разрастается.

Первой присоединяется высокая девушка моего возраста. Когда она входит, я не могу отвести от нее взгляд. У нее черные волосы, темные глаза и соблазнительно тело.

Но первое, что замечаешь — это сила и благородство, которые окружают ее. Она держится так, что сразу понимаешь — к этой женщине лучше относиться с уважением.

Дункан встает и целует ее. Девушка улыбается и все в ней сразу становится мягким. Наверное, это его невеста, Шелли.

— Привет всем, — говорит она перед тем, как устроиться рядом с Дунканом. Голос — низкий и хриплый — идеально ей подходит.

Гас приветственно поднимает пиво:

— Шелли! До дна, девочка! Я сделал на тебя ставку. Расстояние. Главное — это расстояние.

У нее краснеют щеки.

— Привет, Гас. Сегодня я собираюсь ограничить употребление спиртного до разумных пределов.

— Вот черт. С тобой теперь не оторвешься, я-то думал..., — подшучивает он.

— А я не говорила, что не собираюсь отрываться. Просто в этот раз мое веселье не закончится метанием блевотины на стоянке.

Гас отодвигает стул и поднимает кружку с пивом.

— Мне хотелось бы сказать тост. Ходят слухи, что скоро будет свадьба. Поздравления Дункану и Шелли.

Все поднимают свои кружки и стаканы и присоединяются к поздравлению.

— А я хотела бы поздравить «Rook» с выходом нового альбома, — произносит Шелли. — Он, черт возьми, невероятен. Вы превзошли самих себя. Жду-не дождусь сегодняшнего выступления. — Она определенно их фанатка. Мне нравится эта девушка.

Нас не успевают представить, потому что появляются еще две пары. Маленький милый парень в причудливом наряде и высокий, темноволосый хорошо одетый мужчина, которые держатся за руки. Несмотря на очевидные различия, они замечательно смотрятся вместе. Как половинки одного целого. С ними заходит парень немного консервативного вида и кроткая, как овечка девушка. Они выглядят вполне обычно. Не то, чтобы это было плохо, просто на фоне тех людей, которые меня сейчас окружают, нормальность очень выделяется. Они оба тихие, но дружелюбные.

Мы все представляемся. Клейтон и Моррис прилетели на выступление из Лос-Анджелеса. Питер и Эвелин учатся в том же, колледже, что и Келлер. Я узнаю, что Клейтон и Питер делили одну комнату в общежитии, а напротив жила Кейт. Шелли работала вместе с Кейт в цветочном магазине.

А потом начинаются истории. Этот день полностью посвящен Кейт и памяти о ней. Все за столом кроме меня, Пакстона и Джима, знали и любили ее. Просто поразительно, что некоторые из них, а особенно Келлер, знали Кейт всего несколько коротких месяцев. Тем не менее, дружба была невероятно глубокой и значимой, а любовь — настоящей. Они не прекращают смеяться и с каждым воспоминанием улыбки на их лицах становятся все шире и шире. Никакой грусти, все на позитиве и счастливы. Кейт удалось изменить и затронуть многих людей.

Время летит очень быстро и вскоре Джим с неохотой объявляет, что уже четыре часа и пора начинать саундчек. Я поражена, что он не хочет заканчивать происходящее и вижу, как ему немного не по себе от того, что приходится это делать. Но им нужно работать.

Келлер разрешает мне, Гасу и группе воспользоваться своей машиной. Пакстон и Джим остаются, чтобы поговорить. Я рада, это уже давно было необходимо сделать.

На саундчеке я начинаю сожалеть о том, что не воспользовалась всеми преимуществами, которые открывались для меня, пока я была с ними в туре. Сейчас это кажется упущенной возможностью.

Но такому больше не бывать. Никогда. Жить — это значит наслаждаться каждым мгновением. Делать то, что нужно и хочешь. Больше никаких сомнений. *Только жизнь.*

Посреди песни Гас внезапно останавливается и отвечает на телефонный звонок. Это очень странно. Пообщавшись с кем-то несколько секунд, он говорит мне в микрофон:

— Скаут, у нас VIP-гость у входной двери. Ты не могла бы попросить, чтобы его пустили?

Я киваю и спрыгиваю с перил, на которых сижу.

Когда один из работников открывает дверь, я вижу Густова с футляром для скрипки в одной руке и маленьким чемоданом в другой.

Он ставит их на пол и сжимает меня в объятиях.

— Скаут, как я рад снова видеть тебя, юная леди.

— Привет, Густов. Не знала, что вы собираетесь приехать.

— Все было решено в последнюю минуту, я просто не мог отказаться. Сегодняшний вечер будет очень особенным.

(Гас)

Мне становится трудно дышать, когда я вижу, как Густов поднимается на сцену с футляром со скрипкой в руках. Нет, не от грусти, а от счастья, которое охватывает тебя, когда встречаешь старого друга.

— Спасибо, что прилетел, маэстро.

— Это для меня большая честь, мой мальчик. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы Кейти гордилась мной.

На прошлой неделе я позвонил Густову и спросил, не сможет ли он приехать в Грант и помочь нам исполнить «Missing You» и «Finish Me». Он, не раздумывая, согласился, несмотря на то, что ему придется пропустить сегодняшнее выступление в Бостоне.

Он раньше никогда не играл с нами, поэтому, не теряя времени, мы несколько раз репетируем композиции. Этот парень не перестает удивлять меня своим безупречным исполнением. Я польщен тем, что стою рядом с ним на этой сцене.

Концерт начинается через пять минут. Впервые с начала тура я нервничаю. Сегодня мы выступаем для очень маленького количества зрителей — всего пять сотен человек — но они все в нетерпении. Я стою за кулисами и смотрю на толпу, выискивая Скаут. Она устроилась в первом ряду вместе с Пакстоном, Келлером и друзьями Опти. На ней футболка «Я возбуждаю Гаса». Скаут, не переставая, улыбается весь день. В последнее время она всегда это делает, но сегодня немного по-другому. Она знает, насколько это важно для меня и хочет разделить происходящее со мной. У нее нет ревности. Скаут знает, насколько я любил Опти, но она также понимает, что это не умаляет моих чувств к ней. У меня достаточно большое сердце, чтобы вместить их обеих. Опти помогла мне стать тем, кто я есть, а Скаут напомнила мне, кем я был. Мою любовь к ней сложно описать словами.

Неожиданно кто-то опускает руки мне на плечи.

— Ты в порядке, здоровяк? — Это Франко.

— У меня все хорошо, чувак. *Очень хорошо.*

Он замечает, что я не отрываю взгляд от Скаут.

— Это несправедливо!

— Что несправедливо? — спрашиваю я, повернувшись к нему.

Франко показывает подбородком в сторону Скаут.

— Что такой кусок говна как ты отхватывает себе самых крутых цыпочек.

Я не могу сдерживать смех.

— Знаешь, что? Просто я удачливый кусок говна.

Франко сразу же становится серьезным.

— Ты не кусок говна, Гас. Ты мой лучший друг и лучший человек из всех, кого я знаю. Крутые парни привлекают крутых цыпочек. Так что вы типа идеальны друг для друга.

Нас прерывает Джим; я перестал звать его Гитлером, когда он прекратил вести себя как первоклассный говнюк. У него сейчас куча проблем. Он старается с ними справиться, а я пытаюсь поддерживать его.

— У вас осталось меньше минуты, — говорит Джим. — Удачи, парни.

Я забираю у Слима, одного из наших помощников, гитару. На нем футболка «Гас делает меня влажным». Думаю, Франко заплатил ему просто для того, чтобы смутить меня.

— Иди и покажи им класс, Гас. — Он говорит так перед каждым выступлением и мне это очень нравится.

— Покажу, чувак, — отвечаю я, как и всегда. — Ну что ж, поехали, — кричу я своей

группе, и мы выходим на сцену.

Толпа уже неистовствует и готова оторваться.

Когда гаснет свет, раздаются бурные аплодисменты. Я перевожу взгляд на первый ряд, где сидят знакомые лица, и чувствую, что за моей спиной серьезная поддержка. Подмигнув Скаут, я обращаюсь к зрителям:

— Как дела, Грант? — Аплодисменты и крики становятся еще громче. — Давненько нас тут не было. Что скажете, если мы наверстаем упущенное и хорошо повеселимся сегодня?

Мы начинаем с «Redemption». Все знают песню и подпевают мне. Отличный способ начать вечер.

Следующие два часа мы играем. Обычно наше выступление длится где-то половину этого времени, но сегодня особенный день и мы исполняем все, что у нас есть, включая несколько кавер-версий, которые нравились Опти.

Густова мы приберегли напоследок. Взмахом руки, я успокаиваю толпу.

— Кто был тут в прошлый раз, когда мы выступали? — Судя по выкрикам, около половины зала. — Что ж, тогда вы имели честь видеть мою лучшую подругу. Кейт Седжвик была невероятно талантливой девушкой. У нее был замечательный голос, и она феноменально играла на скрипке. Полтора года назад мы ее потеряли. Рак, черт возьми. Но я знаю, что сегодня ее душа с нами. Она смотрит и слушает, поэтому я хочу сказать, что мы скучаем по тебе каждый день, Опти. И сегодняшней вечер... он только для тебя. Кто-то очень особенный проделал долгий путь, чтобы сыграть с нами две последние песни. Маэстро, выходите.

С левой стороны сцены появляется Густов и садится на край стула, который специально поставили для него. Он, как всегда, выглядит собранным и спокойным.

— Этот чувак гораздо круче нас, но мы сегодня сделаем все, что в наших силах, чтобы соответствовать ему. Опти, это для тебя.

Вступление к «Finish Me» — это все Густов. Зал наполняет мрачная, печальная мелодия. Она заводит меня. Я ощущаю, как будто снова нахожусь в студии вместе с Опти, и мы записываем эту песню — только без боли в сердце. Я пою и играю вне своего тела. Подобное вдохновение находит очень редко, и я отдаюсь ему, полностью погружаясь в музыку. Мы переходим к «Missing You». Густов заставляет свой инструмент петь вместе со мной. Это невероятно и вытягивает из меня все эмоции, оставляя добровольно истекать кровью на этой сцене. Когда скрипка замолкает, и песня заканчивается, мне приходится сделать несколько глубоких вдохов, чтобы снизить уровень адреналина и успокоить пульс. Густов кивает мне, а потом и зрителям.

— Спасибо за то, что позволили мне быть частью всего этого. Кейт была очень особенной юной леди. Надеюсь, ей понравилось. — С этими словами он встает и кланяется, а толпа начинает неистовствовать.

— Вау. — Мне приходится сказать это вслух. Я в шоке и никогда не смогу забыть эти семь минут своей жизни. — Давайте еще раз поблагодарим этого гребаного гения. — Густов снова кланяется и уходит. Я смотрю на Франко, все еще ошеломленный тем, как все прошло. — Неужели это было на самом деле?

Взгляд Франко говорит о том, что он чувствует себя точно также. Он медленно кивает и заливается смехом, ну а я присоединяюсь к нему. Знаете, иногда случается то, что превосходит ваши самые смелые ожидания. Вы не можете подобрать слов и думаете «что,

черт возьми, это было». И тогда остается только смеяться, потому что вы настолько поражены, что не понимаете, что еще делать. Именно это сейчас и происходит. И мне радостно от того, что Франко на одной волне со мной, иначе я подумал бы, что, в конце концов, сошел с ума.

Закончив смеяться, я поворачиваюсь к зрителям.

— У нас осталась еще одна песня. «Killing the Sun». Но мне нужна ваша помощь. Я хочу, чтобы вы громко и дружно исполнили ее вместе со мной. Так громко, чтобы нас слышали даже в соседних штатах. — Я перевожу взгляд на Пакс и улыбаюсь.

— Это для тебя, Пакс.

В следующее мгновение пять сотен людей начинают петь. Звук просто оглушительный. Это определенно самая лучшая публика за время тура. Я растягиваю соло на гитаре, потому что не хочу прощаться с сегодняшним вечером. Я проживаю песню, мечтая остановить солнце и просто держаться за этот момент.

После того, как мы заканчиваем выступление, зрители аплодируют еще добрых десять минут.

Возле автобуса нас встречают друзья Опти. Я благодарю их всех, и мы прощаемся. Уже практически полночь, но мы уезжаем только завтра. Мне удалось упросить Джима задержаться здесь. Завтра вечером мы играем в Де-Мойне, который находится всего в паре часов езды отсюда.

Я снова благодарю Густова и вызываю ему такси в аэропорт, чтобы он успел на ночной рейс в Бостон.

Последним меня обнимает Келлер.

— Отличное выступление. Правда. Вы, парни, — лучшее, что происходило в этом городе. Кейти бы вами гордилась.

— Спасибо и тебе, что пришел, чувак.

Келлер вручает мне ключи от машины.

— Я вернусь с Дунком. Пакстон едет с нами и переночует у меня. Я забронировал вам номер в «Хэмптон-инн». У вас со Скаут, наверное, было не много шансов провести время вдвоем в последнее время. Вам обоим это нужно. Передай ей, чтобы приезжала ко мне, когда проводит тебя завтра утром. Я отвезу их с Пакстоном в аэропорт.

Я смотрю на ключи в своей руке и на великодушного друга, который стоит передо мной, и не знаю, что сказать. Поэтому просто говорю:

— Спасибо, чувак.

Скаут выглядит недоуменной, когда мы вдвоем садимся в машину Келлера, но не произносит ни слова.

Еще большее недоумение у нее вызывает наш приезд в гостиницу. Но она продолжает молчать.

— Ну же, милая. Келлер забронировал нам номер.

Она улыбается так, как будто боится поверить, что это правда.

Зарегистрировавшись и получив ключ, мы направляемся в номер. Скаут выглядит очень задумчивой.

Когда за нами закрывается дверь, она, наконец, произносит:

— Гас?

— Да?

— За последние несколько месяцев я многое узнала о жизни. Жить... *по-настоящему*

жизнь... — это работа. Очень выматывающая, если ее хорошо делать. Если выкладываться каждый день. Каждую минуту. Каждую секунду. Но посреди всего этого хаоса скрывается красота. Вот она, награда. И сегодня... я стала свидетелем красоты посреди хаоса. Это было невероятно. Ты всегда великолепен, но сегодняшний вечер был особенным, и это почувствовали все.

— Да, черт возьми. Это работа. Но именно так и рождается красота. Она проявляется лишь когда прилагаешь к этому усилия. И сейчас я полностью погружен в жизнь. Сегодняшний вечер определенно был другим, уникальным. Я так счастлив, что ты была рядом. — Скаут откидывает голову назад, и я касаюсь ее губ своими. Наш поцелуй быстро набирает обороты. Я просто не могу сдерживать себя. Но через несколько секунд все же отрываюсь от нее.

— Мне нужно в душ. От меня воняет, как от торчка.

— От тебя сексуально пахнет, — улыбается она мне в губы и помогает снять футболку. — Правда.

Я хватаю Скаута за ворот *ее* футболки и отплачиваю ей той же монетой.

— Отличная маечка.

Она соблазнительно поднимает брови и говорит:

— Они великолепны. Наверное, стоит сказать, что я без ума от их солиста и даже сняла трусики и положила их в сумку на случай, если мы столкнемся.

Я расстегиваю ее джинсы и точно... под ними нет белья.

— Черт. Хочешь сказать, что целый день ходила с голой задницей, а я об этом ничего не знал? — Стягиваю с нее джинсы, и она переступает через них.

— Думала, что это сэкономит время. — Скаут дает ответ, который уже стал нашей с ней личной шуткой.

Когда я остаюсь в одном белье, а она в прозрачном кремовом бюстгальтере, мы переплетаем пальцы и смотрим друг на друга.

— Я люблю тебя, — говорю я от чистого сердца.

— Я тоже люблю тебя, малыш. — Каждый раз, когда она произносит «малыш», у меня перехватывает дыхание.

— Хочу, чтобы все было медленно. Хочу наслаждаться этим. Можно я просто подержу тебя в объятиях перед тем, как уйти в душ? Я соскучился.

Беру ее руки и кладу их себе на шею. Скаут прижимается ко мне и все сразу становится «правильным». Сначала я провожу ладонями по бедрам просто потому, что хочу прикоснуться к ней. Шрамы на правой стороне ощущаются по-другому по сравнению с гладкой поверхностью левого бедра. Но мне это нравится. Через несколько секунд на ее коже появляются мурашки, и я улыбаюсь, так как знаю, что это не от холода — она реагирует на прикосновения. Перемещаю ладони на поясницу и глажу ее кончиками пальцев. Мои руки скользят уже по спине, но встретив преграду, останавливаются. Сжав кулаки, делаю глубокий вдох, пытаюсь ослабить непреодолимое желание сорвать бюстгальтер. Просовываю пальцы под тонкие лямки и продолжаю продвигаться вверх, к лопаткам, а потом с чуть большим давлением опускаю ладони вниз. Медленно глажу ее шрам на правой стороне, сначала, едва касаясь его, а когда она расслабляется, сильнее. Я пытаюсь, не говоря ни слова, показать, что каждый сантиметр ее тела — совершенен.

Опускаю ладони на ягодицы и, несмотря на то, что мне хочется задержаться, продолжаю скользить ими вниз, а потом подхватываю ее и поднимаю. Она инстинктивно

обвивает меня ногами.

В этот момент происходит сразу три вещи: я прижимаю ее к себе, одно рукой поддерживая ягодицы, а другой обхватив Скаут за шею; я возбуждаюсь до боли в чреслах; и она целует меня.

Этот поцелуй...

Бог ты мой.

Ее язык играет с моими губами: слегка лизнет и отступит, вынуждая преследовать его. Когда мне удастся завладеть ртом, я, не теряя времени, заявляю о своих намерениях. Сегодня я буду только ее. Ее убежищем. Защитником. Другом. И любовником.

Собственнические движения ее языка, легкие покусывания моей нижней губы, нежные поцелуи и грубое оттягивание кожи в основании шеи... это рай. Я настолько увлечен ее ртом и тем, что он делает со мной, что только через несколько секунд замечаю, что ее бедра начали совершать волнообразные движения.

Черт, как хорошо.

Мои волосы собраны в хвост, но она стягивает резинку и сжимает их в кулак, зная, что это возбуждает меня больше всего. Мне нравится, когда Скаут держит волосы как поводья и «управляет» ими. Это невероятно сексуально.

Все набирает обороты. Ее дыхание. Движение бедер. Стоны. Сила страсти.

Скаут уже так близко и больше всего мне хочется видеть, как она «взрывается» у меня в руках.

Одной рукой я поддерживаю ее за ягодицы, а другую опускаю вниз и глажу пальцем клитор до тех пор, пока она не начинает молить меня:

— Хочу чувствовать тебя внутри, малыш. Пожалуйста.

Я слегка прикусываю ее шею, а потом нежно целую:

— Терпение, Нетерпюха. У нас еще вся ночь впереди.

— Пожалуйста, Гас. — Скаут извивается подо мной. Она уже близко, только не хочет отпускать себя.

Я наслаждаюсь этим моментом. Ее кулаки все еще сжимают мои волосы. Скаут на пике крышесносящего оргазма. Она молит меня о сексе, а я кусаю ее за мочку уха.

— Так лучше? — говорю я, наконец, проникая в нее пальцем.

— О... боже. — Скаут просовывает руку между нами и спускает мои плавки, обнажая несколько сантиметров члена. Ощущение его прикосновения к ее животу... *черт возьми.*

— Трахни меня. — Мои пальцы двигаются в ритме, который требует ее тело.

— Нет. Это ты трахни меня, Гас. — Это уже не мольба, а приказ. Если бы можно было заниматься сексом словами, то именно это бы сейчас происходило. Ее тон, слова, сила и звук голоса...

Они как будто трахают.

Ее грудь выпирает из крошечного лифчика. Не теряя времени, я хватаю зубами кружевную ткань и тяну вверх, с нетерпением ожидая момента, когда мои губы накроют твердый сосок, но она неожиданно... кончает.

Скаут открывает рот и кричит мне в плечо... Я чувствую каждый звук, который волной проходит через меня. Резонирует. Вибрирует. Как музыка.

Наконец, она замирает и стеснительно улыбается:

— Я была не слишком громкой?

— Громкой? Нет. Сексуальной? *Чертовски.* — Опускаю ее на пол, спускаю плавки и

снимаю с нее лифчик.

По пути в ванную комнату, Скаут, как девчонка восхищенно произносит:

— Не могу поверить, что мы будем ночевать здесь.

— Я тоже. Обожаю, черт возьми, совместные ночевки, — шучу я.

— Особенно, когда сон не входит в их программу, — смеется Скаут.

Неожиданно ее улыбка меркнет, а глаза темнеют от страсти. Боль в паху становится невыносимой. Я поворачиваюсь так, чтобы наши тела соприкасались, но не обнимаю ее. Вместо этого подношу губы к уху Скаут и говорю, даже не понижая голоса:

— А теперь я принимаю твое предложение.

— Правда? И что вы собираетесь со мной делать, мистер Хоторн?

Черт, внутри этой женщины определенно живет дьявол.

— Ты хотела, чтобы я тебя трахнул. Я собираюсь взять тебя с собой в душ и исполнить это желание. А потом буду любить тебя в кровати до самого рассвета.

— Это, наверное, очень изматывающе. Хорошо, что я бегаю марафоны. Они вырабатывают выносливость.

Мы заходим в душ, и я опускаю ее руку на свой член.

— Он тоже очень выносливый. Поверь мне.

Пока я включаю воду, Скаут опускается на колени. Она никогда раньше этого не делала. И, черт возьми... то, что она делает ртом... Я хочу большего. Мне приходится сдерживать желание поднять ее, прислонить к стене и вжаться в это тело. Боже, как хорошо.

Скаут обнимает меня за плечи, обхватывает одной ногой и в мгновение ока я уже в ней. Никаких ограничений. Мы кричим. Требуем большего. Мои волосы снова в ее кулаке. У нас уже несколько недель не было такого уединения. Обычно все происходит быстро, в автобусе после выступления. Но сегодня? Сегодня я собираюсь любить ее... неоднократно.

Наши бедра как будто созданы друг для друга. Она знает мое тело как никто другой. Знает, что мне нравится. Обращает внимание на мою реакцию, когда пробует что-то новое. Скаут заставляет мое тело петь.

Ну а я всегда отвечаю ей взаимностью.

Мы больше не можем сдерживаться. Наш финальный взрыв — это нечто. Я пульсирую в объятиях ее собственного оргазма.

Когда мы, наконец, отстраняемся друг от друга, она, ухмыляясь, произносит:

— Думаю, я только что влюбилась в Грант.

— Мое сердце принадлежит Сан-Диего, хотя и Грант стал одним из любимейших мест на планете. Секс в душе был феноменальным. К тому же он шел с бонусом, оральным.

Мы вытираемся, после чего я подвожу ее к кровати и целую. Это как обещание того, что ожидает Скаут дальше.

— Ложись на живот.

Она, не сомневаясь, делает то, что я прошу. Такая доверчивая. Открытая. Уверенная.

Я сажусь на ее бедра и упираюсь руками в кровать, по обе стороны от нее.

— Ты такая красивая.

Ее щека лежит на одеяле, она смотрит на меня уголком глаза сквозь волосы — я смахиваю их.

— Ты очень мил, — отвечает Скаут, принимая комплимент.

Я вжимаюсь бедрами в ее ягодицы.

— В постели я чудовище.

— Это угроза или обещание? — Болтовня закончена. Она переходит к делу.

— О, это обещание. Закрой глаза. Хочу, чтобы ты чувствовала меня; я собираюсь любить тебя. — Целую ее в щеку и начинаю медленно массажировать и касаться губами каждого сантиметра ее спины. А потом сосредотачиваю своё внимание на ухе и шее. Прокладываю дорожку поцелуев снизу в верх. Покусываю, посасываю. Мой член уютно устроился между ее ягодиц, и я начинаю двигать бедрами так, как будто нахожусь внутри ее. Просовываю руку, и когда мои пальцы находят нужную точку, она вскрикивает,

— Ты такая мокрая. Мне это нравится.

Она отвечает, но не словами. Скаут протягивает руку, хватая меня за бедра и впивается в них ногтями.

Это ее мольба:

Пожалуйста.

Да.

Сейчас.

Прямо сейчас.

Убираю руку и сажусь. Раздвигаю ноги и снова проникаю в нее пальцами. Она полностью погружена в свое собственное удовольствие. Я пытаюсь запечатлеть это зрелище в памяти, что проигрывать его позже, когда мы снова расстанемся.

— Ты уверена, что готова к этому?

— Да, — тихо говорит она, не открывая глаз.

Я вытаскиваю пальцы и направляю себя в лоно Скаут.

— Не открывай глаза. — Когда кончик моего члена касается ее, она начинает стонать. — Тебе будет так хорошо. — Я проталкиваюсь глубже, она вскрикивает. — М-м-м. — Когда первые ощущения становятся слабее, я прошу ее: — Сдвинь ноги.

— Но ты ведь не сможешь...

— Поверь мне, смогу.

Поймав медленный ритм, которые устраивает нас обоих, я ложусь на нее сверху. Мне нужно, чтобы моя кожа касалась ее.

— Я буду двигаться медленно, потому что, это так круто, но дай мне знать, когда будешь близко. Я хочу, чтобы мы сделали это вместе.

— Хорошо, малыш.

Я целую ее плечи, спину, говорю о том, какие чувства она вызывает во мне и что чувствую к ней я. Секс со Скаут — это как сыворотка правды. Невозможно утаить ни капли информации.

— Я уже близко, малыш, — внезапно произносит она.

Я переплетаю ее руки со своими и вытягиваю их вдоль кровати.

— Я тебя держу, милая. Я весь твой.

Она сжимает мои ладони и для меня этого признания достаточно, но Скаут добавляет:

— Ты весь мой.

Все наращивает обороты — желание, страсть, влечение. Теперь я уже вбиваюсь в нее, а она требует большего. Все в моем мире сейчас находится на грани. Мне хочется доставить ей удовольствие. И только. Когда это происходит, Скаут зарывается головой в подушку и начинает выкрикивать мое имя. Мое имя на губах в момент ее экстаза.

— Скаут. Ты — мой мир, Скаут, — как молитву, шепчу я ей.

Никогда в жизни не испытывал ничего подобного. Меня, как будто привязали к ракете и

запустили в космос. Тут и фейерверки, и удовольствие, и нужда, и любовь.

Очень много любви.

Среда, 22 августа (Гас)

Ма отвечает на первом же гудке, что очень странно.

— Привет, милый.

— Hola[30], Ма. Что нового в Штатах? — Мы находимся в Будапеште. Последний день тура. Завтра рано утром вылетаем домой. И зрители, и музыка были великолепны, но я уже хочу вернуться в родные пенаты — отдыхать и есть тако. Очень много тако.

— Забавно, что ты спросил, у меня для тебя есть новости. — Судя по голосу, она взволнованна.

— Ну тогда не мучай меня, расскажи.

— Я собиралась дождаться, когда ты приедешь домой. — Знаю, она поведает мне обо всем, иначе не стала бы поднимать эту тему.

— Нет. Ты не можешь так поступить, Ма. Это жестоко. Рассказывай. Ну серьезно, я не смогу сосредоточиться на концерте, зная, что ты что-то скрываешь от меня.

— Эрик вчера устроил мне сюрприз и нагрязнул в Сан-Диего.

— Круто. — Но это не новости. Ма и Док Бэнкс много времени проводят вместе и постоянно навещают друг друга.

— Он сделал мне предложение.

— И? — Не знаю зачем, но я задерживаю дыхание.

— Я сказала "да"! — визжит она.

На моих глазах выступают слезы счастья, потому что Ма заслуживает этого. Она заслуживает быть любимой и состариться рядом с близким человеком.

— Мои поздравления, Ма. — Я смахиваю со щеки слезу. — Жаль, что ты не дождалась, чтобы сказать мне об этом при встрече, потому что я так хочу тебя обнять. Я очень рад за тебя, Ма. Док Бэнкс невероятный счастливчик.

— Спасибо, Гас. Ты не против? Вернее, он нравится тебе?

— Конечно же, не против, Док Бэнкс отличный чувак.

— Вот и хорошо, — с облегчением выдыхает она.

— Кроме того, у меня теперь будет крутой братишка.

— И племянница.

— Черт, а я и забыл об этом. Я буду дядей для Стеллы! Ну разве это не удивительно? Без обид, Ма, но это самая приятная новость.

— Да никаких обид. Она станет моей внучкой. Я так этого жду. — Это правда. Ма обожает Стеллу.

— И когда свадьба?

— Мы еще не определились с датой, но скоро. Собираемся провести небольшую церемонию у нас дома.

— Звучит отлично. Значит, Док переезжает в Сан-Диего?

— Да, через две недели. Он устроился в отделение реанимации в Городской больнице.

— Круто. — Интересно, насколько все изменится, когда в нашем доме появится другой мужчина? Наверное, мне стоит оставить их одних. Они заслуживают начать новую жизнь только вдвоём. А я заслуживаю начать свою. Пора.

— Спасибо, милый.

— А Келлер знает? — Мне очень хочется позвонить ему и поздравить.

— Да, Эрик сообщил ему сегодня. Он рад за нас.

— Кто бы сомневался, ведь у него появится крутая мачеха.

— Ну что ж, милый, — смеясь, говорит Ма. — Мне нужно возвращаться к работе. Удачи сегодня вечером. Жду не дождусь твоего приезда. Я люблю тебя.

— Мне не нужна удача, ведь у меня есть Франко, Джейми и Робби. Я тоже с нетерпением ожидаю нашей встречи. И люблю тебя.

— Пока, милый.

— Пока, Ма.

— Я незамедлительно звоню Келлеру, но попадаю на голосовую почту. Наверное, он на работе. Поэтому отправляю ему сообщение.

«БРАТ!!»

Он перезванивает, когда мы возвращаемся в автобус после концерта, чтобы ехать в аэропорт.

— Брат! — приветствую я его.

— Привет, братишка. С ума сойти, правда? — Судя по всему, он также счастлив, как и я.

— Ага. Но по-хорошему.

— Определенно. Отец стал совершенно другим человеком после развода. Одри помогла ему стать лучше.

— Твоя мама в курсе?

— Сомневаюсь. Мы до сих пор не разговариваем. Наверное, мне стоит позвонить ей.

— А что думает Стелла? Она знает, что у неё скоро появится самый лучший дядя на всем белом свете?

— Малышка в курсе этого факта. Думаю, именно он и привлекает ее больше всего.

— Йес! Я сказал то же самое.

— Я хочу тебе кое-что сообщить... В понедельник у меня было интервью по телефону по поводу работы, уже второе, и теперь они хотят встретиться со мной лично. Я на 99 % уверен, что она уже у меня в кармане.

Наверно, это большое облегчение для него, учитывая то, что он недавно закончил колледж.

— Это ж замечательно. В той же школе, где ты проходил практику?

— Нет, в Сан-Диего.

— Что, правда? — Ну разве не круто, что Келлер и Стелла будут жить в Южной Калифорнии, с нами?

— Да. Эта работа подвернулась в последнюю минуту. В Миннеаполисе ничего подходящего не было, поэтому я и начал искать в Сан-Диего, по правде сказать, не надеясь на удачу.

— Завтра я возвращаюсь домой. Когда вы прилетите, я встречу вас, и мы отпразднуем это событие.

— Отличная мысль. Тебе пора идти. У вас уже ночь, или, точнее сказать, утро.

— Хорошо, скоро увидимся братишка.

— Пока.

— Пока.

Моя жизнь полностью изменилась за двадцать четыре часа. И самое главное, я рад

этому. Дома меня ждет много работы.

Четверг, 23 августа (Скаут)

Сначала я слышу его сонный голос, а потом появляется и он сам.

— Ну разве это не отрада для усталых глаз? — Я отрываю взгляд от стола и вижу Гаса, который стоит передо мной с букетом красных роз и немного измученно, но довольно улыбается.

— То же самое можно сказать и о тебе. Привет, малыш. — Он стискивает меня в объятиях. Ощущение такое, будто он возвел вокруг нас стену, пытаясь отгородиться от внешнего мира. Я вжимаюсь лицом в футболку Гаса, закрываю глаза и вдыхаю его запах. — Я так скучала по тебе.

— Не настолько сильно, как я, милая, — целует меня в лоб он.

Я поднимаю голову и, когда наши взгляды встречаются, говорю:

— Ты рано.

— Успел на ранний рейс из Нью-Йорка. Меня кое-кто ждал, и мне не терпелось его увидеть. Я даже попросил пилота лететь побыстрее. — Судя по улыбке, именно так он и сделал.

Я целую его, одновременно напоминая себе, что нахожусь на работе, в окружении людей. Уверена, они все сейчас смотрят на нас

— За нами наблюдают? — шепчу я на ухо Гасу.

Он, даже не пытаясь снизить голос, отвечает.

— Ага, за каждым движением. Представь, как они возбудятся, когда я перейду к самому интересному.

Я не могу сдержаться и начинаю смеяться.

— Как я скучал по этому смеху.

— Тебе нужно пойти домой и поспать, — в последний раз поцеловав его в ухо, говорю я.

— Только с тобой.

— Ты приехал на такси?

Он кивает.

— Можешь взять мою машину, а я вернусь с Одри. Я бы с удовольствием устроила себе короткий день, но у нас после обеда встреча с важным клиентом.

Мы выходим через заднюю дверь на стоянку.

— Можно было бы заняться сексом в машине.

— Встреча через десять минут.

— Ты убиваешь меня. — Если бы он не выглядел настолько уставшим, я бы ему поверила. Черт, да я в любом случае, верю.

Я целую его возле машины.

Он хватает меня за задницу.

— Спасибо за цветы. Они прекрасны.

— Как и ты. Я собираюсь впасть в кому на пару часов, — говорит Гас, заводя машину. — А весь остаток дня буду твоим. Будем снова проверять мою выносливость. Не забудь положить трусики в сумочку перед тем, как вернуться домой.

— Уже сделано, — подмигиваю я. — А теперь отправляйся домой и устраивайся рядом

со Свиными ребрышками. Она скучала по тебе.

Моя выносливость была подвергнута серьезным испытаниям. На часах час утра. Я лежу, устроив голову на груди Гаса, и он прижимает меня к себе.

— Мне нравится секс в Сан-Диего, — говорит он, скользя кончиками пальцев по моей руке.

— И мне. Больше всего.

— Только одна вещь может сделать его еще лучше.

— Какая? — заглядываю я наживку.

— Занятие им в нашей постели. В нашем собственном доме.

Я отрываюсь от его груди и кладу голову на подушку. На улице светит полная луна, поэтому мне хорошо видно лицо Гаса. Думаю, я знаю, к чему он ведет, но все же не уверена. Хочу, чтобы он сказал это вслух.

— Я собираюсь переехать и хочу, чтобы ты сделала это со мной. — Гас серьезен, как никогда.

— Ты хочешь, чтобы я жила с тобой?

— Каждый божий день. Что ты на это скажешь?

— Я скажу «да».

Он целует меня в кончик носа и говорит:

— А я скажу тебе «спасибо».

Пятница, 31 августа (Скаут)

Прошедшая неделя была сплошным сумасшествием. Все произошло одновременно.

Келлер получил работу в Сан-Диего и приступает к ней на следующей неделе.

Гас летал в Миннеаполис, чтобы помочь Келлеру и Стелле перевезти вещи. Потом мы помогали им устроиться в квартире неподалеку от нас.

Эрик переехал к Одри и начал работать в больнице.

Пакстон теперь живет в общежитии Калифорнийского университета в Сан-Диего и в понедельник приступает к учебе.

Ну а у нас с Гасом появился маленький домик на пляже. Мы подписали договор аренды на шесть месяцев. Гас хочет выкупить его, а я боюсь финансовых обязательств, но знаю, что, в конце концов, он уговорит меня. Гас всегда это делает. Я просто не могу сказать ему нет.

Суббота, 20 октября (Скаут)

— Помнишь, когда мы только встретились, ты ненавидела меня? — спрашивает он.

На улице уже темно, мы сидим в шезлонге на веранде в новом доме. Я уютно устроилась между ног Гаса, прижимаясь к его груди. Мы едим крекеры с арахисовым маслом и запиваем их виноградным соком.

— Я не ненавидела тебя. В то время у меня никто не вызывал положительных эмоций, а опыт с мужчинами был крайне негативным.

— Мы проделали длинный путь, Скаут.

— Так оно и есть. Благодаря тебе я стала совершенно другим человеком.

— Ты когда-нибудь оглядывалась назад и задавала себе вопрос: «Как, черт возьми, я

здесь оказалась? Почему мне так повезло?»

— Каждую минуту каждого дня, малыш, — говорю я, глядя его по бедру. — Я никогда не думала, что буду любить такого парня, как ты. И что он будет любить меня.

— Скаут? — Гас целует меня в затылок и этот любящий жест пронимает меня до кончиков пальцев.

— Да?

— Я хочу, чтобы у нас были дети. Много. А ты? — От искренности в его голосе у меня сжимается сердце. — Знаю, ты потеряла ребенка, и даже не могу представить, как тебе было тяжело. Я не хочу давить, просто говорю, что думаю. Ты хотела бы попробовать вновь? Со мной?

На моих глазах выступают слезы. Не потому, что я вспоминаю прошлое... а потому, что думаю о будущем. Будущем с Гасом. О нашей семье. Я с легкостью могу представить ее себе... она совершенна. Я разворачиваюсь и смотрю ему прямо в глаза.

Он вытирает слезы, которые текут по моим щекам.

— Не плачь, милая. Прости. Я не хотел, чтобы ты расстроилась.

Этот мужчина нереален.

— Я плачу не потому, что мне грустно, Гас. Просто удивляюсь, как черт возьми, я оказалась здесь, с тобой. И почему мне так повезло?

— Ты для меня все, Скаут. *Все*. Я люблю тебя каждой клеточкой своего тела. Ты — мое будущее, милая.

— Ты тоже для меня все, Гас. Тебе досталась сломленная, испуганная маленькая девочка, а ты превратил ее в ту, о существовании которой я даже не подозревала. У меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность. И любовь. Господи, она просто бесконечна, малыш. Я буду любить тебя до самой смерти.

— Означает ли это, что у нас будут детишки? — улыбаясь, интересуется он и кладет руку на мой живот. — Я хочу, чтобы в нем появился мой ребеночек.

Во мне бурлит столько эмоций, что я едва могу говорить. Наш с ним ребенок сделает меня абсолютно счастливой.

— Да.

— Как только мы возвращаемся в дом, я сразу выбрасываю твои таблетки в мусорное ведро.

Я отворачиваюсь и опять прижимаюсь спиной к его груди.

— Хорошо. Означает ли это, что мы теперь будем часто заниматься сексом?

— Определенно. Утром, в обед и вечером. Теперь тебе вообще не стоит надевать трусики. Я тоже присоединюсь к твоему «бойкоту». Может, скажем Ма, что тебе нужно уйти в отпуск и будем ходить голыми до тех пор, пока ты не забеременеешь?

— Не думаю, что Одри согласится дать мне отпуск, чтобы забеременеть.

— Если узнает, что станет бабушкой, то согласится. Ты не видела, как она общается со Стеллой. Ма — прирожденная бабуля, — со смехом говорит Гас.

Я улыбаюсь, потому что он прав. Ребенок Гаса будет самым любимым внуком на всем белом свете. В свете луны мы наблюдаем за волнами, которые бьются о берег.

— Есть кое-что еще. — тихо говорит Гас. Возбуждение в его голосе пошло на убыль и осталось только благоговение и обожание.

— Что? — спрашиваю я.

— Ты правда будешь любить меня всю жизнь? — спрашивает он, потеревшись небритой

щекой о мою шею.

— Я буду любить тебя целую вечность.

Гас касается губами мочки моего уха и произносит:

— Я хочу, чтобы ты стала миссис Хоторн.

Я быстро разворачиваюсь, чтобы убедиться, что все расслышала правильно.

Трясущимися руками, обхватываю его лицо и говорю:

— Ты не мог бы повторить? Я правда *очень* плохо слышу.

Он улыбается мне, а потом громко повторяет:

— Я прошу тебя выйти за меня замуж и предлагаю стать миссис Скаут Хоторн.

Меня охватывает непередаваемое чувство счастья.

— Ты хочешь жениться на мне? — улыбаясь так, что болят щеки, спрашиваю я.

Гас кивает и его взгляд становится серьезным.

— Скаут, ты выйдешь за меня замуж?

(Гас)

Она одновременно улыбается, и плачет, и кивает головой.

— Да, да, да, я выйду за тебя замуж.

Если бы я умер в эту секунду, то умер бы абсолютно умиротворенным. Не знаю, сколько мне осталось, но я собираюсь жить и получать от этого невероятное удовольствие.

Я целую ее.

А потом мы занимаемся сексом.

Прямо здесь, в шезлонге. На нашей веранде.

Скаут уже спит, поэтому я беру стикеры и маркер, которые мы храним в ванной комнате, пишу записку и приклеиваю ее на зеркало.

Сан-Диего, ребенок, помолвка, «Я буду любить тебя целую вечность» и секс на пляже официально заносится в список моих любимых вещей.

Сейчас наступил переломный момент в изменениях, которые начались много месяцев назад. Я, наконец, осознал, что мое счастье и моя жизнь целиком зависят только от меня самого. Я — единственный, кто может их построить или разрушить.

Жизнь — это выбор.

Выбор, который требует действий в обмен на награду. Безделье и бесцельность делают из тебя посредственность. Иногда идти вперед очень тяжело, но именно тогда вознаграждение становится особенно ценным.

Именно тогда и происходят великие вещи.

Не просто великие, а... *эпичные*.

С недавних пор я полюбил все эпичное.

Это единственный способ жить.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

[1] Мужгина — мужчина с очень маленьким членом, который выглядит как увеличенная версия клитора.

[2] АМ — арахисовое масло.

- [3] Манкала — семейство настольных игр для двух игроков, распространённых и по всему миру и часто называемых «игры в зерна».
- [4] Леи — традиционное гавайское украшение в виде надеваемой на шею гирлянды из цветов, семян, перьев и других материалов.
- [5] Оамху — третий по величине и наиболее населённый остров Гавайского архипелага.
- [6] Бэби шауэр — обычай устраивать вечеринку для будущей матери и праздновать рождение будущего ребенка.
- [7] (исп. Юноша, мальчик)
- [8] Инди-рок-группа, образованная в 2009 году. Название Catfish and the Bottlemen (можно перевести как «Сом и Бутыльщик») связано с первым воспоминанием солиста Вэна о музыке, а точнее об уличном музыканте, который играл на бутылках из-под вина, наполненных водой. Псевдоним того музыканта был Catfish the Bottleman, и когда пришло время дать имя своей группе, Вэн решил, что это отличное название.
- [9] (исп. Друг)
- [10] Намастем — индийское и непальское приветствие и прощание.
- [11] Бенедикт Арнольд — генерал — майор, участник войны за независимость США прославился в боях на стороне американских повстанцев, но позже перешёл на сторону Великобритании.
- [12] Броманс — тесные несексуальные отношения между двумя или более людьми, как правило, мужчинами.
- [13] (исп. Доброе утро)
- [14] Гипервентиляция легких — это состояние, для которого характерно слишком быстрое и/или глубокое дыхание. Такое дыхание может привести к нарушению баланса кислорода и углекислого газа в крови, что, в свою очередь, вызывает одышку, головокружение, слабость, и другие симптомы.
- [15] Хук — часть песни или композиции, которая каким-либо образом выделяется и особенно нравится слушателю.
- [16] Рифф — совокупность нот, разделённых на фигуры
- [17] Духовная песнь. Воззвание к Господу, чтобы он пришел и спас нуждающихся.
- [18] Неформальное название города Бостон.
- [19] Так обращается к рейнджеру Рейду индеец Тонто в знаменитой американской радиопостановке 1930–х гг. "Одинокий рейнджер"
- [20] (исп. Пока)
- [21] (англ. Судный день)
- [22] Дилэй — звуковой эффект или соответствующее устройство, имитирующее чёткие затухающие повторы (эхо) исходного сигнала.
- [23] Педали — эффектов- это электронные устройства, которые изменяют тон, высоту или окраску звука электрогитары.
- [24] При игре на барабане одновременный удар по поверхности барабана и по его ободу.
- [25] Дисторшн — звуковой эффект, достигаемый искажением сигнала путём его «жёсткого» ограничения по амплитуде, или устройство, обеспечивающее такой эффект.
- [26] (англ. Спасение)
- [27] (исп. Большое спасибо, малышка)
- [28] Кокблокер — это человек, намеренно или случайно появляющийся в самый неподходящий момент сближения двух людей с целью помешать им

[29] (исп. Дитя)

[30] (исп. Привет)